

О.Ю. ПЛЕНКОВ

ТАЙНЫ Третьего Рейха

ГИБЕЛЬ
ВЕРМАХТА

О. Ю. ПЛЕНКОВ

**ТАЙНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.
ГИБЕЛЬ ВЕРМАХТА**

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

Москва

2011

ББК 63.3(0)62
ПЗ8

Пленков О. Ю.

ПЗ8 Тайны Третьего Рейха. Гибель вермахта.— М.:
ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. — 512 с.

ISBN 978-5-373-01994-1

Абстрагируясь от агрессивных планов Гитлера, следует признать грандиозность его завоеваний и военных успехов - бесспорно, они значительнее наполеоновских. Но немцы, обладая лучшей армией в мире и в Первую и во Вторую мировые войны, все же обе эти войны проиграли. Понять причины этих поражений, пользуясь категориями исключительно военными, нельзя по той причине, что в XX веке как раз в оперативном, тактическом отношении немецкая армия была на 20-25 лет впереди своих соперников.

Тем не менее, Третий Рейх, благодаря невероятным усилиям советского народа и его союзников, рухнул. Но если немцы от своего поражения, в конечном счете, выиграли, то Советский Союз, несмотря на победу, на долгие годы погряз в трясине имперской политики и до предела идеологизированной общественно-политической жизни. Иными словами, немцы смогли извлечь для себя больше пользы из поражения, чем наша страна - из победы...

ББК 63.3 (0)62

ISBN 978-5-373-01994-1

© О. Ю. Пленков, 2005
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011

Глава I

ПЕРЕЛОМ В ХОДЕ ВОЙНЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

Вторая летняя кампания вермахта на Восточном фронте

Заняла война полсвета.
Стон стоит второе лето.
Опоясал фронт страну.
Где-то Ладога. А где-то
Дон — и то же на Дону.

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда...
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда.

(А. Твардовский)

После зимнего краха вермахта под Москвой зимой 1941 — 1942 гг. на блицкриге можно было поставить крест. Военным профессионалам и дипломатам вскоре стало понятно, что с блицкригом проиграна и война. Так, в ноябре 1942 г., после начала высадки англо-американцев в Африке Риббентроп заявил Гитлеру: «Я прошу немедленно предоставить мне полномочия для начала мирных переговоров с Россией через мадам Коллонтай в Стокгольме даже при условии возвращения большей части оккупированных на Востоке земель». Гитлер побагровел, вскочил и приказал Риббентропу даже не заикаться об этом¹. По всей видимости, с этого момента звезда Риббентропа начала закатываться. Еще раньше — в ноябре 1941 г. — к Гитлеру с подобными предложениями обращался командующий арми-

ей резерва генерал Фридрих Фромм, считавший положение безвыходным уже к осени 1941 г.² Такие же мысли в отношении перспектив войны на Востоке высказывал Гитлеру Фриц Тодт, которого фюрер очень ценил, но поскольку Гитлер возвел в строгую систему жесткое разделение полномочий отдельных ведомств, обращаться к нему с политическими вопросами, которые прямо не относились к собственной сфере его оппонента, было совершенно бесполезно. Повлиять на политические решения Гитлера было практически невозможно, как невозможно было понять его логику, ибо, как в мемуарах писал Редер, «Гитлер был великим мастером как диалектики, так и блефа»³.

Слухи о трудностях войны на Восточном фронте, основывавшиеся на письмах фронтовиков, быстро распространялись по Германии, определяя настроения немецкого народа. Впервые с начала войны стало ясно, что личные впечатления солдат более действенны, чем пропаганда. При первых же трудностях Гитлер обнаружил полное непонимание природы военных затруднений и неспособность проявить эластичность перед лицом неумолимых фактов. Так, генерал Ганс фон Шпонек за отвод войск из Крыма 29 декабря 1941 г. (он спасал войска от окружения) офицерским судом во главе с Герингом — как высшим по званию офицером армии — был приговорен к смертной казни⁴. Казнь была заменена, впрочем, 7 годами тюрьмы. После 20 июля 1944 г. по приказу Гимmlера Шпонека расстреляли.

Также тяжелым испытанием для вермахта стал случай, имевший место на отрезке группы армий «Север». 12 января 1942 г. фельдмаршал фон Лееб обратился к Гитлеру с просьбой отвести от Демянска II корпус генерала Вальтера фон Брокдорф-Алленфельдта, которому угрожало окружение. Гитлер отказал, и 8 февраля 1942 г., после того как подмерзли болота и мелкие речки, препятствовавшие на флангах свободному передви-

жению немецких войск, советские войска замкнули кольцо окружения — 100 000 немецких солдат оказались в котле, а Лееб, чувствуя свою вину в том, что не настоял на своем, подал в отставку, которая и была принята. Окруженных в Демянском котле немецких солдат удавалось снабжать всем необходимым с воздуха вплоть до момента деблокировки, в которой главную роль сыграли войска Ваффен-СС. Советские войска держали блокаду Демянского котла с 8 февраля 1942 г. по 24 апреля 1942 г. Впервые в военной истории корпус из шести дивизий численностью около 100 тысяч человек — почти армия — успешно снабжался по воздуху. Около 100 самолетов ежедневно прилетали в котел и улетали обратно⁵. Бои за Демянск шли больше года — вплоть до весны 1943 г. Шесть немецких пехотных дивизий 2-го корпуса под командованием генерала графа Брокдорф-Алленфельдта не позволили Красной армии прорваться от озера Ильмень на юг и на запад и таким образом спасли группу армий «Север» от уничтожения⁶. Лишь в январе 1943 г. начался планомерный отвод войск 16-й армии из Демянского котла. Командующему 16-й армией Эрнсту Бушу удалось вывести войска без существенных материальных потерь — в качестве трофеев советские войска взяли только две французские гаубицы. За успешные действия Гитлер повысил Буша — 12 октября 1943 г. он стал командующим группы армий «Центр» вместо раненого фон Клюге. 21 октября генерал-фельдмаршал Буш стал 274-м солдатом вермахта, награжденным Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту⁷. Под впечатлением этого успеха 25 апреля 1943 г. Гитлер учредил нагрудный знак «Демянский щит», который стал весьма престижной наградой. Соответственно, когда под Сталинградом блокировали 6-ю армию, Гитлер был уверен, что опыт Демянска удастся повторить. И все же организационная победа Люфтваффе под Демянском была пирро-

вой — потери самолетов, которые были так нужны на других участках фронта, были чрезвычайно велики⁸.

Весной 1942 г. Гитлер сказал: «Мы избежали участи Наполеона, обманув судьбу, мы сделали то, что не смог сделать Наполеон 130 лет назад»⁹. 26 апреля 1942 г. в рейхстаге Гитлер заявил, что Наполеон сражался в России при 25 градусах мороза, а он, полководец Гитлер, при — 45°, а однажды даже при — 52°¹⁰. Немецкие солдаты тяжело страдали от сложностей русской зимы, особенно в третью для немцев военную зиму: до 20 февраля 1942 г. было отмечено около 50 тысяч случаев обморожений. Не случайно немецкую медаль «За зимнюю кампанию 1941 г.» (черный металлический крест с алой лентой) немецкие солдаты называли «мороженое мясо».

До широкой немецкой общественности первоначально не доходило, что война на Востоке приобрела иной характер; немцев насторожили только два события: смена руководства сухопутными войсками и начало сбора зимних вещей для фронта. Дело в том, что еще 18 ноября 1941 г. Геббельс заявил, что теплые вещи для солдат на Восточном фронте приготовлены к отправке и уже грузятся в вагоны. При этом он жаловался лишь на нерасторопность транспортников и на нехватку подвижного состава. И вдруг, неожиданно для всех, 21 декабря Геббельс объявляет, что для фронтовиков следует собирать теплые вещи и рождественские подарки. С этого момента письмам фронтовиков о недостатках снабжения немцы стали придавать большее значение¹¹. Отставка Браухича¹² с поста начальника ОКХ немецкой прессой никак не комментировалась, но немцы усмотрели неладное в том, что имя его не упоминается, и что Гитлер не поблагодарил его за службу. Многие немцы, как передавала СД, даже увидели связь между сбором теплых вещей и отставкой Брау-

хича, который якобы не смог по-настоящему обеспечить вермахт всем необходимым. Доверие к Гитлеру, однако, пока было полным, и вскоре недоумение, вызванное переменами, улеглось¹³, а в рабочей среде (среди бывших коммунистов и социал-демократов), как передавала СД, царило убеждение, что смещение «реакционных» генералов является несомненным прогрессом. Иными словами, Гитлер смог отыскать козлов отпущения и даже заслужить при этом сочувствие народа. Впрочем, в другом донесении СД говорилось о том, что немцы все-таки ожидают от Гитлера объяснения по поводу зимних перебоев в снабжении и причин смещения генералов¹⁴. Но Гитлер, осыпав отставленных генералов подарками, по поводу причин отставок никак не высказался. Также немецких обывателей смутило то, что на похоронах Рейхенау в январе 1942 г. фюрер дружески беседовал с генералами Рундшtedтом и фон Бокон — неясно было, кто, собственно, виноват в немецких неудачах на Восточном фронте?¹⁵

15 марта 1942 г. — в праздник Памяти Героев — Гитлер выступил по радио; СД передавала, что наибольшее впечатление на слушателей произвел следующий пассаж фюрера: «Сегодня мы уже с полной определенностью знаем: большевистские орды, которые мы не смогли сломить прошлой зимой, будут уничтожены грядущим летом»¹⁶. Немцы сочли, что если бы фюрер не был уверен в своих словах, он никогда не рискнул бы высказаться подобным образом¹⁷.

У солдат вермахта на Восточном фронте некоторое улучшение настроений отмечалось, когда наступила весна и начало прибывать пополнение. Потеплело, дни стали длиннее; вроде бы замаячил конец тяжелых испытаний вермахта. Вообще, после суровой зимы удивительно быстро произошло восстановление боевого Духа вермахта. СД передавала, что в высших военных

кругах распространилось мнение, что «если бы нас больше слушали, то военной катастрофы не было бы». Отставку же некоторых генералов в войсках восприняли положительно: «слава Богу, что Гитлер прогнал бездарных генералов, которые виноваты в наших бедах» — эта мысль повторялась во многих письмах с фронта. СД также доносила, что всякая критика военного руководства пасовала перед персоной Гитлера — это было подсознательное табу для солдат и для всех немцев, ибо в противном случае нужно было бы признать ошибочность выбора Германии и неоправданность жертв¹⁸. Это подкреплялось еще и тем, что советское наступление на широком фронте в феврале 1942 г. было крайне неудачным: оно не было подготовлено материально; советские войска понесли немыслимые потери: до апреля 1942 г. Красная армия потеряла 1,8 миллиона солдат¹⁹. По мере ослабления темпов наступления советское командование вернулось к прежней неуклюжей тактике фронтальных ударов против оперативных очагов обороны, так что к концу зимы Красная армия оказалась почти в таком же тяжелом положении, что и армия врага, но у немцев ресурсов вооружений и подготовленных солдат было больше. Знаток истории войны Н. Г. Павленко отмечал, что к началу мая 1942 г. силы воюющих сторон на Восточном фронте были приблизительно одинаковыми²⁰.

К 1942 г. вермахт имел три слабых места.

Во-первых, ему нужно было восполнить потери. Это можно было сделать, поскольку в Германии было еще 5 миллионов военнообязанных мужчин. Гитлер, однако, не разрешил их призывать: он считал, что в Германии не хватает рабочих, а не солдат. В Люфтваффе были явные излишки личного состава, но передачи их сухопутным войскам добиться не удалось. Вместо этого в конце лета 1942 г. было сформировано двадцать дивизи-

зий Люфтваффе для наземных действий, но они не имели достаточного боевого опыта, и их боевая ценность была значительно ниже, чем у пехотных дивизий вермахта. Создание этих нелепых формирований было уступкой претензиям Геринга, стремившегося к расширению собственных компетенций; он жаждал руководства не только авиацией, но и наземными войсками. Как писал генерал Меллентин, эти части были укомплектованы хорошим личным составом и прекрасно вооружены, но их подготовка была совершенно недостаточной. Офицеры Люфтваффе не понимали принципов ведения наземного боя и не имели соответствующего опыта. Создание полевых соединений Люфтваффе было абсолютно бессмысленным. За эту бессмыслицу солдаты расплачивались жизнями, поскольку потери в этих частях были значительными²¹. Если в начале Восточного похода вермахт имел 3,2 миллиона солдат, то на 1 июля 1942 г. в вермахте было уже 2,8 миллиона²². На главном (в летнюю кампанию 1942 г.) направлении ударная группировка вермахта насчитывала 900 тысяч солдат против Брянского, Юго-западного и Южного фронтов общей численностью в 1,7 миллиона солдат²³.

Во-вторых, вермахту не хватало оружия и возможности бесперебойно снабжать войска. Хотя к середине 1942 г. на Восточном фронте у немцев было около 3 тысяч танков, этого было недостаточно для комплектования 24 танковых дивизий (первоначально Гитлер настаивал на формировании 36 дивизий тем же количеством танков). К тому же каждая моторизованная дивизия по штатному расписанию должна была иметь танковое подразделение. Не хватало грузовиков, подвод, лошадей — в 1941 г. вермахт на Восточном фронте был более мобилен, чем в 1942 г. К летней кампании 1942 г. группа армий «Юг» располагала девятью новыми танковыми дивизиями, семью моторизован-

ными и 52 пехотными дивизиями, — но это за счет войск групп армий «Центр» и «Север», практически годных только к позиционной войне. Да и для нее эти войска были слабо оснащены, и их было мало. В десяти танковых дивизиях этих групп армий танков было едва ли не треть от штатного числа, а «моторизованные» дивизии были оснащены подчас только велосипедами. Что же касается обычных пехотных дивизий обеих групп армий, то им не доставало оружия и солдат; они только наполовину достигали штатного расписания.

В-третьих, все более тревожным становилось положение с боеприпасами и с материальным обеспечением. В ОКХ подсчитали, что топлива на Восточном фронте хватит только до сентября 1942 г., а принимая во внимание расстояния и состояние дорог, этот кризис мог наступить и раньше²⁴.

Чтобы полностью оценить значение второй немецкой летней кампании в России, необходимо вспомнить цели первой кампании. Они заключались не в завоевании всего Советского Союза, а в истреблении его защитников. Стратегическая цель заключалась в тактическом истреблении. Эта стратегия потерпела крах, так как скорость продвижения была невелика, а пространство было огромным, сопротивление — также, а готовность советского руководства жертвовать своими солдатами — безмерной. Если стратегия уничтожения не возымела успеха в благоприятных для немцев условиях 1941 г., то разве смогла бы она иметь успех в менее благоприятных условиях 1942 г.? Гитлер это понимал, поэтому вместо стратегии сокрушения применил стратегию экономического истощения, ударив по материальной основе мощи советских вооруженных сил. Нужно было лишить Советский Союз донецкого промышленного района, кубанского зерна и кавказской нефти²⁵.

Весной 1942 г. Гитлер имел совершенно ясные намерения разгромить Красную армию раз и навсегда, уничтожив советские войска на юге, а затем решать, повернуть ли вермахт в направлении восточнее Москвы или направить к нефтяным месторождениям Баку. Продолжать войну в тех же масштабах, что и в 1941 г., Гитлер не мог, поскольку Германия испытывала огромные трудности, поддерживая величину своей армии на уровне 7—8 миллионов солдат. В это же время Советский Союз, несмотря на огромные потери 1941 г., к 1942 г. увеличил вооруженные силы почти на 50 % (с 7 до 11 миллионов). К моменту начала советского наступления зимой 1942 г. немцы практически не имели резервов для прикрытия южного участка Восточного фронта. Советский Союз, напротив, оказался способен подготовить для операции под Сталинградом силы в количестве 90 дивизий. Большинство из них были свежими и полностью оснащенными соединениями²⁶.

К апрелю была разработана схема, предусматривавшая захват Донецкого бассейна, в свете чего Сталинград представлял собой важную стратегическую цель. Но для Гитлера Сталинград являлся только первым шагом — в дальнейшем он хотел повернуть на север и перерезать коммуникации советских войск, оборонявших Москву. Одновременно он предусматривал направление «разведывательных групп» далее на восток, к Уралу. При этом он признавал, что операция такого масштаба возможна только в том случае, если Красная армия понесет поражение еще более крупное, чем прошлым летом. Гальдер утверждал, что во всей полноте эти планы не были известны ОКХ; на его картах рубеж проходил по Волге у Сталинграда²⁷.

Что касается боевого духа вермахта, то он находился на том же уровне, что и в предшествующем году. Однако никакая армия не могла бы пережить ужасную зиму, не понеся непоправимого морального ущерба.

Один из немецких ветеранов Восточного фронта писал в дневнике накануне кампании 1942 г.: «О, конечно, мы были героями. Дома для нас все было самым лучшим, все газеты были переполнены рассказами о нас. Восточный фронт! Было что-то такое в этих словах, когда вы говорили, что направляетесь туда... как будто вы признавались, что у вас смертельная болезнь. Вас окружало такое дружелюбие, такая вынужденная жизнерадостность, но в глазах было то особое выражение, то животное любопытство, с каким глядят на обреченных... И в глубине души многие из нас верили в это. Вечерами мы часто говорили о смерти. Каждого из нас ждал какой-нибудь узкоглазый монгол-снайпер. Иногда единственно важным казалось, чтобы наши тела доставили в рейх, чтобы наши дети смогли прийти на могилу»²⁸.

Среди факторов, подтачивавших боевую мораль вермахта, было отсутствие новых вооружений, сравнимых с новыми модификациями Т-34 или многоствольной реактивной установкой «катюша». Германская пехота шла в бой, вооруженная почти так же, как прошлым летом, только увеличилось количество автоматчиков в ротах.

Для германских танковых дивизий самым важным изменением было включение в их состав батальонов 88-мм орудий²⁹. Он назывался «противовоздушный батальон», но был введен в штат благодаря противотанковому потенциалу знаменитого универсального орудия. Мотоциклетный батальон был ликвидирован, но иногда пехотные батальоны оснащались бронетранспортерами на полугусеничном ходу. Стрелки в них получили название «панцергренадеры» (*Panzergrenadier*); затем это название распространилось на всю пехоту, приданную танковым дивизиям. В танках Т-ГУ была установлена более мощная 75-мм пушка, что позволяло им на равных бороться с Т-34³⁰. Интересно

отметить, что не только немцы, но и наши западные союзники в танкостроении отставали от СССР. По этому поводу английский историк Джеффри Хоскинг остроумно заметил: «Плановая экономика лучше работает в условиях импровизации, чем в условиях самого планирования»³¹. В первые месяцы 1942 г. по лендлизу поступали американские и английские танки, но западное танкостроение по всем стандартам настолько отставало от советского и немецкого, что эти танки распределяли по тем местам, где боевые действия не велись. Более или менее подходящий для Восточного фронта американский танк «шерман» стал поступать туда осенью 1942 г., когда превосходящий его Т-34 выпускался 18 месяцев, а «тигр» был уже готов к запуску в серийное производство. Некоторое количество английских танков «матильда» и «Черчилль» использовались в бригадах, действовавших для поддержки пехоты; там они прижились из-за очень толстой лобовой брони. Клейст отметил, что на Кавказе его солдаты видели на советской стороне несколько «хани» — американских легких быстроходных танков с 37-мм пушкой³².

Что касается развития военной ситуации в 1942 г., то в апреле началась распутица, и все военные действия прекратились. Только в Крыму 11-я армия Манштейна потеснила советские войска в районе Керчи и стала готовиться к штурму Севастополя.

Самая критическая ситуация для вермахта складывалась под Харьковом, где с середины января не утихали тяжелые бои. Советское командование любой ценой стремилось двусторонним охватом с севера и с юга вырвать Харьков у противника. Этот маневр был довольно рискованным. В процессе наступления северный клин советских войск застрял у Белгорода и Волчанска, а южный (57-я советская армия) смог на ши-

рину в 80 км прорвать немецкий фронт на Донце и угрожал Днепропетровску, центру снабжения группы армий «Юг». 257-я пехотная дивизия из Берлина и 44-я пехотная дивизия из Вены (бывший полк австрийской гвардии *Hoch-und Deutschmeister*) из последних сил удерживали Славянск и Балаклею; от них, по существу, зависела судьба группы армий «Юг». Начальник Генштаба Гальдер постоянно интересовался сводками именно с участка 44-й дивизии³³. На участке протяженностью в 100 км 44-я дивизия удерживала наступление целого советского корпуса, наступавшего при поддержке танков и батарей реактивных установок. Бои носили исключительно ожесточенный характер еще и по той причине, что обладание населенным пунктом с теплой хатой и печкой при сильных морозах было вопросом жизни и смерти. Еще важнее было то, что если бы немцы потеряли позиции около Балаклеи, то войска Тимошенко смогли бы обеспечить крупномасштабный прорыв на Харьков. В боях под Балаклеей погиб оберлейтенант фон Хаммерштейн, племянник генерала Хаммерштейна, бывшего начальника отдела личного состава немецкого Генштаба³⁴, уволенного Гитлером за антинацистские убеждения.

Все успешные оборонительные сражения, которые вел вермахт зимой и весной 1942 г., выигрывались благодаря стойкости немецких солдат. В то время немецкие солдаты превосходили советских солдат и опытом и боевым духом. К началу марта советское наступление на Харьков начало выдыхаться. Для немецкого руководства встал вопрос: не лучше ли сделать паузу в боевых действиях на всем Восточном фронте, включая и участок группы армий «Юг», — пусть Красная армия атакует, изматываясь и постепенно истощая резервы. Начальник оперативного управления ОКХ генерал Гейзингер считал, что подобный подход повлечет за собой утрату инициативы, а также потерю вре-

мени, работающего на противника. Начальник Генштаба Гальдер соглашался с таким подходом и предлагал нацелить главный удар на Москву. Гитлер же возражал против этого направления: похоже, он боялся укрепленных позиций советских войск перед Москвой. Он хотел найти решение на юге, лишив Советский Союз кавказской нефти. Определенная роль в этом отводилась и Роммелю, который после разгрома английских войск в Газале и Тобруке должен был продвигаться к Персидскому заливу, чтобы перекрыть самый важный сухопутный мост поставок по ленд-лизу, а также прервать (по крайней мере, с юга) поставки нефти в СССР. Именно поэтому летняя кампания 1942 г. началась с большого немецкого наступления на южном участке Восточного фронта.

Летом 1942 г. первоначально планировался разгром войск Тимошенко в излучине Дона с тем, чтобы создать трамплин для последующего наступления на Сталинград и на Кавказ — не ранее 1943 г.³⁵ Но в ходе разработки планов аппетиты немецких стратегов (включая Гитлера) стали расти.

План на летнюю (1942 г.) кампанию вермахта был представлен Гитлеру Гальдером в конце марта 1942 г. и носил кодовое название «Блау» («Синий план»); по нему схема действий заключалась в занятии четырехугольника Воронеж - Саратов — Сталинград — Ростов наступлением по двум параллельным прямым на севере по линии Курск — Саратов, а на юге — по линии Таганрог — Сталинград. Под таким прикрытием Гитлер планировал перейти через Кавказ на Баку³⁶. Одна группа армий наступала от Курска, а другая от Таганрога; затем оба клина должны были соединиться западнее Сталинграда, окружив советские войска между Доном и Донцом. Вторая часть плана «Блау» предусматривала (после завершения первой) наступление на Кавказ к нефтяным месторождениям СССР. 4 апреля 1942 г.

генерал-полковник Йодль представил Гитлеру проект директивы по плану «Блау». Он начинался с краткого обзора обстановки, перечисления отдельных оперативных задач и предоставлял значительную свободу действий командующему группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалу Боку в том, что касалось практической реализации гигантской по масштабам операции. Но после кризиса зимы 1941 г. Гитлер утратил веру в лояльность генералов и отказался подписывать проект, заявив, что военные приказы должны содержать большую определенность³⁷.

Йодль стал возражать, но Гитлер забрал у него бумаги, сказав, что все сделает сам. На следующий день появилась директива № 41 от 5 апреля 1942 г. Она стала вторым по важности документом (после плана «Барбаросса»), определившим ход войны. В этой директиве целью операции «Блау» было названо уничтожение сил противника в излучине Дона с последующим захватом нефтяных ресурсов Кавказа и преодолением этого горного барьера. Сталинград по этому плану был промежуточной целью, а главной считался Кавказ. На юге для осуществления грандиозных планов было сосредоточено около 100 дивизий стран «оси». Им противостояло 120—140 советских дивизий. Советский стратегический резерв концентрировался между Москвой и Воронежем, где Сталин ожидал главного удара; эти ожидания были ошибочными. Советское командование не разгадало намерений немцев и считало, что наступление на Сталинград — это попытка отрезать фланг московского направления. Слишком много советских солдат было сконцентрировано на Центральном фронте и слишком мало — на юге.

Директива в окончательном виде представляла собой нечто среднее между боевым приказом, основополагающим решением, регламентом практического выполнения задач и мерами обеспечения безопасности.

В преамбуле к директиве Гитлер сделал смелое заявление: «Зимняя битва в России близится к завершению. Враг понес очень значительные потери в живой силе и технике. Стремясь развить то, что на первых порах казалось успехом, он в ходе зимы истратил большинство резервов, предназначенных для дальнейших операций. Как только позволят погода и условия местности, германские войска, имея превосходство над противником, должны вновь захватить инициативу, чтобы диктовать свою волю неприятелю. Цель состоит в том, чтобы уничтожить живую силу, оставшуюся в распоряжении Советов для продолжения сопротивления и, насколько возможно, лишить их жизненно важного военно-экономического потенциала». Исходя из этой задачи, Гитлер предлагал: «Продолжая придерживаться первоначальной главной линии в кампании на Востоке, в центре фронта нам нужно временно избрать тактику сдерживания... в то же время сосредоточив все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожения противника на Дону, впоследствии овладеть нефтяными месторождениями Кавказского региона и перейти Кавказ»³⁸.

Ключевой проблемой этой крупной операции был растянутый вдоль Дона левый фланг. Чтобы устранить коренящуюся в этом угрозу, Гитлер принял решение, предопределившее гибель 6-й армии под Сталинградом — он приказал привлечь на позиции венгерские, итальянские и румынские армии, которые не были достаточно хорошо снаряжены для подобных операций. Большой проблемой было и то, что 11-я армия Манштейна не могла сразу принять участие в наступлении на Волгу и Кавказ, поскольку была связана Севастополем: три советские армии — 47-я, 51-я и 44-я — блокировали выход из Крыма к Керченскому полуострову. Операция по прорыву 11-й армии в Керчь называлась «Охота на дроф»; она началась 8 мая 1942 г.

Перед 11-й армией на Керченском направлении был противник, вдвое превосходящий ее по численности; к тому же советские войска закрепились на хорошо продуманных оборонительных позициях. 8 мая 1942 г. Манштейн нанес удар по Крымскому фронту на Керченском полуострове. Оборонялись 296 тысяч красноармейцев против 150 тысяч наступавших немцев и румын. В итоге, немцы захватили в плен 170 тысяч красноармейцев, а также большие трофеи — 1133 пушки, 258 танков и 323 самолета. Вермахт потерял 7500 человек³⁹.

Манштейн готовил прорыв на южном фланге, чтобы выйти в тыл обороняющимся советским войскам — это был очень смелый план: пять пехотных и одна танковая дивизия против трех советских армий. Но даже при этом соотношении сил он смог добиться успеха. Один из участников Керченского сражения писал: «Я был на Керченском полуострове в 1942 г. Мне ясна причина позорнейшего поражения. Полное недоверие командующим армиями и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса, неграмотного в военном деле. Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа. Выдвинул тяжелую артиллерию и штабы армии на самую передовую. Три армии стояли на фронте в 16 км, дивизии занимали по фронту 600—700 м; нигде и никогда я не видел потом такой насыщенности войсками. И все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец»⁴⁰. 8 мая немцы прорвали позиции на левом крыле Крымского фронта. 10 мая прорыв с юга завершился полным успехом — 22-я танковая дивизия вермахта вышла в тыл советской 51-й армии, а 11 мая она отрезала и 47-ю советскую армию. В котле оказалось десять советских дивизий, эвакуировать их с Керченского полуострова не удалось. В плен попало 170 тысяч советских солдат.

Утром 17 мая 1942 г. Манштейн был в Керчи. Он вышел на берег. Перед ним лежало море — Керченский пролив, — а за ним Тамань — подступы к Азии, ворота Кавказа⁴¹.

Летом 1942 г. советское руководство очень переоценило свои возможности — Сталин планировал одновременно три операции: вытеснение немцев из Крыма (9 апреля началось советское наступление на Керченском полуострове), деблокирование Ленинграда (2-я ударная армия Власова начала наступление в мае) и захват Харькова (операция началась 12 мая). В результате потерпели неудачу все три замысла; везде были огромные потери. У картографов отрезанной вермахтом 2-й ударной армии Власова немцам удалось добыть важнейший картографический материал — за всю войну им больше не удалось получить такого количества топографических карт территории Советского Союза от западных границ до Урала. Добычу отправили в Берлин, и вскоре командиры фронтовых частей вермахта получили свежие подробные советские карты⁴².

Самым важным замыслом, требовавшим применения практически всего танкового резерва, было наступление Тимошенко на Харьков. Военный историк Н. Г. Павленко охарактеризовал приказ Сталина провести наступательную операцию с целью овладения Харьковом как авантюру, против которой не возражали, стремясь угодить диктатору, С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущев и И. Х. Баграмян⁴³. Так получилось, что именно под Харьковом с наступлением весны немцы и хотели начать свою летнюю кампанию. План командующего группой армий «Юг» фон Бока был прост — 6-я армия с севера, 17-я армия и 1-я танковая армия должны были отрезать советские войска на Изюмском выступе. Операция получила кодовое название «Фридрих». Войска Тимошенко, напротив, имели целью развить зимние

успехи и пятью армиями отбить у немцев Харьков, Днепропетровск и Запорожье. В случае захвата советскими войсками Харькова немцы лишились бы огромной базы снабжения — базы, на которой скопилось колоссальное количество грузов. Кроме того, через Днепропетровск и Запорожье пролегали железнодорожная и автомобильная дороги к низовьям Днепра — до Черного моря больше переправ не было.

Немцы наметили наступление на 18 мая, но Тимошенко их опередил — 12 мая он начал операцию по охвату 6-й армии Паулюса под Харьковом с севера и с юга. Северный клин советского наступления составляла 28-я армия, насчитывавшая в своем составе шестнадцать стрелковых и кавалерийских дивизий, три танковые и две механизированные бригады. Северному клину противостояли только шесть немецких дивизий (XVII-й и LI-й армейские корпуса генералов Карла Холлидта и фон Зейдлиц-Курцбаха. Южный клин советского наступления в обход Харькова составляли 6-я и 57-я советские армии. На этом направлении полдюжины немецких и румынских пехотных дивизий, не имевших танков, оказались под натиском значительно превосходящих сил Красной армии⁴⁴. Слабая боеспособность румын, о которой ходили слухи в советской армии, на самом деле была мифом — и Манштейн и другие немецкие офицеры скептически относились к профессиональным качествам румынских офицеров, к вооружению румын, но о румынских солдатах отзывались как о выносливых и стойких в бою⁴⁵.

Северный советский клин генерал Паулюс смог остановить в 20 км от Харькова, но южный (с Изюмского выступа) сметал все на своем пути. 16 мая советская кавалерия приблизилась к Полтаве, где располагался штаб фон Бока. Катастрофа немецкой обороны казалась неминуемой. В этой тяжелой ситуации фон Бок

решился на очень рискованный шаг — он приказал начать операцию «Фридрих», но «с одной рукой», одним клином, поскольку армия Паулюса была втянута в жесткие оборонительные бои на севере. 17 мая армейская группа фон Клейста начала атаку из района южнее Изюма, «подрезая» продвигающийся вперед советский южный клин. В тот момент, когда 17 мая ударная группировка танковой группы Клейста перешла в наступление против советских войск 57-й и 9-й армии, следовало немедленно прекратить наступление советских войск на Харьков, но Сталин отверг это предложение⁴⁶. Даже 19 мая, когда Клейст взял Изюм и советские войска оказались в полуокружении, командование Юго-западным фронтом — С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущев и И. Х. Баграмян — просто констатировали этот факт в боевом донесении Сталину и ничего не предлагали, хотя было очевидно, что войска нужно развернуть и попытаться вывести из окружения. Это было убедительным доказательством того что командование фронтом смирилось с приближающейся катастрофой⁴⁷. После того как немецкие танки прорвали оборону Южного фронта и начали отрезать советские войска, Тимошенко — вместо того, чтобы бросить против немцев свой танковый резерв — направил его на усиление наступающих частей, которые сами шли в «котел». 23 мая кольцо окружения замкнулось (части немецких 6-й армии и 14-й танковой дивизии соединились); в плену оказалось 240 тысяч солдат, трофеи были также велики — 2026 орудий и 1249 танков. Немцы потеряли около 20 тысяч убитыми и ранеными⁴⁸.

Под Харьковом советским войскам не повезло — они начали наступление против немецкой группировки, которая находилась в полной стадии готовности и ожидала наступления противника. Теперь у Тимошенко не было иного выбора, кроме как развернуть свои войска и прорываться на восток. Смогут ли тонкие стенки не-

мецкого котла сдержать натиск советских дивизий? Началась решающая стадия операции; войскам Тимошенко нужно было прорваться любой ценой — Донецкий фронт находился всего лишь в 40 км⁴⁹. Начались упорные бои с целью вырваться из немецкого окружения, но на третий день натиск советских войск стал спадать. К тому времени командующие 6-й и 57-й армиями (генералы А. М. Городнянский и К. П. Подлас) погибли на Барвенковском плацдарме. В Харьковском котле солдаты Красной армии, в основном атакуя по ночам, почти неделю пытались прорвать кольцо окружения. Но кольцо захлопнулось прочно, и красноармейцы тысячами гибли в свете немецких осветительных ракет. Возле германских окопов возникли целые валы из мертвых тел. Спасти удалось лишь одному из 10 красноармейцев 6-й и 57-й армий, попавших в «Барвенковскую мышеловку». Паулюс стал героем нацистской прессы. Фюрер наградил его Рыцарским крестом и отправил ему поздравление, в котором выражал «восхищение успехом 6-й армии, сумевшей разгромить численно превосходившего противника»⁵⁰.

Такой победы немцы еще не одерживали — находясь на грани поражения, они в течение нескольких дней достигли громадного успеха. В ушах немецких солдат звучали победные репортажи — Керчь и Харьков, две битвы на окружение и две победы. Немецкая армия на Востоке опять доказала свое безусловное превосходство над противником. Теперь вермахт стремился отбить у Красной армии Ростов-на-Дону. Моральный дух вермахта был очень высок, чему способствовали его успехи, хорошая погода и поступление в войска новых видов вооружений. Ужасы прошлой зимы на время забылись. «Мы все страдали от раздвоения личности, — вспоминал граф Клеменс фон Кагенек, лейтенант 3-й танковой дивизии, вскоре получивший Рыцарский крест с Дубовыми листьями. — Мы стремительно и

даже радостно двигались вперед, но в то же время знали, что зимой враг вновь перейдет в контрнаступление». Немцы почти забыли, что Россия с ее необъятными просторами, суровым климатом и плохими дорогами способна перемолоть всю их современную технику и заставить маневренную армию вернуться к тактике времен Первой мировой войны. В письме домой генерал Штрекер описывал русские просторы как «океан, способный поглотить любого, кто осмелится в него войти»⁵¹.

В майских событиях под Харьковом в еще большей степени, чем в операциях 1941 г., проявились некомпетентность Сталина, рабская покорность командования Юго-западным фронтом и безволие начальника Генштаба А. М. Василевского. При несомненном оперативном таланте, он смертельно боялся противоречить Сталину⁵². В целом созданная в СССР в начале войны Ставка Верховного Главнокомандования и ее промежуточные органы в виде главных командований направлений почти на всем протяжении первого периода войны действовали крайне некомпетентно. Боязнь инициативы и ответственности довлела над советскими командирами всех звеньев, а высокие морально-политические качества и личная храбрость не могли заменить оперативного мастерства и способности быстро принимать правильные решения. Естественно, что при таких условиях процветало очковничество: свои потери советские командиры всех рангов принижали, немецкие преувеличивали; высшие штабы не обладали объективной информацией и ставили перед войсками невыполнимые задачи.

Жуков четко определил положение военной власти в СССР в годы войны: «Ставка — это Сталин, ГКО — это Сталин, Политбюро — это Сталин». Члены Ставки никогда не собирались, с членами Ставки Сталин не

считался. Ставка была фикцией коллегиального руководства. Так, Василевский, находясь на посту начальника Генштаба, не был членом Ставки⁵³.

В военном искусстве выдающимися считаются победы, которые добыты малой кровью и умением, а не числом. В основе такого подхода лежит справедливое убеждение в том, что человеческая жизнь, — несмотря даже на войну, — это высшая ценность. В противном случае и война теряет смысл... Военный историк Н. Г. Павленко отмечал, что превосходство обычно рассматривается с двух сторон: количества и качества. Каждая из сторон в известной мере компенсирует другую. Так, плохое вооружение компенсируется его большим, чем у противника, количеством, слабость подготовки войск — их численностью. Если же одна из сторон превосходит другую по многим качественным показателям (подготовка войск, уровень командования, качество боевой техники), то даже значительное численное превосходство другой стороны в силах и средствах не даст желаемого результата. До конца 1942 г. борьба на советско-германском фронте обычно разворачивалась при качественном превосходстве противника. Если в чем-то Красная армия и превосходила противника (например, танк Т-34), то это преимущество часто сводилось на нет низким уровнем подготовки танковых экипажей и недостатками в управлении войсками. Танковые соединения Красной армии готовились в такой спешке, что практика вождения у многих водителей исчислялась несколькими часами. Они не умели исправлять в танках даже малейшие технические неисправности, поэтому уже на подходе к полю боя терялось много машин⁵⁴. С другой стороны, генерал-лейтенант вермахта Эрих Шнейдер отмечал, что в Красной армии весьма искусно использовали минометные вооружения — 122-мм миномет принял на себя основную часть тактических задач, которые в вермахте обычно решались дивизи-

онной артиллерией. По советскому образцу в 1944 г. немцы создали минометные батальоны, которые стали настоящим кошмаром для союзников после открытия Второго фронта⁵⁵.

Еще одним доказательством качественного военного превосходства немцев стала начавшаяся 5 июня 1942 г. великая, длившаяся 27 дней, битва за Севастополь. План Манштейна предусматривал пятидневную артиллерийскую подготовку; никогда больше во время Второй мировой войны немцы не применяли столь массивной артподготовки. Кроме обычной и реактивной артиллерии, в Севастополе немцы использовали три гигантских орудия особого назначения — «Гамму» (420 мм, вес снаряда 923 кг), «Тор» (600 мм, вес снаряда 2200 кг) и «Дору» (800 мм, вес снаряда 4800 кг), которые и создавались для разрушения крепостей. «Дора» могла делать до трех выстрелов в час. Она стояла на двух двойных рельсах, и охраняли ее два дивизиона ПВО. Всего в обслуживании «Доры» было занято 4120 человек. Управление огнем и боевую работу осуществлял один генерал-майор, один полковник и еще 1500 военнослужащих⁵⁶. Особенно большую роль в штурме Севастополя сыграли 88-мм пушки 18-го зенитного полка; их огонь был весьма результативен. Батареи этого полка в ходе боев за Севастополь сделали 18 787 выстрелов.

Севастополь обороняли семь стрелковых дивизий, одна спешившаяся кавалерийская дивизия, две стрелковые бригады, три морские бригады, два полка морской пехоты, а также танковые батальоны — всего 101 тысяча человек. Защитники Севастополя располагали 600 артиллерийскими стволами и 2000 минометов. В знаменитых казематах крепости стояло сорок тяжелых морских орудий. Манштейн располагал семью немецкими и двумя румынскими дивизиями. При третьем штурме немцам удалось установить эффективную бло-

каду Севастополя с моря при помощи авиации. Ни один советский транспорт, отправлявшийся с грузами для осажденного города, не вернулся обратно. Советский флот оказался беспомощным против самолетов и, по сути, бросил город на произвол судьбы⁵⁷.

3 июля 1942 г. 11-я армия Манштейна взяла Севастополь; в плен попало 90 тысяч человек. Крым стал немецким. В дальнейшем Манштейну приходилось занимать и более высокие должности, но командование 11-й армией стало вершиной его карьеры. Операции 11-й армии в Крыму вошли в историю военного искусства и заслуженно считаются примерами разгрома численно превосходящего противника исключительно за счет умелого управления войсками. Успехи 11-й армии оказали влияние на развитие событий на Восточном фронте: летнее наступление вермахта в 1942 г. не состоялось бы, если бы 11-я армия не прикрыла левый фланг наступавшего к Волге вермахта⁵⁸.

После Севастополя 11-я армия Манштейна могла принять участие в осуществлении грандиозного плана — в наступлении на Сталинград и Кавказ, но неожиданным приказом Гитлера 11-я армия была переведена под Ленинград. Перевод армии вместе с осадной артиллерией на 2 тысячи километров занял два месяца.

По прибытии 11-я армия была вовлечена в тяжелые бои с перешедшими в наступление на Волховском фронте советскими войсками. В таких условиях немцам нечего было и думать о захвате Ленинграда⁵⁹.

Несмотря на отмеченные успехи вермахта (Керчь, Севастополь, Харьков), среди немецкой общественности распространялся скепсис — войне, кажется, не будет конца. Информаторы СД передавали, что даже политические анекдоты начали терять последние остатки юмора: они стали злобными⁶⁰. С другой стороны — по данным той же СД, — после успехов группы армий «А» в излучине Дона число немцев, верящих в гибель

Советского Союза до конца года, увеличилось. Эти чрезмерно большие ожидания обеспокоили Гитлера и Геббельса. Геббельс распорядился, чтобы пропагандисты и газетчики не опережали развития событий⁶¹. Гитлер же уверился в том, что к концу лета 1942 г. Красная армия оказалась окончательно истощена и обескровлена. Потери советской стороны на самом деле были ужасными: на южном фланге немцы взяли в плен около 500 тысяч советских солдат; только в июле Красная армия потеряла 4 тысячи танков⁶². Но Гитлер ошибался — советские ресурсы отнюдь не были исчерпаны.

28 июня началось наступление фон Бока: три немецкие армии (2-я Вейхса, 4-я танковая Гота и 6-я Паулюса) разгромили советский фронт по обе стороны Курска. Советские войска с самого начала уступали немецким по численности; нехватка танков делала невозможным организовать даже местные контратаки. Из четырех армий, противостоявших германскому натиску, 40-я армия, по которой пришелся главный удар танковой армии Гота, рассыпалась в 48 часов. 13-я армия Брянского фронта была поспешно отведена на север. Две другие советские армии — 21-я и 28-я — в полном беспорядке отходили на восток. В довершение всех бед, на южном фланге Восточного фронта не было болот и лесов, в битве под Москвой позволявших даже небольшим группам советских бойцов задержать врага. В этот триумфальный для вермахта период достигло пика нацистское отношение к славянству. В Германии вышел журнал «Недочеловек», состоявший из фотографий, демонстрировавших отталкивающий вид восточного врага; общий заголовок гласил: «Под татарами, Петром или Сталиным — этот народ рожден для ярма»⁶³.

1 июня 1942 г. на совещании в Полтаве Гитлер почти не упоминал о Сталинграде. В первую очередь его ин-

тересовали нефтяные месторождения Кавказа. «Если мы не захватим Майкоп и Грозный, — заявил он, — мне придется прекратить войну»⁶⁴. На этом этапе Сталинград интересовал Гитлера лишь постольку, поскольку требовалось разрушить находившиеся там военные заводы и укрепиться на Волге. Операция «Блау» должна была начаться со взятия Воронежа. Затем планировалось окружение советских войск западнее Дона, после чего 6-я армия, развивая наступление на Сталинград, обеспечила бы безопасность северо-восточного фланга. Предполагалось, что Кавказ оккупируют 1-я танковая армия и 17-я армия.

28 июня 1942 г. армейская группа фон Вейхса начала наступление на Воронеж. Гитлер не сказал фон Боку, что группа армий «Юг» должна обойти Воронеж, он сказал ему только, что не настаивает на взятии города. Фон Бок колебался, не зная, в какой последовательности действовать. Он ошибся в оценке советских сил в Воронеже: он был наводнен войсками⁶⁵. Немецкое радио поспешило сообщить о взятии Воронежа 7 июля (в этот день танки и мотопехота Вейхса подошли к городу). Сражение за Воронеж стало боевым крещением для 24-й танковой дивизии вермахта, которая еще год назад была единственной кавалерийской дивизией в германской армии. Ее «панцергренадеры» 3 июля вышли к Дону и захватили плацдарм на другом берегу реки. Фон Боку Гитлер оставил один танковый корпус, а остальные танковые соединения направил на юг, в армию Гота. В результате оставшиеся у Воронежа немецкие войска потеряли главную ударную силу, которая позволила бы им добиться быстрой победы. Защитники города смогли навязать немцам уличные бои, которые шли еще десять дней⁶⁶.

31 июля 1942 г. ОКВ сообщало: «Германские, румынские и словацкие части форсировали нижнее течение Дона на фронте протяженностью в 250 км и разгроми-

ли оборонявшиеся на этом участке войска противника. Моторизованные части и передовые отряды пехотных и горноегерских дивизий по пятам преследуют отступающего в полном беспорядке противника и параллельным преследованием уже преградили путь к отступлению. Число пленных и трофеев непрерывно растет, но при столь быстром продвижении еще не поддается учету»⁶⁷.

В это время советское командование находилось в полной растерянности; Красная армия понесла огромные потери. Командующий 1-й танковой армией фон Клейст после войны уверял, что Сталинград можно было взять в июле. Он говорил английскому историку Лидделу Гарту: «4-я танковая армия наступала левее моей армии. Она могла бы без боев овладеть Сталинградом в конце июля, но была повернута на юг, чтобы помочь моим войскам форсировать Дон. Мне не нужна была эта помощь: части 4-й армии лишь забили дороги, по которым мы передвигались. Когда спустя две недели 4-я армия вновь повернула на север, русские уже сосредоточили под Сталинградом достаточное количество сил, чтобы приостановить ее продвижение»⁶⁸.

Только **после** взятия Сталинграда планировалось возобновление наступления на Саратов. Это решение имело настолько далекоидущие последствия, что его можно считать решающим для исхода кампании. Вместо четырехугольника Ростов — Сталинград — Саратов — Воронеж (как предусматривалось) был создан треугольник Воронеж — Сталинград — Ростов, а советское командование с помощью московского железнодорожного узла получило полную свободу передвижения для своих армий: железная дорога шла через Саратов и по левому берегу Волги к Сталинграду и Астрахани. Кроме того, северная сторона клина Воронеж — Сталинград — Ростов оказалась открытой для советского наступления. Джон Фуллер писал, что именно отказ от захвата Моск-

вы летом 1941 г. и от наступления на Саратов летом 1942 г. лишили обе летние кампании стратегического смысла. Саратов давал возможность советской стороне маневрировать ресурсами - он был связан железной дорогой с Москвой, с Уралом, с Астраханью и с Оренбургом, вблизи которого проходил трубопровод от каспийских нефтяных месторождений⁶⁹.

В соответствии с изменившимися планами, войска фон Вейкса окопались у Воронежа, а для защиты левого стратегического фланга вдоль западного берега Дона были использованы венгерские, румынские и итальянские дивизии⁷⁰. Между тем, немецкое наступление южнее Воронежа развивалось с огромной быстротой...

Если бы фон Боку позволили делать то, что он хочет, можно не сомневаться — ход летней кампании 1942 г. (и всей войны) был бы совершенно иным. Однако его сняли с командования после спора с Гитлером; суть их разногласий до сих пор неясна. Гитлер, по всей видимости, был недоволен тем, что фон Бок «мешкал» с Воронежем, а тот протестовал против дробления сил южного фланга Восточного фронта.

Подтверждением опасений фон Бока и первым тревожным знаком для немцев стало то обстоятельство, что от Воронежа советские войска отступали в полном порядке, и крупных окружений не было. Когда Гитлер понял, что операция по окружению противника на Среднем Дону из-за быстрого отхода советских войск неосуществима, он решил перехватить, окружить и уничтожить те войска, которые были сосредоточены в нижнем течении Дона. Для этого он отказался от главной составляющей своего плана — быстрого броска всех сил к Сталинграду с целью отрезать низовья Волги.

Для этого в распоряжении Гитлера было две танковые армии. Немецкие войска в короткий срок могли выйти к Сталинграду. Но Гитлер пребывал в плену заблуждения, что силы противника на исходе. Он рассмат-

ривал отступление советских войск как бегство, тогда как на самом деле они осуществляли запланированный отход. Гитлер считал, что сможет одновременно взять Сталинград и вести ширококомасштабное наступление в низовьях Дона с Ростовом в центре, не учитывая при этом то обстоятельство, что фронт растягивался с 800 км до 4100 км⁷¹. Он остановил продвижение 4-й танковой армии по Дону на Сталинград и повернул ее на юг. Аналогичным образом — в начале осени 1941 г. — он приостановил наступление на Москву, направив подвижные части Гудериана на Киев. 6-я армия, лишенная подвижных частей 40-го танкового корпуса, который был переброшен к Ростову, в одиночку продолжила наступление на Сталинград. В день принятия Гитлером решения об этом фон Бок подал в отставку: он возражал против дробления группы армий «Юг». Группа армий «А» генерал-фельдмаршала Листа (ей была отдана 4-я танковая армия) неофициально называлась «Кавказский фронт». Она наступала на Кавказ. Группа армий «В» состояла из 6-й армии и венгерской 2-й армии. Командование группой армий «В» — после отстранения фон Бока — принял генерал-полковник фон Вейхс. Эта группа армий и выполняла первоначальный план — она наступала на Сталинград.

В июле 1942 г. Гитлер верил, что сможет одновременно достигнуть двух главных стратегических целей летнего наступления за счет разделения сил.

20 июля он сказал Гальдеру: «С русскими покончено». Ответ обычно сдержанного Гальдера - «похоже на то» — отразил эйфорию, охватившую и ОКВ, и ОКХ. Была изменена директива № 41: первоначально Гот должен был вести 4-ю армию до Сталинграда, а затем передать «блокаду» 6-й армии, отойдя в мобильный резерв. Но в конце июля немецкому руководству показалось, что Паулюс и сам возьмет Сталинград, и Гота направили на Кавказ⁷².

В конце августа вермахт осуществил быстрое и успешное продвижение вперед, захватив Донецкий бассейн и значительную часть Кубани, и устремился к Сталинграду и Кавказу. Так же, как и летом 1941 г., у германского командования началось «головокружение от успехов»: в течение июля и августа 1942 г. германские войска пленили 625 тысяч красноармейцев, захватив или уничтожив 7 тысяч танков, 6 тысяч артиллерийских орудий и более 400 самолетов.

Потери Красной армии были очень велики, но все-таки они были меньше миллионных потерь 1941 г. Причина была проста: советские войска отступали, а не удерживали безнадежных позиций, как это было в 1941 г. Поэтому крупных котлов окружения немцы добиться не смогли⁷³. Тимошенко последовательно выводил свои войска из района между Донцом и Доном, а 40-й танковый корпус Гейра не имел возможности создать рубеж для перехвата советских войск на Нижнем Дону. 20 июля, после серии тяжелых боев, корпус Гейра вышел к низовьям Дона и создал плацдармы на восточном берегу реки. Величавостью и красотой Дон очаровал немецких солдат. Многие из них после окончания войны мечтали основать здесь фермы...⁷⁴

В то же время 1-я танковая армия вермахта форсировала Донец и начала продвижение к Ростову, который советские войска защищали особенно упорно: это был ключевой плацдарм на Дону. Ростов был окружен мощными оборонительными линиями с тремя кольцами минных полей и противотанковыми рвами. Немцам понадобилось 50 часов упорных боев, чтобы к 25 июля 1942 г. взять Ростов. В отчете об операции генерал Рейнгардт писал: «Сражение за центр Ростова велось беспощадно. Защитники его не желали сдаваться в плен, они дрались до последнего вздоха, и если их обходили, не заметив, даже раненые вели огонь из укрытий до тех пор, пока не погибали. наших раненых

нам приходилось прятать в бронетранспортеры и выставлять охрану, иначе мы находили их зарезанными или забитыми до смерти»⁷⁵.

Солдаты полка «Бранденбург» во взаимодействии с 13-й танковой дивизией открыли вермахту «ворота на Кавказ»: они взяли мост через Дон с 6 км дамбы, проложенной через заболоченную местность и служившей продолжением моста в направлении на Батайск. За Батайском лежала равнина — дорога для наступления на юг, к Кавказу⁷⁶.

23 июля 1942 г. на совещании в ставке Гитлера начальник Генштаба Гальдер сказал, что русские систематически уклоняются от боевых столкновений и отходят вглубь страны. Немецкие войска не смогли завершить окружения под Миллерово и Старым Осколом; войска и тяжелые вооружения Тимошенко смог отвести к Сталинграду. Гитлер же заявил, что «русским конец», а котел не удался по той причине, что фон Бок слишком долго топтался под Воронежем. Он приказал задействовать подвижные части южнее Ростова с тем, чтобы окружить и уничтожить советские войска на подступах к Кавказу. 6-й армии была поставлена задача нанести последний удар по советским войскам в районе Сталинграда. Напрасно Гальдер пытался уговорить фюрера не разделять силы и не наносить удара по Кавказу ранее, чем будет взят Сталинград, и немецкий тыл и фланг на Дону, а также между Доном и Волгой не будут надежно обеспечены. Гитлер по-прежнему пребывал в уверенности, что Красная армия разгромлена: пять дивизий 11-й армии Манштейна он перебросил под Ленинград⁷⁷, а отменно укомплектованную и снаряженную мотопехотную дивизию Ваффен-СС «Лейбштандарт» отправил во Францию на отдых и переформирование.

23 июля появилась «Директива фюрера № 45» (в войсках ее получили 25 июля). В противоречии с «Директивой фюрера № 41» (основой плана «Блау»), по которой первоначально предполагалось выйти к Сталинграду, а затем развернуть наступление на Кавказ с целью выхода к нефтяным месторождениям, в новом приказе группе армий «А» ставилась задача уничтожения советских войск южнее Ростова, овладения всем восточным берегом Черного моря и разгромом Черноморского флота. Другой группе предстояло овладеть районом Грозного и перерезать Осетинскую и Грузинскую военные дороги. Впоследствии этой группе предстояло наступать вдоль Каспия на Баку. Группа армий «Б» должна была атаковать Сталинград и перерезать междуречье Волги и Дона. Этот приказ означал большое расширение стратегических планов. Собственно, с этой целью Гитлер и создал две «новые» группы армий из одной прежней, но сил и возможностей от этого у вермахта, разумеется, не прибавилось. Это отмечал ирландский историк Джеффри Робертс: «По общему мнению, «Директива фюрера № 45» стала его фатальной ошибкой». Дело в том, что вермахт не был настолько силен, чтобы выполнить одновременно две задачи: захват нефтеносных месторождений и оккупацию Сталинграда. Если бы германские войска сконцентрировали силы, они без труда взяли бы Сталинград.

Но одна 6-я армия была не в состоянии преодолеть сопротивление защитников Сталинграда. Атаковать Сталинград нужно было до того, как советское командование организует оборону и через Саратов перебросит к городу резервы, ранее предназначавшиеся для защиты Москвы⁷⁸.

В преддверии Сталинграда советское военное руководство изменило тактику — оно стало применять маневренную оборону и стремилось не допускать больших окружений войск, умело отводя их в тыл. Упорное

сопротивление советские войска оказали только при попытке немцев форсировать Дон и наступать дальше на север.

Немецкое командование не разобралось в новой советской тактике. Находясь под впечатлением оптимистических докладов, которые поступали из штабов наступавших соединений, и видя, как быстро продвигаются немецкие войска, руководство вермахта сочло, что противник полностью деморализован.

Гитлер опасался, что, бросив основные силы на Сталинград, он нанесет удар по пустому месту и потеряет драгоценное летнее время. Он решил, что для взятия Сталинграда хватит гораздо меньше предусмотренных планом сил и что параллельно с достижением первой цели можно достичь и второй, более важной — овладеть нефтяными районами Кавказа⁷⁹.

Когда 25 июля 1942 г. курьер вручил командующему группой армий «А» Листу пакет с «Директивой фюрера № 45», тот был огорашен. Впоследствии, уже находясь в плену, он заметил, что только уверенность, что Верховное командование располагает исключительной и достоверной информацией о положении дел у противника, заставила его и начальника штаба группы армий «А» генерала фон Грайфенберга примириться с новым планом. Учитывая те силы, которыми он располагал, генерал-фельдмаршал Лист сумел переработать «Директиву фюрера № 45» в довольно сношный план. Группе Руоффа (усиленная 17-я армия) предстояло совершить фронтальный натиск из района Ростова в направлении Краснодара. 1-й танковой армии Клейста, а затем и 4-й танковой армии Гота предстояло наступать на Майкоп, образуя внешний клин охватного маневра. Таким образом, при взаимодействии не слишком подвижных частей Руоффа и подвижных танковых колонн Клейста, группа армий «А» собиралась окружить и уничтожить врага, предположительно ско-

пившегося южнее Ростова. Южнее Дона немецким войскам пришлось сражаться в новых условиях. Впереди лежало 500 км степей, за которым и начинался Кавказ. Как только Клейст оказался в степях за Доном, темпы его наступления сильно выросли. 29 июля он овладел Пролетарской (первоначальный рубеж остановки по директиве № 41); через два дня он выступил из долины Маныча и вступил в Сальск, выслав одну колонну вдоль железной дороги на Краснодар, чтобы прикрыть левый фланг 17-й армии, а вторую колонну послал через степь к Ставрополю, который пал 5 августа. Армавир был взят 7 августа, а Майкоп, от которого были уже видны вышки на нефтяных месторождениях, 9 августа. По Кумо-Манычской впадине, представляющей собой систему рек, водохранилищ и Кумо-Манычского канала проходит условная граница между Европой и Азией. Первыми в Азию предстояло перебраться вестфальской 16-й моторизованной дивизии и берлинско-бранденбургской 3-й танковой дивизии⁸⁰. 3 августа, после переправы через Маныч, немецкие войска сражались уже в Азии.

Красная армия, в отличие от северного участка Восточного фронта, на Кавказе первоначально оказывала слабое сопротивление. Часть танковых сил немцев овладела Пятигорском, расположенным в северных отрогах Кавказских гор, и оттуда повернула к нефтяным полям Грозного. Для обеспечения левого фланга группы армий «А» небольшая группа подвижных войск была выдвинута в калмыцкие степи. Слабые силы противника оказывали незначительное сопротивление, но при этом тыловые коммуникации немцев сильно растянулись, что стало отражаться на боеспособности частей вермахта. Несмотря на все срочно принятые меры, подвести в далекие районы горючее и боеприпасы не удавалось. Поэтому наступление пришлось временно приостановить. Войска группы армий «А» не смогли

овладеть ни нефтяным районом Грозного, ни перевалами через Кавказ, несмотря на то что они почти не были защищены. Вынужденная пауза позволила советским войскам пополнить свои силы и подготовить оборону кавказских перевалов и Грозного.

Немцы на Кавказе в течение полугода держали прижатыми к горам пять (47-я, 56-я, 18-я, 46-я, 37-я) советских армий. Наградой солдатам за эти многомесячные страдания стала медаль «За оборону Кавказа», учрежденная 1 мая 1943 г. Один из ветеранов войны, Александр Захарович Лебединцев, отмечал, что этот участок фронта был примечателен огромным количеством перемещений командующих. Будущий министр обороны СССР А. А. Гречко за пять месяцев успел покомандовать 12-й, 47-й, 18-й, 56-й армиями. В 9-й армии сменилось за год семь командиров. В более мелких подразделениях командиры также менялись очень часто: так, в 11-м гвардейском стрелковом корпусе сменилось пять командиров, в 3-м, 10-м и 16-м стрелковых корпусах — по четыре. Еще чаще сменялись командиры дивизий. Командование меняли не из-за боевых потерь, а вследствие невыполнения боевых задач⁸¹. В советском Генштабе за два с половиной года (с 1940 по 1942 гг.) десять раз менялись начальники управлений, особенно не везло в этом отношении ведущему управлению Генштаба — Оперативному⁸². Напротив, в ОКХ оперативный отдел почти до самого конца войны возглавлял один офицер — Адольф Хойзингер. Кадровая чехарда не свидетельствовала о высоком боевом духе Красной армии и оперативном мастерстве командования.

На правом фланге 17-й армии боевые группы немцев захватили Новороссийск и вышли по берегу Черного моря к Туапсе. Однако немецким горно-егерским частям прорваться через кавказские перевалы и соединиться с основными силами 17-й армии на северо-за-

падных склонах Кавказского хребта не удалось. Наступательный порыв вермахта был на исходе. Немцы больше не имели сил, чтобы выйти на оперативный простор, преодолеть кавказские перевалы, овладев предварительно нефтяными месторождениями Грозного. Сопротивление Красной армии все время росло, и сломить его немцы просто не могли. Для 17-й армии невозможность продолжения наступления была просто счастьем, поскольку даже при полном успехе ее наступления ей не удалось бы повлиять на развитие событий под Сталинградом. Счастьем по той причине, что если бы она на Кавказе зашла бы достаточно далеко, то после Сталинграда не смогла бы своевременно вернуться к Ростову или в Крым и была бы отрезана.

У 6-й армии Паулюса дела шли не так хорошо, как первоначально у 17-й армии: сопротивление советских войск было довольно слабым, но колоссальные расстояния способствовали тому, что армия сильно растянулась. В случае, если бы немцам встретилось серьезное сопротивление, они едва ли смогли бы с ходу провести атаку. Тем более что в 6-й армии было только одно настоящему мобильное соединение — танковый корпус Виттерсгейма. 12 июля приказом Сталина был создан Сталинградский фронт, который стали пополнять дивизиями из московского резерва, насколько позволяла скорость перевозок по железной дороге от Саратова. В течение трех недель шла гонка за выигрыш времени между атакующими колоннами немцев и срочно сосредоточивающимися резервами защитников города. В этой гонке долгое время все висело на волоске, и предсказать, как все сложится, было невозможно⁸³. Тем более что и для 6-й армии очень много зависело от снабжения — решение Гитлера об одновременном наступлении на Сталинград и на Кавказ означало также и разделение снабжения. А поскольку войскам на юге

приходилось преодолевать огромные расстояния, начальник Главного управления тыла ОКХ генерал Вагнер в снабжении отдавал приоритет Кавказскому фронту. Многие механизированные колонны снабжения, первоначально предназначенные для 6-й армии, переадресовывались на Кавказский фронт. Вследствие этого 6-ю армию постепенно начал охватывать паралич, вызванный нехваткой топлива и боеприпасов. Советская 4-я танковая армия начала серьезно теснить танковый корпус Виттерсгейма из состава 6-й армии Паулюса. Также в затруднительную ситуацию попал другой подчиненный Паулюса — командир 51-го армейского корпуса генерал фон Зейдлиц-Курцбах. Между 25 и 29 июля 1942 г. 6-я армия пыталась внезапным штурмом овладеть Сталинградом — слабое сопротивление советских войск побудило Паулюса вводить свои войска в бой по мере их подхода вместо того чтобы дать им передохнуть. Немецкие и советские подкрепления вводились в бой примерно одинаковыми темпами. После долгих беспорядочных сражений советские войска постепенно были выдавлены из излучины Дона. Но и 6-я армия была так сильно помята, что уже не имела достаточно сил, чтобы сразу форсировать реку. Немцам не удалось вытеснить советские войска из петли Дона у Клетской; эта оплошность имела для них катастрофические последствия⁸⁴. Отсюда советские войска предприняли позднее важное наступление.

К 31 июля Гитлер осознал, что его прежний оптимизм ни на чем не основан. Он больше не мог закрывать глаза на то, что сил 6-й армии, да еще и испытывающей нехватку снабжения, совершенно недостаточно для взятия Сталинграда в условиях сильного советского противодействия. Поэтому Гитлер приказал снять с Кавказского фронта 4-ю танковую армию, хотя и без 40-го танкового корпуса, и перебросить ее на Сталинград для удара во фланг советским войскам

у Калача. Само по себе это решение было правильным, но время было уже упущено. Самым существенным было то, что рассеивания сил Гитлеру избежать не удалось — две одинаковые по силам группы армий продолжали движение, расходясь друг от друга под прямым углом. Проблема снабжения в этих условиях становилась неразрешимой из-за того, что операция не имела четкого приоритета главного удара⁸⁵.

31 июля операции «Эдельвейс» на Кавказском фронте предстояло вступить во вторую фазу — должен был осуществиться захват побережья Черного моря. Сначала все шло в соответствии с планом, причем с необыкновенной точностью. Вечером 9 августа 13-я танковая дивизия генерал-майора Герра захватила город нефтяников Майкоп.

На протяжении первых дней августа 1942 г. подвижные соединения группы армий «А» стремительно наступали по всему фронту через Кубань и калмыцкие степи с тем, чтобы не позволить отступающему противнику уйти в горы. Август был черным временем для Красной армии — прилив немецкого наступления перерастал в наводнение. Подобно эсминцам на море, немецкие танковые части маневрировали в океане степей, сражаясь за выгодные позиции атаки, загоняя противника в угол, закрепляясь на некоторое время в деревнях, вновь вырываясь оттуда, поворачивая назад и снова преследуя противника. Как вода, немецкое наступление искало самые слабые каналы, неумолимо продвигаясь на восток. 6-я армия очистила изгиб Дона, форсировала реку и продвигалась к Волге. На Кавказе немецкие танковые части вышли к отрогам гор — 21 августа альпинисты из 1-й и 4-й немецких горнострелковых дивизий водрузили флаг со свастикой на Эльбрусе (5642 м). За два дня до этого в Дьеппе англичане и канадцы были разгромлены немцами при попытке десанта⁸⁶.

С переходом через Кубань для армейской группы Руоффа осталась позади последняя водная преграда перед захватом Новороссийска, Туапсе, Сухуми, Батуми и Сочи. Овладение этими городами лишило бы советский Черноморский флот последних баз. К 10 сентября немцы взяли Новороссийск. Следующим объектом для боевой группы генерала Руоффа был Туапсе, которому суждено было стать поворотным пунктом в судьбе группы армий «А»⁸⁷.

30 августа 394-й мотопехотный полк из Гамбурга выполнил прыжок через Терек, ширина которого у переправы достигала 275 м⁸⁸. Этот полк целых пять дней держал оборону на дальнем берегу Терека. Он сражался южнее 44-й параллели. Единственной немецкой частью, действовавшей еще южнее, была 1-я горно-стрелковая дивизия в Клычской долине — это была самая южная точка (43°20' ю. ш.), которой смогли достичь немецкие войска в ходе операции «Барбаросса». Правда, вскоре 394-й полк вынужден был отступить с плацдарма, но к тому времени 111-я и 370-я дивизии успешно переправились через Терек у Моздока. Но в Моздоке немецким войскам не хватило сил продолжать наступление. Советская оборона окрепла, а немцы были слишком малочисленны и измотаны боями. Последний шанс овладеть нефтяными месторождениями Баку так и остался нереализованным. Так же, как и в западных предгорьях Кавказа и на Черноморском побережье, операции застопорились, и на Тереке фронт замер. Терек стал границей немецких завоеваний. Группа армий «А» завязла на Кавказе. Долины, ведущие вниз на Черноморское побережье, а в особенности к Туапсе, прочно закрыли советские части. Командиры дивизий доносили Гитлеру, что не могут пробиться. 7 сентября Гитлер отправил к Листу в Сталино начальника ОКХ Йодля для того чтобы тот лично выяснил, почему нет продвижения на Туапсе. По возвращении в Ставку

Йодль принял сторону Листа и доложил о том, что для выполнения задачи нужны пополнения. Как и Лист, Йодль настаивал на перегруппировке всего фронта. Гитлер был в бешенстве от неповиновения и сместил Гальдера и Листа, пост которого он занял сам. Первоначально Гитлер хотел сместить еще Кейтеля и Йодля и заменить их Кессельрингом и Паулюсом, но потом передумал⁸⁹. С сентября до ноября 1942 г. Гитлер занимал одновременно три поста — командующего группой армий «А», командующего немецкими сухопутными войсками и командующего немецкими вооруженными силами.

Примерно в середине ноября резкое изменение погоды положило конец всем попыткам прорваться на Тбилиси и Баку. Немецкие планы провалились вследствие новой советской тактики гибкого отхода; это же сорвало планы операций по окружению советских войск между Доном и Донцом. За четыре месяца летней кампании 1942 г. (с 1 июля по 30 октября) советские потери убитыми и пропавшими без вести составили 1,3 миллиона человек, а немецкие — 170 тысяч человек⁹⁰.

Однако и колоссальным пространствам приходит конец: когда немцы захватили нефтяные скважины в Майкопе, Люфтваффе бомбили нефтяные вышки в Грозном, но в Баку нефть не прекратили добывать, однако везти ее через Казахстан было затруднительно, и гибкую тактику отступления Сталин сменил тактикой «ни шагу назад». Гитлер надеялся путем захвата источников нефти в кратчайший срок закончить войну; это сильно рассеяло силу удара по Сталинграду. В итоге, обе группы армий не выполнили своих задач, что стало ясно к сентябрю 1942 г., но Гитлер вместо того чтобы признать ошибку и отвести войска, продолжал придерживаться своей старой тактики «держаться во что бы то ни стало» (*ausharren*). Он на всю жизнь остался

под гипнозом опыта Первой мировой войны: тогдашнее состояние военной техники давало большие преимущества обороне перед наступлением⁹¹. Между тем, во Вторую мировую войну ситуация была обратной... Манштейн писал, что, полагаясь на нерушимость обороны, Гитлер хватался за всякую заманчивую цель, а результатом было то, что он дробил немецкие силы между несколькими целями одновременно или между различными театрами военных действий. Решающим фактором, который составил у Гитлера основу руководства, была переоценка силы воздействия его воли, которой якобы было достаточно, чтобы обеспечить успех. Сильная воля полководца является, разумеется, одним из существенных условий победы. Иногда сражение бывает проигранным, а успех упущенным только потому, что в решающий момент воля командира оказывается парализованной. Но Гитлер был убежден, что его воля может преодолеть действительность. Он, как считал Манштейн, был лишен ощущения реальности⁹².

«Вести из рейха» летом и осенью 1942 г. были заняты общественными реакциями на усиливающиеся бомбежки англичан, на проблемы продовольственного снабжения, а также на застопорившееся на южной Украине и на Кавказе наступление вермахта. «Вести» констатировали сильные колебания общественного мнения: от «полного упадка настроений» (*Tiefstand der Stimmung*) или «оцепенения» (*Bestürzung*) до напряженной нервозности (*gespannter Nervosität*) или «выжидательной позиции» (*abwartende Haltung*)⁹³. 9 июля 1942 г. «Вести» отмечали прирост зловещих слухов (*Flüstereparolen*) и зловредных политических анекдотов; 30 июля была отмечена «усиливающаяся усталость от войны» (*aufkommende Kriegsmüdigkeit*), а 3 сентября «Вести» доносили о «значительно усилившемся разо-

чаровании» (*vielfach eine gewisse Resignation*)⁹⁴. Этот «глас народа» подтвердил справедливость поговорки, что дыма без огня не бывает: вскоре грянул Сталинград...

Немецкий филолог Виктор Клемперер отмечал в своем дневнике 11 сентября 1942 г., что его знакомый немец, настроенный критически по отношению к режиму, сказал: 90 % немцев понимают, что победа на Восточном фронте недостижима, и что с этим правительством никто из противников Германии на мировую не пойдет. «Недовольны даже маленькие бонзы — все эти блокварты. Оголодавший народ в конце концов прогонит это правительство. Вопрос только в том, когда это произойдет»⁹⁵. Слухи о скором установлении военной диктатуры и сепаратном мире с СССР распространялись с большой интенсивностью — Клемперер отмечал это в своем дневнике 23 августа 1943 г. Но война продолжалась; казалось, она будет бесконечной — 31 октября Клемперер записал: «Ощущение бескрайности войны; русские победы, но не радикальные и окончательные; все развивается в «черепашьем темпе» (*Schnecken tempo*), не только на Восточном фронте русские наступают вяло, но и в Италии англичане едва шевелятся. *Communus opinio*, и арийское, и еврейское, гласит, что все это может продлиться еще год»⁹⁶. В этом, однако, «глас народа» ошибся.

***Перелом в настроениях немецких солдат
и немецкой общественности.
Сталинградское сражение и его последствия***

«Да, это великий народ. Я говорю
о немцах, а не о русских. Так далеко
зайти!»

*(Генерал Шарль де Голль, на развалинах
Сталинграда в 1944 г.)⁹⁷*

Выше уже отмечалось, что Сталинград отнюдь не был главной целью операции «Блау» — наступления на юге России, начавшегося в июне 1942 г. Германское продвижение к городу преследовало, прежде всего, задачу уничтожения советских армий, находившихся в междуречье Волги и Дона. Но к августу 1942 г. захват Сталинграда стал для вермахта ключом к победе на Востоке. Захватив Сталинград и организовав на Волге рубеж обороны, германское командование получило бы возможность перебросить на Кавказ значительные силы. Кроме того, выход германских войск к Волге перерезал бы важнейшие линии снабжения советских войск (47-я, 56-я, 18-я, 46-я, 37-я армии), продолжавших оборонять Кавказский хребет⁹⁸.

По существу, в борьбе за Сталинград Гитлер летом 1942 г. затеял гигантскую битву на уничтожение. Расчет был такой же, как у начальника немецкого Генштаба Фалькенхайна в 1915 г. — принудить противника к решающей битве на одном участке фронта. Таким образом Гитлер стремился решительно обескровить Красную армию. Немецкие генералы сопротивлялись этому рискованному предприятию; в ОКХ считали этот план чрезвычайно опасным, поскольку с началом Восточной кампании вермахт уже потерял 44 % своего первоначального состава. К тому же сопротивление Красной армии росло изо дня в день: 4-я танковая армия

Гота с большим трудом взяла Ростов, который советские войска защищали отчаянно — каждый дом был превращен в укрепленный пункт. Для того чтобы усилить эффект боев внутри города, в Сталинграде советские власти оставили гражданское население — 180 тысяч сталинградцев рыли окопы, работали на заводах города; были созданы рабочие «истребительные батальоны», насчитывавшие 11 тысяч человек.

Советское руководство решило город не сдавать ни при каких обстоятельствах — об этом свидетельствовал приказ № 227 народного комиссара обороны от 29 июля («Ни шагу назад!»). В отличие от других приказов, он не был опубликован — предписано было прочитать его в войсках. Приказы, запрещающие отступление, выходили и ранее. Так, летом 1941 г., когда число советских военнопленных стало исчисляться миллионами, Сталин распорядился издать серию жесточайших директив, угрожавших суровыми наказаниями «дезертирам и трусам». В августе 1941 г. было объявлено, что семьи военнослужащих, самовольно покинувших поле боя или сдавшихся врагу, должны лишаться пособий и иной государственной поддержки. В приказе «Ни шагу назад!» не было ничего нового. Более того, жесточайший дисциплинарный режим не являлся чем-то необычным для советского режима и соответствовал той смертельной опасности, в которой оказался Советский Союз. Но детализация наказаний в приказе № 227 для «неустойчивых» военнослужащих очень примечательна — и не только потому, что эта мера укрепляла дисциплину в войсках, а прежде всего потому, что поддерживала тех, кто воевал геройски. В борьбе не на жизнь, а на смерть не оставалось места снисходительности к тому, кто пытался оставить поле боя". Для предотвращения отступлений в приказе перечислялись конкретные меры: предавать суду командиров соединений, без приказа покинувших позиции, сфор-

мировать на каждом фронте до трех штрафных батальонов по 800 человек. Сталинским приказом, помимо штрафных подразделений, предписывалось в каждой армии иметь от трех до пяти заградотрядов (по 200 человек в каждом). Отряды следовало разворачивать в тылу неустойчивых дивизий. Им надлежало в случае паники расстреливать на месте паникеров и трусов и тем самым помочь честным бойцам дивизии исполнить свой долг перед Родиной¹⁰⁰.

В штрафные батальоны направлялись средние и старшие командиры, проявившие трусость или нерешительность. Каждый военнослужащий, попавший в такой батальон, должен был искупить вину кровью. В каждой армии надлежало иметь до десяти штрафных рот для наказания рядовых и младших командиров. Им также надлежало искупать свою вину кровью. По этому приказу во время Сталинградской битвы было расстреляно около 13 500 солдат (почти полная стрелковая дивизия)¹⁰¹. Один советский ветеран Великой Отечественной войны заметил, что никто из его соотечественников не обманывался насчет той цены, которую придется заплатить за победу, никто не питал ни малейших иллюзий в отношении войны с Германией. Однако это не сказывалось на храбрости солдат. Относительно немногие не смогли выдержать напряжения битвы. Этому немало способствовала жестокость советского командования. Чуйков говорил: «В горящем городе мы не можем позволить себе гауптвахту для трусов»¹⁰². В условиях тотальной войны подверглось пересмотру само понятие о ценности человеческой жизни. Немцы и в преддверии Сталинградской битвы не переставали удивляться тому, с каким пренебрежением относились советские командиры к жизням своих солдат. Яркий пример тому — оборонительные бои к западу от Дона. Всего три батальона без оружия и даже без сухого пайка были посланы против 16-й тан-

ковой дивизии. Командир одного из этих батальонов, сдавшийся в плен, сообщил немцам, что его пьяный начальник приказал немедленно и без рассуждений поднимать людей в атаку. Последствия этого «сражения» были ужасны: в живых осталось семь человек¹⁰³. Такие инциденты коллективного жертвоприношения — иногда добровольного, чаще принудительного — принесли, тем не менее, весьма впечатляющие результаты в плане психического воздействия на немецких солдат.

В этой связи следует отметить, что в вермахте в этот же период также было некое подобие штрафных батальонов. 2 октября 1942 г. вышло распоряжение общего отдела Генштаба (*АНА — Allgemeine Heeresamt*) о том, что «условно пригодные к военной службе» (*bedingt wehrwürdig*) 1908 г. рождения и более молодые будут проходить военную службу в «усиленной африканской бригаде 999», в своего рода испытательном подразделении. Эта *Afrika-Brigade* в феврале 1943 г. превратилась в *Afrika-Division 999* (16 тысяч солдат). В этой воинской части служили политически неблагонадежные, получившие тюремные или лагерные сроки, среди них было много коммунистов и социал-демократов. В заключительной стадии войны эта дивизия воевала в Греции¹⁰⁴.

Советская пропаганда, между тем, продолжала нагнетать ненависть к врагу, внося таким образом свою лепту в напряженность боев под Сталинградом. 13 августа 1942 г. в газете «Красная Звезда» появилась статья Эренбурга «Убей немца», в которой были такие строки: «Мы скажем утром “убей немца” и ночью “убей немца”. Немцы заслонили от нас жизнь. Мы хотим жить. И мы должны убить немцев... Мы их перебьем, это всякий понимает. Но нужно их перебить скорее, не то они разорят всю Россию, замучают еще миллионы людей ... »¹⁰⁵ С тем чтобы максимально мобилизо-

вать ненависть к врагу, в Сталинграде было оставлено гражданское население. 25 августа городские власти Сталинграда объявили город на военном положении. Как раз в этот день Гитлер переехал в новую ставку в Виннице, где он оставался на протяжении всего 1942 г. В этом городе осенью 1941 г. опергруппы полиции безопасности и СД провели массовые казни евреев. Винница не впервые стала ареной массовых казней. В 1938 г. НКВД уничтожил здесь 10 тысяч украинцев. По иронии судьбы братские могилы расстрелянных были обнаружены именно немцами в 1943 г.¹⁰⁶

Почти в тот же момент, когда Гитлер переехал ближе к фронту, Сталин признал, что центр тяжести войны сместился к югу. Верным знаком этого было то, что Тимошенко без шума был снят и переведен на Северо-западный фронт, а в Сталинград была направлена та же «пожарная команда», которая создала успешный план контрнаступления под Москвой: артиллерист Н. Н. Воронов, командующий ВВС А. А. Новиков и Г. К. Жуков.

Гитлер противопоставил лучшим силам Красной армии свои лучшие силы — немецкая 6-я армия была одним из наиболее подготовленных и укомплектованных соединений вермахта. При разумном и взвешенном руководстве это было очень эффективное средство ведения войны. По своему оперативному мастерству немецкое командование, бесспорно, продолжало превосходить всех своих соперников. Другое дело, что немецкое Верховное командование все более удалялось от реальности. Если Сталин в ходе войны научился уступать военным, и его руководство становилось со временем все более грамотным, Гитлер, наоборот, во второй половине войны все более напоминал Сталина первого периода войны, когда вся его руководящая деятельность сводилась к одному — к приказам «держаться во что бы то ни стало». Шпеер отмечал в мемуарах, что с началом войны произошли значительные

изменения в характере Гитлера, которые объяснялись все возрастающими нагрузками на его организм. Если раньше Гитлер после определенного периода бурной деятельности мог позволить себе расслабиться и надолго впасть в апатию, то после начала русской кампании он вынужден был ежедневно выполнять огромный объем работы, и если в прежние годы он превосходно умел заставить других трудиться на себя, то теперь бремя забот делалось все более тяжелым, и ему приходилось самому вникать во все подробности. Гитлер заставил себя придерживаться строгого распорядка дня, но чуждая его натуре дисциплина отнюдь не способствовала принятию им разумных и взвешенных решений. Любопытно отметить, что на последнем этапе борьбы за власть, в начале 30-х гг., Гитлер взвалил на себя не менее тяжелую ношу, чем в самый разгар войны. Но тогда, даже изнуренный и измученный, он, выступая на митингах, не столько растрачивал силы, сколько сам черпал в людях мужество и вдохновение. После этого он становился более подтянутым и молодецкатым и обретал все большую уверенность в себе¹⁰⁷. В Ставке же он был лишен этой подпитки, да и в те моменты, когда он встречался с народом, прежнего эффекта уже не было — он терял веру в себя... Гитлер, как и Сталин, жил в спартанских условиях. Чиано был в ужасе от бытовых условий в Ставке Гитлера; он назвал ее обитателей «троглодитами, свыкшимися с тяжелым запахом кухни, униформы и сапог»¹⁰⁸. По словам Чиано, обстановка в гитлеровской ставке напоминала монастырь-храм Эскориал без его дворцового великолепия — Гитлер на самом деле начал напоминать Филиппа II своим одиночеством и изоляцией, своей решительностью и особенно «картоманией»: он проводил много часов за географическими картами, издавая приказы о взятии тех или иных пунктов часто воображаемыми солдатами.

Немецкий историк Пауль Карель отмечал, что всех, кто занимался историей Сталинграда, удивляет тот факт, что город этот не фигурировал в числе главных целей летнего наступления 1942 г. По плану операции «Блау», Сталинград предстояло «взять под военный контроль», иными словами, уничтожить как центр военной индустрии и порт на Волге. В соответствии с генеральным стратегическим планом, задачей 6-й армии являлось прикрытие левого фланга Кавказского фронта. Для достижения этой задачи овладение Сталинградом было желательно, но не обязательно. Но именно Сталинград оказался в центре внимания — это показывает, насколько сильно случайности и ошибки способны влиять на ход войны¹⁰⁹. Немецкий фельдмаршал фон Клейст указывал, что после того, как попытка взять Сталинград с ходу окончилась неудачей, лучше было бы оставить у города заслон; Гитлер же, бросив все силы против одного крупного города и начав осаду, играл тем самым на руку советскому командованию. В уличных боях немцы теряли свое преимущество в маневре, в то время как недостаточно хорошо обученная, но необычайно стойкая и многочисленная советская пехота могла наносить им большие потери¹¹⁰. Как отмечал офицер вермахта Гельмут Вельц, атаки тактических целей в Сталинграде мелкими штурмовыми группами не приносили успеха, поскольку не хватало сил смять грамотно построенную оборону. Крупные же силы не могли развернуться на узком пространстве, и их уничтожали по частям¹¹¹.

Сталин с неохотой разрешил отступление от Донца и Дона, но на Волге он приказал бороться до последнего солдата. Здесь он хотел выиграть время, чтобы собрать и подтянуть резервы, а также построить оборонительные рубежи на северных подступах к городу вдоль выгодной линии господствующих высот, протянувшихся к югу от Сталинграда до калмыцкой степи.

Сталинград и Волга представляли собой для немецкого командования самые восточные точки на линии, где немецкое командование планировало завершить войну. По замыслам Гитлера, здесь должна была подойти к победной черте операция «Барбаросса»¹¹².

Утром 23 августа 1942 г. головные части 16-й танковой дивизии генерала Хубе пошли на приступ окраин Сталинграда, а к вечеру первый немецкий танк вышел на высокий западный берег Волги около пригорода Сталинграда — у Рынка. Немцы с удивлением смотрели на великую реку: еще сутки назад они были на Дону, и вот Волга. Как и другие командиры, капитан Лорингофен, стоя на башне танка, разглядывал в бинокль Волгу. С более высокого западного берега вид был необычайно живописный. «Мы смотрели на простиравшуюся за Волгой степь, — писал он в дневнике. — Отсюда лежал прямой путь в Азию, и я был потрясен». Пилоты эскадрильи «Удет», совершая облет Волги севернее Сталинграда, увидели внизу немецкие танки и, как писал в дневнике один из летчиков Курт Эбнер, «нас охватило невыразимое чувство радости за своих боевых товарищей на земле». Совершив над колонной несколько фигур пилотажа, летчики вернулись на базу¹¹³.

До 30 августа 16-я танковая дивизия находилась в круговой обороне, со всех сторон отражая атаки советских войск. 51-й корпус генерала артиллерии фон Зейдлиц-Курцбаха в конце августа пробился к 16-й дивизии и начал фронтальные атаки на позиции советской 62-й армии. Первой целью стал Гумрак, аэропорт Сталинграда. Советские войска сдерживали атаки немецкой пехоты до 2 сентября, а потом сдали внутренний и последний рубеж обороны Сталинграда¹¹⁴. Причиной поспешного отступления советских войск было то, что 4-я танковая армия Гота, снятая Гитлером с Кавказ-

ского фронта, 29 августа ударила во фланг советской 64-й армии. Возникла угроза окружения двух советских армии, оборонявших Сталинград — 62-й и 64-й.

При такой угрозе Еременко приказал Чуйкову отвести армию с заранее подготовленных позиций. Он сознательно пожертвовал опорными пунктами, проволочными заграждениями и окопами ради спасения дивизий обеих армий. Когда немецкая пехота 3 сентября соединилась с танками Гота и крышка котла захлопнулась, в ней никого уже не было. В этих условиях немецкое командование приказало Паулюсу и Готу как можно быстрее взять город. Последние верили, что это вполне возможно и выполнимо. Даже опытные советские командиры (например, генерал А. И. Лопатин, отстраненный командующий 62-й армией) считали, что удержать Сталинград будет невозможно¹¹⁵.

В сентябре 1942 г., когда операции на основных направлениях (на Кавказе и Тереке) застопорились, в Ставку фюрера пришли обнадеживающие новости со Сталинградского фронта. 10 сентября 62-я армия Чуйкова с боями отошла в город. Когда 29-я моторизованная дивизия немцев прорвалась к Волге, войска 62-й армии оказались отрезанными от 64-й советской армии, державшей оборону южнее Сталинграда. 13 сентября из 6-й армии пришло донесение, что нижнесаксонская 71-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта фон Хортмана из 52-го корпуса генерала фон Зейдлиц-Курцбахха штурмом овладела господствующими высотами в центре города, преодолев эшелонированную оборону на подступах к городу. Такой впечатляющий успех вернул надежду немцам, что Волго-Донскую операцию удастся победоносно завершить до наступления зимы. За месяц до прорыва 71-й немецкой дивизии в Сталинград, 16-я и 24-я немецкие танковые дивизии окружили под Калачом девять советских стрелковых дивизий, две моторизованные и семь танковых бригад. Это было

первое удачное для немцев окружение с начала лета 1942 г., когда они окружили крупную советскую группировку под Харьковом, но и последнее в операции «Барбаросса». В боях под Калачом (в 65 км от Волги) солдаты и офицеры 6-й армии Паулюса вновь продемонстрировали свое бесспорное преимущество в ведении мобильных операций над численно значительно превосходящим их противником. Вновь стало очевидно, что при условии достаточного тылового обеспечения и при таком соотношении численности живой силы и техники немецкие войска были в состоянии преодолевать сопротивление¹¹⁶.

Наступление немцев на Сталинград было затруднено тем, что город стоял на правом берегу Волги, которая довольно широка в этом месте и, следовательно, трудна для форсирования. Город нельзя было полностью окружить, не форсировав реку. Джон Фуллер указывал, что перед немцами прежде всего стояла проблема закрепиться на левом берегу Волги. Тогда сравнительно небольшая армия могла остановить все движение по реке и блокадой вынудить защитников Сталинграда к сдаче. Но немцы даже не пытались переправиться через Волгу, сделав ставку на прямой удар по городу¹¹⁷. Высокое плато, на котором был построен город, разделяло семь замусоренных оврагов, которые ограничивали мобильность военных частей¹¹⁸. Сталин запретил эвакуировать станки и минировать заводы в Сталинграде: действия, которые можно было принять за негласное решение сдать Сталинград. Город было приказано защищать до последнего. Танки прямо с конвейера Тракторного завода шли в бой. Они не оснащались прицелом и могли вести стрельбу только в упор, причем заряжающий следил за положением ствола, в то время как стрелок поворачивал башню¹¹⁹.

С середины сентября, в течение целого месяца, атака следовала за атакой. Город — не крепость, но до тех

пор, пока гарнизон стойко держится и его линии снабжения действуют, превратить город в груды развалин — это значит создать препятствие, которое во много раз сильнее любой крепости. Генерал Ганс Дерр, воевавший в Сталинграде, так изображал характер войны в городе: «Начавшийся в середине сентября период боев за Сталинградский промышленный район можно назвать позиционной или «крепостной» войной. Время для проведения крупных операций окончательно миновало. Из просторов степей война перешла на изрезанные оврагами приволжские высоты с перелесками и балками, в фабричный район Сталинграда, расположенный на неровной, изрытой, пересеченной местности, застроенной зданиями из железа, бетона, камня. Километр как мера длины был заменен метром. За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточенная борьба... Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти за рамки ближнего боя было невозможно...»¹²⁰ Немецкие солдаты и офицеры, подразделения которых были расположены в степи под Сталинградом, были прекрасно осведомлены о характере боев и жадно ловили каждое сообщение о происходящем в городе¹²¹.

14 сентября положение армии Чуйкова в городе стало критическим: в резерве у него была только одна танковая бригада из девятнадцати танков Т-34. В этот день на помощь защитникам порта с левого берега была переброшена дивизия Родимцева. Ночью 14 сентября весь фронт защитников города трещал по швам: дивизию Александра Ильича Родимцева пришлось посылать в бой по одному батальону. В результате они оказались рассредоточены по обширному участку, многие вскоре были отрезаны и утром увидели вок-

руг себя незнакомую местность — пустыню, полную дыма и развалин. Но для этих солдат был характерен упорный отказ от сдачи, их решимость и привела в итоге немецкое наступление в расстройство¹²². 15 сентября одна из ключевых позиций обороны города — Мамаев курган — был взят немцами, но 16 сентября его отбили обратно. Кровавопролитные бои продолжались и на Мамаевом кургане, и в районе железнодорожного вокзала. 17 сентября Чуйков преодолел еще один кризис с помощью переброшенных с другого берега бригады морской пехоты и танковой бригады. В конце сентября по приказу Чуйкова участились беспокоящие ночные атаки советских войск. Особенно германские пехотинцы опасались стрелков из 28-й сибирской дивизии полковника Н. Ф. Батюка. В ее состав входили охотники-таежники. «Теперь я знаю, что такое ужас, — писал домой немецкий солдат. — Заслышав малейший шорох, я вскидываю автомат и стреляю, пока он не раскалится». Таким образом, немцы только за сентябрь израсходовали более 25 миллионов патронов¹²³. Советская авиация (в ней воевали и женщины — хорошо известен женский авиационный полк под командованием Марины Расковой), днем избегавшая «мессершмиттов», ночью наносила по немецким позициям жестокие удары. Все это оказывало сильное моральное давление на немецкую армию.

В период между 15 сентября и 3 октября Чуйков получал одну дивизию за другой — всего шесть свежих, хорошо укомплектованных пехотных дивизий, две из них гвардейские. К 1 октября Чуйков располагал уже одиннадцатью дивизиями и девятью бригадами, то есть примерно пятнадцатью дивизиями, не считая рабочей гвардии и ополченцев. Немецкая сторона ни на одном этапе боев за город не имела более десяти дивизий. Существовал единственный способ удержать Сталин-

град — оплатить его защиту жизнями советских солдат. Как выразился впоследствии Чуйков, «время - это кровь»¹²⁴. К 16 сентября 1942 г. Сталинград находился в основном в немецких руках. Волга как водная магистраль не могла более использоваться советской стороной. Промышленные предприятия Сталинграда были эвакуированы, разрушены или находились в зоне обстрела немецкой артиллерии и не могли работать. Продолжение немецкого наступления на Сталинград **ничего** больше не могло дать немцам. Гитлер же хотел завершить сражение за Сталинград, очистив всю территорию города от красноармейцев. Эта задача носила чисто тактический характер, но пропаганда с обеих сторон сделала ее стратегической. Дело в том, что до тех пор, пока РККА сражалась западнее Волги, Сталин мог утверждать, что героическая оборона города продолжается. Гитлер не хотел этого допустить — политика и пропаганда взяли верх¹²⁵.

В сентябре взятие Сталинграда стало первостепенной задачей вермахта. Фюрер был буквально одержим Сталинградом и в то же время не забывал провала немецкого наступления на Кавказ. После своих военных триумфов Гитлер стал с презрением относиться к таким обыденным требованиям, как поставка топлива или нехватка продовольствия. К тому же его психическое состояние было крайне неустойчивым. Постоянные вспышки гнева по малейшему поводу приводили офицеров Ставки в ужас. Генерал Варлимонт, вернувшийся после недельного отсутствия, был потрясен остановившимся взглядом фюрера, наполненным такой горячей ненавистью, что он невольно подумал: «Этот человек посрамлен. Он потерял лицо и осознал, что его фатальной игре пришел конец. Он понял, что Россию не сломить»¹²⁶. Гитлер, вероятно, понял, что неудача на Кавказе означает конец войны. И в то же время он никак не хотел с этим смириться. Ему во что бы то ни стало

хотелось захватить Сталинград, как будто взятие этого города могло что-то изменить в положении Германии.

К середине октября немцы овладели вершиной Малахова кургана, а также северным и южным склонами, а восточный склон с 28 сентября 1942 г. по 26 января 1943 г. обороняла 284-я стрелковая дивизия Н. Ф. Батюка.

С конца сентября бои велись преимущественно в северной части города, где находились рабочие поселки и промышленные предприятия. Названия их вошли не только в военную, но и в мировую историю: завод по производству артиллерийских орудий «Баррикада», металлургический комбинат «Красный Октябрь», тракторный завод имени Дзержинского, химкомбинат «Лазурь» со своей известной всем участникам боев «теннисной ракеткой», как из-за своей формы назывались подъездные железнодорожные пути предприятия.

Бои в северной части города превосходили своей ожесточенностью и кровопролитием все сражения войны. По решимости, с которой бились солдаты, по плотности войск, сосредоточенных на сравнительно маленькой территории, по концентрации огня ближайшей параллелью Сталинградской битве было Верденское сражение, где в 1916 г. за полгода погибло полмиллиона немецких и французских солдат. Английский историк Алан Кларк отмечал, что развернувшееся под Сталинградом сражение имело существенное отличие: под Верденом сражавшиеся не видели друг друга в лицо, их разрывали в клочья артиллерийские снаряды или косило пулеметным огнем на большой дистанции. Под Сталинградом каждое сражение превращалось в схватку между отдельными людьми. Солдаты осыпали бранью противника на другой стороне улицы; они часто слышали дыхание врага в соседнем помещении, пока перезаряжали оружие; в густом дыму и кирпичной

пыли шли рукопашные схватки на ножах и лопатах, с кирпичами и прутьями арматуры¹²⁷. С начала ноября немцы стали закрывать окна в домах, где им удалось закрепиться, проволочными решетками. Решетки должны были предохранять от гранат. Справиться с этим препятствием могла только малокалиберная артиллерия, а ее в 62-й армии как раз не хватало. Вскоре красноармейцы нашли выход — они стали приделывать к гранатам крючки, которыми гранаты цеплялись за проволочные решетки¹²⁸. Немецкий генерал Дерр вспоминал: «За каждый дом, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, погреб, каждую кучу развалин шел ожесточенный бой, который нельзя было даже сравнить с Первой мировой войной по трате боеприпасов. Расстояние между армией противника и нашей было минимальным. Несмотря на сильную активность авиации и артиллерии, было невозможно выбраться из района ближнего боя. Русские превосходили немцев в умении использовать местность и маскироваться и были опытнее в баррикадных боях за отдельные здания»¹²⁹. Со своей стороны, даже В. И. Чуйков отмечал в своих мемуарах: «Мы видели и храбрость, и героизм противника, хотя и бессмысленные; отвагу, хотя и неуместную; умение организовать наступление в городских условиях и упорство в достижении цели»¹³⁰.

Наверное, на самом деле, как считают иные военные историки, 4-я танковая армия вместе с 6-й армией без труда взяли бы Сталинград в июле¹³¹, но к осени с защитниками Сталинграда уже вообще никто на свете не справился бы — фронт 62-й армии В. И. Чуйкова¹³² будто окаменел, поскольку резервы с восточного берега Волги шли непрерывно. Советские тыловики беспрепятственно доставляли через Волгу все необходимое для обороняющихся. Свежие части все время притекали в город из-за Волги. За крутым обрывом западного бе-

рега Волги, куда не долетали снаряды немецкой артиллерии, располагались советские штабы, полевые госпитали, склады боеприпасов. Если у боев в Сталинграде и был тактический смысл, то он концентрировался вокруг волжских переправ — этой спасительной артерии для защитников города, по которой по ночам шла помощь. Немцам было крайне трудно организовать ведение артиллерийского огня по переправам вследствие изгиба реки и многочисленных островков. Немцы не сразу поняли значение переправ и вместо того, чтобы направить все силы в атаки на фланги оборонявшихся защитников и продвигаться вверх и вниз по берегу, направляли свои усилия против различных точек города, применяя крайне расточительную тактику разрушения одного квартала за другим. Каждое из трех «главных» наступлений немцев было нацелено на то, чтобы перерезать тонкую полосу земли, удерживаемую 62-й советской армией, и достичь Волги в максимально большем количестве мест. В результате, если даже немцы и достигали своей цели, они оказывались в сети вражеских огневых точек, а отбитые проходы были слишком узкими, в них немецкие солдаты превращались в удобную мишень. Советские войска проявляли все больше умения и гибкости в применении своей тактики по мере развития битвы. Немцев же поставила в тупик новая ситуация, которой доселе не было в их военной практике — они реагировали на нее своим привычным способом, применяя грубую силу во все больших масштабах. Это ошеломление было характерно для всех — от старших командиров до рядовых; оно изменялось от недоверия и презрения к противнику до страха и пессимизма¹³³. Самые тяжелые потери германская армия несла среди офицеров и младшего командного состава. Настоящих боевых командиров оставалось все меньше. Старые фронтовики, как немцы, так и русские, утверждали, что первыми всегда погибают

самые лучшие и самые храбрые¹³⁴. Немецкий офицер Гельмут Вельц вспоминал, что война в разрушенном городе, непрерывные бои и колоссальные потери изменили людей. Их общей чертой стало отвращение к приказам, требующим новых жертв. Одни офицеры достаточно огрубели, чтобы не задумываясь отдавать и выполнять любые приказы, а другие прикладываются к бутылке, чтобы хоть на время заглушить свою совесть. Такие офицеры после неудачного наступления совершенно теряются, а первые с видимым безразличием переходят к текущим делам¹³⁵.

Напряжение боев было колоссальным, а в таких условиях на первый план выступает потребность в простых и ясных чувствах. Эта потребность выразилась в знаменитой песенке «Лили Марлен», приобретшей популярность как раз в эти дни.

Стоя под фонарем
У ворот казармы,
Любимая, я вспоминаю,
Как ты умела ждать...
Как нежно ты шептала,
Что любишь меня, навсегда
Моя Лили - Лили Марлен.

Простая и наивная песня, сладкий голос молодой женщины, очаровательные слова и мелодия этой песни в войну очаровывала многие миллионы солдат. Ныне можно критиковать эту песню за безвкусицу, но это несправедливо по отношению к многим миллионам солдат, для которых эта незатейливая песенка олицетворяла все самое дорогое — то, что осталось дома. Боль, страдания войны отступали на миг перед ее очарованием. очевидцы передают, что не только немецкие солдаты слушали эту песню, но и британские солдаты в Северной Африке настраивались на волну немецкой радиовещательной станции в Белграде и слушали «Лили Марлен». Песня не требовала перевода. Британ-

ские офицеры даже запрещали солдатам напевать песню или насвистывать ее, а также слушать немецкие передатчики. Песню Вилли Шефферса «Лили Марлен» пела Лале Андерсен («немецкая Эдит Пиаф»). Песня была впервые исполнена в 1938 г. — «чушь», таков был приговор публики, но впоследствии она стала неотъемлемой частью истории войны¹³⁶. Интересно отметить, что эту песенку пели даже в Красной армии — ветеран войны Александр Захарович Лебединцев вспоминал, что связистка полка, в котором он служил, пела «Лили Марлен» на трех языках: на немецком, украинском и русском¹³⁷. Голливудская звезда Марлен Дитрих принесла ее в американскую армию: в 1944 г. был снят фильм «Лили Марлен», в котором Дитрих исполнила эту песню. Среди «джи-ай» песенка также имела неслыханный успех¹³⁸.

Похожую судьбу имела и советская версия песни «Лили Марлен», с нежной, проникновенной мелодией. Эта песня Алексея Александровича Суркова поначалу расценивалась как идеологически невыдержанная, отдающая пессимизмом. Однако «Землянку» так полюбили на фронте, что начальство сменило гнев на милость.

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Ход сражения в самом Сталинграде имел четыре фазы. В течение первой фазы, которая началась 13 сентября, основные боевые действия развернулись в южных и центральных районах города. К 26 сентября Паулюс смог доложить, что южные и центральные районы заняты. Немцы держали под огнем сооружения центральной пристани, но не смогли полностью взять их под свой контроль. На какое-то время немцы взяли Мамаев курган, но затем подверглись сильным контратакам.

Во второй фазе сражения за Сталинград — с 21 сентября по 7 октября — бои за Мамаев курган продолжались, но центр противоборства сместился на север города в заводской район. Немецким войскам удалось оккупировать большую территорию, расположенную по соседству с заводскими постройками, но сами предприятия они не смогли взять, как и полосу волжского берега, на которую прибывало пополнение для 62-й армии Чуйкова.

14 октября началась третья фаза боев — немцы возобновили атаки на заводской район. К концу октября немцы смогли захватить тракторный завод имени Дзержинского, завод «Баррикады» и большую часть предприятия «Красный Октябрь». Войска Чуйкова оказались зажатыми на узкой полоске западного берега Волги.

Четвертая фаза боев началась 11 ноября немецкими атаками на заводской район. Немецким войскам удалось разрезать оборону Чуйкова на три части. Однако через несколько дней Чуйков смог организовать контратаку и почти в прежнем виде восстановил позиции. В итоге, к середине ноября немцы оккупировали 90 % территории города, но 62-я армия продолжала удерживать свой клочок волжского берега¹³⁹. Согласно некоторым оценкам, только за вторую половину октября немцы уничтожили в Сталинграде советские силы, эквивалентные семи дивизиям, то есть 75 % от общего количества войск, имевшихся в распоряжении генерала Чуйкова. Однако им так и не удалось сломить дух сопротивления 62-й армии. Как отмечал американский историк Ричард Овери, вопрос о том, как Красной армии удалось выжить в Сталинграде, не поддается объяснению¹⁴⁰.

Немцы так и не смогли ничего поделать с защитниками Сталинграда, и объяснить этот феномен можно только средствами художественного текста, что, впрочем, уже сделали своими бессмертными романами Вик-

тор Некрасов и Василий Гроссман¹⁴¹. Гроссман в своем знаменитом романе «Жизнь и судьба» отмечал, что душой обороны Сталинграда была свобода, которая являлась источником самоотверженности советских солдат (а не только жесткие приказы). И немецкие солдаты в Сталинграде обрели свободу от идеологических пут. Так, офицер Гельмут Вельц передавал, что его товарищи в пылу дискуссии пришли к выводу, что военные цели Гитлера являются совершенно бредовыми: «Гигантские цели и жалкие кучки солдат, которых не хватает ни на фронте, ни в тылу. Гитлер просто зарвался. Что нам начальные успехи, если мы не можем удержать захваченное? И тут встает главный вопрос, а нужно ли вообще было начинать войну?»¹⁴²

К началу октября в руках немцев находилось около 4/5 территории Сталинграда, а к концу этого месяца, после отхода советских войск от пригорода Спартаковки, немцы стали контролировать 9/10 территории города. В начале ноября в руках Чуйкова оставалась только одна десятая территории города — несколько заводских зданий и несколько километров берега Волги¹⁴³. Постепенно дело дошло до того, что тактические задачи уличных боев в Сталинграде обсуждались на самом высоком уровне: о том, как сломить сопротивление защитников «дома сержанта Павлова» думал сам Гитлер. В конце сентября взвод автоматчиков из 42-го гвардейского полка овладел четырехэтажным домом в 300 м от Волги. После того как командир взвода был ранен, командование взял на себя сержант Яков Федорович Павлов. Здание стало важным пунктом в системе обороны 13-й гвардейской стрелковой дивизии и удерживалось солдатами Павлова до ликвидации немецких войск в Сталинграде. «Дом Павлова» перекрывал подступы к ключевой площади города Имени 9 января (впрочем, «ключевой» можно было тогда назвать любую точку города); эта площадь была замини-

рована, в самом доме засело около 50 солдат с тяжелыми пулеметами и минометами, а сверху развалин Павлов разместил снайперов, контролировавших все движение вокруг: немцы так и не смогли перейти площадь, а защитники этого дома покрыли себя заслуженной славой и уважением не только потомков, но и врага.

Между тем положение немецких войск на Кавказе ухудшалось — первый план овладения нефтеносными районами был изменен, и ОКВ приказало Листу преодолеть Западный Кавказ и овладеть Туапсе. Если бы наступление Листа удалось, немцы прорвались бы через Кавказ в самой нижней его точке и, захватив Батуми, интернировали бы Черноморский флот, обеспечили бы безопасность Крыма и дружественный нейтралитет Турции. Но наделе одна трудность громоздилась на другую, советское сопротивление крепло, условия местности были неблагоприятны для атакующих. Вследствие этих неудач Лист и был отстранен от командования. Затем настала очередь Гальдера.

Отношения Гитлера и Гальдера стали непрерывно ухудшаться после ухода с поста руководителя ОКХ гибкого Вальтера фон Браухича, который служил буфером между неистовством Гитлера и сухой жесткостью Гальдера. Манштейн, побывавший в штабе перед тем как направиться к новому месту службы под Ленинград и видевший их в августе вместе, был «потрясен», осознав, насколько плохи их отношения. Гитлер сыпал оскорблениями, Гальдер был упрям и педантичен. Гитлер делал колкие намеки на то, что у Гальдера нет того боевого опыта, который Гитлер получил на фронте в Первую мировую войну. Гальдер бурчал себе под нос о разнице в суждениях профессионала и «необразованного» человека¹⁴⁴.

После визита в 6-ю армию адъютанта Гитлера Шмундта, который намекнул Паулюсу, что Гитлер подыски-

вает офицера на место Гальдера, командующий армией с энтузиазмом окунулся в подготовку к четвертому наступлению. На этот раз Паулюс решил нанести лобовой удар против самого сильного пункта противника — трех гигантских зданий Сталинградского тракторного завода, «Баррикады» и «Красного Октября», находящихся в северной части города. Это стало самым жестоким и долгим из пяти сражений в разрушенном городе. Оно началось 4 октября и продолжалось почти три недели.

Паулюс получил в свое распоряжение ряд специальных войск, включая батальоны полиции и саперов, подготовленных для ведения уличных боев и подрывных работ. Но хотя советские солдаты подчас были в меньшинстве, они оставались непревзойденными мастерами в тактике борьбы за каждый дом. Они усовершенствовали применение «штурмовых групп» — небольших отрядов с различным вооружением: легкими и тяжелыми пулеметами, автоматами, гранатами, противотанковыми пушками. Они оказывали друг другу поддержку в молниеносных контратаках. Они разработали создание «мертвых зон» — заминированных домов и площадей, к которым защитники знали все подходы и к которым направлялись с целью захвата немцы. Медленно, колоссальной ценой пробивались немцы через цеха разрушенных заводов, мимо замерших станков, через литейки, сборочные цеха, заводоуправление. «Господи, зачем ты нас бросил? — писал лейтенант из 24-й танковой дивизии. — Мы сражались за единственный дом целых пятнадцать дней, используя минометы, гранаты, пулеметы и штыки. Уже к третьему дню 54 немецких трупа лежали в подвалах, на лестнице и на площадках. Фронт — это коридор между выгоревшими комнатами; это тонкий потолок между двумя этажами. Помощь приходит из соседних домов через пожарные лестницы и дымоходы. Все время идет

бой с полудня до ночи. От этажа к этажу, с почерневшими от пота лицами мы забрасываем друг друга гранатами посреди взрывов, туч дыма и пыли, куч штукатурки, потоков крови, обломков мебели и человеческих останков. Спросите любого солдата, что такое полчаса рукопашной борьбы в бою. И представьте себе Сталинград: 80 дней и ночей рукопашных боев. Улица измеряется не метрами, а трупами...»¹⁴⁵ Офицер вермахта Гельмут Вельц отмечал, что «в Сталинграде участки, занимаемые дивизиями, имеют протяженность всего километр. В ротах от 10 до 30 активных штыков. При атаках на каждые пять метров приходится орудие. Расход боеприпасов возрос десятикратно. Так называемой нейтральной полосы вообще нет. Вместо нее тонкая кирпичная стена. Иногда линия фронта проходит даже вертикально, когда мы, к примеру, засели в подвале, а противник — на первом этаже, или наоборот. Захват небольшого цеха — дневная задача целой дивизии и равнозначна выигранному сражению»¹⁴⁶.

В начале Сталинградской операции Красной армии по окружению немцев войска Чуйкова контролировали несколько километров берега Волги и заводские руины на севере города. Начальник штаба группы армий «В» Георг фон Зоденштерн считал миссию 6-й армии выполненной, поскольку Сталинград как промышленный центр перестал существовать, судоходство по Волге было прекращено, а с ним и американские поставки по ленд-лизу через Иран. Благоразумным было бы спрямить Сталинградский выступ, поскольку в условиях отсутствия резервов на немецком фронте возможности маневра у немцев не было. Солдаты 6-й армии были измотаны бесконечными боями и нуждались в отдыхе, приближалась зима — поэтому немецкое руководство до ее наступления решило покончить со Сталинградом, вытеснив 62-ю армию Чуйкова из города, значительная часть которого была уже захва-

чена немцами. С 14 по 29 октября 1942 г. немцы бросили на солдат Чуйкова пять дивизий с 300 танками. Натиск был очень сильным, жертвы с обеих сторон огромными; к концу октября у Чуйкова оставалось только 1/10 территории города — 2 км берега в длину и 100 м в глубину фронта.

К концу октября советские позиции в Сталинграде уменьшились до нескольких каменных островков, примыкавших к правому берегу Волги: «Красный Октябрь» был немцами взят, «Баррикады» наполовину (борьба продолжалась в заводской литейке), а защитники Тракторного завода оказались расколоты на три группы. Но эти последние островки сопротивления, закаленные в горниле непрерывных атак, были непобедимы. 6-я армия просто не в состоянии была что-то с ними сделать, новое наступление было немыслимо... В таком положении у 6-й армии было два возможных решения. Первое — немедленный отход: сразу уменьшатся потери, будет занят сокращенный глубокий «зимний рубеж» по реке Чир, а может даже по Миусу. Второе решение сводилось к «урокам» Ватерлоо и Марны, когда «последний батальон» решил исход дела. Немцы, видевшие, как неделя за неделей их солдат всасывает в себя эта адская воронка, не могли не думать, что советские войска несут такие же ужасающие потери...

Кроме того, под Сталинградом на карту была поставлена не только воля РККА, но и мировая оценка мощи Германии. Отступить с поля боя значило признать поражение. Оно могло быть приемлемо для хладнокровного и объективно мыслящего военного специалиста, но не для Гитлера. Может быть, отношение Гитлера к проблеме изменилось бы, если бы он получил точные разведывательные данные. Из понятного желания оправдать свои требования подкреплений и подчеркнуть тяжесть своих задач 6-я армия обычно сообщала о советских дивизиях там, где находились только

полки или даже батальоны советской пехоты. Это приводило к пятикратному превышению оценочной численности советских войск и заставляло немцев верить, что они уничтожат русских быстрее, чем те их; в советское контрнаступление никто не верил¹⁴⁷. Большинство офицеров в штабе 6-й армий были заняты подготовкой «последнего броска» на Сталинград. Немцы, несомненно, перестали бы придерживаться мнения о «трудном положении» Красной армии, если бы знали, что советская сторона смогла сосредоточить более полумиллиона пехоты, 900 новых танков Т-34, 230 полков полевой артиллерии и 115 полков «Катюш» на небольшом фронте наступления по обеим сторонам Сталинграда¹⁴⁸.

Командующий 6-й армией Паулюс и новый начальник Генштаба Цайтцлер настаивали на прекращении штурма Сталинграда, но Гитлер был непреклонен. По его мнению, существовала настоятельная военно-экономическая потребность в Сталинграде, но на самом деле — это был вопрос престижа. Гитлер неоднократно повторял, что если он не получит нефть Майкопа и Грозного, то войну следует вообще прекратить. Эта цель была практически достигнута: ведь вермахт севернее Сталинграда вышел к Волге и перекрыл для СССР связь с югом. Вопреки этому очевидному положению вещей, Гитлер продолжал настаивать на своем — 8 ноября в речи по случаю годовщины «Пивного путча» он указал на огромное значение Сталинграда как транзитного пункта для вывоза пшеницы с Кубани и Украины¹⁴⁹.

Надо отметить, что 6-я армия считалась одной из лучших в вермахте (она одержала ряд побед в Польше, Бельгии, Франции, на Восточном фронте в 1941 г.), но назначение командующим генерала танковых войск Фридриха Паулюса (вместо умершего от сердечного приступа во время утренней пробежки в январе 1942 г. фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау) нельзя было

признать удачным, ибо, по мнению многих командиров вермахта, Паулюс не дорос до этого назначения. Действительно, Паулюс получил свое назначение, несмотря на полное отсутствие опыта; он перешагнул через командование полком, дивизией, корпусом, у него для командования армией не было ни темперамента, ни характера, но зато он свято верил в гениальность фюрера, что и стало решающим фактором. Бесцветный армейский аппаратчик, привыкший к конторской работе, Паулюс был «чистюлей»: он всегда носил перчатки, принимал ванну и менял одежду дважды в сутки. С другой стороны, о его интеллигентности и смелости свидетельствует то, что Паулюс отказался от всякого сотрудничества с СС и отменил в своей армии «приказ о комиссарах» (при Рейхенау в полосе действий 6-й армии эсэсовцами были уничтожены тысячи евреев)¹⁵⁰. Отец Паулюса был простым бюргером, который сделал удачную карьеру и стал министром финансов в правительстве Гессен-Нассау. У Паулюса было любопытное хобби — он рисовал подробнейшие масштабные карты похода Наполеона на Россию. Как позже говорил его племянник, служивший в 3-й танковой дивизии, «он был похож на ученого, а не на генерала». Надменными манерами Паулюс производил впечатление чопорного человека, но на самом деле он заботился о своих солдатах больше, чем другие генералы¹⁵¹. Начальником штаба (*Ia*) у Паулюса был типичный пруссак, генерал-лейтенант Шмидт. Один из немецких ветеранов Сталинградской битвы Гельмут Вельц характеризовал Шмидта как «само олицетворение германского Генштаба старой школы». Вельц писал: «Во всем чувствуется его бездушие, его нежелание считаться с чем-либо, его резкость, о которой говорят все. Его боятся, его называют злым духом армии. На передовой его никогда не увидишь: для этого есть командиры дивизий и корпусов»¹⁵².

Паулюсу повезло в том отношении, что у него были хорошие командиры корпусов: XIV танковым корпусом командовал генерал фон Витершейм (он гораздо больше Паул юса подходил на должность командующего армией, но Гитлер его не любил), затем его сменил однорукий генерал Ганс Хубе — весьма компетентный офицер. Хубе зарекомендовал себя выдающимся танковым командиром, он был награжден Рыцарским крестом с Дубовыми листьями, солдаты называли его «человек» (*der Mensch*). В январе 1943 г. Гитлер приказал Хубе покинуть Сталинград, но Хубе категорически отказался, заявив, что сам привел солдат в Сталинград и приказал им сражаться до последнего патрона, а теперь он намерен показать им, как это нужно делать. Тогда Гитлер прислал в Сталинград четырех своих телохранителей, которые и вывезли Хубе¹⁵³. IV-м корпусом командовал фон Швельдер (он прохладно относился к нацистам), VIII корпус возглавлял генерал Вальтер Гейтц, XVII корпус — генерал Карл Штрекер, LI корпус, взявший 13 сентября Мамаев курган — генерал Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах (потомок легендарного прусского генерала кавалерии, который командовал конницей Фридриха Великого в Семилетнюю войну).

В 6-й армии была возможность сохранить собственную независимость, не жертвуя карьерой. Так, генерал Карл Штрекер, командир XVII корпуса 6-й армии, никогда не скрывал своего отношения к режиму. Его приказы по корпусу содержали слова: «Вперед с богом! Победа — наша вера. Ура, мои храбрые солдаты!» Но, что более важно, он лично запретил выполнять «преступные приказы сверху», и однажды даже специально проехал по войскам, чтобы убедиться, что все офицеры это уразумели. Начальником штаба он назначил полковника Гроскурта, будущего участника Сопrotивления. Интересно отметить, что именно они вдвоем

руководили в Сталинграде последним очагом сопротивления окруженной 6-й армии, сохранив при этом верность воинскому долгу, а не фюреру¹⁵⁴.

Об атмосфере в армии осталось весьма любопытное свидетельство: эмоциональное письмо майора Генштаба графа Клауса фон Штауффенберга, в котором он благодарил Паулюса за теплый прием, оказанный ему в штабе 6-й армии. «Это подобно глотку свежего воздуха, — писал Штауффенберг. — Так приятно было вырваться из этой удушающей атмосферы туда, где люди проявляют свои лучшие качества и жертвуют своими жизнями без малейших колебаний. Какой разительный контраст между фронтовиками и нашими вождями, которые в это самое время вместо того, чтобы подавать нам всем пример, интригуют и заботятся только о собственном престиже. Они даже не имеют достаточной смелости, чтобы откровенно высказаться по вопросам, от которых зависит жизнь тысяч их сограждан»¹⁵⁵.

9 ноября Гитлеру впервые доложили о концентрации советских войск на флангах 6-й армии, которые прикрывали румынские армии. Румынские дивизии совершенно не годились для самостоятельных фронтовых операций против Красной армии. Они были организованы по типу французской дивизии Первой мировой войны и имели французские вооружения, захваченные немцами в 1940 г. В каждой дивизии была только одна противотанковая рота, оснащенная устаревшей 37-мм противотанковой пушкой на конной тяге. Эти пушки красноармейцы называли «пушки-колотушки», потому что их снаряды не могли повредить броню танков¹⁵⁶. Только после неоднократных просьб румынского генерала Думитреску немцы в октябре передали ему 75-мм орудия, но только по шесть на дивизию... У румын не хватало боеприпасов всех ви-

дов, плохо было с зимним обмундированием и питанием. На направлении советского удара севернее Сталинграда находилась 3-я румынская армия (100 тысяч солдат), а южнее Сталинграда — 4-я румынская армия (70 тысяч солдат). Советские войска превосходили румынские по количеству личного состава и вооружениям в три-четыре раза. К тому же румыны занимали позиции в открытой степи, не имея существенных фортификационных сооружений¹⁵⁷.

Несмотря на сохранившуюся у Гитлера тенденцию недооценивать советские войска, он сразу понял опасность и потребовал от Паулюса быстрых действий по окончательному овладению Сталинградом. Гитлер хотел быстрее покончить с ситуацией, в которой столько дивизий со стратегической точки зрения совершенно бесполезно топтались на одном месте; он хотел обрести оперативный простор. По его мнению, момент установки льда на Волге являлся самым подходящим для окончательного штурма Сталинграда, поскольку дрейфующий лед будет препятствовать переправе, а, следовательно, и поступлению помощи защитникам Сталинграда. Атака Паулюса, начатая 11 ноября, была непродуманна и так же безнадежна, как и последнее зимнее наступление группы армий «Центр» год назад. Многим небольшим немецким группам удалось пройти к Волге, но едва они подходили к воде, как оказывались отрезанными русскими. Еще четыре дня вспыхивали и замирали эти невероятно ожесточенные схватки между изолированными группами. Пленных больше не брали, и у самих бойцов было мало надежды выжить. Налитые алкоголем и подхлестываемые бензедрином, заросшие, измотанные бессонными ночами и отсутствием помощи, немецкие солдаты потеряли всякое представление о мотивах и цели борьбы, кроме одержимости близкого боя, где живо было только одно желание — добраться до горла противника.

16 ноября в Сталинграде выпал первый снег.

К 18 ноября полное измождение и нехватка боеприпасов привели к затишью. Ночью смолк треск стрелкового оружия и глухие звуки минометов, каждая сторона начала собирать раненых. На рассвете же возник новый звук — гром огневого вала двух тысяч орудий советской артиллерии севернее Сталинграда. Ничего хорошего немцам этот звук не сулил, поскольку на следующее утро, 19 ноября, в 150 км к северу началось наступление Юго-западного фронта Н. Ф. Ватутина на позиции румынской 3-й армии генерал-полковника Думитреску, который вспоминал впоследствии, что соотношение сил на отрезке подчиненного ему 4-го армейского корпуса было 6:1, а на участке 2-го румынского корпуса — 5:1 в пользу советских войск. При таком соотношении сил румыны были обречены, им не удалось удержать позиции, поскольку потери были очень большие. Так, 13-я пехотная дивизия румын потеряла в первый же день советского наступления 115 офицеров и 3658 солдат, 14-я пехотная дивизия — 98 офицеров и 2163 солдата¹⁵⁸. Думитреску констатировал, что к утру 20 ноября фронт его армии распался — из четырех армейских корпусов два сдали свои позиции, а остальные вскоре тоже отступили. Южнее Сталинграда позиции удерживала 4-я румынская армия. Она также не смогла удержать мощного прорыва Сталинградского фронта А. И. Еременко. Во время советского прорыва часть румынских войск была оттеснена к Сталинграду и осталась внутри котла. 4-й румынской армией командовал генерал-полковник Константин Константеску-Кляпе. После войны в социалистической Румынии он был осужден и посажен в тюрьму. Интересно, что генерал де Голль был однокашником Константеску-Кляпса по французской академии Генштаба, и Чаушеску по просьбе французского президента освободил генерала. Еще более интересна судьба коман-

дующего 5-м румынским корпусом генерала Михаила Ласкара (*Lascar*), который во главе корпуса до последнего патрона защищал позиции у Распопинской, но его корпус был окружен, а он сдался в плен. За упорство Гитлер заочно наградил его Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. В плену кавалер высшей немецкой воинской награды возглавил дивизию румынских добровольцев из военнопленных (*Horia, Closcași Crisan*) и воевал против немцев. После войны, в 1946—1947 гг., он был министром обороны Румынии; Ласкар умер в Бухаресте 26 июля 1959 г.¹⁵⁹

Целые дивизии румынской армии под ударами советских войск рассыпались в прах, началось их паническое бегство. Для проведения наступательной операции в районе Сталинграда привлекались три фронта, имевшие почти такое же количество бойцов, что и противник, но по танкам и артиллерии советские войска превосходили врага в полтора-два раза¹⁶⁰. По иронии судьбы, для советских солдат в самом Сталинграде момент триумфа Красной армии над захватчиками был сопряжен с максимальной опасностью и огромным расходом сил. С конца октября по 17 декабря (когда Волга стала) уровень воды в реке поднялся, образовались обширные поля тяжелого плавающего льда, понтонные мосты были сметены, а всякая переправа была очень сложной, долгой и опасной.

23 ноября 1942 г. наступавшие навстречу друг другу танковые группировки советских войск вышли в район Калача, где и завершилось окружение 6-й армии. Вначале предполагалось, что ликвидация окруженного противника будет осуществляться без всякой паузы. Но этот расчет не оправдался главным образом потому, что советская разведка просчиталась в оценке сил противника. По ее данным в кольце окружения оказалось 80—90 тысяч немецких солдат, а фактически их было значительно больше¹⁶¹, что затянуло сроки завер-

шения операции¹⁶². Двадцать дивизий 6-й армии под Сталинградом были окружены примерно шестьюдесятью советскими дивизиями¹⁶³.

Когда советские войска начали давить на окруженную немецкую группировку, командованию 6-й армии пришлось бросить часть сил на запад и на юг для создания круговой обороны. Резервов у Паулюса для этого почти не было, поэтому наскоро формировали подразделения из обозов, тыловых частей, штабов и т.п. Окруженные войска занимали район, который имел протяженность до 40 км с востока на запад и до 20 км с севера на юг. В центре располагался аэродром, имевший решающее значение для снабжения войск. В первое время аэродром был почти недостижим для огня советской артиллерии. Тактическая обстановка в «котле», несмотря на отдельные осложнения, была довольно сносной, но со снабжением дела обстояли совсем плохо¹⁶⁴.

До сего дня ведутся дискуссии, сколько же точно немецких солдат оказалось в котле под Сталинградом. 195 тысяч, 232 тысячи, 236 тысяч или 380 тысяч? Еще более неясно, сколько в котле было «хивис» («добровольные помощники»; так назывались советские военнопленные, выполнявшие в вермахте различные вспомогательные работы), сколько их выжило, сколько погибло. 25 тысяч солдат 6-й армии вывезли на самолетах — это были раненые и особо ценные специалисты¹⁶⁵. Румынских солдат попало в окружение между 5000 и 12 600 человек. Еще в окружении оказалось несколько сотен итальянских солдат и несколько десятков хорватов. Южнее Сталинграда, на Дону, сражалась 2-я венгерская армия; она была недостаточно хорошо вооружена и плохо снабжалась, как и румынские части. 12 января на позиции 2-й венгерской армии началось наступление — за двенадцать дней боев погибло 105 тысяч венгерских солдат. Это была самая

большая военная катастрофа венгров со времен турецкого ига¹⁶⁶.

Причиной окружения 6-й армии была эмоциональная одержимость Гитлера захватом Сталинграда, втянувшая острие клина наступления 6-й армии в сеть уличных боев, а всю армию — в статический процесс бесконечного износа собственных сил, который был несравненно тяжелее для нее, чем для противника, и к которому она была менее приспособлена¹⁶⁷. Хотя Жуков строго ограничивал свою задачу окружением 6-й армии, но на деле удар был нанесен с такой силой, что германский фронт был разбит. Паулюс был вынужден оборонять Сталинград как оперативный очаг обороны. Вместе с тем такое ограничение целей Жуковым дало Гитлеру время организовать деблокирующую армию, которую возглавил Манштейн.

Прорыв под Сталинградом был осуществлен советскими войсками на участках обороны союзников Германии. Первоначально войска союзников Германии на Восточном фронте состояли в основном из небольших отрядов — отборных частей, входивших в состав соединений вермахта, а с 1942 г. из них стали формировать корпуса и даже армии, воевавшие на огромном расстоянии от родины. Было совершенно очевидно, что такие соединения могли поставить под угрозу весь Восточный фронт, но Гитлер был опьянен цифрами и на своей карте видел только количество дивизий. На опасность использования этих соединений указывал Гитлеру Цайтцлер¹⁶⁸.

После того как ловушка для 6-й армии захлопнулась, самым правильным решением для 6-й армии было — 19—22 ноября покинуть позиции в Сталинграде и пробиваться из окружения. Совершить такой шаг командование 6-й армии по собственному почину не могло, а Гитлер 24 ноября запретил всякие попытки прорвать-

ся из котла: «Там, где ступит нога немецкого солдата, он останется. Можете быть уверены, что никто и никогда не выбьет нас из Сталинграда»¹⁶⁹. После войны Паулюс справедливо отмечал, что если бы 6-я армия взяла инициативу в свои руки, то этот факт вызвал бы кризис в системе руководства войсками, который привел бы к самым плачевным результатам¹⁷⁰. Гитлер упорно настаивал на овладении Сталинградом, и ослабленная 6-я армия вгрызалась в советскую оборону в городе. Чем дольше продолжались бои, тем больше захват последних метров земли в Сталинграде превращался для Гитлера в вопрос престижа, особенно в свете неудач в Африке и на Кавказе. Престиж, а не соображения стратегии, диктовал необходимость овладения развалинами города¹⁷¹.

Паулюс не был бунтарем, а вот Рейхенау, Гудериан или Гепнер, возможно, повели бы себя иначе. В Сталинграде находился один человек, мнение которого отличалось от мнения Паулюса, — генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, командир LI корпуса. Он убеждал Паулюса не подчиняться приказу фюрера и требовал на свой страх и риск осуществлять прорыв из котла¹⁷². Было бы заблуждением думать, что в эпоху раций и телетайпов какой-то генерал мог бы действовать, как комендант крепости в эпоху Фридриха Великого, принимая решения, противоречащие воле командования. Не прошло бы и часа, как эти намерения открылись бы и его тотчас отстранили бы от командования. Как и Зейдлиц, некоторые командиры корпусов, дивизий и штабные офицеры действительно были полны решимости вырваться из котла, но полковые и батальонные командиры вовсе к этому не стремились. Их войска окопались и не хотели покидать теплые землянки ради рискованного марша через глубокие снега. Солдаты не хотели трогаться с места еще и потому, что верили обещанию Гитлера массированным ударом

извне прорвать окружение. Лозунгом тех дней стали слова Паулюса: «Держитесь! Фюрер спешит вам на помощь!»¹⁷³ Боевой дух 6-й армии продолжал оставаться на высоте. Молодые немецкие солдаты, возмужавшие при тоталитарном режиме, вовсе не задавались вопросом, почему они оказались в таком бедственном положении. Одного слова Гитлера для них было достаточно — они искренне верили, что фюрер не оставит их в беде.

После Сталинграда Гитлер выбрал двух человек на роль архитекторов обновления — Манштейна и Гудериана. Эти блестящие полководцы независимо друг от друга сформулировали принципы ведения войны — возвращение к активной обороне на широком фронте, к маневренной войне, где противника «выманивают» вперед, окружают и уничтожают, на манер Танненбергской битвы в августе 1914 г.

27 ноября 1942 г. генерал-фельдмаршал Манштейн взял на себя командование вновь созданной группой армий «Дон». Первым делом Манштейн поставил цель: удержать фронт на Дону-Чире — иначе будет потеряна не только 6-я армия, но и вся группа армий «А» на Кавказе, а там около миллиона немецких солдат. Участок Дон-Чир удерживала оперативная группа генерала Карла Холлидта¹⁷⁴. Что касается Гудериана, то он в качестве генерал-инспектора танковых войск получил полномочия и старшинство над командующими; контроль всех бронетанковых и мобильных сил в сухопутных войсках; прямую связь с артиллерийско-техническим управлением и министерством вооружений и — самая поразительная из всех уступок Гитлера — равные полномочия в руководстве танковыми силами, приданными или укомплектованными личным составом Ваффен-СС и Люфтваффе¹⁷⁵.

После того как 6-я армия была отрезана, Манштейн 9 декабря бодро обещал деблокировать ее к 17 декаб-

ря, но обещание свое исполнить не смог, хотя довольно близко продвинулся к кольцу советского окружения. Не сдержал слова и Геринг, который надеялся на то, что, как и под Демянском в 1942 г., окруженных удастся обеспечить всем необходимым с воздуха. В порыве преданности фюреру он безответственно обещал Гитлеру, что 6-ю армию можно будет снабдить по воздуху. Хотя даже без учета плохих погодных условий, изношенности самолетов и противодействия авиации противника это обещание совершенно невозможно было выполнить¹⁷⁶. Организовывая снабжение 6-й армии по воздуху, 4-й воздушный флот потерял 550 машин — это треть действовавших самолетов. В среднем с 25 ноября по 11 января тоннаж перевозок составлял 104,7 тонн. За этот период было эвакуировано 24 910 раненых¹⁷⁷. Немецкий ветеран Сталинградской битвы Гельмут Вельц вспоминал, что он со своими солдатами часто видел, как немецкие самолеты снабжения летели за Волгу и назад не возвращались. Запеленгованные противником и ложно наводимые им, они, вероятно, приземлялись в плохую погоду на советских аэродромах. Последствия этого были ясны...¹⁷⁸

12 декабря 1942 г. Гитлер запретил самостоятельный выход 6-й армии, обосновывая, среди прочего, свой приказ тем, что тогда придется оставить артиллерию на конной тяге, ибо лошади ослабели от бескормицы. «Если бы это были не лошади, — сказал Гитлер, — а русские, я бы сказал, что русский съест другого русского и таким образом подкрепитя. О лошадях я такого сказать не могу — они не будут есть друг друга»¹⁷⁹. 21 декабря Манштейн по прямой линии говорил с Растенбургом, в последний раз убеждая Гитлера, что 6-я армия должна свертывать лагерь и пробиваться на юг. «Я не могу понять, о чем вы говорите, — сказал Гитлер. — У Паулюса бензина не хватит и на 15 км. Он сам говорил, что теперь не сможет вырваться»¹⁸⁰. Офицер-сапер

Гельмут Вельц риторически вопрошал, разве не связала бы 6-я армия еще большие силы РККА, если бы начала отход на запад? Он писал: «Тогда Красная армия, не зная наших намерений, оказалась бы вынужденной не только бросить навстречу нашим войскам сильные дивизии и преследовать нас моторизованными частями; ей пришлось бы выслать параллельно нашему движению сильные охранения, чтобы иметь возможность парировать всякие неожиданные отклонения»¹⁸¹.

Внутри кольца численность 6-й армии постоянно сокращалась. Между 22 ноября и 7 января она лишилась более 50 тысяч солдат. Кто-то погиб в бою, но многие умерли от голода, болезней или обморожений. Полковник Динглер из 3-й моторизованной дивизии вспоминал: «В первых числах декабря погода была терпимая. Однако затем пошел снег, и стало ужасно холодно. Жизнь превратилась в одно сплошное страдание... Нам не хватало самого необходимого. Нам не хватало хлеба. Но хуже было то, что нам не хватало артиллерийских снарядов, и совсем плохо — что мы лишились горючего. Горючее означало для нас все. Пока мы имели горючее, мы могли греться... До Рождества дневной рацион хлеба на одного человека составлял 100 граммов. После Рождества этот рацион уменьшился до 50 граммов. В дальнейшем лишь тот, кто находился на передовой, получал 50 граммов в день. Тем, кто служил в штабе полка и выше, хлеб вовсе не полагался. Они получали лишь суп, который мы заправляли костями мертвых лошадей, выкопанных из земли. В качестве рождественского угощения армии позволили забить 4 тысячи лошадей»¹⁸². Если Геринг так и не умерил свой аппетит и все прибавлял в весе, то начальник ОКХ генерал Цейтцлер, видимо, в знак солидарности с голодающими в Сталинграде, урезал свое потребление пищи до размеров их пайка. По словам Шпеера, за две неде-

ли он похудел на 12 кг. Когда Гитлер узнал об этой диете, он категорически приказал Цейтцлеру немедленно вернуться к нормальному питанию, но в «честь героев Сталинграда» запретил распивать в Ставке коньяк и шампанское¹⁸³.

Между тем 23 декабря, когда три танковые дивизии Гота рвались к Сталинграду, где их с нетерпением ждали солдаты 6-й армии, неожиданно последовал мощный советский прорыв позиций слабых итальянских войск на Среднем Дону. Таким образом, фланг группы генерала Холлидта оголялся, и Манштейну ничего не оставалось, как приказать Готу снять одну из трех танковых дивизий, которые рвались к Сталинграду. Оставшись с двумя измотанными дивизиями, Гот пришел к выводу о невозможности продолжения наступления на Сталинград для деблокирования 6-й армии¹⁸⁴.

Кольцо окружения 6-й армии охраняло семь советских армий, в состав которых входило 94 дивизии. Внутри кольца оказалось, по утверждениям немецкой стороны, 20 дивизий 6-й армии и 4-й танковой армии, две румынские дивизии и хорватский полк. Среди окруженных частей было много «хивис» (20—50 тысяч) из числа советских военнопленных — те из них, кто пережил окружение, были расстреляны¹⁸⁵. 1 января Гитлер еще раз заверил 6-ю армию, что не бросит ее на произвол судьбы. Немецкий ветеран Сталинградского сражения вспоминал, что солдаты горько иронизировали над теми, кто не скупился на безответственные обещания. О Манштейне говорили, что деблокировать он не может и думает: дай бог мне самому спастись. О Фибиге, командире 8-го авиакорпуса, сложили каламбур: «*Fluchtrichtung beliebig, gezeichnet Fibieg*» (приказ: беги, куда глаза глядят; подписал Фибиг)¹⁸⁶.

Получив отказ на ультиматум сдаться, 10 января советские войска начали наступление всеми силами.

На протяжении ночи советская артиллерия разбивала внутреннее кольцо обороны 6-й армии, а на рассвете начала прорыв. В этот момент большинство немецких солдат разделяли мнение полковника Зелле: «над нами опустилась могильная плита». Среди немецких солдат прошел слух, что, — поскольку Паулюс отверг сдачу, — Жуков приказал пленных не брать, поэтому многие немецкие подразделения сражались до последнего патрона и затем совершали массовые самоубийства. Самоубийства вообще стали так часты, что Паулюс в специальном приказе объявил их «недостойными»¹⁸⁷. Командир 71-й дивизии генерал Гартман и его начальник штаба были против продолжения бесперспективной борьбы и предпочли запрещенное Паулюсом самоубийство — они в полный рост вышли на передовую и погибли. Немецкий мемуарист передавал, что на следующий день радио Берлина захлебывалось от восторга — «Германский генерал погиб за фюрера, народ и Рейх на передовой с винтовкой в руках!»¹⁸⁸ Голодающие, плохо экипированные немецкие войска, отрезанные от своих коммуникаций, противостояли численно превосходящему противнику, но дрались они яростно. Вместе с тем, ветеран 6-й армии, переживший плен, писал, что в немецкой армии в Сталинграде были и дезертиры. Однажды, подыскивая со своим адъютантом место для размещения своего батальона, он нашел целый подвал, забитый дезертирами, которые отказывались выполнять приказы и в оцепенении от холода жались в этом подвале. Когда офицер пытался привести их в чувство, они напали на него и его адъютанта, пытаясь сорвать с них одежду — тем едва удалось вырваться из подвала. Вельц писал: «Это могила погребенных заживо. Это солдаты, которые когда-то вышли на войну, солдаты, которые побеждали в Польше, Норвегии, Франции, на Балканах, а в начале и здесь. Они больше не верят, что нам удастся выбраться отсюда; они

уже покончили счета с жизнью — мужчины от двадцати до сорока, которых дома ждут их семьи»¹⁸⁹.

Впрочем, в большинстве своем до самого последнего момента голодным, изможденным, разочарованным и ожесточившимся войскам 6-й армии удалось сохранить воинскую дисциплину. Те немногие подразделения, которые еще оставались боеспособными, сохраняли свой высокий боевой дух. Чтобы разрезать оборону немецких войск, Красная армия нанесла удар в глубину кольца. К 16 января советские войска захватили Питомник — главный аэродром 6-й армии, другой немецкий аэродром — Гумрак — пал 23 января. Сжатые на небольшом пространстве, раздробленные на отдельные группы остатки 6-й армии закончили свое существование в последних числах января¹⁹⁰. 24 января начальник оперативного отдела 6-й армии послал Манштейну донесение, что последний бой будет дан на окраинах города в южной его части 25 января, а Тракторный завод, возможно, продержится дольше. В донесении говорилось о 20 тысячах раненых, лишенных всякой помощи. Советские войска теснили 6-ю армию к железному барьеру 62-й армии Чуйкова, стоявшей в руинах самого города. 23 января советские войска захватили взлетно-посадочную полосу Гумрака, и у немцев оборвался последний контакт с внешним миром. Сражение тянулось еще неделю — теперь снова в городе, в разрушенных зданиях, в подземных катакомбах, где шли сентябрьские бои, на «Красном Октябре» и Мамаевом кургане. Паулюс так и не отдал общего приказа по армии о сдаче и 30 января отправился в плен только с личным составом своего штаба. Различные командиры отдельных участков обороны договаривались о сдаче сами. Фактом является то, что командование 6-й армии формально так и не объявило о капитуляции. Ведение переговоров о сдаче фактически было оставлено младшим офицерам вермахта. Даже после

того, как Паулюс попал в плен, он отказался подписать или издать приказ, предписывающий солдатам сложить оружие. Советским офицерам он объяснил, что не имеет права издавать такой приказ, поскольку находится на положении военнопленного¹⁹¹.

В конечном счете германские части были вынуждены отойти в развалины самого Сталинграда. 26 января остатки 6-й армии были расчленены на две части, затем на три. Они оказались примерно в такой ситуации, в какой была советская 62-я армия незадолго до этого. В окружении оказалось 20 тысяч раненых, которые были обречены...¹⁹² В центре Сталинграда бои закончились 31 января. На Тракторном заводе и на заводе «Баррикады» бои продолжались и 1 февраля¹⁹³. 6-я армия, учитывая ее физическое состояние и нехватку техники и боеприпасов, оказала советским войскам удивительно упорное сопротивление. Об этом со всей уверенностью можно судить по количеству потерь в советских войсках за первые три дня наступления. Почти половина советских танков была уничтожена, а потери в личном составе превысили 20 тысяч человек. Наступавшие цепью пехотинцы были прекрасной целью для засевших в окопах немцев, но советское командование это мало заботило. Свой гнев за смерть товарищей советские солдаты и офицеры вымещали на взятых в плен, исхудающих и заеденных вшами немцах. Некоторых убивали на месте, другие погибали по пути в лагерь¹⁹⁴.

Альберт Ситон писал о марше в плен оставшихся в живых солдат 6-й армии: «Время от времени на колонны военнопленных совершались набеги с целью приобретения их личных вещей. Иногда этим занимались бойцы Красной армии, но чаще мирные жители. Колонны военнопленных сопровождалась лишь небольшим числом охранников, но многие из пленных, которые падали от усталости или болезни, попадали в

руки вооруженных банд мародеров, состоявших из гражданских лиц. Последние неотступно следовали за хвостом колонны. Отставших военнопленных больше уже никто никогда не видел. В конце концов, пленных грузили в поезда и отправляли через Саратов, Оренбург и Энгельс в направлении Ташкента и северного Афганистана. На каждой остановке из товарных вагонов выгружали мертвых, до места добралась половина»¹⁹⁵. Хотя официальная советская политика декларировала гуманное отношение к военнопленным, но на практике случались ужасные вещи. Один из самых страшных случаев произошел в районе Сталинграда в феврале 1943 г., когда советские солдаты уничтожили в Красноармейском и Гришино 600 немецких и румынских военнопленных и гражданских лиц. Общие потери Германии и ее союзников за время Сталинградской битвы составили 1,5 миллиона человек. В развалинах Сталинграда осталось лежать 150 тысяч немецких солдат¹⁹⁶.

Командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко считал, что операция по уничтожению немецких войск в окружении является вредной, поскольку она унесла жизни многих советских солдат: после провала попыток деблокирования 6-й армии нужно было оставить небольшие заслоны против окруженных войск. Окруженная группировка, испытывая острый недостаток всего необходимого, без всяких ударов Красной армии пошла бы на капитуляцию через пару недель. Маршал К. К. Рокоссовский также считал, что операция «Кольцо» породила у многих военачальников бездумное подражание в проведении «уничтожающих» боев и «штурмов» городов и населенных пунктов в лобовых атаках. Нередко потери при таких атаках превосходили людские потери в войсках противника. Многодневный штурм Берлина и лобовые атаки его укреплений подтверждали, что советское ко-

мандование до конца войны так и не избавилось от расточительных способов ведения боев. Поэтому советские потери в личном составе во много раз превосходили потери противника¹⁹⁷. Эти жертвы, однако, нельзя считать совершенно напрасными, поскольку, как писал немецкий историк Герд Юбершер, «Сталинград дал людям предвкушение жестокой, бессмысленной борьбы, которая будет продолжаться до самого конца — до горького поражения, ставшего фактом в 1945 г.»¹⁹⁸.

•6 февраля 1943 г. Манштейн встретился с Гитлером в Сталино; во время этой встречи Гитлер откровенно раскаялся в своих действиях по руководству 6-й армией: «Ответственность за трагический конец 6-й армии лежит только на мне». Манштейн писал: «У меня сложилось впечатление, что он глубоко переживает эту трагедию, и не только потому, что она означала явный провал его собственного руководства, но и потому, что он глубоко опечален судьбой солдат, которые, веря ему, сражались до последнего с такой храбростью и преданностью долгу»¹⁹⁹. Камердинер Гитлера Линге писал, что в начале ноября 1942 г. Гитлер (после прочтения очередного выпуска «Вестей из рейха» СД, в котором говорилось о негативной реакции немецкой общественности на Сталинград) был очень огорчен и даже говорил, что он сам во всем виноват, что, в общем, соответствовало действительности. Правда, через мгновение раздумий, Гитлер язвительно заметил, что баварцы могут возмущаться плохим качеством пива (об этом также доносила СД), когда сотни тысяч солдат в жутких условиях борются за будущее страны²⁰⁰.

Ни одно крупное сражение прошлого, включая Седан и Верден, не повлияло на настроения немецкого народа так, как Сталинградское. В принципе, немецкие войска на Восточном фронте постоянно чувствовали себя во враждебном окружении — партизаны, примитивные условия жизни, отсутствие транспорта или

бездорожье... Но 6-я армия была поглощена не пространством, а в результате осознанной и целеустремленной операции советских войск, операции в стиле немецкого Генштаба. По словам израильского историка Иегуды Валлаха, прусские генералы со времен Клаузевица были одержимы мыслью об охватах, окружении и уничтожении врага. Прорывы на флангах, движение в тылы противника, закрытие путей к отступлению, сужение кольца окружения, уничтожение или пленение противника - в современной войне такое удавалось только немцам: сражение под Танненбергом и окружение 1-й армии генерала Самсонова в 1914 г., окружение под Вязьмой в 1941 г. и другие окружения того же времени... А теперь это же сделала Красная армия; для немцев это был настоящий шок, ведь они чувствовали себя «монополистами» на эту стратегию. В развалинах Тракторного завода в Сталинграде разыгралась битва на уничтожение, которая затмила знаменитую «Верденскую мясорубку» 1915—1916 гг.: за десять недель Сталинградской операции Красной армии группа армий «В» понесла такие же потери, как за десять месяцев Верденского сражения²⁰¹.

Ради справедливости, однако, следует отметить, что этот успех для самого советского командования был скорее сюрпризом, нежели результатом запланированной операции. Сталин утвердил целую серию операций, которые назывались именами планет в том порядке, в каком эти планеты удалены от Солнца, а операции — от Москвы. Операция по окружению немецких войск под Сталинградом называлась «Уран», но она была только незначительной частью первоначального «наполеоновского» планирования советского командования. Самое главное советское наступление началось 25 ноября — это была операция «Марс» (окружение 9-й немецкой армии в районе Ржевского высту-

па). Но операция «Марс» не удалась, и советские военные историки ее «забыли».

В операции «Марс», зная о благоприятном для советской стороны соотношении сил, Жуков сделал основной упор на центральном секторе Восточного фронта. Бои развернулись на центральном направлении, на фронте перед Москвой. Эта операция изначально считалась самой важной из-за близости к Москве немецких войск именно на этом участке. Удар под Сталинградом первоначально рассматривался как вспомогательный, отвлекающий. В качестве отвлекающего он и был нанесен раньше: наступление под Москвой началось 24 ноября, а контрнаступление под Сталинградом — 19 ноября. Это указывает на то, что — вопреки последующим утверждениям советских военных мемуаристов и историков о намерении советского руководства нанести основной удар под Сталинградом — его планировалось нанести с целью «срезать» Ржевский выступ. Этого сделать, однако, не удалось по той причине, что выступ обороняли немцы (9-я армия Моделя), а не румыны... Советские потери в центре в последнем квартале 1942 г. не составляли даже и половины потерь на юге²⁰², отсюда и вывод о первоначальном приоритете операции «Марс». Немцы и после войны продолжали считать, что зимой 1942—1943 гг. Ржевский выступ был краеугольным камнем обороны Восточного фронта. Гитлер ни за что не соглашался его сократить из-за близости к Москве — оставить выступ для него означало оставить надежду на захват Москвы, до которой было всего 150 км: это не дистанция для танковой атаки. Кроме того, операция «Марс» казалась более простой, чем отсечение всего южного фланга вермахта («Сатурн»). Да и проводить глубокие операции прорывов не нужно было — масштабы не такие большие, как на юге, где даже если бы и удалось отсечь немецкие силы на Кавказе, их еще нужно было

удержать... Поэтому предпочтение было отдано операции «Марс»: против группы армий «Центр» советское командование выставило 1,9 миллиона солдат, около 25 тысяч артиллерийских орудий, почти 3,5 тысяч танков и более 1000 самолетов. Против группы армий «Б», являвшейся основным фронтом советских войск в операции «Уран», советское командование приготовило 1,1 миллион солдат, 15,5 тысяч орудий, 1500 танков и не менее 1000 самолетов. В центре Восточного фронта, по сравнению с южным флангом, соотношение сил было чуть менее благоприятным для Красной армии (1,9:1 против 2:1). К тому же в центре было мало частей союзников Германии. Напротив, на юге огромный 400-километровый отрезок по течению Дона от Воронежа до Сталинграда обороняли румыны, венгры и итальянцы. Но на Ржевском выступе Красная армия угодила в ужасающую мясорубку и не смогла продвинуться — Модель, один из самых жестких и энергичных генералов Гитлера, отбил все атаки. О первоначальном приоритете московского направления свидетельствует и то, что советское командование выделило для операции «Марс» большее количество войск, чем для операции «Уран». Очевидно, что Жукова «Марс» интересовал больше, поскольку «Марс» давал ему возможность добиться того, чего ему не удалось осуществить предыдущей зимой во время битвы за Москву — нанести решительное поражение группе армий «Центр». В случае своего успеха операция «Марс» должна была перерасти в операцию «Юпитер» — амбициозный план окружения всей центральной группировки немецких войск²⁰³. Свидетельством первоначального приоритета московского направления было то, что из 20 танковых корпусов РККА для операции «Марс» было сосредоточено 8 корпусов, а на юге — лишь 5. Калининский фронт имел три механизированных корпуса, а на юге их было 2²⁰⁴.

После провала под Ржевом советская Ставка решила, что вслед за Сталинградом следует обратиться к операции «Сатурн», которая по своему замыслу являлась южным эквивалентом планируемого гигантского окружения немецких войск в ходе операции «Юпитер». «Сатурн», который должен был последовать вслед за «Ураном», предусматривал молниеносный удар советских войск в направлении Ростова-на-Дону и создание ловушки для всей группы армий «А» на Кавказе. С этой целью к Сталинграду через Саратов усиленно стали перебрасывать войска, которые и должны были отрезать на Кавказе немецкие войска, выйдя к Ростову. Время, однако, было упущено, поскольку Манштейн энергично пробивался к 6-й армии. Если бы сразу после окружения в Сталинграде все советские танковые резервы были брошены в атаку на Ростов-на-Дону, война бы закончилась в 1943 г., но эти резервы были на центральном участке — их нужно было еще перебросить на юг. Из-за этой задержки Донской фронт приступил к ликвидации 6-й армии только 10 января, после того как получил подкрепление. Воронежский фронт по этой же причине задержался с наступлением до 12 января.

Время было упущено, поэтому Сталин ограничился «Малым Сатурном», то есть созданием угрозы тылам Манштейна. Эта операция в советской историографии называется «Среднедонская» — в среднем течении Дона с 16 декабря советские войска буквально раздавили итальянскую оборону. Манштейн был вынужден отнять часть сил у своего авангарда, спешившего на помощь 6-й армии. Сталинградский «котел» советским войскам удалось сохранить, но операция «Сатурн» провалилась. Ко всему прочему, советская разведка неправильно оценила численность врага под Сталинградом. Даже в январе 1943 г. разведчики докладывали, что в «котле» в три раза меньше солдат, чем было на самом деле²⁰⁵.

В целом к концу зимней кампании 1942—1943 гг. картина была не такая радужная, как ее рисовали в советской историографии: операция «Марс» закончилась неудачно и стоила Красной армии порядка 350 тысяч человек, включая 100 тысяч погибших: группа армий «Центр» удержала свои позиции. О еще более амбициозной операции «Юпитер» вовсе пришлось забыть. Операция «Уран» блестяще удалась, но замысел предусматривал дальнейшее наступление на Ростов-на-Дону (операция «Сатурн»), Это не удалось осуществить, и новая операция называлась «Малый Сатурн»; она была направлена на пресечение деблокирования 6-й армии. В ретроспективе все советские неудачи испытал ошеломляющий успех операции «Уран». Впоследствии советские генералы писали, что все произошло так, как и было задумано — подобное отношение к успехам характерно для всех политиков. С тех пор имеет хождение популярная история о том, что советские войска специально заманили немцев под Сталинград, окружили, а затем уничтожили. Другая история Сталинграда — это советская неудача выиграть великую битву — ту, которую действительно хотели выиграть: изгнать в 1943 г. все германские армии из центральной и южной России²⁰⁶. Иными словами, после окружения 6-й армии под Сталинградом только опыт и оперативное мастерство Манштейна и Гота спасло от той же участи немецкие армии на Кавказе и весь немецкий южный фланг. Манштейн позже говорил, что упорное сопротивление 6-й армии в окружении, а также упорство 4-й танковой армии связало так много советских сил, что позволило спасти немецкие войска в Крыму, на Кавказе и на Украине. В начале 1943 г. перед Манштейном стояла исключительно сложная задача, но он сумел ее решить. С присущим ему хладнокровием и рассудительностью, он мастерски руководил боевыми действиями, вовремя идя на риск и умело перебрасыва-

вая, в зависимости от обстановки, свои небольшие резервы с одного участка на другой. Примером такого рода оборонительной стратегии могут служить действия главнокомандующего армией южан генерала Роберта Ли в Гражданскую войну в США, в Виргинии летом 1864 г.²⁰⁷

Гибкая тактика Манштейна и его мастерство более чем на полгода отодвинули освобождение Левобережной Украины. Ошибка советского командования при выборе направления главного удара (Ржевский выступ) и чрезвычайно медленная реакция на изменение обстановки стали причиной затягивания войны и неоправданно высоких людских потерь.

Более всего поражение под Сталинградом ударило по престижу Геринга, который не смог повторить опыта Демянска, когда немецкие части, окруженные у озера Ильмень, почти два месяца снабжались по воздуху, а потом с боями вышли из окружения. Для снабжения окруженной 6-й армии Геринг обязался поставлять ежедневно 500 тонн грузов. Воздушный мост начал работу уже 25 ноября, но по причине плохой погоды за первые два дня доставили только 65 тонн, на третий день 6-я армия не получила ничего, и лишь на шестой день удалось доставить 100 тонн грузов. В начале января 1943 г. только трехмоторных Ю-52 под Сталинградом было 240 единиц, Хе-130 — 130 единиц, но все усилия Люфтваффе были напрасны — не удалось даже достичь показателя в 300 тонн ежедневно²⁰⁸. Из-за возможного выхода из войны Италии Гитлер, казалось, был больше озабочен положением дел у Роммеля, чем судьбой 6-й армии — до такой степени он полагался на Геринга и его летчиков, которые все-таки вывезли из Сталинграда 25 тысяч раненых и 10 тысяч ценных специалистов²⁰⁹ (для сравнения — около 100 тысяч погибло в боях²¹⁰), доставили в Сталинград 8350 тонн грузов

(160 тонн ежедневно), но потеряли при этом 266 Ю-52, 165 бомбардировщиков Хе-111, 42 бомбардировщика Ю-86 и 9 четырехмоторных бомбардировщиков Фокке-вульф-200. Один только в середине декабря прорвавшийся через боевые порядки итальянской 8-й армии советский танковый корпус генерала В. М. Баданова уничтожил на аэродроме Тацинский 72 Ю-52. Эти потери в целом соответствовали гибели целого авиакорпуса, и от них Люфтваффе уже не смог оправиться до самого конца войны; господство в воздухе перешло к советским и союзническим ВВС, которые получили возможность оказывать непрерывное давление на немецкий фронт. На переднем крае и вблизи него каждый из немецких солдат должен был все время следить за воздухом, готовый одним прыжком укрыться в убежище при появлении вражеского самолета. Такой пристально устремленный в небо взгляд солдаты иронически называли «немецким взглядом» *deutsche Blick*), по аналогии с «немецким салютом» (*der deutsche Gruß*), нацистским приветствием...²¹¹

После Сталинградского сражения немецкое армейское руководство и Гитлер пересмотрели свое отношение к Красной армии, но было уже поздно. На общественное мнение в Германии Сталинград произвел сильнейшее впечатление по той причине, что до Сталинграда вермахт потерял убитыми 371 000 солдат, а в одной Сталинградской битве — 108 000. Поражение под Сталинградом повергло в ужас немецкий народ — никогда прежде за всю историю Германии не было случая гибели такого количества войск. Несмотря на то что кроме 6-й армии были разгромлены также итальянская, венгерская и румынская армии, немецкому командованию удалось стабилизировать фронт и предотвратить прорыв советских войск на стратегическую глубину. В результате блестящей операции, проведенной фельдмаршалом Манштейном, был даже отбит

Харьков. Но брешь, образовавшуюся вследствие потери 20 лучших дивизий 6-й армии, так и не удалось закрыть. Манштейн указывал, что с начала декабря 6-я армия приковывала к себе шесть крупных советских соединений. Если бы в начале января Паулюс сдался, ситуация для групп армий «Дон» и «Кавказ» могла обернуться катастрофой²¹². Важно отметить, что советские войска, занятые ликвидацией 6-й армии, не имели возможности воспрепятствовать отводу немецких войск с Кавказа. Может быть, в этом и был смысл борьбы 6-й армии в безнадежных условиях? С 10 января по 2 февраля, то есть более трех недель, остатки 6-й армии вели бой с превосходящими силами Красной армии — это уже внушительное достижение. Начальник немецкого Генштаба Курт Цайтцлер с восхищением писал, что если иметь в виду физическое напряжение войск, их психическое состояние, а также климатические условия, в которых они сражались, их достижения можно было бы удвоить и даже утроить²¹³.

С приближением новой военной зимы 1943 г. германскую армию стало охватывать чувство угрюмого отчаяния, растущей уверенности, что война проиграна, но конца ее при этом не видно. Солдаты вермахта все еще находились в глубине России. В отличие от зимы 1944—1945 гг., когда они были охвачены героическим безумием, сейчас они медленно отступали по враждебной им земле, все время находясь в численном меньшинстве, постоянно нуждаясь в горячем и боеприпасах, пересиливая себя и эксплуатируя технику за пределами допустимого. Особенно всех угнетала наступающая зима с ее морозами и неустроенностью. Майор-артиллерист Густав Кройц из 182-й дивизии писал в ноябре 1942 г.: «К концу месяца мы получили пополнение, новые самоходные пушки численностью до батальона. Их обслуживали совсем молодые юноши с несколькими офицерами и унтер-офицерами, которые

участвовали в боевых действиях в Италии. Они тут же стали жаловаться на холод. Они жгли костры днем и ночью и ломали на дрова деревянные строения, которые могли бы еще пригодиться. Как-то мне пришлось резко поговорить с ними об этом, и один из них ответил, что термометр опустился ниже десяти, и что разве это не чрезвычайный случай? Я ответил, что скоро термометр покажет не десять, а двадцать пять ниже нуля, и что в январе будет и сорок. Это доконало беднягу и он зарыдал»²¹⁴.

Пересмотр Гитлером своего отношения к советской армии выразился в речи перед гауляйтерами 6 мая 1943 г., в которой он сказал, что война началась как столкновение между революционными и буржуазными государствами, причем буржуазные государства легко были побеждены. Он сказал, что, в отличие от Запада, на Востоке идет борьба с таким же мировоззренческим, как и Германия, государством, там идет война идеологий. «Советские солдаты, проникнутые еврейско-большевистской идеологией, ведут войну с такой энергией и таким высоким боевым духом, которые сравнимы только с боевой моралью войск СС». Гитлер сказал, что он пришел к убеждению, что большие чистки офицеров до войны не ослабили, а, наоборот, усилили Красную армию²¹⁵. Эти озарения Гитлера явно носили запоздалый характер. Со своей стороны, у солдат после Сталинграда снизилось доверие к военному руководству: анализ сталинградских писем, проведенный информационным отделом минпропа, показал, что лишь 2,1 % авторов позитивно высказывались по отношению к военному руководству, 4,4 % высказывались неопределенно, 57,1 % высказывались отрицательно. В одном из писем из Сталинграда были такие строки: «Нам говорили, что мы боремся за Германию, но теперь здесь осталось очень немного тех, кто продолжает верить в

то, что наши жертвы были не напрасны». Или в другом письме: «Мы остались одни, Гитлер нас бросил»²¹⁶. «Я не трус, — писал третий солдат, — но жаль, что мне некому сказать, что я свой долг выполнил до конца, жаль только, что погибать пришлось за преступное дело»²¹⁷. Настроения армии начали постепенно распространяться и на гражданское общество, которое все более стало сомневаться в режиме. СД в этот период передавала, что в центре внимания после Сталинграда оказалась длительность войны... Стали слышны голоса тех, кто сравнивал Положение в 1943 г. с тем, что сложилось в Германии осенью 1918 г.²¹⁸

Означало ли это, что Гитлер потерял доверие и расположение армии? Нет, ибо основная масса фронтовиков, прежде всего на Восточном фронте, по-прежнему оставалась верна руководству. Однако гитлеровское оперативное упрямство, его приказы держаться любой ценой привели к катастрофе в Сталинграде, что вызвало желание у немецких генералов (и не только на Восточном фронте) ввести должность единого начальника Генштаба, генералиссимуса, который соединил бы все нити военного руководства или, по крайней мере, взял бы на себя руководство на Восточном фронте (Гитлер вряд ли отказался бы от общего военного руководства). По мнению Г. К. Жукова, став командующим сухопутными войсками, Гитлер существенно ограничил инициативу немецкого Генштаба: «Шедшие теперь от Гитлера приказы стали непререкаемыми в большей степени, чем этого требовали интересы дела. Существовавший в вермахте уровень самостоятельности в решении оперативных вопросов снизился»²¹⁹.

Для преодоления такого положения 6 февраля 1943 г. фельдмаршал фон Манштейн предложил Гитлеру ввести самостоятельное командование Восточным фронтом; то же советовали фельдмаршал Мильх и генерал-полковник Гудериан, но Гитлер пропустил эти предло-

жения мимо ушей. Разумеется, эти попытки не означали какой-либо военной оппозиции по отношению к Гитлеру со стороны высшего руководства вермахта, а только желание генералов в будущем избежать роковых ошибок. Только небольшая группа молодых офицеров на Восточном фронте во главе с офицером Генштаба полковником Х. фон Тресковым пыталась действовать и организовала покушение на Гитлера, но 13 марта 1943 г. тот невредимым покинул самолет — взрывное устройство, подложенное заговорщиками, не сработало.

Как упоминалось выше, после Сталинградской победы на южном участке Восточного фронта зимой 1942—1943 гг. Сталин хотел большего, нежели окружение одной армии — он хотел отрезать около одного миллиона немецких солдат группы «А» на Кавказе. Тщательно и долгое время готовившийся, оплаченный огромными жертвами, потерей колоссальной территории и реальной угрозой поражения в войне, великий удар, наконец, должен был быть нанесен — здесь, у Волги, в центре матушки-России. Настало время мощного контр-удара, подобно контрудару по Наполеону в 1812 г. Задействовав восемь ударных армий в направлении на Ростов и на нижнее течение Днепра, Сталин хотел отрезать, а затем уничтожить весь левый фланг немецкого фронта; это семь армий, то есть должно было состояться семь Сталинградов разом. Бесспорно, это означало бы окончание войны уже к лету 1943 г. Когда 6-я армия была надежно зажата под Сталинградом, для последней атаки с целью ее уничтожения советским войскам потребовалось 23 дня. Такое наступление не было необходимым; фактически оно, вероятно, помешало более крупному триумфу Красной армии. 6-ю армию можно было оставить погибать в окружении; если бы основные советские силы были брошены про-

тив Манштейна, удерживавшего ростовские ворота, они могли бы захлопнуться перед Клейстом, и СССР одержал бы двойную победу. Немецкий генерал Фридо фон Зенгер унд Эттерлин указывал: «Только слабые силы должны были удерживать окруженную немецкую армию, в то время как сильные части нужно было освободить для преследования и осуществления многих других заманчивых стратегических задач». Советские войска при развитии своего успеха были медлительны и слишком негибки, чтобы воспользоваться появившимися возможностями; их стратегия оказалась далеко не блестящей; они просто медленно и тяжело разрабатывали ошибки немцев²²⁰.

Упоминавшийся выше 24-й (позже 2-й) танковый корпус генерал-лейтенанта Василия Михайловича Баданова, составлявший авангард 1-й гвардейской армии, прорвал фронт 8-й итальянской армии и 23 декабря 1942 г. приблизился к станции Тацинской, важному центру снабжения Сталинграда и важному передовому аэродрому. Тацинская находилась в 240 км позади разбитого итальянского фронта. Корпус прошел это расстояние за пять дней — это сопоставимо со знаменитым рейдом Манштейна на Двинск в первую неделю войны (56-й танковый корпус Манштейна прошел 270 км за четыре дня)²²¹. Потеря Тацинской была страшным ударом для немцев, поскольку от Тацинской до Ростова Баданову оставалось каких-то 130 км. Генерал-фельдмаршал Манштейн (командующий группой армий «Дон») знал, что целеустремленный танковый командир сможет преодолеть это расстояние в три дня и отрезать огромные немецкие силы на Кавказе. Опасность для немцев росла не по дням, а по часам. Манштейн это сознавал больше, чем кто-либо другой. Когда он просил у Гитлера подкрепления, тот отвечал, что ничего нет, а когда предлагал стратегически неизбежное отступление, Гитлер начинал говорить о кавказской

нефти... Манштейн оказался в очень тяжелом положении, ему приходилось сражаться и со Ставкой Гитлера и удерживать фронт. Любой другой командир опустил бы руки, но Манштейн нашел выход. Он прибег к хитроумной системе стратегических уверток²²². Манштейн собрал в Новочеркасске совещание, на котором попросил командира 4-й танковой армии Гота передать ему одну дивизию для ликвидации прорыва Баданова. Это было серьезное решение, ибо с передачей самой сильной 6-й танковой дивизии генерала Рауса Гот терял последнюю надежду на возможность удержать свои позиции в 50 км от Сталинграда и возобновить деблокирование 6-й армии. Дивизия Рауса вскоре перешла в подчинение группы генерала Карла Холлидта, где полковник Вальтер Венк, энергичный импровизатор, построил из разнородных соединений первую слабую линию обороны. 23 декабря 11-я танковая дивизия генерала Вильгельма Балька из оперативной группы Холлидта вместе с 6-й танковой дивизией также была брошена против Баданова²²³.

В широкой заснеженной степи между Калитвой и Чиром немецкие танковые полки продемонстрировали современную танковую тактику — уже к 24 декабря передовой отряд 6-й танковой дивизии Рауса вышел в район севернее Тацинской; таким образом, советские войска были взяты в клещи. На освобождение Баданова Ватутин направил все имеющиеся в его распоряжении силы, но они не смогли пробиться, и в тяжелом ночном бою корпус Баданова был уничтожен. К 28 декабря все было кончено. Отдельные советские части прорвались к своим. Корпус Баданова, который в самое Рождество так обнадеживающе начал наступление на Ростов, перестал существовать. Советское командование отметило доблестное сопротивление танкистов Баданова, и его танковый корпус был вновь сформирован, получив название «2-й Тацинский», а сам

Василий Михайлович Баданов стал первым советским офицером, награжденным орденом Суворова (2-й степени). Совершенно ясно, что образцом для операции Баданова послужила немецкая тактика танковых прорывов крупными силами. Успех не был развит по той причине, что немецкие танковые командиры все еще превосходили советских в мастерстве. Об этом свидетельствует судьба советского 25-го танкового корпуса, который попал в ловушку и был разгромлен танкистами генерала Рауса (6-я танковая дивизия)²²⁴. Потери советского корпуса составили 90 танков Т-34, а Раус потерял 23 танка. Поскольку последние остались на немецкой территории, то ремонтные роты быстро поставили большинство из них в строй.

Столь же опасным было наступление на Донец советских 6-й и 1-й гвардейских армий на северном фланге группы «Дон». Оперативная группа Фреттер-Пико справилась со своей задачей у Миллерово. К отражению атаки советских войск были привлечены учебные полки и новобранцы. Группа Фреттер-Пико благодаря своей гибкой тактике смогла стать надежной преградой советскому продвижению между Доном и Донцом.

С уничтожением двух советских танковых групп на северном фланге группы армий «Дон», Манштейн ликвидировал непосредственную угрозу Ростову. Успешные немецкие оборонительные бои между Доном и Донцом сохранили открытой дверь для находившихся на Кавказе немецких войск и предотвратили их окружение советскими войсками. На Маныче (южный фланг группы армий «Дон», линия ослабленной 4-й танковой армии Гота) Манштейну, однако, катастрофически не хватало сил для преодоления кризиса. Гот медленно отводил свои войска с одной отсечной полосы к другой, сознавая свою ответственность за дальнейший ход сражения — он должен предотвратить прорыв советских войск к Ростову с юга, как это сделали

оперативные группы Холлидта и Фреттер-Пико с севера.

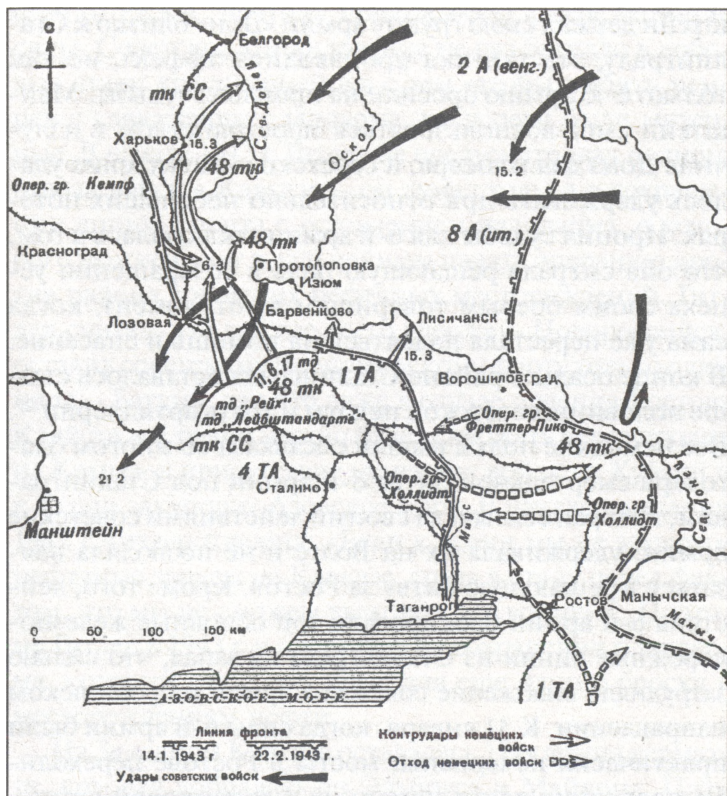
Лишь в последних числах декабря Гитлер дал санкцию на отвод войск с Кавказа — в этот момент части немецкой 1-й танковой армии стояли на Тереке в 650 км от Ростова. Карта обстановки на южном фланге Восточного фронта выглядела для немцев устрашающе — повсюду были красные стрелы, обозначающие направления советских ударов, и тонкие линии немецкой обороны тонули в этом красном море. Между соединениями Гота и оперативной группой Холлидта на Дону усилиями советских 2-й гвардейской и 51-й армий (Южный фронт А. И. Еременко) образовалась новая опасная брешь в 40 км. Красная армия настойчиво наступала на Ростов. В авангарде этого наступления шел 7-й (с апреля 1943 г. — 3-й) гвардейский танковый корпус генерала П. А. Ротмистрова, прославленное в боях под Сталинградом соединение. Масштабы напора советских танковых сил были таковы, что в штабе группы армий «Дон» в Новочеркасске начали сомневаться, сможет ли группа армий «А» генерал-фельдмаршала Листа проскользнуть в Ростов через узкую щелку²²⁵. Был эпизод, когда советские танки прорвались прямо к штабу Манштейна, и он лично организовывал штабной персонал для отпора — этот эпизод весьма характерен для той драматической для немцев ситуации. В этот момент было достаточно одного танкового полка под командованием целеустремленного человека: Ростов бы пал, и война закончилась бы в начале 1943 г. Но советские танковые части также растянули свои пути снабжения и стали испытывать трудности, к началу января 1943 г. они были истощены. Несмотря на грозные и настойчивые приказы Сталина взять Ростов, ничего не получалось... Только 20 января передовые части Южного фронта Еременко форсировали Маныч — в этот момент трем немецким ар-

миям с Кавказа оставалось пройти до Ростова 30 км. Всего лишь 30 км, и будет решено, состоится новый Сталинград для почти миллиона немецких солдат, или нет. Для того чтобы устранить угрозу с Манычского плацдарма советской армии, Манштейн вернул Готу 11-ю танковую дивизию Балька, которая была отобрана у него для ликвидации прорыва Баданова²²⁶.

На самых близких подступах к Батайску (рядом с Ростовом), у деревни Самодуровка батальон лейтенанта Клаппиха смог удержать танки Ротмистрова до подхода 11-й танковой дивизии Балька (23 января)²²⁷. Клаппих за этот подвиг был удостоен Рыцарского креста с Дубовыми листьями. Эффект от удара дивизии Балька (по степени одаренности и энергичности этого офицера сравнивали с Роммелем) был полный, поэтому потери у корпуса Ротмистрова были так велики, что ни о каких активных действиях в ближайшее время не могло быть и речи, о чем он и сообщил Малиновскому, командующему 2-й гвардейской армией. У 2-й гвардейской армии к концу января было 29 танков и 11 противотанковых орудий, поэтому, несмотря на категорический приказ Сталина, взять Ростов не удалось.

Немецкий исход с Терека занял тридцать дней. Ночными маршами к Ростову шли 3-я берлинская танковая дивизия, моторизованная дивизия Ваффен-СС «Викинг», бранденбургский, нижнесаксонский, саксонский, силезский, ангальтский и австрийский полки 13-й танковой дивизии, 111-й, 370-й и 50-й полки пехотных дивизий, 5-й полевой дивизии Люфтваффе. Кроме того, вместе с немцами отступали эскадроны казаков с семьями, батальоны добровольцев из горных народов Кавказа и части 2-й румынской горной дивизии²²⁸.

В начале 1943 г., при наступлении с левого берега Дона, советские войска вернулись к методам, которые они использовали прошлой зимой — к наступле-

Схематическое изображение «Донецкого чуда» Манштейна, когда зимой 1942-1943 гг. ему удалось предотвратить крах всего южного участка Восточного фронта, а, возможно, и всего фронта

нию на широком фронте, поддержанию постоянного давления ценой разбавления концентрации, которая могла обеспечить глубокое вклинивание. Когда Манштейн держал свою группу армий «Дон» близко к Сталинграду, эта тактика производила эффект, но как только 6-ю армию бросили на произвол судьбы, Манштейн смог воспользоваться пространством в излучине Дона для маневра, и советское наступление удалось удерживать при относительно небольших потерях. Ирония судьбы для 6-й армии заключалась в том, что она сыграла решающую роль в возвращении успеха своим боевым товарищам в тот момент, когда сама уже перестала надеяться на помощь и спасение. В конце осады в районе Сталинграда оставалось свыше половины советской пехоты и треть артиллерии²²⁹. Все немецкие полки вышли с Кавказа во многом благодаря смертельной битве 6-й армии под Сталинградом, которая связывала своими действиями советские армии, удерживала их на Волге и не позволяла ввязаться в решающую битву за Ростов. Кроме того, действия 6-й армии блокировали три основные железнодорожные линии из Сталинграда на запад, что сильно затрудняло снабжение советских армий на ростовском направлении. К 31 января, когда силы 6-й армии были практически исчерпаны, мосты в Ростове переходили последние части немецкой 4-й танковой армии. Захлопнуть крышку котла советским войскам не удалось²³⁰. 6 февраля в 22.00 последняя немецкая часть пересекла мосты Батайска и прошла через Ростов. Мосты за ней были взорваны. Работа была завершена: 1-я танковая армия прошла с Терека на Дон 600 км, а 4-я танковая армия благополучно отошла от Сталинграда через Маныч.

После «донецкого чуда» Манштейна немцы оставили на восточном берегу Азовского и Черного морей 17-ю армию генерала Руоффа, занимавшую позиции от

Кубани до Новороссийска. Снабжение армии Руоффа осуществлялось через Крым. Эта армия занимала весьма выгодные позиции и угрожала тылам всего южного фланга РККА, поэтому приковывала к себе большие силы. Советское командование не раз бросало в лобовые атаки красноармейцев с тем, чтобы выбить немцев с кавказского плацдарма, но успехи были мизерные. В начале 1943 г. Гитлер не предусматривал полного отвода войск с Кавказа — он думал только о сокращении линии фронта с оставлением плацдарма, с которого можно будет в дальнейшем начать операцию против района советских нефтяных месторождений. Гитлер считал, что важнее всего удержать Новороссийск, оставив советскому Черноморскому флоту только один порт — Батуми; так что даже в случае падения Ростова Клейста все равно можно будет снабжать через пролив из Крыма, а присутствие немецких войск на Кубани и в Керчи закупорит Азовское море. В начале кампании 1942 г. Гитлер говорил: «Если к осени мы не захватим нефтяные запасы на Кавказе, тогда я стану перед фактом, что мы не сможем выиграть эту войну»³¹. Поэтому Гитлер в 1943 г. и настаивал на сохранении плацдарма, который давал ему шанс для еще одного броска к месторождениям нефти.

На Западном Кавказе оставалась 17-я армия вермахта, которая добралась до Эльбруса и Майкопа. План отступления предписывал 17-й армии оставаться на Кубани — там Гитлер задумал создать стартовую площадку для повторного броска 400 тысяч солдат в Азию в 1943 г. Базой этого плацдарма должен был стать Крым²³². Первоначально Гитлер хотел перебросить на Кубань и 1-ю танковую армию; только энергичные протесты полевых командиров заставили его отказаться от этой абсурдной идеи и передать основную часть этой армии Манштейну, отправив на Кубань только ее 52-й танковый корпус и 13-ю танковую дивизию.

17-я армия также вела изнурительную борьбу со временем и с противником. В основном, это были пехотные части, горные подразделения и артиллерия на конной тяге, которые за четыре недели прошли 400 км без машин, располагая только вьючными животными, чтобы тащить орудия и снабженческие подводы. Они спускались с гор в Кубанскую степь, на Таманский полуостров, где Гитлер и предполагал создать плацдарм. Планы Гитлера были очевидны, и советское командование решило отрезать пути отступления 17-й армии на Таманский полуостров.

Сталин планировал взять Новороссийск совместной операцией с моря и с суши. Десант должен был создать в удобной точке плацдарм и наступать на соединение с 47-й армией, которая должна была наступать севернее Новороссийска. Таким образом, 17-я немецкая армия должна быть отрезана от Тамани и от Крыма. В окружение должны были попасть силы вдвое большие, чем 6-я армия в Сталинградском котле. Первоначально десант планировали совместить с фронтальным прорывом сухопутного фронта. Но, поскольку прорыв так и не был осуществлен, советское командование решилось на рискованную атаку на немецкие позиции с юга.

4 февраля 1943 г. главные силы десанта под командованием контр-адмирала Н. Е. Басистого высаживались у поселка Южная Озерейка. Для его прикрытия с моря и артиллерийской поддержки выделялся отряд крейсеров и эсминцев вице-адмирала Л. А. Владимирского. Отвлекающие (вспомогательные) десанты высаживались: морской (под командой вице-адмирала Г. Н. Холостякова) прямо у Новороссийска, в Цемесской бухте у поселка Станичка (около 900 человек — добровольцы во главе с майором Цезарем Львовичем Куниковым), а воздушный — в глубине побережья у поселка Васильевка.

Артподготовку флот провел неточно и не вовремя (на полтора часа раньше прибытия десанта), по существу предупредив немцев о готовящемся десанте. К тому же отряду Басистого не повезло — он начал высадку в самом центре обороны противника, которую держала немецкая зенитная батарея (4 орудия) и 53-й пехотный румынский полк. Как только первые советские моряки высадились на пляж, он сразу был освещен прожекторами и начался ураганный огонь. Почти сразу погиб диспетчер высадки, и управление боем было потеряно. Вслед за штурмовыми отрядами к берегу стали подходить наиболее уязвимые цели — тихоходные баржи с танками. Баржи были уничтожены, но несколько танков все же сошло на берег. Те, кто успел высадиться, продолжали бой и после сигнала на отход, который дал Басистый, увидев, что положение безнадежное. Шестерым морякам даже удалось в итоге прорваться к своим. На месте боя немцы насчитали 630 трупов советских солдат, еще 542 человека оказалось в плену, остальные утонули в холодном февральском море²³³.

После этого демонстрационный десант неожиданно для советского командования стал основным. Дело в том, что прикрывавшие берег у поселка Станичка части румынской 10-й дивизии были деморализованы неожиданной атакой десанта Куликова. После удачного прорыва Куликова советское и немецкое командование оказались перед совершенно неожиданной ситуацией. Командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта генерал И. Е. Петров, до последнего момента угнетенный провалом операции в заливе Озерейка, был обрадован захватом плацдарма прямо у Новороссийска. В ночь на 5 февраля, под прикрытием очень метких советских береговых орудий на восточном берегу Цемесской бухты, Петров двинул на плацдарм Куникова целый воздушно-десантный полк на

катерах и небольших десантных судах. В последующие две ночи на «Малую землю» были переправлены все те силы, которые предназначались для залива Озерейка — около 8 тысяч солдат. Береговой плацдарм четыре на три километра был набит войсками. Замполит 18-й советской армии полковник Л. И. Брежнев несколько раз был на «Малой земле», поднимая дух бойцов. Очень большой пользой от десанта было то, что наблюдатели на высоте Станички управляли артиллерийским огнем советских береговых батарей с холмов на восточной стороне²³⁴.

9 февраля Гитлер категорически приказал сбросить русский десант в море, но отборные немецкие части не смогли этого сделать. Бои за «Малую землю» бушевали 7 месяцев и были исключительно кровопролитными. В конечном счете на «Малую землю» было переправлено 78 тысяч советских солдат и 600 орудий, но им не удалось вырваться за пределы плацдарма и ударить по немцам с тыла. Поэтому плацдарм, созданный Куликовым, был, по сути, бесполезен и до середины осени 1943 г. приносил только потери в живой силе. Начальник оперативного отдела Генштаба Адольф Хойзингер отмечал в своем дневнике 8 октября 1943 г., что эвакуация с Кубанского плацдарма прошла безупречно²³⁵. 17-я армия генерала Руоффа беспрепятственно была переправлена в Крым и продолжала действовать до конца войны.

Таким образом, никаких тактических выгод, кроме оттягивания сил противника, «Малая земля» не принесла²³⁶. Но «Малая земля» постепенно стала для советской стороны делом престижа, она приобрела политический смысл и имела большое значение для поднятия боевого духа. Майор Куников погиб в бою. В его честь поселок Станичка называется Куниковка. Практически все советские морские пехотинцы первой волны полегли у горы Мысхако. Когда на Мысхако толь-

ко разгорались первые тяжелые бои и советское командование продолжало надеяться совершить прорыв с «Малой земли», становилось все более очевидно, что советской 47-й армии не удастся, как предписывал Сталин, прорвать оборону 17-й немецкой армии севернее Новороссийска и соединиться с морским десантом. Генерал-полковник Руофф продолжал контролировать ситуацию и постепенно отходил к подготовленной «Голубой линии».

12 февраля Руофф оставил Краснодар, 14 февраля немцы сдали Ростов, и войска Южного фронта Р. Я. Малиновского (член Военного совета Н. С. Хрущев) вошли в город. Сталин был воодушевлен успехом и приказал взять Харьков, центр тяжелой промышленности Украины. Тем более что между Луганском и Белгородом позиции на фронте в 300 км занимали дезорганизованные союзники немцев — румыны, итальянцы, венгры. Со взятием Харькова для Советской армии открывалась возможность быстро выйти к Днепру и отсечь огромную группировку на южном фланге Восточного фронта (группа армий Клейста на Кубани и в Крыму, группа армий Манштейна в Донбассе)²³⁷. Манштейн, оценивая ситуацию в этот момент, писал, что «катастрофа 6-й армии, как бы тяжела и печальна она сама по себе ни была, в целом не была решающим шагом к поражению Германии. Но разгром всего южного фланга Восточного фронта открыл бы путь к скорой победе над Германией»²³⁸.

В этих совершенно экстраординарных условиях Гитлер санкционировал стратегическое отступление. Он согласился сдать Донецкую область до самой реки Миус, у Таганрога впадающей в Азовское море. На Миусе заняла фронт оперативная группа Карла Холлидта. На Средний Донец Манштейн перебросил 1-ю танковую армию под командованием генерала от кавалерии Эберхарда фон Макензена. 4-я танковая ар-

мия Гота пробивалась с Нижнего Дона на север в район между Донцом и излучиной Днепра.

Манштейн перенес свой командный пункт из Сталино (Донецк) в Запорожье; его группу армий 14 февраля переименовали из «Дона» в «Юг». Он был чрезвычайно обеспокоен развитием ситуации. Оперативная группа Кемпфа с трудом сдерживала советское наступление на Харьков. Манштейн прекрасно видел, что если после Харькова советские войска смогут форсировать Днепр у Кременчуга, тогда весь южный немецкий фланг (три армии и две оперативные группы) попадет в ловушку. В результате произойдет цепная реакция: группа армий «Центр», имеющая в своем составе пять армий, окажется в подвешенном состоянии и тоже не сможет устоять²³⁹. Несомненно, для советской стороны это был самый короткий путь к победе над агрессором. Манштейн разгадал замысел русских; он понял, что советское командование уверено в том, что ничто уже не сможет предотвратить немецкую катастрофу между реками Донец и Днепр. В соответствии с этой точкой зрения, какое-либо сопротивление немцев восточнее Днепра исключалось — так думал Сталин. Советское командование не верило в возможность сплошного немецкого фронта на Миусе. Одаренный стратег, командующий Юго-западным фронтом Н. Ф. Ватутин также разделял это мнение. Факт отхода оперативной группы Холлидта с Донца он считал доказательством полного немецкого отступления. Если же немцы отступают, значит, логично их отрезать. Но вопреки всем ожиданиям советского руководства, оперативная группа Холлидта осталась на Миусском рубеже и отступать к Днепру не собиралась²⁴⁰.

Ошибочные советские расчеты подкрепила неожиданно быстрая сдача немцами Харькова. Невыполнимая задача оборонять Харьков выпала на долю танкового корпуса Ваффен-СС Пауля Хауссера. В этот кор-

пус входило две отборные дивизии — «Рейх» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Гитлер во что бы то ни стало хотел удержать промышленный и политический центр и столицу Украины. Манштейн же считал, что гораздо важнее восстановить немецкий фронт южнее Харькова и предотвратить прорыв советских войск на Днепр. Если зимой 1941 г. система «ежей» еще работала, потому, что подвижность советских войск была относительно низкой, то к осени 1942 г., вследствие роста мобильности советских войск, а также вследствие усиления артиллерии, — «ежи» себя уже не оправдывали... 13 февраля Гитлер повторил категорический приказ удержать Харьков. 14 февраля советские войска завершили окружение Харькова; пути снабжения корпуса Хауссера были отрезаны, и он вновь просил разрешения выйти из окружения: никакого смысла в удержании города он не видел²⁴¹.

Пауль Хауссер был здравомыслящим командиром и искусным тактиком, к тому же он имел мужество критически воспринимать приказы вышестоящих начальников. Это в определенной мере опровергает легенду о том, что Ваффен-СС были чисто партийными формированиями, слепо подчинявшимися Гитлеру. 15 февраля, несмотря на грозные предупреждения начальства, Хауссер приказал выходить из Харькова, а через 24 часа его дивизии закончили прорыв. Гитлер, узнав о неповиновении, побелел от ярости, но прежде чем он решил наказать Хауссера, логика его поступка стала очевидной. Хауссер сохранил для решающей фазы оборонительной операции две совершенно необходимые, боеспособные и опытные танковые дивизии Ваффен-СС, а также моторизованную дивизию «Великая Германия» (это была элитная дивизия вермахта, которая вместо номера имела только название), прикрывавшую фланг корпуса Хауссера. Кроме того, контратака Хауссера позволила 320-й пехотной дивизии генерала По-

стеля соединиться с опергруппой Кемпфа. Таким образом, временная (как оказалось позже) сдача Харькова принесла, вопреки мнению Гитлера, оперативный выигрыш. Кроме того, освобождение Харькова, четвертого по величине города в СССР, еще более убедило советское командование в том, что Манштейн повсеместно отступает к Днепру²⁴².

17 февраля 1943 г. Гитлер, напряженный и раздраженный, прибыл в штаб Манштейна в Запорожье. Манштейн доложил Гитлеру, что на Миусе оперативная группа Холлидта отражает мощные атаки трех советских армий. Вклинивание советского 4-го гвардейского мехкорпуса смято, и советские части окружены; весь личный состав взят в плен. Между оперативной группой Холлидта и Кемпфа имелась значительная брешь, в которую шла крупная танковая группа частей 10-й танковой армии генерала В. С. Попова, занявшая уже Красноармейское и устремившаяся к Мариуполю. По мнению Манштейна, Попова было чем встретить — туда уже выдвигался 40-й танковый корпус генерала Хайнрици из оперативной группы Холлидта.

Дальше на север положение немцев было еще хуже — советская 6-я армия генерал-лейтенанта Ф. М. Харитонова неудержимо двигалась к Днепру. Против 6-й армии Манштейн планировал использовать выбравшийся из Харькова танковый корпус Хауссера. В слепом упрямстве Гитлер запретил Манштейну использовать Хауссера для фланговой атаки²⁴³. Он требовал в первую очередь вернуть Харьков. Манштейн ужаснулся, но возражать не стал, поскольку это было бесполезно; он предложил подождать до следующего дня. На следующий день, 18 февраля, пришло подтверждение правоты Манштейна — во время дневного совещания пришло донесение, что советские войска отбросили итальянцев от Павлограда. Гитлер, стиснув зубы, смот-

рел на карту — признавать ошибки было не в его правилах. Итак, план Манштейна оказался единственно правильным, и Гитлер разрешил ему начать операцию отсечения 6-й советской армии и танков В. С. Попова.

Для выполнения этой задачи Манштейн снял с Миусского фронта все танковые части и бросил их против неприятеля на северо-западном фланге. Он сделал это, несмотря на то что на пять корпусов Холлидта наседали уже шесть советских армий. Опасность прорыва противником Миусского фронта была очень велика, но Манштейн заявил Гитлеру, что иного пути нет — это вынужденный риск. Будет гораздо хуже, если советские танки прорвутся к Днепру, и возникнет смертельная угроза для всего левого немецкого фланга. Гитлер растерялся²⁴⁴.

К тому же 19 февраля пришло известие, что передовой отряд советского 25-го танкового корпуса прорвался от Павлограда к железнодорожному узлу Синельниково, по которому осуществлялось снабжение оперативной группы Холлидта. Советские танки были уже в 60 км от Запорожья, где стоял штаб Манштейна — и между советскими танками и Гитлером не оставалось никаких значительных немецких соединений. Когда фюрер улетал в Винницу, его «Фокке-Вульф-200» отделяли от советских танков какие-то 10 км²⁴⁵. После отлета фюрера Манштейн получил свободу действий, и к 22 февраля 6-я армия Харитонов и группа Попова были отрезаны с севера танковым корпусом Хауссера, а с юга — оперативной группой Кемпфа.

К 27 февраля группа Попова перестала существовать; 6-ю армию постигла та же участь. Советские войска понесли тяжелые потери: шесть танковых корпусов, десять стрелковых дивизий и полдюжины отдельных бригад были ликвидированы или очень сильно потрепаны в боях. В целом было подбито 615 танков, захвачено или сожжено 400 орудий и 600 противотан-

ковых ружей, погибло 23 тысячи советских солдат, 9 тысяч попали в плен. Небольшое количество пленных объяснялось тем, что морозная погода вынуждала немецкие войска проводить ночи в деревнях. Соответственно, было много неприкрытых проходов, через которые красноармейцы и уходили через замерзший Донец, правда, без орудий и без машин.

Это была фантастическая победа стратегического таланта Манштейна, который располагал значительно меньшими, чем противник, силами. Для всего немецкого фронта и тыла эта победа Манштейна была как глоток свежего воздуха. С ноября 1942 г., когда между Волгой и Доном началась Сталинградская битва, у немцев были только поражения и отступления. И вот они вновь ощутили дух побед. После ликвидации угрозы охвата немецкого южного фланга самой заманчивой стратегической целью стал Харьков²⁴⁶.

8 марта 1943 г. начались бои непосредственно за Харьков, а 15 марта советские войска в городе были окружены. Решающую роль во взятии Харькова сыграл тот же танковый корпус Хауссера, который незадолго до этого должен был покинуть город. Гитлер долго не мог простить Хауссеру его непослушания. В то время как генералы Хэмлайн и Постель, командиры дивизии «Великая Германия» и 820-й пехотной дивизии, были награждены Рыцарскими крестами с Дубовыми листьями, Пауль Хауссер получил такую награду только четыре месяца спустя за другую кровопролитную баталию. Советское поражение под Харьковом свело на нет сталинградскую победу. Произошла драматическая для советской стороны перемена ситуации. Южные фронты Красной армии приступили к перестраиванию своих боевых порядков за Донцом, на котором начал таять лед, и Манштейн вернул войска практически на те же позиции, с которых немецкие войска отступили прошлым летом.

Во Второй мировой войне мало было периодов, когда происходили более резкие и трагические перемены в ходе военных действий, чем это случилось в последнюю неделю февраля 1943 г. Казалось, немецкая армия совершила большее, чем просто продемонстрировала способность к возрождению — она доказала свое неоспоримое превосходство на тактическом уровне над самым грозным из своих противников. Она восстановила свой фронт, разбила надежды союзников и отрубила острие советского наступления. Прежде всего она вернула себе моральное превосходство — ОКХ снова начал планировать, а советское руководство — с опасением ожидать нового летнего наступления²⁴⁷. К середине марта 1943 г. немцы отбили Харьков (в третий раз за войну город переходил из рук в руки). К моменту, когда началась распутица, все военные действия прекратились и выяснилось, что немцы находятся именно на той линии, с которой они летом 1942 г. начинали операцию «Блау». Почти за год ожесточенной и кровопролитной войны немцы ничего не добились, но потеряли огромное количество дивизий и потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом. Потери немцев на Восточном фронте в осенне-зимнюю кампанию 1942—1943 гг. были следующими: сентябрь — 130 550 солдат, октябрь — 68 150, ноябрь - 46 900, декабрь — 83 665, январь 1943 г. — 81 124, февраль — 268 512, март - 121 485²⁴⁸.

Руководство вермахта, однако, не теряло оптимизма. Так, Манштейн отмечал: «Путь от Сталинграда до Донца потребовал от Красной армии больших жертв, в конце этой кампании она потерпела два тяжелых поражения. Красная армия не смогла добиться своей цели — окружения всего немецкого южного фланга. В конце зимней кампании 1943 г. инициатива вновь перешла к немецкой стороне. Во всех зимних боях немецкие войска и руководство показали свои высокие качества.

По подсчетам ОКХ, противник с начала войны потерял пленными, ранеными и убитыми 11 миллионов солдат (на самом деле, около 7 миллионов. — *О.П.*). Должны же, в конце концов, иссякнуть наступательные силы русских! Так, во всяком случае, мы рассматривали обстановку на Восточном фронте»²⁴⁹.

Немецкие войска вышли к Белгороду, что несло значительную угрозу тылам советского Центрального фронта. 18 марта немцы взяли Белгород. Крупные немецкие танковые силы глубоко вклинились во фланг советского Центрального фронта, который образовал огромный выступ в сторону запада (Курская дуга). Манштейн увидел в этом шанс и уже в начале марта предлагал Гитлеру окружить с юга и с севера Курский выступ. Условия такой операции были исключительно благоприятны для немецкой стороны, поскольку у Сталина в этот момент практически не было резервов. Планируемый Манштейном удар помешала осуществить весенняя распутица. Поэтому стремительное победоносное продвижение Манштейна с Днепра к Донцу не было использовано до конца. Центральный фронт, как писал немецкий историк Пауль Карель, спасло чудо, сравнимое с чудом на Марне в 1914 г.²⁵⁰ И время на Курской дуге начало работать не на Гитлера, а на Сталина. Операция «Цитадель» против Курского выступа началась только через три месяца.

23 марта 1943 г. Манштейн издал приказ по группе армий «Юг», в котором он отмечал войска и боевых командиров. Достижения были налицо: восстановлена связь с группой армий «Центр», уголь Донбасса продолжал поступать в Германию, он спасал немецкую военную промышленность. Во время весенних боев между Доном и Донцом не только тактические, но и стратегические решения по большей части принимались в штабе Манштейна, а не фюрера. Манштейн

пытался не допустить вмешательства в свои решения и действовал, исходя из требований момента. Кроме того, Гитлер в эти решающие дни был не в Растенбурге, а с небольшим штабом в Виннице. Большая часть личного состава немецкого Верховного командования находилась в Восточной Пруссии. После успехов на южном фланге Восточного фронта в 1943 г. фельдмаршал Манштейн пытался убедить Гитлера урегулировать вопрос о руководстве военными операциями, то есть добиться от него отказа от военного руководства в пользу начальника Генерального штаба. Гитлер заявил Манштейну, что не заинтересован в том, чтобы «играть роль полководца». Он верил только во власть и считал свою волю ее олицетворением²⁵¹. Кроме того, в споре со своими военными партнерами Гитлер всегда бросал на чашу весов политические и экономические аргументы, которые последним нелегко было опровергнуть. Сфера политики была целиком зарезервирована за фюрером.

Что касается центрального участка Восточного фронта, то там с зимы 1941—1942 гг. ничего существенно не происходило. Единственная крупная перемена была связана с Ржевским выступом. С октября 1941 г. по март 1943 г. небольшой город в верховьях Волги — Ржев — был важнейшим пунктом Восточного фронта. Этот город в октябре 1941 г. взяли гренадеры восточно-прусской 206-й пехотной дивизии, которая первой вышла к Волге. В период советского зимнего контрнаступления немцы отстояли Ржев и превратили его в опорный пункт группы армий «Центр» на стратегически важных подступах к Москве, которая находилась всего лишь в 200 км. Именно в районе Ржева 9-я армия генерал-полковника Моделя смогла совершить перелом в ходе советского зимнего 1941 г. контрнаступления в центре Восточного фронта. Ржев стоял как

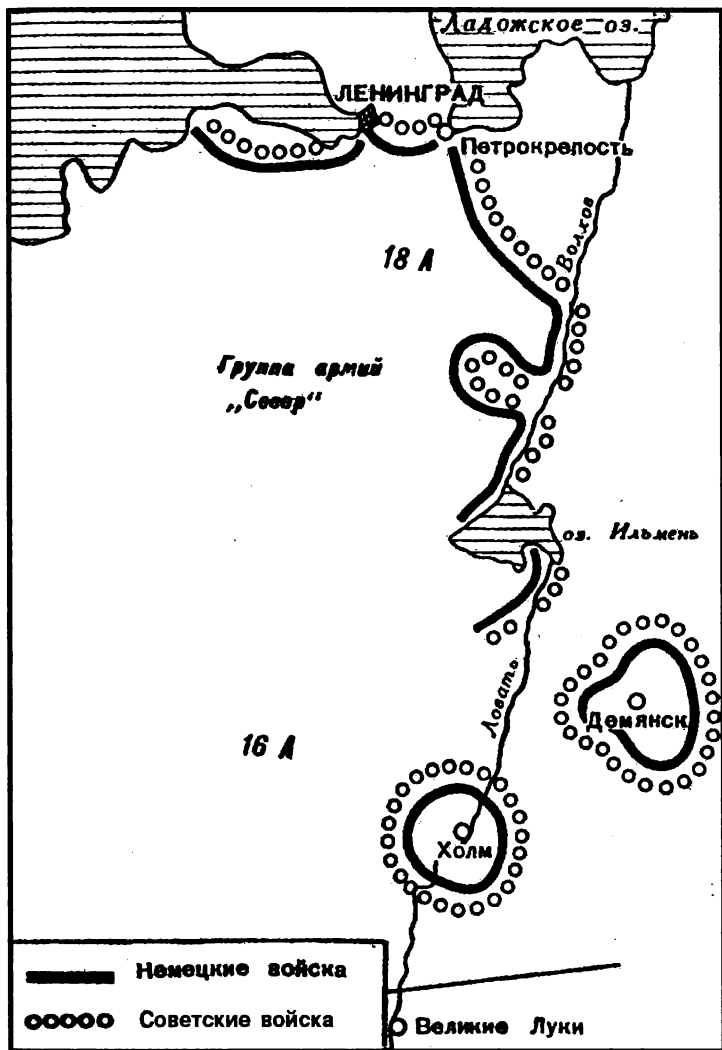
скала — это было достижение офицеров и солдат 9-й армии. После немецкого краха под Сталинградом надежды на скорейшее наступление на Москву испарились, но Гитлер откладывал решение (точно также, как и в случае с Демянском) оставить этот уязвимый и поглощающий силы выступ длиной в 530 км²⁵². Эвакуировать Ржевский выступ было для него особенно тяжело морально, ибо это означало бы забыть о надеждах на победу. Гитлер знал, что если его войска покинут Ржев, они туда уже никогда не вернуться. Однако общий кризис вермахта на Восточном фронте заставил Гитлера 6 февраля 1943 г. согласиться на отвод 9-й армии на отсечные позиции, которые были короче прежних на триста километров. Этой операции дали название «Движение буйвола»²⁵³. «Движение буйвола» стало следствием не только Сталинграда, но и жутких по масштабам потерь с советской стороны во время операции «Марс» в ноябре — декабре 1942 г. Жуков осуществил операцию «Марс» в характерной для него манере: массированные атаки, при проведении которых он не жалел ни людей, ни технику, не учитывал неблагоприятных условий местности и погоды. В силу прямолинейности таких действий, победы под Ржевом добиться не удалось — относительно небольшие немецкие «боевые группы» сдержали огромные мобильные советские части и не позволили им прорваться в свой оперативный тыл. Не поддаваясь панике в условиях огромного советского численного превосходства, командование 9-й армии постепенно собирало резервы, необходимые для контрударов, и 9-я армия выстояла под большим фронтальным давлением Красной армии. В своей обычной манере Жуков провел и фронтальную атаку на Зееловских высотах, правда, в условиях большего превосходства, но масштабы кровавой бани были такие же. Именно из-за жутких потерь амбициозная операция «Марс» (после «срезания» Ржев-

ского выступления Жуков планировал отрезать всю группу армий «Центр») после войны замалчивалась. Данные о советских потерях потрясают: 20-я армия потеряла 58 524 бойца из 114 176, 8-й гвардейский стрелковый корпус за пять дней боев — 6058 солдат, к седьмому декабря в 26-й стрелковой дивизии осталось 47 солдат, а в 150-й стрелковой дивизии — 110. Танковые и механизированные корпуса были выкошены почти полностью: 6-й танковый корпус потерял два штатных состава; 1-й механизированный корпус был полностью уничтожен, 5-й танковый корпус, вступивший в бой без камуфляжной окраски танков, за 3 дня потерял все танки. Американский историк Дэвид Глантц оценивал советские потери в полмиллиона убитых красноармейцев и 1700 подбитых танков²⁵⁴. Немцы также понесли тяжелые потери, и Модель смог добиться у Гитлера разрешения спрямить выступ у Ржева — немцы не могли позволить себе нести и далее такие потери.

9-я армия и части 4-й армии генерала Хайнрици справились с задачей спрямления фронта — за 21 день войска были отведены на 160 км и заняли новый рубеж шириной в 200 км (прежний составлял 530 км). Интересно, что Гитлер сам руководил по телефону взрывом во Ржеве большого моста через Волгу... Советским войскам не удалось совершить не единого вклинения, не говоря уже об окружениях. Высвободалась в резерв целая армия — для группы армий «Центр» это означало конец тяжелого периода без резервов, наступившего после сталинградской зимы²⁵⁵. После «добровольной» сдачи «Ржевского балкона» перед немцами встал вопрос, зачем маршал Жуков бессмысленно погубил здесь столько красноармейцев, упрямо бросая их в лобовые атаки, когда следовало развить успех, наметившийся под Сталинградом. Этот успех сразу бы изменил общую картину на Восточном фронте без чудовищного кровопролития. Бессмыслен-

ная кровавая бойня под Ржевом была прекращена только тогда, когда до Сталина и до Жукова к середине декабря дошло, что войска выдохлись и совершенно обескровлены.

Севернее Ржева немцы имели еще один «гриб» в конфигурации фронта — ножку этого «гриба» советские войска вполне могли «подрезать». В Демянском выступе, глубоко вклинившемся в советскую оборону, находилось 12 немецких дивизий, примерно 100 тысяч солдат. Демянский «гриб» вырос во время немецкого наступления в 1941 г., когда 2-й армейский корпус под командованием Брокдорфа-Алленфельдта достиг стратегически важной Валдайской возвышенности и перерезал железную дорогу Москва — Ленинград. Корпус всю зиму удерживал свой бастион, который был важен как идеальная стартовая площадка для наступления на Москву. 8 февраля 1942 г. корпус был окружен и продолжал бои уже в окружении, а снабжали его по воздуху. За 14 500 вылетов транспортные части Люфтваффе осуществили первый в истории успешный воздушный мост. В конце апреля 1942 г. по реке Ловать советский фронт был прорван и сообщение со 2-м корпусом восстановлено. Коридор между 16-й армией и 2-м корпусом был очень узким и потому опасным, но его удерживали ради стратегических целей. К тому же в этом месте было сковано пять советских армий. Однако весь 1942 г. существовала постоянная угроза, что советские войска подрежут ножку «гриба»; много месяцев 100 тысяч немецких солдат находились на грани катастрофы²⁵⁶. Для уничтожения Демянского выступа Тимошенко сосредоточил три армии: 11-я и 27-я армии должны были атаковать со стороны озера Ильмень, а 1-я ударная — с юга. Ширина ножки демянского «гриба» составляла всего 10 км. Наступление началось 28 ноября 1942 г., но усилия советских солдат были напрас-

Конфигурация Восточного фронта на участке группы армий «Север» была очень опасной для немцев

ными - за 46 дней три советские армии понесли тяжелые потери. Потери немцев были также большими. Оборонять дальше Демянский «гриб» становилось очень опасно, и после гибели в Сталинграде 6-й армии Гитлер принял решение отвести войска из «гриба». С 10 по 27 февраля Демянский плацдарм был эвакуирован. За десять дней немцы выполнили операцию, которую планировали осуществить за двадцать дней. Двенадцать дивизий — 100 тысяч человек — были спасены²⁵⁷.

В 1942—1943 гг. в сражениях на южном участке Восточного фронта Красная армия потеряла 2,5 миллиона солдат — это была огромная цена, но, как писал ирландский историк Джефффри Робертс, «ни тогда, ни впоследствии никто не думал, что эти жертвы ради исторической победы под Сталинградом были напрасными»²⁵⁸. Только оборона Сталинграда стоила Советскому Союзу 650 тысяч солдат, половина из которых была убита или пропала без вести²⁵⁹. Между тем в советской историографии утвердилась версия, что в первый период войны (до конца 1942 г.) вермахт имел значительное людское и техническое превосходство, а позднее нес значительно большие потери, чем Красная армия. Это не так — Красная армия до конца войны несла огромные потери. Несмотря на непропорциональные советские потери, Сталинградская битва остается центральным событием истории Второй мировой войны. Поэтому она до сих пор гипнотизирует историков: в конце 90-х гг. книга Энтони Бивора «Сталинград» разошлась в США полумиллионным тиражом, а по мотивам книги Уильяма Крейга был снят художественный фильм о Сталинграде — «Враг у ворот»; в фильме рассказывалось о дуэли в руинах города (по всей видимости, вымышленной) немецкого и советского снайперов.

После поражения под Сталинградом, высадки англо-американских войск в Африке, а также первых побед американцев над Японией стало ясно, что бог войны отвернулся от Германии, и, таким образом, деятельность Гитлера как стратега завершилась. Военным советникам Гитлера не нужно было ему объяснять, что война безнадежно проиграна — он знал это гораздо лучше. Идти на какие-либо переговоры и перемирие Гитлер, по всей видимости, не хотел, да и союзники на конференции в Касабланке в 1942 г. приняли решение о войне до безоговорочной капитуляции. Нельзя было ожидать от Гитлера и нацистской верхушки человеческого и политического благородства: в этом случае они взяли бы на себя ответственность за поражение и сложили бы свои полномочия. Но Гитлер идентифицировал себя с немецким народом — если ему суждено погибнуть, то пусть и немецкий народ погибнет...

Курская битва и ее последствия для вермахта

«Как только я думаю об этом наступлении, мне становится тошно. Мы находимся в положении человека, схватившего волка за уши и боящегося отпустить его».

(Гитлер, отвечая на вопрос Гудериана: зачем нужно было наступать в 1943 г.)²⁶⁰

После Сталинградской эпопеи Гитлеру, благодаря «Донецкому чуду», сотворенному Манштейном, удалось стабилизировать южный участок Восточного фронта: 14 марта 1943 г. Харьков, а неделю спустя и Белгород, были вновь захвачены вермахтом. Появившееся 12 марта в немецкой прессе сообщение о сдаче Вязьмы не вызвало особых эмоций. СД передавала, что немцы уже перестали реагировать на такие «мелочи» — отмечалось лишь, что «если положение не изменится,

то русские и мы будем окончательно истощены, а американцы и англичане легко одержат победу»²⁶¹. Немецкие войска весной 1943 г. оказались на той же линии, на которой они были весной 1942 г.; в вермахте стало на 50 дивизий меньше (одна немецкая и три союзные армии исчезли). К летней кампании 1943 г. началось истощение людских ресурсов Германии — советская армия по численности стала более чем в полтора раза превышать вермахт и войска союзников Германии²⁶². На южном участке Восточного фронта 32 немецкие дивизии занимали фронт в 700 км и противостояли в семь (!) раз большим силам противника, а на северном участке Восточного фронта соотношение сил было более благоприятным — 1:4.²⁶³ Положение дел вермахта по обороне «крепости Европа» (как ее именовали в нацистской пропаганде) в 1943 г. видно из следующей таблицы²⁶⁴.

Протяженность фронта или береговой линии	Его длина (км)	Наличные силы вермахта и его союзников на этом участке	Солдат вермахта на 1 км фронта или береговой линии
Восточный фронт	2100	3,9 миллиона	1860
Финляндия	1400	180 тысяч	130
Норвегия	2500	315 тысяч	130
Дания	700	110 тысяч	160
Западная Европа	2600	1,3 миллиона	530
Италия	1750	330 тысяч	190
Юго-Вост. Европа	4200	610 тысяч	145
Всего	15 250	6,8 миллиона	450

В целом ситуация стала ясной еще в первой половине 1942 г. — немецких сил не хватало для обеспечения обороны европейской территории от возможного

десанта. Сосредоточить же все силы исключительно на Восточном фронте Гитлер не решался: состояние человеческих ресурсов СССР на Восточном фронте абвер оценивал как в 7 раз превосходящие немецкие²⁶⁵.

Первые недели 1943 г., как и в 1942 г., застали германскую армию в тяжелом положении. Но если в первую зиму Восточной кампании вермахта бедствия были обусловлены в основном случайностями и просчетами, то в 1943 г. они носили более серьезный, фундаментальный характер. За 12 месяцев почти не изменилась линия фронта от Балтики до Орла. Постоянные огневые позиции из бревен и земли укрывали солдат, железобетонные укрытия защищали орудия, позиции покрывали обширные минные поля, заложенные весной и летом, пока земля была мягкой. Гарнизоны на этих позициях жили достаточно спокойно. Горючего было много, одежды достаточно, почту доставляли регулярно. Это напоминало положение на Западном фронте в Первую мировую войну²⁶⁶. На самом фронте было спокойно. Немцы использовали это для отдыха измотанных дивизий, а советская сторона — как учебные полигоны для новых дивизий. В марте 1943 г. фронт шел от Ленинграда через Старую Руссу по выступам Орла и Курска к Белгороду, потом вдоль Донца и Миуса к Азовскому морю. На Кубанском плацдарме, охраняя подходы к Крыму с востока, стояла 17-я армия. В марте фронт замер, увязнув в грязи. Весенняя распутица 1943 г. стала благом для вермахта, у него появилась передышка от советского наступления. С ликвидацией емких выступов впервые даже образовался стратегический резерв. «Оползень», вызванный крахом 6-й армии под Сталинградом, был остановлен; ситуация стабилизировалась.

Грязь скоро должна была высохнуть, и что тогда? В этом была главная стратегическая задача. Как продолжать войну на Востоке? Две кампании с целью поста-

вить Советский Союз на колени провалились, и теперь вставал вопрос, а есть ли вообще для вермахта какая-нибудь надежда? В первую очередь, конечно, нужно было пополнить действующую армию, поэтому в январе 1943 г. руководство вермахта затребовало 800 тысяч новобранцев, но даже самый безжалостный набор дал только 400 тысяч²⁶⁷.

При отсутствии 6-й армии Паулюса, в начале 1943 г. германские силы на юге России стали вдвое меньше. Собственно, части Манштейна в группе армий «Дон» получили такую трепку с ноября 1942 г., что их трудно было узнать. Корпуса и дивизии утратили свою идентичность, поредевшие остатки частей вермахта стягивались вокруг нескольких энергичных командиров — Холлидта, Мита, Фреттер-Пико, давших имена своим группам, отвечавшим за протяженные участки. Тем не менее слабость немцев была не так велика, как считало в то время большинство союзных наблюдателей. Хотя советская армия стала определенно сильнее германской, она столкнулась с трудностями, которых ранее не знала. Командиров, способных вести новую армию, не хватало — одни были слишком осторожны, другие слишком опрометчивы, третьи неповоротливы. В результате, их тактическая гибкость и быстрота развития успеха были намного ниже немецких стандартов. В этой связи немецкий генерал Фридрих фон Меллентин считал, что на советско-германском фронте «немецкие войска успешно действовали при соотношении сил 1:5»²⁶⁸. Только советская артиллерия, некоторая часть кавалерии и очень немногие танковые бригады были по-настоящему эффективны. Настоящей проблемой для Красной армии была необходимость перестроиться и перейти от оборонительных боев, когда она одерживала победу только за счет мужества, стойкости и самопожертвования солдат, к более сложным структурам наступательных действий, где инициатива

и подготовленность даже самых мелких подразделений могла иметь решающее значение. По всей видимости, поняв это, после того как грандиозные советские планы завершить войну в 1943 г. столкнулись с непреодолимыми препятствиями, Сталин окончательно уяснил, что война будет выиграна за счет действий постепенных и последовательных, а не за счет советского «блицкрига». Поэтому в начале летней кампании 1943 г. последовало теоретически неожиданное решение советского командования остаться в стратегической обороне, выждав нового немецкого наступления, с тем чтобы потом использовать его для перехода в мощное контрнаступление. Тем более что к войне начали привыкать—Илья Эренбург писал: «Говорят: глубокая ночь, глубокая осень, а в отношении 1943 г. можно сказать — глубокая война. Мир уже забылся и еще не мерещился, а война стала казаться нормальным состоянием»²⁶⁹.

Ожидаемое немецкое наступление вскоре и последовало. Дело в том, что, начиная летнюю кампанию 1943 г., Гитлер превосходно осознавал, что выиграть войну стратегически уже нельзя — единственный шанс состоял в том, чтобы выиграть ее политически. Иными словами, следовало отказаться от главной сути гитлеровского похода на Восток, от идеи «жизненного пространства» (*Lebensraum*), исподволь трансформировав ее в борьбу за свободу Европы от большевистского ига. В 1943 г. лозунг «жизненного пространства» стал уступать место лозунгу «крепость Европы» (*Festung Europa*). Затем пустили в ход призыв о создании «восточного вала» и снова объявили крестовый поход против Азии. В дополнение к этому союзники договорились о политике безоговорочной капитуляции, которая мешала заключению мира на определенных условиях и для простого немца означала одно из двух — победить или умереть²⁷⁰. Гитлер сознавал, что гегемония в Европе какого-либо одного государства над

остальными противоречит вековой политике Англии. У него было много возможностей играть на опасениях европейцев и подозрениях советской стороны. Но для такой игры ему нужно было тщательно скрывать следы морального ослабления Германии, а для этого необходимы были военные успехи, яркие победы, как в 1941 или 1942 гг., а не сокращение фронта и коммуникаций для накопления резервов, о чем твердили военные советники Гитлера. Отсюда и стремление Гитлера к победе под Курском, где в конфигурации фронта он усмотрел шанс для вермахта. Н.Г. Павленко указывал, что в истории трудно найти примеры, чтобы одна из борющихся сторон, обладая превосходством в силах и средствах, переходила к обороне. Под Курском советские войска не просто имели больше сил, — они значительно превосходили противника. Но они переходили не к вынужденной обороне, а к преднамеренной обороне, рассчитывая на переход в наступление и развитие операции на большую глубину²⁷¹.

К весне 1943 г. в вермахте было 11,2 миллиона солдат (на 2 миллиона больше, чем в кампанию 1942 г.). Военное производство приближалось к своему пику — количество производимых танков увеличилось в два раза, штурмовых орудий — в четыре раза. В вермахт стали поступать тяжелые танки «тигр» типа I и Ia, новый средний танк «пантера», самоходная артиллерийская установка (САУ) «фердинанд».

«Пантеры» были элегантными стальными конструкциями, каждая весом 45,5 тонн, длиной 8 метров и лобовой броней в 80—110 мм. Только в период Курской битвы они были еще недоработаны. То же относится и к первому немецкому тяжелому танку «тигр». «Фердинанд» был чудовищем весом в 72 тонны, вооруженный испытанной 88-мм пушкой со стволом длиной в 6,5 м; толщина его брони доходила до 200 мм. Два двигателя

«Майбах» приводили гусеницы в движение; самоходка могла двигаться со скоростью до 30 км/ч. «Фердинанд» был отличным противотанковым средством, но он имел «ахиллесову пята» — уязвимые гусеницы. Еще он был беспомощен в ближнем бою с пехотой, поскольку, кроме пушки, никаких вооружений на нем не было. Иной раз для борьбы с советской пехотой немецким самоходчикам приходилось стрелять из пулемета *MG-42* прямо через пушечный ствол: разумеется, этого было недостаточно для эффективных действий²⁷².

В середине 1943 г. немецкая полевая армия (*Feldheer*) насчитывала 4,5 миллиона бойцов, 650 тысяч - Кригсмарине. Помимо групп армий, немецкие сухопутные силы подразделялись на 243 дивизии; к ним примыкали 22 наземные дивизии Люфтваффе, а также 11 дивизий Ваффен-СС. Люфтваффе, помимо своих дивизий для наземной борьбы, подразделялась на шесть воздушных флотов (три на Восточном фронте и по одному на юге, севере и западе); сверх того, одно подразделение в ранге воздушного флота было занято обороной рейха. В этот период Люфтваффе имел 5 тысяч бомбардировщиков и истребителей, 3 тысячи из них были готовы к боевому использованию, — не больше, чем в 1940 г. В сухопутных войсках положение дел было такое же. Общее число дивизий в вермахте в середине 1941 г. составляло 208, через год дивизий стало 233, еще через год (к середине 1943 г.) оно выросло до 276. С увеличением числа дивизий падало качество их подготовки и боеготовность. После Сталинградского сражения и поражения на южном фланге Восточного фронта вермахт потерял 26 дивизий, в Северной Африке в начале 1943 г. было потеряно еще 6 дивизий. Итого 32 дивизии — из них 12 танковых и моторизованных, то есть треть подвижных сил немецкой армии. Самым страшным для вермахта была, однако, не утрата 2—3 тысяч танков, а потери опытных

и обученных кадров. С начала 1943 г. по приказу Гитлера было сформировано 50 новых дивизий в вермахте, Люфтваффе и Ваффен-СС; но они не обладали прежними боевыми качествами²⁷³.

Гитлер довел число дивизий до 276, что казалось весьма впечатляющим, но среди них были дивизии Люфтваффе, малопригодные к боевым действиям: они не были обучены так же, как солдаты вермахта или Ваффен-СС. Среди этих 276 дивизий находились и дивизии местной обороны (*bodenständige*) для защиты побережья на Западе; их нельзя было использовать в подвижной войне. Там же были и вновь сформированные 20 дивизий со сталинградскими и североафриканскими номерами (взамен утерянных), но они к середине 1943 г. находились в стадии формирования и обучения, а потому до использования на фронте не доросли. Еще 20 дивизий не были укомплектованы. К укомплектованным можно было отнести только некоторые части Ваффен-СС. В итоге из 276 дивизий оставалось только 176 пехотных и егерских дивизий обычного состава (*herkömmlicher Art*), понесших большие потери. Ранее в вермахте считалось, что дивизия должна состоять из 15-17 тысяч солдат и, благодаря оснащению гужевым транспортом, быть довольно подвижной. К октябрю 1943 г. численность средней пехотной дивизии составляла 10 700 солдат — количество пехотных частей было сокращено с трех полков по три батальона до трех полков по два батальона. В дивизионных тыловых службах предусматривалось использование 2000 «хивис». Поэтому 276 немецких дивизий 1943 г. представляли собой меньшую силу, чем 157 дивизий вермахта 1941 г.

Из названных 276 дивизий вермахта к середине 1943 г. 186 находились на Восточном фронте (это 3,2 миллиона солдат). Им противостояла Советская армия в составе шести миллионов солдат²⁷⁴.

Несмотря на то что советские танковые потери 1942 г. составляли около 15 тысяч единиц, СССР смог компенсировать эти утраты. Советская оборонная промышленность в 1943 г. произвела 2 тысячи танков и САУ — в два раза больше, чем немецкая промышленность. К тому же качество советских вооружений значительно выросло не только по сравнению со старыми советскими моделями, но и по сравнению с немецкими образцами. В целом, к середине 1943 г. советские танковые силы располагали 10 тысячами танков и САУ против 3 тысяч немецких танков и штурмовых орудий²⁷⁵. Начинать наступательную операцию при таком соотношении сил было весьма рискованно. Можно сказать, что в 1943 г. у Германии не было шансов. Военное руководство это, наверное, понимало. Перед ним уже стоял один вопрос: как избежать катастрофы?

Ясно было, что план «Барбаросса» провалился: разбить Советский Союз не удалось, как не удалось взять в клещи позиции Британской империи в Африке, на Ближнем Востоке и в Персии. Вот почему немецкому командованию следовало удовлетвориться меньшим и путем переговоров попытаться добиться урегулирования на Востоке. Дорога от Сталинграда до Донца обошлась Красной армии недешево, а достичь поставленной цели — отсечь немецкий южный фланг — не удалось. Красная армия понесла тяжелейшие потери²⁷⁶. Генерал-фельдмаршал Манштейн предлагал в 1943 г. перейти к гибкой обороне, поскольку наступление с далекоидущими целями для вермахта было уже не по силам: фронт от Ледовитого океана до Черного моря был слишком большим, чтобы жестко его удерживать. При жесткой обороне существовала опасность, что Красная армия, при ее огромном количестве солдат, артиллерии и танков, атакует одновременно в нескольких местах и прорвет фронт. Поэтому прежняя гитлеровская стратегическая модель — «держаться во что бы

то ни стало», утратила актуальность. Манштейн считал: «Нам остается использовать те факторы, в которых Германия пока еще превосходит противника. Даже будучи вынужденными уйти в оборону, мы должны наносить противнику болезненные удары, причиняющие значительный ущерб из-за потери большого количества личного состава и, в общем, предрасполагающие к переговорам. Нам нужно создать себе возможность осуществлять эти мобильные операции, которые составляют нашу главную силу»²⁷⁷. Другими словами, идея Манштейна заключалась в том, чтобы не уходить полностью в оборону, а позволить противнику идти в наступление, а когда его наступательные силы истощатся, наносить удары. По всей видимости, только стратегия Манштейна давала надежду избежать несомненного военного поражения. Гитлер придерживался другого мнения — как только сокращение фронта в итоге зимнего отступления предоставило ему небольшие резервы, он сразу стал планировать ликвидацию Курского выступа. Ради этой операции на карту были поставлены все резервы. Гитлер стремился уничтожить основную часть советских танковых соединений, сосредоточенных на Курском выступе и непосредственно за ним, и таким образом лишить Сталина всего резерва 1943 г. Гитлер мечтал, что за этой операцией последует наступление на Москву. Гудериан, Гот и Манштейн заклинали его оставить эти фантазии, они указывали на огромный риск подобных операций. К тому же вполне реальные очертания принимала угроза вторжения с Запада: резервы могли понадобиться в любой момент. По существу, целью операции «Цитадель» было спрямление фронта за счет ликвидации огромного Курского выступа и создание стабильной обороны. Стратегический удар, призванный укрепить оборону, привел бы к огромным потерям у противника, позволил бы перехватить инициативу на ставшем решающим централь-

ном участке фронта и дал бы Германии шанс остаться непобежденной в войне на Восточном фронте по крайней мере в течение какого-то времени.

Отговорить Гитлера атаковать под Курском было чрезвычайно трудно. Манштейн писал в мемуарах, что Гитлер обладал исключительной способностью передавать другим свою собственную уверенность — истинную или наигранную, особенно когда прибывали офицеры с фронта, не знавшие его близко. В таких случаях можно было наблюдать, как человек, пришедший «чтобы рассказать Гитлеру о критическом положении на фронте», возвращался от него, обретя надежду на скорейший успех. На всех командиров производило огромное впечатление прямо-таки невероятное упорство, с которым Гитлер отстаивал свою точку зрения. Требовалось много часов споров, чтобы добиться от него желаемого или уйти, получив утешительное обещание, а иногда и ни с чем. Если дискуссии между Гитлером и фронтовыми командирами длились часами, то начальнику ОКХ Цейтцлеру приходилось бороться по много дней, чтобы добиться необходимого. При этом аргументы Гитлера, в том числе и чисто военные, не так легко было опровергнуть: в войне, вообще говоря, ни в чем нельзя быть уверенным до конца²⁷⁸.

Боевое расписание германской армии, окончательно принявшее форму в конце июля 1943 г., выглядело устрашающе. Количество танковых дивизий было увеличено с первоначально намеченных 10 до 17 за счет безжалостного лишения остальных частей фронта танков. В 9-й армии Модель имел не менее трех танковых корпусов и два армейских корпуса поддерживающей пехоты. Южная часть клещей, нацеленных на Курский выступ, — 4-я танковая армия Гота была сильнейшей группировкой в вермахте, когда-либо находившейся под командой одного человека. На фронте наступле-

ния, ограниченном на флангах тремя армейскими пехотными корпусами, у него были с запада на восток: 3-я танковая, «Великая Германия», 11-я танковая, Ваффен-СС «Лейбштандарт», Ваффен-СС «Мертвая голова», 6-я танковая, 19-я танковая, 7-я танковая дивизии — восемь лучших дивизий германской армии²⁷⁹. «Цитадель» была последним и самым отчаянным сражением Ваффен-СС — после этой операции Гитлер разрешил призыв в Ваффен-СС рекрутов из оккупированных стран и криминального рейха. Теперь эсэсовцы встретились лицом к лицу с «недочеловеками» и, к своему ужасу, обнаружили, что те так же хорошо вооружены, так же изобретательны и так же храбры, как и они сами²⁸⁰.

Весной 1943 г. СД в своих сводках общественного мнения доносила: немцы считали, что третью русскую зиму вермахт не перенесет, и все должно решиться грядущим летом²⁸¹. Именно весной (15 апреля) Гитлер и подписал директивный план «Цитадель». Клюге и Манштейн, отчаявшись отговорить его от этой операции, настаивали на скорейшем наступлении (поскольку советская сторона продолжала накапливать силы) на Курский выступ, который был величиной с половину Англии, но Гитлер перенес начало наступления с 15 мая на 5 июля 1943 г.: он ожидал поступления новых тяжелых вооружений.

Советская сторона, извещенная разведкой о намерениях немцев, тщательно готовилась к обороне — например, под Курском минирование с советской стороны было настолько плотным, что местами на 1 квадратный метр земли приходилось по 10 мин. К этому времени значительно возросло оперативное мастерство советского командования. Немецких радиоперехватчиков очень беспокоило то, что под Курском они уже не слышали вопроса, ранее постоянно звучавшего в со-

ветском эфире: «противник перешел в атаку, что делать?»²⁸²

Начало операции «Цитадель» Гитлер назначил на 5 июля. Целью немецкого наступления было окружение сил противника в районе Курска. На северном фланге тремя танковыми корпусами должна была наступать 9-я армия генерал-полковника Моделя. Она должна была соединиться в районе Курска с частями 4-й танковой армии генерал-полковника Гота, который двумя танковыми корпусами наносил удар от Белгорода. Восточный фланг 4-й танковой армии прикрывала группа Кемпфа.

Все было расписано в мельчайших деталях. На довольно ограниченной территории было сосредоточено колоссальное количество войск и техники. 9-я немецкая армия имела в своем распоряжении 13 дивизий в полосе шириной в 50 км, а 4-я танковая армия — 15 дивизий на 80 км. Всего к наступлению было подготовлено около 3000 танков и штурмовых орудий; 1800 самолетов выстроилось на аэродромах Харькова и Орла. Чтобы представить себе масштабы подготовки, достаточно вспомнить, что кампанию в России Гитлер начинал, имея 3580 танков и 1830 самолетов²⁸³.

В Курской битве Гитлер возлагал большие надежды на новые виды оружия. Манштейн отмечал: «Гитлер, несомненно, обладал большими знаниями и удивительной памятью, а также творческой фантазией в области техники и проблем вооружений. Его знания о возможности применения новых видов оружия в нашей армии и — что было особенно удивительно — армии противника, а также цифровые данные относительно производства вооружений в своей стране и в странах противника были поразительны. Нет сомнения, что именно знанием дела и своей чрезвычайной энергией он способствовал ускоренному развитию многих отраслей вооружения. Но вера в свое превос-

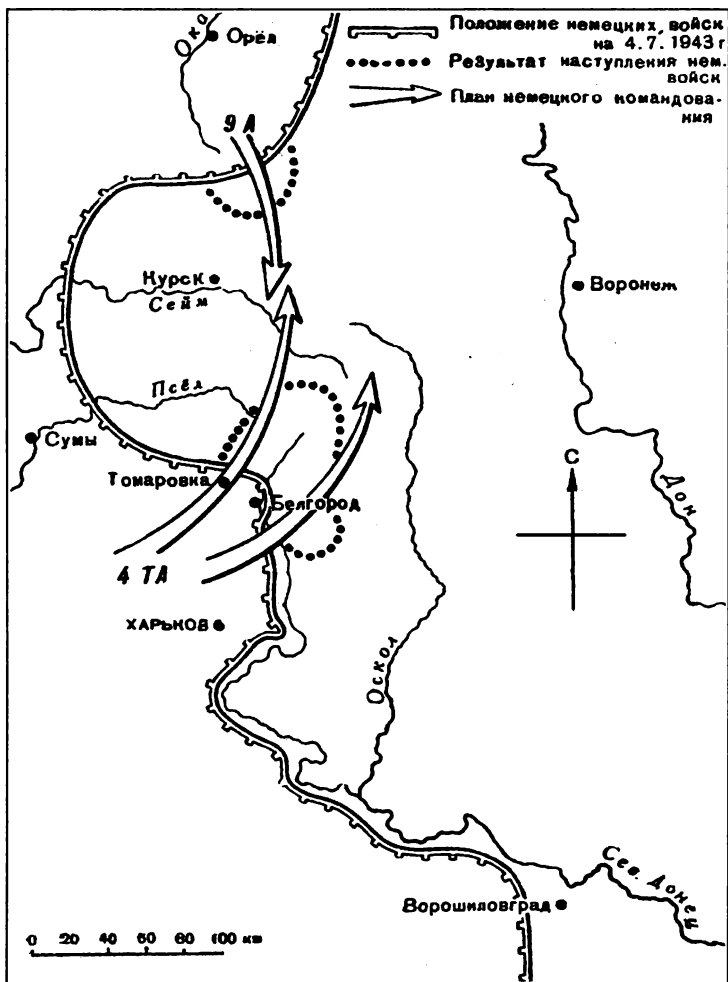
ходство в этих вопросах имела роковые последствия. Именно он затормозил развитие в области производства ракетных двигателей и атомного оружия. К тому же интерес ко всем техническим вопросам привел его к переоценке технических средств. Так, он считал возможным с помощью нескольких дивизионов штурмовых орудий или новых танков «тигр» восстановить положение на участках, где успеха можно было добиться только использованием крупных соединений»²⁸⁴. В Курской битве речь как раз шла не о качестве техники (оно уже не могло быть решающим в силу приблизительного баланса, регулируемого качеством и количеством войск), а только за счет массы войск.

Немцы начали Курскую битву, имея с противником фактическое численное равенство по танкам и определенное качественное превосходство по «тиграм» и «пантерам», но советская артиллерия была несравненно мощнее по весомости и количеству. Немецкая тактика состояла в наступлении последовательными танковыми клиньями, в которых «тигры» шли группами во главе клина, а «пантеры» и Т-IV развертывались сзади веером. Легковооруженная пехота двигалась сразу позади танков, а тяжеловооруженная и имевшая минометы — следовала в основании клина в гусеничных бронетранспортерах. Эта тактика была равносильна отказу от традиционного принципа танковой армии и была навязана немцам солдатами Красной армии, всегда упорно державшимся по краям бреши, а также усилением ее огневой мощи, которая делала самостоятельные действия немецких танков слишком опасными, по крайней мере, на начальных стадиях сражения²⁸⁵.

Немецкое наступление не увенчалось прорывом, а через семь дней Сталин приказал перейти в контрнаступление — в районе Прохоровки врезались друг в друга гигантские массы танков (около 1500 танков с обеих сторон): большее по размерам танковое столкновение

имело место только в дни арабо-израильской войны 1973 г. На немецких фронтовиков и немецкую общественность произвело сильное впечатление сообщение газет о том, что в битве под Прохоровкой в некоторых советских танках были водители-женщины...²⁸⁶ Танковое сражение под Прохоровкой завершилось не победой советских войск, а тем, что их силы оказались исчерпаны; II-й танковый корпус СС на следующий день возобновил атаки. Немецкие танковые дивизии вообще имели мощнейшие ремонтно-эвакуационные службы, а в Курской битве танковые дивизии сопровождались подразделениями инженерных войск. После сражения под Прохоровкой наши войска не заняли поле боя, и немцы утащили всю подбитую бронетехнику²⁸⁷. Очевидцы отмечали, что подбитые немецкие танки под Курском сохраняли свой зелено-коричневый камуфляж и не горели, а советские выгорали дотла. Немецкие танки работали на бензине, а советские на дизельном топливе — очевидно, у немецких танков была надежно защищена топливная система. Кроме того, «тигры» пробивали лобовую броню Т-34 и широко применяли термитные снаряды, от которых внутри танков все выгорало, а боеприпасы взрывались, от этого экипажи подбитых советских танков в большинстве случаев были обречены²⁸⁸.

Впоследствии в отечественной историографии возник миф о том, что советская 5-я гвардейская танковая армия уничтожила под Прохоровкой от 350 до 400 немецких танков, среди них 70 «тигров», а также 3500 немецких солдат. На самом деле немецкие потери в живой силе были в 5 раз меньше, немецкие потери в танках были 34 единицы, вместе с самоходками²⁸⁹, а столько «тигров» на этом участке вообще не было. В Курской битве немцы потеряли 57 тысяч человек, а Красная армия потеряла убитыми и пропавшими без вести 254 тысячи человек²⁹⁰; только 29-й танковый кор-

Схематическое изображение планов вермахта под Курском и их реализации на деле

пус потерял из 212 танков 150, а 5-я гвардейская танковая армия потеряла 350 танков. Также не соответствует действительности утверждение советской историографии о том, что командир II-го танкового корпуса СС генерал Хауссер стал ответственным за поражение под Прохоровкой. На самом деле он после операции сохранил свой пост, потом стал командующим танковой армией, а в конце войны — даже командующим группой армий. По всей видимости, «миф Прохоровки» возник из потребности оправдать огромные потери совершенно неоправданно вырванной из резерва Степного фронта 5-й гвардейской танковой армии. Сражение под Прохоровкой стало скандальным поражением, но с точки зрения идеологии допустить этого было нельзя, и тогда его объявили победой...

Ветеран-фронтовик Александр Захарович Лебединцев объяснял советские потери следующим образом: задачей «тигров» была не борьба с пехотой и ее оружием, но уничтожение противотанковых средств на пути продвижения основных немецких танков — Т-III и Т-IV. Последние уничтожали пулеметы, минометы и стрелков в советских опорных пунктах, чтобы их с меньшими потерями захватила идущая следом пехота. На «тигре» стояла мощнейшая 88-мм пушка, танк был снаряжен тяжелыми бронебойными снарядами (92 выстрела). Стрелять из такой пушки по миномету или пулемету было расточительно, поэтому основными целями «тигра» были советские противотанковые и дивизионные пушки и гаубицы, но главное — танки. Поэтому когда П. А. Ротмистров двинул свою 5-ю танковую армию навстречу немецкому танковому клину, на острие которого шли «тигры», он предоставил «тиграм» цель, для которой они и создавались. Советские потери были ужасны, поскольку пробить броню «тигра», особенно лобовую, Т-34 не могли, а «тигры» пробивали броню Т-34 даже с большого расстояния.

И когда 12 июня у Прохоровки против «тигров» бросили 5-ю гвардейскую танковую армию, сражение для советских танков превратилось в побоище. Армия Ротмистрова перестала существовать. Говорят, что впоследствии Сталин спросил Ротмистрова: «Что же ты, м..., танковую армию за пятнадцать минут спалил?»²⁹¹ Хотя он же и приказал двинуть резерв против немецкого клина. Ротмистрова больше не назначали командующим армией, а использовали как помощника танковых и общевойсковых начальников и на преподавательской работе.

Как уже говорилось, Т-34 был превосходным бронированным оружием в 1941—42 гг., но как только у немцев появились танки «тигр» и «пантера», использовать прежнюю тактику лобовых атак было уже нельзя. Т-34 — по сравнению с новыми немецкими танками — имел слабую броню, а его 76-мм пушка новую немецкую броню не пробивала. «Тигры» с превосходной цейссовской оптикой с большой дистанции десятками жгли советские танки.

Интересно, что на севере Курского выступа Рокоссовский сразу добился снижения потерь, когда запретил бросать «тридцатьчетверки» в лобовые атаки, а использовал их из-за укрытий или в боевых порядках пехоты. На юге же Конев и Ватутин продолжали эту порочную тактику. Поэтому потери на севере составили 1:1,5, а на юге — 1:7,5²⁹². В итоге, к середине июля советские войска оказались в полуокружении, и дело запахло новым поражением. Но потери немцев по их масштабам также были большими, к тому же в Италии высадились союзники, и 15 июля Гитлер распорядился прекратить операцию «Цитадель».

Немецкие потери в живой силе в Курской битве оказались меньшими, чем советские, почти в 5 раз, в самолетах — в 1,5 раза, а в танках — в 6 раз²⁹³. Поэтому Курская битва стала для Красной армии одной из са-

мых тяжелых по масштабам потерь. В советских планах не стояло привлекать силы Степного фронта в первой фазе сражения под Курском, но Сталин их привлек, что и привело к такому результату. Иными словами, Курская битва стала доказательством не превосходства советской армии, а наоборот — дефектов сталинского руководства. Тем не менее к концу июля численность советских танков на Курском выступе постепенно увеличилась до уровня, имевшегося до начала сражения. Ватутин и Рокоссовский начали сражение, имея 35 танковых дивизий, и эта цифра не снизилась, хотя, разумеется, численный состав многих дивизий сильно уменьшился. Оставшись победителем, советская сторона смогла собрать и отремонтировать большую часть легко поврежденных танков. К тому же у них не было затруднений с запасными частями благодаря тому, что они применяли в сражении только один тип танка — Т-34, в то время как немцы использовали пять разных типов танков и два типа самоходных орудий. Советская промышленность производила огромное количество бронетехники с минимумом вариантов. Т-34 в советской армии использовали везде и всегда: рвущийся вперед в разведке, выступающий в качестве артиллерийского орудия, закопанного в землю в виде долговременной огневой точки, буксирующий, работающий как бульдозер, перевозящий пехоту или куда более опасный груз — боеприпасы в ящиках, закрепленных цепями на моторном отделении, это грубое, тесное, плохо проветриваемое, но невероятно прочное и надежное изделие выступало во множестве ролей. Кажущееся столь странным использование единого типа машины для выполнения столь разных задач давало много преимуществ, поскольку проблема снабжения для Т-34 была сведена только к двум статьям — к горючему для 12-цилиндрового алюминиевого дизеля и боеприпасам для его 76-мм пушки. Если про-

исходили механические поломки, то с машины снимали все годные части и бросали ее.

Шасси Т-34 шли с заводов в количествах до 2 тысяч ежемесячно, причем они делились поровну между обычными типами Т-34 и самоходными орудиями САУ. В Советском Союзе были созданы две новые противотанковые пушки — длинноствольная 100-мм и 122-мм. Ни одна из новинок не имела преимуществ перед немецкими вариантами 88-мм или длинноствольной 75-мм, но за счет веса снаряда достигался тот же эффект, что и при прямом попадании. Тяжелые снаряды ограничивали боезапас САУ и стесняли экипаж, но численное превосходство Красной армии и энтузиазм при виде нового оружия это более чем компенсировало²⁹⁴. Количество советских танков, находившихся в боеготовности в Курском выступе на 5 июля, было около 3800; к 13 июля эта цифра снизилась до 1500 или менее, но к 3 августа она снова выросла до 2750. Проблема была в другом — не хватало подготовленных экипажей²⁹⁵.

Более значительную неприятность, чем операция «Цитадель», означала для немцев Донбасская операция, проведенная советским командованием с 13 августа по 22 сентября 1943 г. На этом направлении немцами была создана мощная оборона по рекам Северный Донец и Миус (*Mius-Front*). Именно на миусском рубеже советскими войсками была пробита большая брешь, заделать которую вермахт уже не смог. Во время боев на миусском рубеже 23-я танковая дивизия вермахта потеряла 11 танков, II-й танковый корпус СС потерял за два дня 23 танка, то есть больше, чем за всю операцию «Цитадель»²⁹⁶. Потери вермахта летом 1943 г. были большими по сравнению с возможностью их заместить, а Сталину было кем восстанавливать поредевшие войска. После Курской битвы Сталин располагал 300 дивизиями (около 5 миллионов солдат), а

Гитлер — 200 дивизиями (около 3 миллионов), и с каждым месяцем преимущество в живой силе и в вооружениях росло в пользу Красной армии.

Операция «Цитадель» не стала для немецкой стороны проигранной битвой, но, скорее, битвой, прерванной до наступления решающего момента. Оперативное и стратегическое значение Курской битвы для всего Восточного фронта имело большое значение, хотя сами по себе немецкие потери были не так велики — 40 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Танковые потери немцев также были невелики (3—4 сотни), но поврежденные, а потом и оставленные перед наступающими советскими частями машины составляли большее число.

Советские потери под Курском были более значительны — 300 тысяч солдат убитыми, ранеными и пропавшими без вести, до 2 тысяч танков и САУ. Но Красная армия легко компенсировала эти потери свежими резервами²⁹⁷. Вследствие этого к середине 1943 г. штатный состав немецких и советских дивизий (ранее несопоставимый) сравнялся. Если в немецкой пехотной дивизии было около 10 тысяч солдат и 2 тысячи «хивис», то в советской дивизии также было около 10 тысяч солдат. Советский танковый корпус располагал обычно 200 танками — это соответствовало укомплектованной немецкой танковой дивизии (таковых к тому времени было мало). К середине июня 1943 г. почти 30 дивизиям группы армий «Юг» противостояло 100 советских стрелковых дивизий, к которым в сентябре присоединилось еще 50 дивизий. 13 танковым или моторизованным дивизиям немецкой группы армий противостояло 17 танковых или механизированных корпусов Красной армии, семь кавалерийских корпусов, а также несколько отдельных танковых бригад и полков, к которым к середине сентября 1943 г. добавилось еще два танковых корпуса и несколько отдельных бри-

гад²⁹⁸. Последствия такого соотношения сил не заставили себя долго ждать.

После безрезультатного для немцев Курского сражения Сталин сделал то, что Манштейн советовал Гитлеру — ударил в тот момент, когда противник растратил свои силы. Когда 12 июля Курская битва достигла кульминации, советское командование ударило севернее выступа в тылы армии Моделя, который моментально прекратил наступление. Собственно, в этот момент Гитлер окончательно упустил последний шанс... В результате положение на Восточном фронте для немцев стало хуже, чем до стабилизации весной 1943 г. На орловском направлении Модель увяз в неразрешимых проблемах; 2-я танковая армия оставила Орел, чтобы избежать риска окружения. В честь освобождения Белгорода и Орла Сталин впервые приказал произвести в Москве артиллерийский салют (5 августа 1943 г.). Празднования свидетельствовали о том, что Москва не боялась снова потерять эти города... Теперь перед советским фронтом стояла задача отеснить группу армий «Юг» от Днепра в направлении Азовского моря и там ее уничтожить. Гитлер облегчил советской армии эту задачу, приказав удерживать Харьков любой ценой²⁹⁹.

К концу лета 1943 г. моральный дух вермахта начал претерпевать изменения. Его храбрость и дисциплина не ослабли. Но надежды были подкошены, и человечность - там, где еще остались ее следы, — угасала. Под треск пулеметов, сводивших последние счета с местным населением, и грохот подрывных зарядов летом и осенью 1943 г. германская армия отступала по европейской части СССР, оставляя за собой дым пожарищ, брошенную технику и кое-как засыпанные могилы³⁰⁰.

Еще перед летней кампанией 1942 г. Гальдер предлагал перейти на Восточном фронте к стратегической

обороне. Гитлер также обратился к этой мысли, но только после неудачи под Курском в 1943 г. При этом вставал вопрос: как стратегическую оборону организовать? В силу того, что Восточный фронт был слишком протяженным для наличных сил вермахта, и в силу очевидного перевеса Красной армии в живой силе и технике, в первую очередь фронт следовало максимально сократить. В 1943 г. в искусстве оперативного руководства войсками немецкие офицеры продолжали значительно превосходить советских. Но представления Гитлера о войне в обороне были почерпнуты из его окопного опыта в Первой мировой войне: он стремился вникать в мельчайшие детали и настаивал на том, чтобы не уступать противнику ни пяди земли; смысл всех его приказов в обороне сводился к одному: выстоять (*ausharren*). Немецкий историк из военно-исторического ведомства бундесвера Манфред Рау писал: «Иронией истории является то, что советские генералы — после того как в 1941 г. их концепция наступательной войны потерпела крах — стали усваивать и развивать искусство оперативного руководства войсками, получившее высокую оценку немецкой стороны, а сами немцы под давлением Гитлера перешли на советские позиции жесткой обороны «во что бы то ни стало»³⁰¹.

В середине сентября 1943 г. начался масштабный отход немецких армий — примерно миллион солдат по шести днепровским мостам были отведены с фронта в тысячу километров и на другом берегу развернулись на фронте в 650 км. 14 сентября советские войска Воронежского фронта, двигаясь от Ахтырки, разгромили северный фланг группы армий «Юг» и двинулись в направлении Днепра³⁰². Создалась угроза, что Красная армия захватит важнейшие переправы через Днепр в тылу немецких войск. Днепр имеет крутой и обрывистый западный берег, что представляет собой идеальную

оборонительную позицию. Легко понять, почему летом 1943 г. эта река привлекла внимание немецкого командования. Здесь, за естественной преградой, можно было возвести мощную оборонительную позицию — «Восточный вал», о котором в ОКХ мечтали еще с момента поражения под Курском.

Для того чтобы сбалансировать неблагоприятное для вермахта соотношение сил на Восточном фронте, существовало три пути. Во-первых, можно было отвести немецкие войска от Ленинграда и с обеих сторон от озера Ильмень на более короткий фронт. Во-вторых, вывести 17-ю армию из Крыма — также на более короткий фронт. В-третьих, отступить в большую излучину Днепра южнее Киева с той же целью. Гитлер же ни о каких уступках территории и слышать не хотел³⁰³. Его стратегическое кредо требовало «держаться любой ценой», а отступление рассматривалось как смертельный грех. Гитлер говорил, что надежда на хорошо укрепленные позиции за ними будет побуждать генералов к отступлению. Только в середине августа, когда советские танковые клинья сметали все на своем пути к Днепру, он, скрепя сердце, дал разрешение на начало работ на «Восточном валу», вдоль Днепра и Десны.

Было совершенно очевидно, что судьба войны решается на Днестре: после форсирования Днепра Красная армия возьмет Украину, в пределах досягаемости окажется Румыния, Крым будет потерян. Поэтому для Сталина Днестр был самым значимым политическим и военным призом. Кроме продовольствия, за Днестром были и главные ценности индустриальной эпохи: в Кривом Роге добывали железную руду, в Запорожье и Никополе — марганец и цветные металлы, медь и никель. Из этих источников покрывалось более 30 % потребностей Германии. Самым важным, однако, для Гитлера было то, что нефтяные скважины Румынии

удовлетворяли половину потребностей Германии в нефти. С потерей Днепра эти источники нефти вскоре были бы утрачены. Днепр стал рекой, определявшей судьбу войны. В том случае, если немецкие силы смогут удержать его, руководство рейха сохранит свою военную и экономическую дееспособность.

21 июня 1943 г., когда Манштейн поставил перед ОКХ вопрос — удерживать ли Донецкий регион или дать русским истечь кровью на Днепре, ему ответили, что фюрер хочет и того и другого. Но получить и то и другое было просто невозможно³⁰⁴.

Сталин сосредоточил на южном фланге 40 % стрелковых соединений и 84 % танковых сил. Таким образом, советское руководство достигло гигантского сосредоточения сил: оно имело шестнадцатикратное преимущество над противником. 9 сентября в директиве всем фронтам и армиям Сталин обещал офицерам и солдатам самые высокие награды, если они проявят себя в боях за Днепр. Не случайно, что за форсирование Днепра советским солдатам давали звание Героя Советского Союза; это несколько девальвировало высшую воинскую награду. Военный аспект отступления к Днепру для немцев не был сложным, но существовал целый ряд проблем, которые усложняли задачу. Требовалось эвакуировать примерно 200 тысяч раненых вместе с госпиталями и персоналом немецкого, венгерского, румынского и словацкого отделений Красного Креста, а также огромное количество советского гражданского населения. Опыт отступления показывал, что на отвоеванных территориях Красная армия немедленно призывает в свои ряды всех здоровых мужчин с 16 до 60 лет и зачисляет их в боевые части. Эти новобранцы заполняют бреши на линии фронта, служа живым щитом³⁰⁵. В наступательных боях советская пехота несла огромные потери. Пополнять обескровленные части было нечем, поэто-

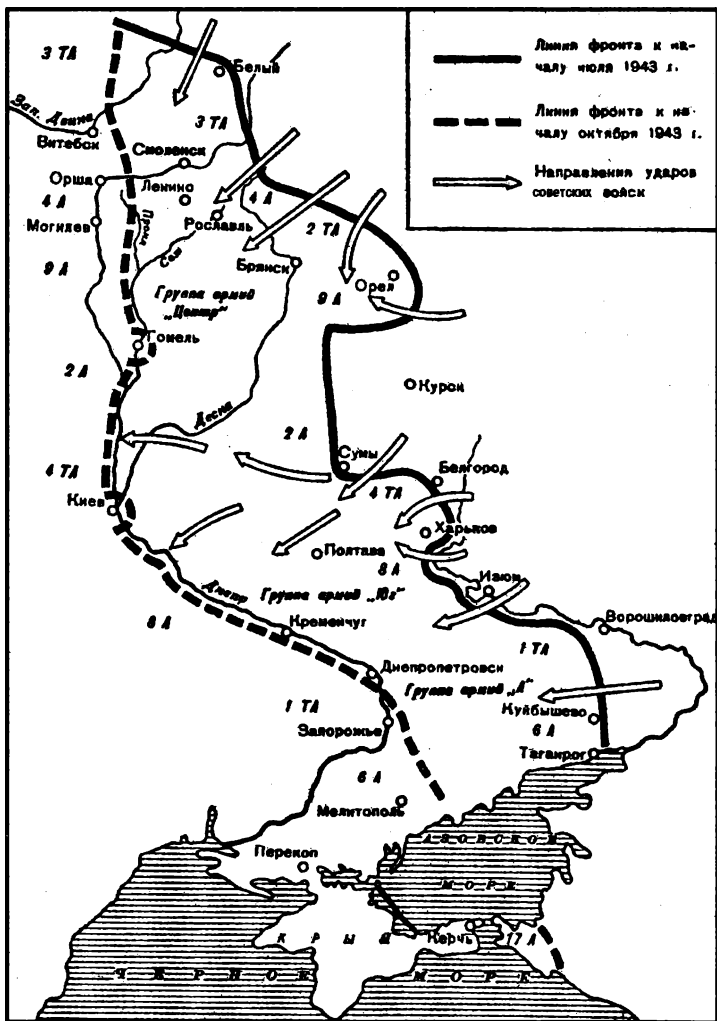
му в армию призывали не только местных жителей, но и «хивис», которых не расстреливали, но переобмундировывали и уже в качестве советских солдат, под надзором офицеров и заградотрядов, гнали вперед, как бы заставляя кровью смыть позор измены. Их загоняли на минные поля с целью разминирования или в атаки для выяснения расположения огневых средств противника³⁰⁶.

В результате массовой эвакуации немецких тылов, за немецкими полками, украинскими полицейскими и вспомогательными частями, эскадронами добровольцев из кавказских народов, туркменскими легионами и колоннами рабочих к Днепру тащились бесконечные толпы гражданских лиц. Немцы стремились лишить Красную армию не только живой силы, но и материальных ценностей: 6 сентября Геринг предписал командующим армиям вывозить все запасы продовольствия и сырья, все поголовье скота, станки и сельскохозяйственные машины, а также транспортные средства. В полосе немецкой 6-й армии местному населению оставили 1/5 запасов зерна. В «боевом журнале» армии, однако, осталась запись, что эта мера, продиктованная гуманными соображениями, привела к военному ущербу: Красная армия это зерно немедленно конфисковала³⁰⁷.

Ги Сайер, рядовой дивизии вермахта «Великая Германия», вспоминал, что осенью 1943 г. при отступлении к Днепру вермахт лишился важнейшего источника своей мощи — подвижности. Солдаты группы армий «Центр» в условиях осенней распутицы тащились со скоростью не более пяти километров в час. Знаменитая немецкая мобильность стала воспоминанием. Вооружения Красной армии становились все более современными. Солдаты вермахта оказались лицом к лицу с чрезвычайно подвижными свежими моторизованными полками³⁰⁸.

27 сентября 1943 г. у города Лютеж (30 км севернее Киева) советские войска 38-й армии генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова смогли переправиться на другой берег Днепра и создать там плацдарм. К исходу сентября плацдарм был расширен до 50 км². Созданная на Лютежском плацдарме группировка 1-го Украинского фронта сыграла главную роль в освобождении Киева³⁰⁹. Обходя Киев, танковая армия Рыбалко нацелилась на линии снабжения группы армий «Юг». Критическая для немцев ситуация возникла и в Запорожье: 15 октября генерал Хайнрици вынужден был отдать приказ о взрыве плотины и электростанции. После взятия Запорожья советская армия смогла выйти в низовья Днепра и на подходы к Крыму. Начальник оперативного отдела ОКХ Адольф Хойзингер уже 10 октября 1943 г. сравнивал в своем дневнике положение Германии с положением Пруссии в Семилетнюю войну, когда только чудо — смерть Елизаветы Петровны — спасло Фридриха Великого и Пруссию³¹⁰. Нацистскую Германию также могло спасти только чудо. Как известно, к подобному сравнению прибегал и Геббельс — после смерти Рузвельта (12 апреля 1945 г.).

Один немецкий мемуарист вспоминал, что после Курска, когда вермахт начал отступать, солдатам стало особенно тяжело — не хватало буквально всего, они голодали, отдохнуть не было возможности, поэтому настало полное психическое и физическое истощение и моральное одичание. Солдаты настолько привыкли к смерти, что — упомянутый мемуарист видел это своими глазами — однажды спавшие в блиндаже разведчики в качестве подушек использовали трупы незадолго до этого перебитых партизанами солдат³¹¹. Ги Сайер писал: «Обвинения простых солдат в том, что они убийцы, несправедливы, ибо солдаты во все времена только тем и занимались, что убивали». Еще он цитировал своего ротного командира, капитана Весрейдау: «Если

В летнюю кампанию 1943 г. вермахту с большим трудом удалось предотвратить прорыв сплошного фронта обороны

завтра мы проиграем, то на милосердие рассчитывать не приходится. Нас будут обвинять в том, что мы убийцы. Подвиги, которые мы совершали каждодневно, наши страхи и наши надежды, память живых и мертвых товарищей — все это будет предано забвению, и потомки никогда не узнают правды. Они будут думать, что мы болваны, и пожертвовали жизнью ради глупейшей цели. У вас нет больше выбора. Пусть завтра победят враги, пусть закончится война и наступит мирная жизнь. Но вам не будет покоя. Вам не простят, что вы остались в живых. На вас будут взирать с презрением. Или, в лучшем случае, так, будто вы ископаемый мамонт. Среди других вы всегда будете чувствовать себя чужими»³¹². По крайней мере, по отношению к немецким солдатам эти слова сбылись в полной мере.

Глава 2

УЧАСТИЕ СОЮЗНИКОВ СССР В ВОЙНЕ, ВЕРМАХТ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

Первоначально, помимо самого важного и отнимавшего почти все немецкие силы и потому бывшего в центре внимания немецкой общественности Восточного фронта, интерес вызывали и события в Северной Африке. На этом театре военных действия Германия должна была выступить на помощь Италии. Дело в том, что Италия, германская союзница, вступила в войну крайне неподготовленной, хотя итальянский командующий в Африке Итало Бальбо располагал в Ливии 220 тысячами солдат против 35 тысяч английских солдат. Бальбо, будучи ответственным и одаренным офицером (он погиб в самом начале войны — его самолет по ошибке сбили собственные зенитчики), в ответ на слова Муссолини о необходимости скорейшего вступления в войну сказал, что только 20 % итальянских дивизий укомплектованы личным составом и техникой; свыше 70 % танковых частей не располагают танками, не хватает даже рубашек для солдат. На это Муссолини изрек, что историю нельзя измерять количеством рубашек. Следует сказать, что воевавший вместе с итальянцами немецкий генерал Меллентин писал, что не разделяет взглядов тех, кто презрительно отзывался об итальянских солдатах, не давая себе труда подумать о неблагоприятных условиях, в которых они действовали. Вооружения итальянской армии далеко не отвечали современным требованиям; танки были слишком легкими и очень ненадежными с технической точки зрения, дальность стрельбы итальянских орудий была маленькой по сравнению с английскими орудиями. Паек итальянских солдат был недостаточным, не было полевых кухонь; существовало резкое различие в пи-

тании солдат и офицеров. Уровень подготовки и боевые качества младших офицеров были очень низкими³¹³. Правда, итальянский ВМФ выглядел гораздо лучше, чем сухопутные войска. На его балансе числилось 6 линкоров, 29 крейсеров, 59 эсминцев, 69 торпедных катеров и 115 подлодок. Италия располагала одним из самых крупных флотов мира³¹⁴. Этот флот, впрочем, сильно уступал английскому.

Италия вступила в войну 10 июля 1940 г. В немецком Генштабе ожидали, что в районе Средиземного моря Муссолини тотчас же начнет активные боевые действия и в первую очередь овладеет островом Мальта: он угрожал коммуникациям Италии, связывавшим ее с Восточной и Северной Африкой. Однако подобной инициативы Италия не проявила, а Гитлер оказывать давление на Муссолини не захотел. Как писал немецкий генерал Вестфаль, такая предупредительность Гитлера по отношению к Муссолини — вплоть до свержения последнего — отрицательно сказывалась на многих делах: из-за этого важнейшие вопросы коалиционной войны оказались без внимания³¹⁵. Командующий Южным фронтом фельдмаршал Кессельринг писал, что Италия, не оккупировав в начале военных действий Мальту, совершила фундаментальную ошибку с тяжелейшими последствиями³¹⁶. Вместо решительной атаки Мальты, в сентябре 1940 г. итальянский маршал Грациани силами восьми пехотных дивизий с территории Ливии начал наступление на Египет. Это наступление имело целью реализовать фашистскую мечту о превращении Средиземного моря в «итальянское внутреннее озеро» (*mare nostrum*). Немцы в этот момент предлагали помощь Муссолини, но он отказался, полагая, что обойдется собственными силами. Надеждам дуче не суждено было сбыться.

В течение двух месяцев с начала войны в Африке три английские дивизии (35 тысяч солдат, 120 орудий

и 275 танков) 1 тысячу километров теснили по пустыне итальянские войска, насчитывавшие 220 тысяч солдат (10 дивизий). Великобритания по праву гордилась этим достижением. Итальянские солдаты сражались храбро, но испытывали катастрофический недостаток в современных вооружениях³¹⁷. К 9 декабря 1940 г. итальянская армия оказалась почти полностью уничтоженной. Одно поражение следовало за другим. Уже 16 декабря пал Эс-Саллум, а 21 января 1941 г. — сильнейшая крепость Ливии Бардия. Чуть позже англичане вступили в Киренаику. Передовые английские танковые части быстро пересекли пустыню и овладели Бенгази. Необходимо было срочно принимать меры по обороне Триполи. После того как итальянцы потеряли 130 тысяч солдат пленными, следовало ожидать, что они не удержат свой последний оплот в Африке (Триполи). Именно плохая техническая оснащенность была основной причиной того, что итальянские солдаты не выдержали испытаний Второй мировой войны. Между февралем 1940 г. и февралем 1941 г. (высадкой немецких войск в Африке) британские войска разгромили десять итальянских дивизий, взяли 130 тысяч военнопленных, уничтожили 400 танков и 1200 артиллерийских орудий³¹⁸.

Немецкий военный специалист генерал Вестфаль писал, что ни по уровню боевой подготовки, ни по качеству вооружений итальянские вооруженные силы не были готовы к войне против высокоразвитого противника³¹⁹. Итальянский флот также понес большие потери и не сумел добиться успеха ни в одном сражении. Чтобы не допустить военной катастрофы своего союзника, Германии пришлось оказать помощь итальянцам. Главную задачу немцы видели в том, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения обстановки в Северной Африке. В первое время предполагалось послать в Африку «небольшой заградительный отряд». Но, ознако-

мившись с обстановкой, фюрер дал указание сформировать экспедиционный корпус «Африка». Формировал корпус генерал-лейтенант Эрвин Роммель. Затем, в феврале 1941 г., большинство из 250 тысяч немецких солдат, составивших этот корпус, переправились в Африку на судах из Неаполя или Таранто. Путешествие по морю на переполненном грузовом судне продолжалось трое с лишним суток, 74 часа страха для немецких солдат: велика была активность британских торпедоносцев³²⁰.

Прибыв в Триполи в феврале 1941 г., Эрвин Роммель, будучи сторонником активных наступательных действий, сразу разошелся во мнении с командованием итальянских войск в Северной Африке: оно склонялось к обороне, а не к наступлению. Роммель не видел в обороне перспективы для стабилизации положения. Поэтому он хотел начать наступление и продвинуться как можно дальше. Роммель всемерно форсировал переброску своих войск, и уже к концу марта 5-я легкая дивизия вермахта (позже переименована в 21-ю танковую) целиком находилась в Африке. Позже должна была прибыть 15-я танковая дивизия, но Роммель не стал дожидаться ее прибытия и 31 марта, несмотря на протесты итальянского командования, отдал приказ о наступлении. Такой прыти англичане не ожидали, поэтому немецкое наступление развивалось исключительно успешно - за 12 дней боев Роммель вернул все, что английскому генералу Уэйвелу удалось захватить за два месяца, и 10 апреля перешел египетскую границу. Во время этого наступления Роммель, передвигаясь на маленьком самолете «шторх», был буквально вездесущ. Прекрасно ориентируясь в пустыне, он обладал прямо-таки сверхъестественной способностью появляться в нужное время в нужном месте. Известен случай, когда, пролетая над одним из своих подразделений, без видимой причины задержав-

шим продвижение, Роммель сбросил записку: «если вы сейчас же не двинетесь вперед, я спущусь вниз. Роммель»³²¹. Служивший под его началом генерал Меллентин отмечал, что Роммель так же мало щадил подчиненных, как и самого себя; солдаты постоянно видели его рядом с собой и чувствовали, что это их настоящий «отец-командир»³²². Даже в самой критической ситуации Роммель спокойно и уверенно управлял войсками, передавая эту уверенность офицерам и солдатам. Несмотря на то что Роммель не был танкистом, он сразу понял и полностью оценил новые возможности танковых войск, особенно в пустыне, где война имела — в силу мобильности войск — самый современный характер. После завершения африканской кампании Роммель писал: «Только в пустыне смогли найти полное применение и широкое развитие те принципы боевого использования танков, которые теоретически были разработаны перед войной. Только в пустыне развертывались настоящие танковые сражения с участием большого количества танков»³²³. В самом деле, в пустыне танковые сражения протекали в очень быстром темпе. Эта маневренная война сводила на нет превосходство в численности и вооружениях, в отличие от сражений, которые разворачивались на Восточном фронте. Впрочем, обширные равнинные пространства позволяли немцам весьма эффективно и в огромных количествах использовать танки также на юге Советского Союза.

Несмотря на энергичное немецкое наступление, один ключевой пункт своего фронта англичане смогли удержать — Тобрук (в апреле — декабре 1941 г. город выдержал восьмимесячную осаду) продолжал сопротивляться, отбивая немецкие атаки.

Блестящие победы Роммеля сразу придали войне в Африке иной характер. Правда, после первоначального успеха Роммель из-за недостатка средств вынужден

был перейти к обороне — на Африканском театре военных действий вплоть до ноября серьезных сражений не было. Правда, это затишье было только внешним — на самом деле Роммель развил лихорадочную деятельность по усовершенствованию своих позиций на фронте.

Предосторожность не была напрасной — 18 ноября 1941 г. новый английский командующий генерал Окинлек (сменивший Уэйвела) перешел в контратаку на позиции Роммеля. Это наступление осуществлялось силами 8-й английской армии, имевшей в своем составе около 30 тысяч солдат, 800 танков и около тысячи самолетов. Это были самые мощные силы, какие до сих пор видела пустыня. Роммель противопоставил этим силам 40 тысяч солдат, 300 танков и примерно 200 самолетов. Плохо вооруженные итальянские войска имели такую же численность. Слабые вооружения итальянцев усугублялись еще и организационными проблемами. Фельдмаршал Кессельринг в мемуарах возмущался положением дел в итальянской армии: в ней офицеры вели жизнь, совершенно отдельную от рядового состава; не знали нужд и потребностей своих подчиненных; в критические моменты часто теряли контроль над своими подразделениями. В отличие от вермахта, итальянский рядовой даже в полевых условиях получал совершенно иной рацион, нежели офицер. Чем выше было звание, тем больше был получаемый паек; естественно, что при такой системе все лакомые кусочки уходили наверх. Офицеры питались отдельно и зачастую даже не знали, чем и в каких количествах кормят их подчиненных. Все это подрывало чувство товарищества, которое должно существовать между людьми, которым судьбой предопределено сражаться и умирать вместе. Кессельринг отмечал, что немецкие полевые кухни в Северной Африке подвергались осаде голодных итальянских солдат, а «в итальянской офицерской столовой, где меня угощали, кор-

мили лучше, чем в столовой при моем штабе». Также совершенно недопустимым в итальянской армии, на взгляд Кессельринга, было положение с получением денежного довольствия — его постоянно задерживали или недоплачивали³²⁴...

В результате упорного танкового сражения, к 23 ноября англичане понесли значительные потери. Кажется, что военное счастье улыбнулось, немцам. Но в этот момент Роммель совершил ошибку, переоценив достигнутое им преимущество. Вместо того чтобы на следующий день продолжить наступление на Тобрук и покончить с измотанными в боях защитниками гарнизона, он организовал параллельное преследование противника в направлении Египта, стремясь отрезать английские войска. В результате основные силы корпуса «Африка» не смогли принять участие в сражении за Тобрук в течение шести дней, которые и решили судьбу фронта в этом районе. 6 декабря блокада Тобрука была снята, и Роммель начал отступление по всему фронту. «Тобрукские крысы», как называли немцы защитников крепости, держались не напрасно... В ноябре 1941 г. немецкие и итальянские войска понесли тяжелые потери — немцы потеряли 33 % личного состава и 220 танков, а итальянцы — 40 % личного состава и 120 танков³²⁵. Англичанам было чем восполнить свои потери, а немцам — нет, поскольку их коммуникации находились под постоянной угрозой и были крайне неэффективны. Особенно крупной проблемой для немцев была Мальта, нависавшая над коммуникациями вермахта. В конце 1941 г., при вступлении в должность командующего Южным фронтом фельдмаршал Альбрехт Кессельринг в присутствии Гитлера заявил, что предпосылкой стабилизации доставки снабженческих грузов войскам Роммеля является не «нейтрализация» (как предлагал Гитлер) опорной базы британских военно-морских и военно-воздушных сил — острова

Мальты, а оккупация острова. Гитлер ответил, что для этого нет достаточных сил. Кессельринг отмечал в своих мемуарах: «В Африке германские войска всех трех родов были прекрасно подготовлены, но проблема была в том, что их было недостаточно. Немцы были оснащены вооружением и техникой, по ряду характеристик превосходящих те, которые имелись в распоряжении противника. Однако лишь в редких случаях численность германских войск была достаточной для решения конкретных тактических задач. Помимо прочего, ручеек пополнения, весьма скудный в связи с острой потребностью в личном составе на других фронтах, почти полностью пересыхал из-за больших потерь в ходе транспортировки по морю»³²⁶.

Несмотря на растущие проблемы со снабжением, 26 мая 1942 г. Роммель перешел в новое наступление. 21 июня комендант крепости Тобрук генерал Клоппер с несколькими генералами и 33 тысячами солдат сдался в плен. Трофеи были огромные... Дорога на Египет была открыта. Перед Роммелем встал вопрос: можно ли при помощи быстрых и решительных действий пробиться к Каиру. Итальянское командование хотело сначала захватить Мальту, их буквально душили проблемы со снабжением: с Мальты английская авиация очень эффективно боролась с конвоями. Гитлер (по причине огромных немецких потерь при штурме Крита) встал на сторону Роммеля и одобрил наступление на Египет при отказе от штурма Мальты. Начав наступление, Роммель, несмотря на пессимистические прогнозы итальянцев, продвинулся далеко вглубь Египта и остановился только перед Эль-Аламейном. Обе стороны к этому моменту выдохлись. Кроме того, коммуникации немецких войск сильно растянулись. Снабжение войск Роммеля было сопряжено с большим риском. В июле морем подвозилось в пять раз меньше, чем требовалось. Особенно большие проблемы были с горючим. Транс-

портная авиация сама пожирала почти весь привозимый ей бензин. Снабженческие проблемы были так велики, что Роммель скоро понял: он и его солдаты брошены на произвол судьбы. Утратив подвижность, дивизии Роммеля подвергались растущему давлению со стороны противника³²⁷.

Как и на Восточном фронте, первоначальные блестящие успехи сменились поражениями и в Африке, с тем существенным отличием, что немецкое общественное мнение — вслед за вермахтом — склонно было в поражениях обвинять итальянцев, а не своих солдат и свое руководство. Все действия итальянцев в Северной Африке действительно сопровождались скандальными провалами, особенно очевидными на фоне эффективных действий «Африканского корпуса» Роммеля, который стал, пожалуй, самым знаменитым немецким генералом Второй мировой войны. Английский историк Дэвид Ирвинг считал его даже «современным Ганнибалом», а начальник американского Генштаба Омар Брэдли причислил Роммеля к 10 величайшим полководцам мировой истории³²⁸. Роммель произвел огромное впечатление на англичан и американцев, считавших его полководческий гений, энергию и изворотливость непостижимыми и испытывавшими перед ним прямо-таки мистический страх. Даже самые лучшие английские генералы не смогли действовать так смело и гибко, как Роммель, они не умели вести маневренную войну. Для английского метода ведения боя характерны медлительность, отсутствие гибкости и последовательности; англичане более рассчитывали на свою морскую мощь и огромные ресурсы империи. Когда летом 1942 г. Эрвин Роммель стоял у последних высот Эль-Аламейна, стремясь к Нилу, ни один человек не дал бы и ломаного гроша за власть англичан в Египте. В британских штабах уже жгли бумаги. Поезда на Палестину и Иорданию шли переполненными. Однако,

вопреки всеобщему пессимизму, вставший во главе английских сил в Африке генерал Бернард Монтгомери смог спасти положение³²⁹.

Роммель, бесспорно, был выдающимся военачальником. Его имя для всех немцев и итальянцев, сражавшихся под его командованием, стало символом воинской доблести и славы. Никакой другой полководец не мог предъявлять своим войскам таких высоких требований и добиваться их выполнения. При всей решительности в достижении поставленных целей, он всегда старался добиваться их ценой минимальных жертв. Роммель, например, считал, что если солдаты, оказавшись в безвыходном положении, сдались в плен, то это лучше бессмысленной гибели. Он был душой и мозгом своих войск. Фронт, борьба и страстное желание всегда быть рядом со своими солдатами — вот что отличало его от прочих генералов, вот что заставляло его подолгу находиться на передовых позициях. Он умел поддерживать с войсками ту непосредственную живую связь, какую способны осуществлять только настоящие полководцы.

Конечно, в его руководстве войсками было много ошибок, но подавляющее большинство совершенных им дел свидетельствует о том, что он обладал выдающимися военными способностями. Можно было только удивляться тому, с какой быстротой он оценивал общую обстановку и находил в ней самое главное. Он был исключительно честным и храбрым человеком, и при этом довольно мягким — ни на одном театре военных действий взыскания не накладывались так редко, как в Африке. Как в свое время и Наполеон, Роммель требовал от своих генералов, чтобы в решающие моменты истории государственное мышление у них возобладало над военным. Он не был, по выражению Шлиффена, «узколобым генералом, готовым слепо следовать приказам». Не был он для Гитлера и «генера-

лом по особым поручениям», которого всегда можно послать вперед (как Робеспьер посылал своих генералов, когда впереди был враг, а сзади — виселица). Роммель придерживался заповеди Мольтке, по которой в качестве последней надежды на спасение гуманизм ставился выше, чем воинский долг, а человек — выше принципов. Уже в конце войны Роммель с горькой иронией цитировал слова из «Майн кампф», которые противоречили последующим действиям Гитлера: «Когда правительство нации ведет ее к гибели, бунт является не только правом, но и долгом каждого гражданина... Человеческие законы приходят на смену законам государства... Долг дипломатии — поддерживать существование нации, а не героически вести ее к уничтожению. Любые средства сохранения ее хороши, и пренебрежение ими должно рассматриваться как безответственное преступление»³³⁰.

Немецкий генерал Вестфаль считал, что равной Роммелю фигурой был командующий соединением Люфтваффе в Африке Кессельринг. Никто другой не мог превзойти Кессельринга в его усердиях по оказанию поддержки наземным войскам. Подобно Роммелю, он совершенно не щадил себя. Число полетов, совершенных им в тех районах, где господствовала вражеская авиация, достигало примерно 200. Пять раз его самолет сбивали³³¹. Однажды Кессельринг на ночь глядя должен был на своем «шторхе» срочно лететь на совещание, на котором хотел присутствовать и итальянский командующий Кавальеро. Кессельринг вспоминал: «Немецкий маршал, сидя за штурвалом самолета, пилотировал над пустыней не приспособленную для ночных полетов машину и вез в качестве пассажира итальянского маршала. Должен сообщить, что я без всяких происшествий доставил своего изрядно нервничающего спутника прямо в руки подчиненных ему генералов. К сожалению, я не обладаю достаточно раз-

витым воображением для того, чтобы описать объятия и поцелуи после нашего приземления»³³².

Однако ни полководческий гений Роммеля, ни превосходные командирские качества Кессельринга не помогли, когда 8 ноября 1942 г. англо-американские войска высадились в Марокко и Алжире, вследствие чего итало-немецкие, а также «вишистские» войска попали в Северной Африке в безвыходное положение³³³. Успехи англо-американской десантной операции «Факел» (*Torch*) побудили немецкую общественность пересмотреть свое отношение к американцам, которых перестали считать дилетантами в военном деле³³⁴. Прежде всего немцы сетовали при этом на итальянцев; СД писала в «Вестях из рейха»: «Как это американцам удалось незамеченными пройти Гибралтар такими большими силами, куда смотрели итальянские службы дальнего обнаружения? А где, собственно, был столь восхваляемый итальянский флот?»³³⁵

Вечером 2 ноября 1942 г. Роммель доложил итальянскому и немецкому Верховному главнокомандованию, что намерен отвести войска от Эль-Аламейна для предотвращения прорыва англичан на широком фронте. К его величайшему удивлению, на следующий день в штаб пришел приказ фюрера, в котором тот, абсолютно игнорируя сложившуюся обстановку, утверждал, что «силы противника на исходе и наша задача состоит в том, чтобы, цепляясь за каждый метр пустыни, либо одержать победу на этой позиции, либо умереть». Несмотря на этот приказ, 4 ноября, после того как фронт оказался прорванным в четырех местах, Роммель приказал начать отход. Впоследствии Гитлер не простил ему неповиновения.

Вынужденная отступить по одной-единственной дороге, днем и ночью атакуемая противником с воздуха, лишенная достаточного количества средств передвижения и самого минимального запаса горючего,

испытывая во всем острый недостаток, итало-немецкая армия совершила подвиг, проделав 1500-километровый переход и сохранив боеспособность. Кампания явно клонилась к финалу, поэтому Роммель решил самовольно лететь к Гитлеру и потребовать эвакуации своих солдат из Африки. В то время еще можно было спасти треть личного состава. 28 ноября 1942 г. Роммель вылетел к Гитлеру, но тот наотрез отказался от эвакуации. Гитлер заявил, что по вновь открывшемуся кратчайшему морскому пути из Италии в Тунис вполне можно обеспечить подвоз армии всего необходимого. Роммель понял, что трагический конец его армии неотвратим...³³⁶

К февралю 1943 г. Роммель потерял Триполи и почти всю Ливию. Верховное немецкое командование в это время объявило о создании из войск Роммеля новой группы армий «Африка». Командование было поручено Роммелю, получившему чин фельдмаршала. Вскоре после этого по категорическому приказу Гитлера Роммель покинул Африку. Гитлер настаивал на его возвращении в Германию, так как не хотел, чтобы еще один фельдмаршал (после Паулюса) попал в плен. 12 мая немецкие войска в Африке полностью прекратили сопротивление. В руки союзников попало около 250 тысяч военнопленных, в том числе 140 тысяч немцев. Так закончилась двухлетняя война в Африке. Плохое снабжение и отсутствие достаточных средств борьбы с авиацией и военно-морским флотом противника не позволили солдатам Роммеля держаться и дальше. Существенной причиной поражения было и то, что безопасность коммуникаций итало-немецких войск была совершенно не обеспечена.

Немецкий участник боев в Африке отмечал, что эти бои были тяжелыми для обеих сторон, но они велись честно. С военнопленными обращались хорошо, и у противников было чувство взаимного уважения. Это чувство объединяло ветеранов войны в пустыне, не-

зависимо от того, на какой стороне они сражались. 27 января 1942 г. Черчилль сказал о Роммеле в палате общин: «Мы имеем перед собой очень умелого и искусного противника и — да будет мне позволено это сказать, несмотря на угар войны, — выдающегося полководца». В мемуарах Черчилль писал: «Мое упоминание о Роммеле сошло в тот момент благополучно, но впоследствии я узнал, что многих оно покорило. Они просто не представляют себе, что могут быть положительные качества и у вражеского полководца. Эта предвзятость является хорошо известной человеческой чертой, но она противоречит тому духу, благодаря которому выигрываются войны и устанавливается прочный мир»³³⁷. Согласно опросу института Гэллага, в Англии в 1942 г. Роммель был отнесен к числу самых выдающихся и самых умных генералов³³⁸.

Что касается немецкого общественного мнения, то оно и в оставлении Тобрука, и во вступлении 8-й английской армии Монтгомери в Бенгази обвиняло итальянскую пехоту. Именно после этого провала итальянцев в обороне СД стала фиксировать, что со всех концов рейха стали приходить известия о возможном выходе Италии из войны³³⁹. На фоне блестящих японских успехов (Перл-Харбор, Суматра, Сингапур), вызывавших у немцев огромное восхищение, итальянские неудачи были особенно досадны. В немецком общественном мнении, как передавала СД, все более стало распространяться убеждение, что японцы как союзники стоят значительно больше, чем итальянцы, о которых в Германии крайне редко высказывались дружески. Кстати, интересно отметить степень географической неосведомленности Гитлера и его окружения: когда кто-то из офицеров ОКВ провозгласил тост за победу японского оружия, Гитлер поинтересовался, а где, собственно, находится Перл-Харбор. Выяснилось, что никто этого не знает³⁴⁰.

О японской армии в Германии стали отзываться даже лучше, чем о собственной — так с горечью констатировала СД в донесении от 6 июля 1942 г. Японцы в немецком общественном мнении представляли как «немцы в квадрате»; в немецком общественном мнении распространилось суждение о том, что в японцах до сих пор сохранились те качества, о которых современные немцы могут только прочесть в древних сагах. СД подчеркивала, что сравнение с японцами часто приводило немцев к пессимистическим оценкам собственной военной политики и ее перспектив. В этой связи СД также доносила, что лишь некоторые немцы продолжали с интересом следить за развитием военных событий, а значительная часть немцев вообще едва представляют себе, как развиваются события на Восточном фронте или в других местах.

После высадки англо-американцев положение немецкого экспедиционного корпуса и итальянской армии в Северной Африке стало безвыходным в силу решительного союзнического преобладания в резервах, военной технике и ее обеспечении. Но и для союзников Северная Африка стала в некотором роде разочарованием: они надеялись, что операция «Факел» приведет к быстрому захвату Туниса и полному разгрому позиций Германии. Но этого не произошло. Роммель мастерски осуществил отвод своих сил от Египта; немцы с большим тактическим и техническим искусством укрепили свои силы в Тунисе, а западное острие наступления союзников увязло в проблемах. Каждый из союзников винил другого за промедление: американцы говорили, что английские союзники на северном фланге в Тунисе (1-я британская армия генерал-лейтенанта Кеннета Андерсона) слишком часто останавливались, чтобы попить чаю; англичане утверждали, что американцы неопытны и что у них нет хорошего руководства. И та и другая претензии были основательны:

англичанам явно не хватало напористости, а многие американские командиры не соответствовали своим постам — «круглые затычки в квадратных отверстиях»³⁴¹.

Вместе с тем следует отметить, что у союзников были и выдающиеся организаторы — в декабре 1943 г. верховным главнокомандующим союзников стал Дуайт Эйзенхауэр. Благодаря этому назначению трений между союзниками поубавилось: «Айк» был настоящим дипломатом — гибким, умным, информированным. На посту командующего объединенными силами будущий американский президент творчески использовал опыт и ошибки союзного управления войсками в Первую мировую войну, когда — в отличие от Второй мировой войны — почти все время союзные силы на Западном фронте воевали, не имея общего командования. В то время наиболее последовательным сторонником общего командования выступал британский премьер-министр Ллойд-Джордж, который и предложил на этот пост французского генерала Фердинанда Фоша. Фош, став с апреля 1918 г. верховным главнокомандующим, имел не только обширные знания и был волевым человеком, но и обладал исключительной гибкостью ума, а также обходительностью, что было весьма важно для командования войсками коалиции. У Фоша был самый маленький штаб из всех штабов объединений, которые существовали в Первую мировую войну; это давало ему возможность развивать оперативно-стратегическую деятельность³⁴². Его опыт в полной мере использовал Дуайт Эйзенхауэр, который по темпераменту был весьма похож на Фоша и обладал большим тактом и гибкостью. Особенно ярко все способности Эйзенхауэра проявились после союзной высадки в Европу 6 июня 1944 г.

В ходе «африканского Сталинграда» (сражения у Эль-Аламейна 23 октября — 4 ноября 1942 г.) 8-я бри-

танская армия Монтгомери нанесла поражение немецким и итальянским войскам. Потери Роммеля после сражения при Эль-Аламейне были катастрофические: 59 тысяч убитыми, ранеными и пленными, в том числе 34 тысячи немцев. Роммель потерял 500 танков, 400 орудий и тысячи автомашин. Англичане потеряли 13,5 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Из строя вышло 432 танка³⁴³. Как говорилось выше, 10 марта 1943 г. Роммель самовольно прилетел в Винницу в ставку Гитлера с просьбой вывести немецкие войска из Африки, но Гитлер категорически запретил это делать. Гитлер даже не разрешил сужать немецкий плацдарм в Африке; Роммеля он отправил в отпуск по состоянию здоровья, а на его место назначил генерал-полковника фон Арнима. Тем не менее 13 мая 1943 г. последовала капитуляция: 8 немецких и 6 итальянских дивизий (в общей сложности 250 тысяч солдат) попали в плен — на катерах и самолетах удалось эвакуировать лишь 700 человек. Об этой капитуляции было объявлено три с половиной месяца спустя после гибели 6-й армии под Сталинградом: немцы узнали, что «героическая борьба немецких и итальянских солдат в Африке завершилась: последние группы наших солдат, окруженные в Тунисе, вынуждены были прекратить борьбу вследствие отсутствия боеприпасов, воды и горючего. Они покорились судьбе не вследствие напора врага, а по причине отсутствия припасов. Их борьба и многомесячное сопротивление превосходящим силам врага не пропали даром, а пошли на пользу другим участкам нашего фронта, которые получили необходимую разгрузку»³⁴⁴. По свидетельству камердинера Гитлера, известие о прекращении борьбы в Африке тот сочинил сам.

Многие немцы, судя по сводкам СД, считали, что потеря Туниса окажет более тяжелое, нежели Сталинград, воздействие на развитие войны. Тунис в пред-

ставлениях многих немцев был трамплином для прыжка в Европу. Геббельс отмечал в своем дневнике: «Мы переживаем второй Сталинград, правда, с иными предпосылками и в иных условиях»³⁴⁵.

Таким образом, после немецкого поражения в Африке соотношение сил в бассейне Средиземного моря сложилось в пользу англо-американцев. Кроме достаточного количества полевых войск, они располагали мощным военно-воздушными и военно-морскими силами, по своей численности значительно превосходившими силы немцев и итальянцев. Отсюда следует, что борьба и потери немецких и итальянских солдат в Африке оказались в конечном счете напрасными.

Битва за Северную Африку показала, что союзники в состоянии перебрасывать через Атлантику большие массы войск и снаряжения, и что немцы проиграли подводную войну. Учрежденный в Англии в 1942 г. «Противолодочный комитет» (*Anti-U-Boot Warfare Committee*) сделал свое дело: радары принудили немцев отказаться от первоначально эффективной тактики «волчьих стай». Когда 13 мая руководство вермахта объявило о прекращении борьбы в Африке, то это никого в Германии не удивило. Главным предметом тыловых дебатов и слухов были действительные размеры потерь и судьба военнопленных. Немцы поговаривали, что пленным в Африке повезло, ибо к ним будут относиться по-человечески, в соответствии с Женевской конвенцией, чего нельзя сказать о военнопленных в Советском Союзе³⁴⁶. О том, как относились сами немцы к советским военнопленным, никто, разумеется, не думал.

Еще в январе 1943 г. на конференции в Касабланке западные союзники приняли решение — начать операцию в Южной Европе и высадить свои войска на Сицилии. Первой подготовительной мерой союзников

явилось наступление, предпринятое в начале июня 1943 г. против расположенного вблизи Мальты острова Пантеллерия. Гарнизон острова, предварительно испросив разрешения Рима, сдался 11 июня: по совершенно непостижимым причинам Муссолини разрешил капитуляцию. Капитуляция была мотивирована недостатком питьевой воды. Известие о сдаче острова произвело удручающее впечатление на итальянскую общественность. 12 июня после незначительного сопротивления капитулировал и гарнизон острова Лампедуза. В ночь с 9 на 10 июля началась высадка десанта союзников на остров Сицилия³⁴⁷. Дивизии итальянской береговой охраны не оказывали почти никакого сопротивления. Гарнизоны морских крепостей Аугусты и Сиракуз сдались без борьбы. Почти все итальянские войска пребывали в состоянии разложения, поэтому тяжесть сопротивления целиком легла на плечи немцев.

Высадка союзников на Сицилии способствовала раздуванию итальянофобии — в Германии все чаще поговаривали, что итальянцы со своей военной немощью и бездарностью виноваты во всех проблемах, и даже в Сталинградской катастрофе³⁴⁸. Напротив, Гитлер долгое время относился к итальянским союзникам весьма положительно. Так, немецкий генерал Генрих фон Винингхоф писал об отношениях Гитлера и Муссолини: «Активное вступление Италии в войну летом 1940 г. легло тяжелым бременем на Германию. Гитлер доверял Муссолини, как никому. Чтобы поддержать его, Гитлер ввязался в африканскую и балканскую авантюры, не следуя общему плану. Ослепленный значительными политическими успехами Муссолини в своей стране, Гитлер не видел или не хотел видеть, как изнурен итальянский народ после войны в Абиссинии, как мало значили итальянские вооруженные силы и как плохо они были вооружены»³⁴⁹. Развитие событий на

Сицилии подтвердило правоту этой оценки. Пока исход Курского сражения еще не был ясен, на Сицилии 12 дивизиям союзников противостояли 4 немецкие дивизии во главе со знаменитым одноруким «сталинградским» генералом Гансом, Хубе, который под натиском превосходящих сил противника смог подтвердить свою великолепную репутацию и уверенно и оперативно руководил войсками: такая четкость поражала союзников, еще не научившихся столь эффективно и четко маневрировать.

Эйзенхауэр предвидел эти трудности и в начале операции полагал, что высадка на Сицилии будет иметь успех, если десанту будет противостоять не более 2 немецких дивизий; на это Черчилль отреагировал: «Не представляю даже, что на это мог бы сказать Сталин, имея на своем фронте 185 германских дивизий!»³⁵⁰

Главнокомандующим немецкой группой армий «Юг» в Италии был назначен генерал-фельдмаршал Кессельринг. 20 июля 1943 г. он двинул танковую дивизию «Герман Геринг» — недавно реорганизованное и перевооруженное (там был даже батальон новых танков «тигр») соединение — через Мессинский пролив на Сицилию. В начале августа союзники в условиях численного превосходства отгеснили 14-й немецкий корпус к Мессинскому проливу. Но у немцев этот факт не вызвал большого волнения — они продолжали сдерживать противника. Несмотря на огромное численное превосходство, не Патон и не Монтгомери, а Хубе и Кессельринг контролировали ситуацию. Хубе поставил своей задачей безопасно переправить личный состав с Сицилии на материк, и он это сделал, несмотря на огромное преимущество противника в воздухе и на море. Немецкая штабная работа и первоклассная организация, которыми справедливо славился вермахт, при переправе через Мессинский пролив проявились в наилучшей степени. В ночь с 10 на 11 августа первые немец-

кие солдаты переправились через пролив; 17 августа Хубе доложил о завершении эвакуации, а затем сам в числе последних покинул остров. Вновь, еще в более значительной степени, чем в Северной Африке, немецкий солдат продемонстрировал свой всесторонний профессионализм, а генерал Хубе доказал, что он мастер своего дела. На Сицилии германская армия одержала моральную победу и провела успешную операцию по сдерживанию противника и эвакуации по той причине, что Хубе поощрял в войсках безграничную инициативу действий³⁵¹. Тем не менее, в результате завоевания союзниками острова, стало возможным более или менее спокойно использовать средиземноморские водные пути, хотя и это не гарантировало от потерь.

23 ноября 1943 г. Гитлер передал Кессельрингу командование всеми немецкими войсками в Италии. В общем, в отношении артиллерии, танков и даже пехоты западные союзники превосходили немцев по крайней мере в три раза, а что касается авиации и боеприпасов, превосходство было еще более значительным³⁵². Однако в целом в Италии союзники действовали слабо и вяло. Два их десанта — у Анцио и Салерно — чуть не завершились катастрофой из-за несогласованных действий войск, соперничества американцев и англичан, а также из-за упорного сопротивления немцев: вместо сентября 1943 г. они подошли к Риму в июне 1944 г.; отставание от запланированных сроков составило почти год. Перед взятием Рима, 4 июня 1944 г., союзники несколько раз бомбили город — погибло несколько тысяч итальянцев. Интересно, что Париж Гитлер приказал уничтожить, но его спас немецкий комендант, отказавшийся выполнить приказ; в Риме же Гитлер приказал по возможности избегать разрушений.

Несмотря на слабые и нерешительные действия союзников на Апеннинах, 8 сентября 1943 г. по Би-би-си

было объявлено, что Италия вышла из войны — после этого вермахт стал переводить солдат своих бывших союзников в лагеря для интернированных (а не военнопленных). 600 тысяч солдат вермахта и Ваффен-СС разоружили 3,7 миллиона итальянцев и оккупировали Италию, Южную Францию и Балканы — районы прежней дислокации итальянской армии. По приговорам военно-полевых судов вермахта расстреливали тех командиров итальянских подразделений, которые не сложили оружия после истечения установленного срока. Вопреки международному праву, итальянских военнопленных привлекали на Восточном фронте на работы, которые стоили жизни 5393 итальянским солдатам. В Греции итальянских солдат, переодетых в гражданскую одежду, немецкая полевая жандармерия разыскивала и расстреливала. После 8 сентября погибло 12—13 тысяч разоруженных итальянских солдат из миллиона, попавшего в плен к немцам³⁵³. Одним из самых тяжких преступлений вермахта стал расстрел в сентябре 1943 г. на греческом острове Кефалления (*Kephallenia*) от 4 до 5,3 тысяч итальянских солдат. Из 4 тысяч немецких солдат, принимавших участие в этой акции, были живы в 2003 г. 300 человек; из них допрошены 100 человек, они и подтвердили факты расстрелов. Командир итальянской дивизии *Acqui* генерал Антонио Гандин отказался выполнять приказ о сдаче оружия, заявив, что он сделает это только по приказу короля. 18 сентября немецким егерям пришел приказ «пленных не брать». Один немецкий солдат хвастался, что убил 150 итальянцев. Около 5 тысяч итальянских солдат выжило, поскольку Гитлер неожиданно отозвал приказ о расстрелах военнопленных. Немецкий генерал Губерт Ланц, командир XXII горно-егерского армейского корпуса, в 1948 г. был осужден за расстрелы на Кефаллении, но через пару лет выпущен на свободу³⁵⁴.

Значительная часть итальянских войск находилась в Греции, где командующим группой армий «Е» был немецкий генерал-лейтенант Александр Лер. Интересно, что мать Лера была русской, православной; он и сам хорошо говорил по-русски. Кроме того, Лер был весьма искушен в сложных балканских проблемах. Большая часть солдат Лера перед тем как попасть в Грецию, воевала в Югославии, где партизанская война носила особенно ожесточенный характер. Эти солдаты принесли свой опыт борьбы с партизанами и в Грецию, противодействуя местным ³⁵⁵. Именно генерал Александр Лер убеждал своего итальянского коллегу генерала Карло Джелозо (*Geloso*) последовать примеру вермахта и всячески содействовать депортации евреев из итальянской зоны оккупации Греции. Сам процесс депортации осуществляли СС во главе с Дитером Вислисени, который признавал, что депортация евреев из Салоник была бы невозможной без содействия вермахта. Итальянцы в этом вопросе проявили характер и отказались от участия в депортациях³⁵⁶.

Собственно, в самой Италии немцы вели себя по отношению к итальянцам несравненно более лояльно, чем к итальянским солдатам (бывшим союзникам) за пределами Италии. Так, Кессельринг хотел сохранить Рим в качестве «открытого города». Немецких войск в Риме не было, если не считать комендатуры и двух полицейских рот. Передвижение войск и транспорта совершалось в обход Рима; разгрузка воинских эшелонов на городских вокзалах не производилась. Благодаря этим мероприятиям, итальянская столица за все время оккупации ее немецкими войсками ни разу не подвергалась воздушным налетам. С большим трудом немцам удалось наладить снабжение населения продовольствием, правда, в минимальных количествах.

В городе, население которого за счет беженцев увеличилось почти вдвое, сохранялся образцовый порядок. Со временем, однако, получила распространение партизанская война. Кессельринг писал: «Партизанская война в этой стране — вследствие южного темперамента итальянцев — имела характер напоминающих бунт хаотичных действий, в которых патриотические настроения сочетались с всплеском самых низменных инстинктов. Ежедневно партизаны совершали нападения из засад, вешали, топили, сжигали свои жертвы, применяли все известные виды пыток, отравляли колодцы, нередко используя для своих преступлений символику Красного Креста». Кессельринг считал, что вину за подобные эксцессы и варварские действия следует поровну разделить между партизанами, итальянскими фашистскими организациями и группами немецких дезертиров; лишь незначительная часть вины может быть возложена на регулярные немецкие части. Значительная часть случаев проявления жестокости происходила по вине отставших от своих подразделений немецких военнослужащих, которые, опасаясь за свою жизнь, вели себя агрессивно по отношению к местным жителям³⁵⁷.

Наибольшую известность в этой партизанской войне получил налет партизан-коммунистов на немецкую полицейскую роту. 23 марта 1944 г. итальянские партизаны-коммунисты подорвали в центре Рима грузовик с солдатами полицейской роты; при этом погибло 33 человека. Гитлер приказал расстрелять итальянских заложников³⁵⁸. Не доверяя Кессельрингу, он поручил провести репрессии СД³⁵⁹. Было расстреляно 332 заложника. Оберштурмбанфюрер (полковник) СС Герберт Каплер тщательно составлял расстрельный список. Это примечательно, ибо в Белоруссии, Польше, Югославии, на Украине и в России в подобном случае без разбора расстреляли бы тысячи невинных людей и

спалили десятки деревень, выбранных наугад. После войны командующий немецкими войсками в Италии Кессельринг и Капплер были приговорены к пожизненному заключению (Кессельринг был освобожден в 1952 г.). Расстрельный список Капплера превышал установленное соотношение (1:10) на два человека — именно это превышение, а не сам факт расстрела заложников, было поставлено ему в вину... Во Вторую мировую войну не только немцы, но и французы и советские войска брали и расстреливали заложников за мнимые или настоящие преступления партизан из «верфольфа». В середине октября 1941 г. в оккупированных районах Франции было убито 2 немецких офицера. По приказу главнокомандующего немецкими войсками во Франции генерала Отто фон Штюльпнагеля в конце октября 1941 г. было расстреляно 50 заложников³⁶⁰. Представители французского министерства юстиции на Нюрнбергском процессе показали, что в войну немцы в качестве заложников расстреляли во Франции 29 660 человек³⁶¹.

Ирония истории заключалась в том, что полицейское подразделение СС из второй роты III батальона полицейского полка *Bozen*, пострадавшее от взрыва, состояло из соотечественников итальянцев — тирольских немцев-фольксдойч. Точно так же эсэсовское подразделение, которое в июне 1944 г., мстя за действия партизан, расстреляло в Орадуре 642 француза, состояло из эльзасцев, то есть бывших французских граждан. В 1953 г. общественное мнение в Эльзасе было за оправдание этих эсэсовцев, ибо они «действовали по приказу немецких властей и отказаться не могли».

Еще одно массовое убийство в Италии связано с именем штурмбанфюрера СС Вальтера Редера, который в сентябре 1944 г. командовал отрядом, убившим 1600 гражданских лиц в Марцаботто, провинция Бо-

лонья. Редера осудили, несмотря на его протесты, но на проверку оказалось, что это были не заложники, а партизаны, сами чинившие убийства и поджоги... Лишь в 1985 г. Редер был освобожден из итальянской тюрьмы — министр обороны Австрии лично встречал его в аэропорту Вены³⁶².

Другой инцидент имел место зимой 1943—1944 гг. в районе древнейшего монастыря Монте-Кассино, где в Италии велись особенно ожесточенные бои: именно отсюда союзники пытались прорваться к Риму. Участник этих боев немецкий генерал Фридо фон Зенгер передавал в мемуарах, что 15 февраля 1944 г. аббатство Монте-Кассино было разрушено с воздуха. До этого Кессельринг, всегда пытавшийся изыскать средства и способы защитить ценные произведения искусства и культовые сооружения от военных разрушений, издал приказ о «нейтральном статусе» монастыря. Он приказал передать церковным властям сокровища искусства этого всемирно известного храма. Немецкие войска (ХГУ-й танковый корпус) заняли аббатство только после его разрушения: развалины более пригодны для обороны, чем уцелевшие здания³⁶³.

Несмотря на то что немцы своевременно сообщили противнику о «нейтральном статусе» монастыря, 15 февраля 1944 г. Монте-Кассино подвергся воздушному налету. По данным союзников, ответственность за разрушение монастыря лежит на новозеландском генерале Фрейберге. Впоследствии и настоятель, и монахи не раз свидетельствовали, что ни в монастыре, ни в окрестностях немцев не было вплоть до воздушного налета. Поэтому ответственность за эту утрату ложится отнюдь не на немцев³⁶⁴.

В 1951 г. новозеландский генерал Марк Кларк признал, что разрушение монастыря лишь осложнило выполнение задачи и сделало прорыв немецкого фронта более дорогостоящим с точки зрения затрат челове-

ческих и материальных ресурсов и времени³⁶⁵. В итоге у Монте-Кассино союзникам понадобилось целых три месяца, чтобы продвинуться на 15 км. Успех вермахта в этих итальянских боях в полной мере был использован нацистской пропагандой для поддержания у немцев оптимизма в отношении исхода войны.

Кстати, по поводу Монте-Кассино существует следующий исторический анекдот: американцы перехватили немецкую радиogramму, в которой были слова «*Der Abt ist im Klöster*» (настоятель в монастыре). Не совсем квалифицированный переводчик слово «*Abt*» (аббат, настоятель) истолковал как аббревиатуру слова «*Abteilung*» (военное подразделение), что и стало причиной бомбежки и разрушения монастыря.

Достаточно лояльно немцы вели себя и при сдаче Рима, который пал 16 июня 1944 г. Немцы сдали Рим без боя, чтобы уберечь его от разрушений. Стремясь сохранить город, фельдмаршал Кессельринг еще за несколько месяцев до сдачи принял решение не минировать мосты через Тибр. По этим мостам проходили газовые и водопроводные трубы, разрушение которых неминуемо вызвало бы огромные трудности для жителей Вечного города. Кессельринг сознательно шел на потерю времени, которое, безусловно, можно было бы выиграть, если бы мосты были взорваны³⁶⁶. Впоследствии он писал, что итальянские города, представлявшие интерес в культурном отношении и являвшиеся традиционными католическими центрами, исключались из зоны боевых действий. Противник уведомлялся об этом через Ватикан. Кессельринг отдавал приказы, запрещавшие оборону средневековых городов, в которых было много памятников искусства. Флоренция была объявлена «открытым городом» еще в феврале 1944 г. и таким образом спасена³⁶⁷. Уникальные флорентийские архитектурно-художественные комп-

лексы Средних веков, памятники барочной архитектуры и всемирно известный мост Понте-Веккио остались целыми. Еще с сентября 1943 г. командование вермахта в Италии начало принимать меры по защите церквей и итальянских объектов культуры. Эти меры осуществлялись по просьбе деятелей церкви и итальянского министерства образования. Работа приобрела такие масштабы, что при штабе Кессельринга пришлось создать специальный отдел по сохранению произведений искусства. Им руководил доктор Хагеман³⁶⁸.

Итальянский театр военных действий был отделен от остальной Европы Альпами, поэтому значительно повлиять на развитие общего хода событий он не мог, а потому и Вторым фронтом в полном смысле слова считаться не мог. Но перейти к военным действиям непосредственно против Германии союзникам было довольно трудно по многим причинам. Они не напрасно опасались так долю открывать Второй фронт: в литературе не часто вспоминают о том, что 19 августа 1942 г. у французского города Дьепп союзники предприняли генеральную репетицию вторжения во Францию (состоявшегося почти два года спустя — 6 июня 1944 г.). В этот день около 6 тысяч канадцев и англичан высадились на континент, РАФ поддерживали их с воздуха. Операция называлась «Юбилей» (*Jubilee*— речь шла о 60-летнем юбилее царствования королевы Виктории). Операция закончилась полным провалом — до полудня того же дня высадившиеся были нейтрализованы, потери нападающей стороны составили 4 400 человек, из них 1200 убитыми; 1 миноносец, 30 десантных лодок и 100 самолетов. Немцы потеряли убитыми и ранеными 600 солдат.

18 октября 1942 г. Гитлер выпустил «Приказ об уничтожении на месте членов террористических формиро-

ваний и саботажников». Английской общественностью он был воспринят крайне негативно. Этот указ был вызван поведением британских солдат во время десанта у Дьеппа — немецких военнопленных связывали таким образом, что они легко могли задушиться.³⁶⁹

Со временем Гитлер стал надеяться на то, что ожидаемое вторжение англо-американских войск в Европу удастся сбросить в море, а затем добиться решающего успеха на Востоке. Исходя из этих соображений, Гитлер отвергал предложения своих дипломатов об установлении контакта с советской стороной с целью последующего мира³⁷⁰. Тогда Гитлер сказал Роммелю: он понимает, что война проиграна, но Запад все равно не пойдет на сепаратный мир, поэтому он покажет, как нужно бороться до конца³⁷¹. 3 ноября 1943 г. Гитлер подписал указ №51, где речь шла о равно серьезном отношении к Западному и Восточному фронтам. Теперь именно на Западе Гитлер хотел достичь столь значимой для него в тот момент победы. В традиционной речи по поводу годовщины «Пивного путча» Гитлер сказал: «Хотите верьте, хотите нет, но час расплаты обязательно настанет. Если мы в данный момент не можем добраться до Америки, то, благодаренье Богу, один из наших врагов практически достигим, и мы за него скоро возьмемся»³⁷².

Вскоре Гитлеру представилась такая возможность, причем при довольно благоприятных условиях. Дело в том, что абвер разведал дату начала десанта. Как выяснили немецкие разведчики, оповестить французских партизан о начале вторжения решено было по радио. Руководители Сопrotивления должны были слушать французские передачи Би-би-си 1, 2, 3, 15 и 16 числа каждого месяца, обращая внимание на кодовые слова, а именно — на стихотворение Поля Верлена. Если читали **первую** половину его стихотворения об осени, это

означало, что вторжение начнется через 48 часов. С этого момента нужно было слушать **все** передачи. Если зачитывали **вторую** половину стиха, это означало, что вторжение начинается. Абвер разгадал этот замысел, и Канарис вскоре выучил наизусть это замечательное стихотворение:

**Le saglots longs
des violins
de l'automne
Blessent mon coeur
d'une lueur
monoton**³⁷³

1, 2 и 3 июня по радио передавали только **первую** часть стихотворения (десант по погодным условиям откладывали), а 5-го, в 21.15, за первой строкой последовала и вторая. В абвере все отследили и передали по команде, но реакции не последовало — командование группы армий «В» не подняло по тревоге 7-ю армию и сделало ее жертвой мощного десанта. Фельдмаршал фон Рундштедт не поверил информации, сказав: «Не станет же Эйзенхауэр объявлять о наступлении в передачах Би-би-си». Таким образом, блестящая работа абвера оказалась бесполезной³⁷⁴. По неизвестной причине боевую тревогу объявил только командир 15-й армии генерал-полковник Ганс фон Зальмут. В день вторжения на Западе почти не было немецкой авиации, поэтому у Эйзенхауэра была полная воздушная монополия: 3467 тяжелых бомбардировщиков, 1645 средних, легких и торпедоносцев, 5409 истребителей и 2316 транспортных самолетов. Эта армада 6 июня совершила 14 674 вылета. Потери составили 113 самолетов. Соотношение сил в самолетах было 1:50³⁷⁵.

Немецкая общественность узнала о вторжении в полдень из сообщения по радио и из экстренных выпусков газет. Несмотря на то что этого известия ждали

давно, оно стало неожиданностью³⁷⁶. Однако вместо ужаса и ощущения катастрофы неожиданно распространилось чувство облегчения — сказалось невыносимое напряжение последних месяцев. Вторжение союзников на Западе моментально оказалось в центре внимания, его интенсивно стали обсуждать — все остальные проблемы моментально отошли на второй план. СД передавала, что настроение немецкой общественности было на таком же подъеме, как в дни французского похода весной 1940 г.: большинство немцев надеялось, что вторжение изменит положение в стране к лучшему, что бесконечные бомбежки, наконец, прекратятся и настанет долгожданная определенность³⁷⁷. Русская эмигрантка Раиса Нератова, жившая в тот момент в Берлине, вспоминала: «Когда началось вторжение союзников в Европу, наш преподаватель латыни пришел на занятие в приподнятом настроении и, сияющий, воскликнул, подняв указательный палец: «Наконец! Теперь они убедятся, что Германия непобедима»³⁷⁸. Немецкий летчик-ас Адольф Галланд также отмечал в мемуарах, что когда первые известия о крупной англо-американской высадке подтвердились и стало ясно, что вторжение, которое должно решить судьбу Германии, началось, то первой реакцией было чувство облегчения³⁷⁹.

Борман, в ожидании усложнения обстановки, распространил по партийным организациям предупреждение об усилении бдительности и возможности более интенсивных бомбежек. В инструкции Бормана говорилось даже о том, что гражданские железнодорожные перевозки, возможно, будут прекращены. Когда же ничего такого не произошло, то все были приятно удивлены: к худшему жизнь не переменялась. В обстановке такой беспричинной эйфории в немецкой общественности известие о сдаче вермахтом Рима (16 июня 1944 г.) прошло практически незамеченным, что и

констатировала СД. Приподнятое настроение немцев, однако, держалось недолго: немецкой общественностью большие надежды возлагались на 30 океанских подводных лодок Кригсмарине, которые 6 июля для борьбы с флотом вторжения ввели в устье Сены; но до августа эффект от действий подводников был невелик — ими было потоплено 16 десантных судов, при этом 20 субмарин было потеряно. Столь же незначительный эффект имели и минные лодки с дистанционным управлением и «мйниподлодки» с одной торпедой. Все эти меры, несмотря на частичный эффект, существенно не повлияли на развитие операции «Оверлорд» (высадка союзников в Нормандии). Немцы стали сравнивать сложившуюся ситуацию с Первой мировой войной, когда вмешательство американцев также имело решающий характер. Общественные настроения в Германии вновь улучшились при известии о первых удачных запусках Г-7, которые были осуществлены 16 июня — люди опять стали верить в перспективу улучшения положения. Этот подъем общественных настроений также был непродолжительным.

Между тем союзники СССР получили возможность по-настоящему понять и оценить вермахт после 6 июня 1944 г. Шпеер писал, что если битвы на Восточном фронте убедили Гитлера в том, что перед ним решительный и стойкий противник, то сражения с войсками западных государств лишь усилили его уверенность в их небоеспособности. Эту веру Гитлер сохранил до последних дней войны³⁸⁰. Даже после побед, одержанных союзниками в Африке и Италии, он по-прежнему был убежден в том, что их солдаты не выдержат первой же сильной атаки и бросятся бежать. Гитлер считал, что демократия ослабляет народ, и что при демократии не может быть сильной армии. Как ни странно, исторический опыт пока не опроверг это суждение.

Чтобы скрыть действительную слабость немецкой оборонительной системы на Западе, Гитлер приказал в течение 1942 г. завершить строительство укреплений на побережье Ла-Манша; там возникли гигантские железобетонные сооружения. Но закончить это строительство не удалось, не говоря уже об оснащении этого «Атлантического вала». Он создавался в 1940—1944 гг. от Дании до Испании — для предотвращения вторжения — и представлял собой линейную систему укреплений без эшелонирования в глубину; поэтому он не был серьезным препятствием для вторжения союзников в Германию с Запада. Генерал Ханс Шпайдель писал, что решение Гитлера любой ценой удержать береговую линию уходило корнями в его боязнь уронить свой престиж, как это было в случае со Сталинградом, в сражениях на Дону, в Крыму и в Италии. Генерал вспоминал слова Фридриха Великого: «Недалекие люди хотят оборонять все; разумные люди сосредотачиваются на главном». Преимущество немцев в маневренности было отброшено в угоду фронтальной обороне побережья. Между тем по задействованному личному составу и вооружению «Атлантический вал» был не более чем тонкой линией без глубокого эшелонирования или значительных резервов. Сухопутные войска союзников значительно превосходили силы немцев не только численно, но и мобильностью³⁸¹. Технические приготовления к вторжению были чрезвычайными — американские и английские инженеры преуспели в создании вещей, которые ранее казались невозможными. Особенно большую роль сыграли искусственные гавани, которые сделали операции по высадке и снабжению не зависящими от захвата портов. По дну Ла-Манша был даже проложен трубопровод для перекачки топлива. Большую пользу принесли и искусственные взлетно-посадочные полосы на импровизированных аэродромах. Сила правого дела способствовала тому, что уда-

лось полностью избежать, казалось, неизбежных трений и напряжения между союзниками по коалиции³⁸².

Концепция завоевания Западной Европы была впечатляющей и грандиозной. Союзники на 5300 кораблях должны были двинуться из разных морских портов Великобритании через Ла-Манш. Три воздушно-десантные дивизии перебросили по воздуху в Нормандию. Шесть пехотных дивизий — три американские, две английские и одна канадская — должны были атаковать немецкую оборону между Шербуром и Канном. 107 тысяч солдат, 14 000 военных машин и 14 500 тонн грузов нужно было доставить на открытый берег в течение первых 48 часов³⁸³.

На береговых укреплениях и в нескольких километрах от берега размещалось восемь немецких дивизий — от Канна до Шербура. Сильные части 352-й дивизии вермахта, о которых не знала англо-американская разведка, образовали оборонительный пояс на участке берега, фигурировавшем в сводках союзников как «Омаха-бич». Именно здесь союзники понесли самые тяжелые потери при высадке, поскольку на этом участке наступающих встретил плотный огонь первой-классной дивизии вермахта, ядро которой составляли ветераны Восточного фронта³⁸⁴. Развитие событий на этом участке подтвердило правоту Роммеля, который настаивал на максимально близком к берегу расположении немецких войск. Отстаивая на одном из совещаний свой план, Роммель заявил: «Если мы не сможем разбить противника сразу после его высадки, мы никогда не сможем совершить еще одно продвижение из-за его превосходящих военно-воздушных сил... Если мы не сможем дать отпор врагу в море или сбросить его с материка в первые сорок восемь часов, то вторжение удастся, и война будет проиграна из-за недостаточного стратегического резерва и полного отсутствия у нас флота и военно-воздушных сил»³⁸⁵.

Представляется, что, вопреки расхожим суждениям, американские и английские солдаты в 1944—1945 гг. сражались с немцами оружием худшего качества, за исключением артиллерии и авиации. Где бы ни встречались английские и американские войска с немецкими, при приблизительно равных силах немцы всегда одерживали верх. Американский полковник Тревор Дюпуи писал: «На основе сопоставления результатов действий одного солдата с каждой стороны получается, что немецкий пехотинец постоянно наносил противнику потери на 50 % большие, чем он сам терял в результате действий противника»³⁸⁶. «Кпд» немецкой армии был выше: в июне 1944 г. 54,35 % немецкой армии составляли солдаты, непосредственно участвовавшие в бою, а в американской армии — 38. При этом ежедневный рацион каждого американского солдата составлял 6,4 фунта мяса против 3-х у немцев, зато количество боеприпасов для стрелкового оружия в немецкой пехотной роте в 2 раза превышало аналогичный боекомплект в американской пехотной роте — 56 000 патронов против 21 000. Немецкий пулемет *MG-42* (калибр 7,42 мм, дальность 1,8 км) имел скорострельность 1200 выстрелов в минуту, а английский пулемет «Бренна» — 500. К 1945 г. было изготовлено 750 000 единиц *MG-42*; за безотказность он пользовался весьма высокой репутацией. Если советские ракетные установки «катюша» немцы прозвали «сталинский орган», то *MG-42* на фронте называли «гитлеровская коса». В немецкой пехотной роте было 16 пулеметов *MG-42* — по сравнению с 9 пулеметами в английской роте и 11 в американской, хотя тяжелые пулеметы «Виккерс» и «Браунинг» в ротах поддержки союзников несколько выравнивали положение. В качестве стрелкового оружия американцы пользовались полуавтоматической винтовкой «Гаранд», у англичан была затворная винтовка «Ли-Энфилд», но на войне все союзники, если появ-

лялась такая возможность, предпочитали пользоваться немецким автоматом «шмайссер» (MP-38, потом MP-40 фирмы *Schmeisser* в Зуле, этих автоматов было произведено более миллиона штук³⁸⁷) — он значительно превосходил английские и американские аналоги, хотя немецкие фронтовики для ближнего боя предпочитали пользоваться советским автоматом ПППШ из-за его более высокой, чем у «шмайссера», скорострельности, или английскими автоматами «стэн» из-за их неприхотливости³⁸⁸. Казалось бы, мелочь, но из-за длинной ручки немецкую гранату («картофелемялку») мог далеко метнуть даже не очень физически крепкий солдат.

Немецкие солдаты научились мастерски использовать минометы, которые стали причиной 75 % союзнических потерь на фронте; каждая немецкая пехотная дивизия имела 60 единиц 81-мм и 20 единиц 120-мм минометов. Более всего солдаты союзников ненавидели немецкий многоствольный миномет (*Nebelswerfer*), который наши фронтовики в шутку именовали «ванюша», по-видимому, по аналогии с «катюшей». Мины «ванюши» снабжались сиренами и имели еще и психологический эффект. Многоствольные минометы были трех калибров: 150-, 210- и 300-мм. У вермахта было отличное противотанковое оружие: 88-мм пушка была лучшей многоцелевой пушкой Второй мировой войны (длина ствола 4,9 м, вес 5,4 тонны, скорострельность 15-20 выстрелов в минуту), которая благодаря исключительно высокой начальной скорости снаряда (830 метров в секунду) обладала высокой пробивной силой. Кроме этой пушки, на вооружении вермахта был также фаустпатрон (*Faust-Patron*); он весил 6,13 кг и пробивал 20-сантиметровую броню на дистанции до 100 м.

Самой большой неудачей союзников был танк: американский «шерман» имел вес 32 тонны, пушку 75-мм

и лобовую броню 76-мм (английский «Черчилль» был немногим лучше) — по сравнению с немецкой «пантерой» (Т-V), имевшей вес 45 тонн, лобовую броню 100 мм и 75-мм пушку (которая по своим боевым свойствам была сопоставима даже с 88-мм многоцелевым орудием) или «тигром» с 88-мм пушкой и 100-мм броней. Всего в войну было построено 2000 танков «тигр», которые уничтожили, по меньшей мере, 9000 вражеских танков. Солдаты, сражавшиеся на этих машинах, получили 60 Рыцарских крестов; самые известные из них — лейтенант Отто Кариус, обершарфюрер Пауль Эггер, гауптштурмфюрер Михаэль Виттман: каждый подбил более 100 танков³⁸⁹. Эти боевые успехи нацистская пропаганда использовала для политической мобилизации и прославления немецкого оружия, но они указывают и на действительное превосходство немецкой танковой техники. Цитированный автор (Вильгельм Шнайдер) в своей книге указывал на то, что даже после знаменитого танкового сражения под Прохоровкой П. А. Ротмистров (с 1962 г. — главный маршал бронетанковых войск) указывал в воспоминаниях на значительные советские потери (400—500) танков и писал о 70 подбитых «тиграх». На самом же деле на этом участке фронта было задействовано только 43 «тигра», из которых повреждены были только 4³⁹⁰.

«Пантеры» и «тигры» для союзнических танков были практически неуязвимы: 13 июня 1944 г. один из лучших немецких танкистов Второй мировой войны Михаэль Виттман со своим экипажем на «пантере» уничтожил целую колонну английских танков³⁹¹. Впрочем, это преимущество немцев вскоре было сведено на нет колоссальным материальным превосходством союзников: к августу 1944 г. немцы имели на Западе 100 танков против 2000 у союзников, 570 самолетов против 14 000 у союзников (20:1 и примерно 25:1). Если в 1942 г. на каждые 40 тонн сброшенных бомб приходился один

сбитый бомбардировщик противника, то в 1943 г. на один сбитый бомбардировщик приходилось уже 80 тонн сброшенных бомб. Причинами таких изменений явились увеличение бомбовой нагрузки самолетов, а также повышение эффективности английской радиолокационной аппаратуры³⁹².

На Восточном фронте положение у немцев было не лучше: у Красной армии было 25 000 танков и САУ против немецких 3784³⁹³ (почти в 7 раз больше). Такого соотношения сил не могла вынести никакая подготовка, никакое оружие и никакие солдаты. Среди прочего, превосходство союзников над немцами выразилось и в том, что, несмотря на значительные трудности, союзники уже до начала июля смогли перебросить на континент миллион солдат, 171 533 грузовика и 566 648 тонн грузов³⁹⁴. Генерал-лейтенант вермахта Бодо Циммерман писал: «С начала вторжения до 25 июня мы потеряли 43 070 человек, из них 897 офицеров (в том числе 6 генералов и 63 командира полка). К середине июля наши потери возросли до 97 тысяч человек. К тому времени мы получили в качестве пополнения 60 тысяч солдат и 17 новых танков взамен 225 уничтоженных»³⁹⁵.

Успех союзников на Западе был следствием их несомненного материального превосходства, а не тактического или оперативного мастерства армии. Особенно явным это превосходство было в важнейшем компоненте современного боя — в воздухе. Так, 6 июня 1944 г. командир первого танкового корпуса Ваффен-СС Кремер получил приказ выдвигаться к Шербуру, где и началась высадка союзников. Ошеломляющее превосходство союзников в воздухе сразу стало важнейшим фактором развития событий еще до начала боев. Кремер вспоминал: «Мы шли по дороге мимо различного рода горящих машин. Мы не видели действительной защиты от вражеских самолетов-истреби-

телей ни в лице наших зенитных батарей, ни в лице наших истребителей в воздухе. Вражеские самолеты действовали, как на учениях. Воздушные атаки воздействовали на наших водителей подавляюще. Солдаты не были подготовлены к такого рода атакам, и наше движение растянулось на несколько дней»³⁹⁶. Если такое ощущение было в элитных подразделениях Ваффен-СС, то что говорить об обычных частях...

Все же тактическое и оперативное превосходство немцев время от времени давало о себе знать. Солдаты вермахта великолепно владели тактикой «просачивания»: действуя в тылу небольшими группами, они вынуждали противника направлять часть сил в обратную от линии фронта сторону. Немецкий генерал Меллентин отмечал, что еще большими мастерами просачивания — особенно сложной формы боевых действий, требовавшей самостоятельности и уверенности в себе — были советские солдаты...³⁹⁷ Командиры же англо-американцев предпочитали наступать в составе батальона с двумя ротами впереди — эта тактика была довольно шаблонной и тяжеловесной. Интересно, что в вермахте ценили умение канадцев вести ближний бой; это находилось в контрасте с их внешней расхлябанностью.

В борьбе с вермахтом союзники натолкнулись на большие трудности — так было в боях на полуострове Котантен, где американцы к 14 июля накопили достаточно сил и начали наступление. Роммель и Рундштедт, имея значительно меньше резервов и возможностей, предлагали использовать против американцев ракеты *V-1*, но ответственный за их применение генерал Хайнеманн объяснил, что это невозможно вследствие большого рассеивания ракет. Незначительные немецкие силы защищали Котантен, как могли, но американцы смогли взять полуостров только 18 июля 1944 г. — значительно позже, чем планировалось первоначально³⁹⁸. Тем временем минпроп во главе с Геб-

бельсом готовил немцев к необходимости сдачи административного центра полуострова и главного порта — Шербура. СД передавала, что эмоциональный подъем армии и немецкой общественности сменился упадком веры и в победу, и в пресловутое «возмездие». Огромное превосходство Запада в материальных средствах и в живой силе, разочарование в эффективности «оружия возмездия», бомбежки немецких городов, продвижение противников Германии на всех фронтах и потеря Шербура способствовали ухудшению настроений немцев и распространению мрачных предчувствий³⁹⁹. С другой стороны, захват Шербура не был так важен для снабжения союзных войск, как предполагали немцы. Изобретение искусственных гаваней решило проблему снабжения и пополнения. Более важным было моральное значение этой сдачи. Несмотря на все свое преимущество, союзники не смогли обеспечить захват города в планируемый срок. Операции разворачивались значительно медленнее, чем рассчитывал Эйзенхауэр; к тому же для этого понадобилось большее количество войск. И все это несмотря на то, что из-за гитлеровского запрета применения гибкой тактики и его приказов оборонять каждую пядь земли вся инициатива оставалась за союзниками⁴⁰⁰. После вторжения союзников в Западную Европу Гитлер, не способный на компромиссы, приказывал войскам удерживать позиции любой ценой. Он бросил на произвол судьбы 200 тысяч солдат в их «крепостях». Началось обескровливание немецкой армии, подобное тому, которое произошло в России зимой 1942—1943 гг. Оборонительную войну вермахту приходилось вести без соответствующей огневой мощи и без поддержки других родов войск. Это была война, которую «вели нищие», как писал генерал Ганс Шпайдель⁴⁰¹.

15 июля фельдмаршал Роммель направил Гитлеру меморандум, в котором описал положение своих войск.

По его словам, складывалась катастрофическая ситуация со снабжением в результате разрушения системы железных дорог и бомбежек шоссежных и грунтовых дорог. Натиск противника нарастает, а средств сдержать его у вермахта нет. Роммель считал, что за 15-30 дней союзники смогут прорвать слабые немецкие рубежи и продвинуться вглубь Франции; последствия этого могут быть непредсказуемы. Свое послание Роммель завершал так: «Считаю своим долгом просить Вас незамедлительно сделать политические выводы. Свой долг как главнокомандующего группой армий вижу в том, чтобы заявить об этом со всей определенностью». Ответа Роммель не получил: 17 июля 1944 г. он был тяжело ранен. Эрнст Юнгер по этому поводу писал: «Удар, который обрушился на Роммеля на дороге в Ливорно 17 июля 1944 г., лишил нас единственного сильного человека, способного взвалить на себя ужасный груз войны и одновременно гражданской войны, единственного человека, достаточно целеустремленного для того, чтобы противостоять ужасной глупости лидеров Германии. Это было предзнаменованием, имевшим только одно объяснение»⁴⁰².

Впрочем, все проблемы, вставшие перед немцами с открытием Второго фронта, вскоре отошли на второй план: 22 июня 1944 г. Красная армия начала наступление на группу армий «Центр» на фронте протяженностью в 1100 км. К концу июля группа армий «Центр» практически перестала существовать — это было самое большое поражение отдельного немецкого соединения во Вторую мировую войну. Советской стороной было захвачено множество пленных. В плену из солдат немецкой 6-й армии (этот номер был восстановлен после Сталинграда) и солдат разбитой в 1944 г. группы армий «Центр» не выжило и 10%⁴⁰³. Вермахт потерял 28 дивизий и 350 тысяч солдат. Немецкую общественность очень смущали высокие темпы продвижения

Красной армии. Многим немцам в тот момент стало казаться, что Восточный фронт является для Германии более важным, чем война на Западе. СД передавала: немцы констатировали, что Красная армия неуклонно приближается к пределам рейха; она угрожает балтийскому побережью, Кенигсбергу и Данцигу; она вскоре отрежет Финляндию от Германии и закроет приток продовольствия с Украины⁴⁰⁴. Большинство немцев было в шоке от неожиданного для них стремительного наступления Красной армии; все шире распространялась точка зрения о возможной катастрофе на Восточном фронте, причем в ближайшее время. Поэтому, при всей военной и моральной важности Второго фронта, в общественном мнении он все же оставался второстепенным; причины этого кроются не столько в вермахте или в предпочтениях Гитлера, сколько в настроениях местного немецкого населения, которое уходило с Востока вместе с отступающими немецкими частями. На Западе же немцы оставались там, где и жили, и умоляли офицеров и солдат не защищать их города и деревни, вывешивая при случае белые флаги.

Глава III

КУЛЬТ ГЕРОЕВ ВОЙНЫ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

«Нам нет нужды стыдиться самих себя. То, что совершил вермахт и перенес немецкий народ за шесть лет войны — это беспрецедентно по достижениям не только в немецкой, но и в мировой истории».

*(Гросс-адмирал Карл Дениц,
после капитуляции)⁴⁰⁵*

«Мне случалось пережить подлинные приключения. Я прокладывал новые авиатрассы, первым перелетел через Сахару, летал над джунглями Южной Америки... Но война — это не подвиг, а лишь его дешевый суррогат. Война — это болезнь, эпидемия, вроде сыпняка».

(Антуан де Сент-Экзюпери)

«Германия воспитывалась теоретической отвагой, а это необходимо должно вести к практической отваге».

(В. П. Боткин)⁴⁰⁶

«In der Hingabe des eigenen Lebens für die Existenz der Gemeinschaft liegt die Krönung alles Opfersinnes».

(А. Гитлер)⁴⁰⁷

«Неприятель так же, как и мы, ценил доблесть. А страдание не знает национальности».

(Солдат вермахта Гу Сайер)⁴⁰⁸

Особенности немецкой организации армии

В 1761 г., во время Семилетней войны, немецкий публицист-патриот Томас Аббт написал эссе «Умереть за отчизну». В нем он утверждал, что если человек родился и пожелал жить в стране, чьи законы его защищают, и которая ограничивает его свободу только для того, чтобы не стеснять само общество, в котором он живет, значит, это и есть его отечество, и оно имеет право требовать от своих подданных любви, привязанности и, при необходимости, высшего самопожертвования, совершаемого с охотой и даже с радостью. Труссы и циники могут смеяться над этим, но единственно по неспособности постигнуть «наслаждение от смерти» — не такого рода смерти, что настигает сластолюбца или бессловесную тварь, но той, которая «взывает к нашей душе, точно королева из заточения, но не подавляет ее, как невольника в своей клетке, и, в конце концов, дает кровь, льющуюся из наших вен на землю многострадальной отчизны. Впитав ее, она оживает вновь». Наградой за подобную готовность к смерти служат обостренные краски жизни, слава и расширенные горизонты духа⁴⁰⁹. Почти двести лет спустя, в 1955 г., геттингенский профессор истории Герман Геймпель вернулся к теме Аббта и на поминальной службе в Ганновере зачитал обращение «О смерти за отчизну», в котором сказал, что в результате двух мировых войн данное понятие утратило свой смысл. «Технизация, — продолжил он, — всегда ведет к тотальной войне и, таким образом, лишает смерть за отчизну прежнего благородства, поскольку смерть ожидает мирного человека, равно как и солдата. Людям давно нужно понять, что в Европе не осталось такой проблемы, таких священных интересов отчизны, которые могли бы послужить мотивом для того, чтобы вновь выпустить на волю непредсказуемого зверя современной войны — ни Са-

арская область, ни восточные территории, ни даже немецкое единство... Характерной особенностью современной войны является не смерть за отчизну, но ужас массового уничтожения людей»⁴¹⁰.

Суждения Геймпеля, — справедливые и вызывающие уважение, — нельзя распространять на людей, которые принимали участие в мировых войнах — у них никогда не было выбора...

Кроме того, как указывал Раймон Арон, смысл осуществляемого историком исследования не столько в том, чтобы очерчивать контуры исторического рельефа, сколько в том, чтобы сохранить или воссоздать в изучаемом прошлом «неизвестность будущего: прошлое с точки зрения историка было будущим с точки зрения его исторических персонажей»⁴¹¹. Иными словами, человеку чрезвычайно трудно предвидеть последствия тех или иных своих действий. Необязательно люди должны быть осуждены за стремление к самопожертвованию, поскольку оно само по себе является высоким чувством. Карл Ясперс писал: «Тот, кто сознает свою честь солдата, у того она останется незапятнанной. Тот, кто был верен своим товарищам, негибает в опасности, бесстрашен и справедлив, смог сохранить в своей совести нечто нерушимое. Все народы уважают такое поведение, которое является как доблестным, так и человеческим. В этом подтверждение самого смысла жизни»⁴¹².

Традиционное армейское подчинение в вермахте носило добровольный характер, иначе не объяснить его необычайную эффективность, героизм и самопожертвование его солдат.

В процессе анализа развития войны и немецких общественных реакций на нее приходилось часто обращаться к вопросу эффективной немецкой военной организации: в этой сфере немцы, безусловно, превосходили всех своих врагов. Поэтому вопрос о причинах

этой эффективности представляется чрезвычайно любопытным, по крайней мере, достойным особого рассмотрения. Именно эта эффективность, несмотря на крах блицкрига уже в 1941 г., позволила вермахту вести войну еще несколько лет.

В первую очередь в особой эффективности вермахта большую роль сыграло тоталитарное государство, которое всячески героизировало войну, представляя борьбу, героизм, самопожертвование, патриотическое воодушевление высшими проявлениями жизни и ее высшими достоинствами, к которым должно стремиться молодое поколение. Определенную роль сыграла и эстетизация войны, подвига, воинской доблести. Восприимчивое к военной романтике и эстетике молодое поколение немцев, да и других европейцев, с восторгом наблюдало за головокружительными успехами вермахта первых двух лет войны⁴¹³. Этот восторг довольно долго не проходил и был важным мобилизационным фактором.

Упомянутое тоталитарное государство в процессе мобилизации имело возможность обращаться к самым древним истокам национальной традиции, используя в своих целях то, что ему было необходимо в данный момент. Тем более в древней германской мифологии превознесение и почитание воинских доблестей имело большое значение. На эту особенность немецкой истории еще в 1939 г. обратил внимание французский историк Жорж Дюмезель (*Dumézil*). В заключительной части книги «Мифы и боги германцев» (1939 г.), подводя итог своим исследованиям, Дюмезель указывал, что наиболее существенной особенностью германских мифов было их **воинское** начало. Это объединяет их с другими воинственными арийскими мифами — «сообществом переряженных» индийских гандхарвов (небесных музыкантов в индуистской мифологии), связанных с богом-воителем Варуной в ведической рели-

гии или «вооруженных сообществ» ведических марутов, которых представляли как воинов, мчащихся на колесницах и связанных с богом-воином Индрой.

Дюмезель писал, что за последние 150 лет воинское начало германских мифов было вновь введено в оборот, и это начало обрело статус мифов в точном смысле слова, поскольку они оправдывают, поддерживают, вызывают индивидуальное и коллективное поведение, имеющее все признаки сакральности. Он также полагал, что эти мифы воодушевляли немецких солдат в 1914—1918 гг. Дюмезель указывал, что Третьему Рейху не пришлось создавать свои основополагающие мифы — напротив, эта воскрешенная в XIX в. германская мифология придала свою форму и дух нацистской Германии. «Именно такого рода предустановленное согласие, — писал Дюмезель, — между прошлым и настоящим, а не сознательная имитация прошлого, составляет оригинальность нынешнего немецкого опыта»⁴¹⁴. По мнению историка, именно в Германии имели место особое развитие и успех военной организации, культивировалась «суровая доблесть» предков. Дюмезель даже выстраивает преемственную связь между берсерками (мифическими «воинами в медвежьих шкурах», окружавших древнегерманского бога войны Одина) и мироощущением немецких солдат. Такая констатация кажется чисто умозрительной, о чем и предупреждал автор статьи, по которой цитировался Дюмезель, итальянский историк Карло Гинзбург. На это можно возразить, что нацистская пропаганда специально стремилась восстановить эту связь, искусственно культивировала преемственность между германской мифологией и политическими, военными, культурными принципами Третьего Рейха. Монополия на интерпретацию седой германской старины была одним из стержней нацизма. Поэтому в формировании высокой боевой морали вермахта сыграли определенную роль и эти

мотивы, хотя точно и определенно сказать, какую именно, трудно. Ясно лишь, что культивировать то, чего не было — невозможно...

В принципе, в самом героизме и романтике как форме национального самоутверждения ничего нового нет, и можно обнаружить много параллелей этому в прежней немецкой истории, как и в истории других европейских народов. В процессе национального самоутверждения каждый раз представал образ врага, борьба с которым имела подчас драматическое развитие: благородный Зигфрид — образец храбрости и доблести — был обманут подлым Хагеном. Не менее храбрый и благородный Роланд пал от рук затаившихся в засаде мавров-антихристов. Роланд погиб не только за Карла Великого, но и за утверждение христианства, что было дополнительным поводом к восхищению его подвигом. По этой аналогии нацисты построили и свой героический культ: Хорст Вессель также пал от рук подлых врагов, борясь против «еврейского большевизма». Эта драматизация войны также была частью национальной мобилизации. В Германии к этому традиционному прославлению и превознесению героев добавилось еще одно важное обстоятельство, связанное с особым положением армии в обществе и особой ее ролью в государстве по сравнению с другими европейскими странами. Немецкие военные своим влиянием с последней четверти XIX в. до конца Второй мировой войны превосходили своих коллег в других странах.

Несмотря на свои размеры, вермахт был довольно децентрализованной структурой, что имело исторические основания и во многом было причиной его эффективности. Дело в том, что позднее объединение Германии отразилось на системе военных округов и базировавшихся на них корпусов. Даже в нацистские времена эта система сохранилась, и солдаты служили вместе со своими земляками в одной части, что было отражени-

ем сильной немецкой федералистской традиции. Будущий командующий бундесвером ФРГ генерал Хойзингер вспоминал, что при вступлении в армию во время Первой мировой войны он хотел служить в родном для него брауншвейгском полку, а не вместе с тюрингцами, солдатские качества которых были, на его взгляд, не слишком хороши⁴¹⁵. Наверняка также думали и тюрингцы о брауншвейгцах — таким образом в армии подерживался здоровый соревновательный дух.

Традиция землячества помогала решать многие проблемы и упрощала многие задачи по той причине, что решения, которые в других армиях принимались на высоком уровне, в Германии принимались на значительно более низком уровне (особенно кадровые вопросы). Эта децентрализация усиливала позиции молодых офицеров и требовала от них максимальной отдачи. По всей видимости, вермахт лучше всех армий смог соединить воедино инициативу и дисциплину: британская армия тяготела к централизации и схематизму, американцы более полагались на огневую мощь, обладая колоссальным материальным превосходством над своими противниками, в Красной армии же, как и во всем советском обществе, «инициатива была наказуема», а французская армия вообще не смогла составить вермахту конкуренции. Как указывал один из современных аналитиков, ближе всего к вермахту по инициативности и динамичности была израильская армия в 1956—1973 гг.⁴¹⁶ Сравнение, хотя и необычное, но, кажется, весьма точное по причине особого значения боевого товарищества, а также наличия враждебного окружения.

Как ни в какой другой в мире армии, в вермахте придавали огромное значение чисто оперативным задачам, что также имело исторические корни — еще Фридрих Великий говорил, что Пруссия — это маленькое и уязвимое государство, поэтому оно должно действовать

очень быстро, оперативно добиваясь победы. На оперативном и тактическом уровне достижения вермахта бесспорны. Его оборону можно было преодолеть лишь комбинированным давлением значительно превосходящих сил и подавления артиллерийским огнем или авиацией; в равных условиях ни одна из союзных армий воевать с вермахтом не могла, за исключением некоторых эпизодов (например, Сталинградская битва). На первом этапе войны вермахт показал, что в XX в. бой превратился в сложнейшее взаимодействие различных родов войск. Тот, кто владел этим искусством, мог малыми силами крушить более многочисленного, но хуже организованного противника.

Прейдя к власти нацисты использовали в своих целях достижения немецкой военной организации, хотя сильно видоизменили руководство армией. Главным новшеством стало то, что армией стал руководить не профессиональный военный, как было в прежние времена. После отставки в 1938 г. возглавлявшего вермахт (кроме Люфтваффе, подчинявшегося Герингу) военного министра Бломберга, Гитлер сам стал во главе армии; был создан его личный штаб ОКБ (в противовес Генштабу — ОКХ), который и руководил вермахтом от его имени. Геринг, однако, и по отношению к ОКБ смог сохранить свою самостоятельность. Во время войны Гитлер постоянно перемещался из одной ставки в другую, и ОКБ, как его личный штаб — тоже; но вермахт — это огромная многомиллионная армия, и руководить им мог лишь соответствующий орган, а не мизерный личный штаб фюрера. В начальный период войны большинство задач руководства военными действиями осуществлял ОКХ, поскольку сухопутная армия была самой многочисленной и активной. Операции против Польши, Голландии, Франции, Балкан, России планировал и осуществлял ОКХ. Порой отношения между ОКБ и ОКХ были натянутыми

— в 1942 г. была ситуация, когда ОКХ занимался Восточным фронтом, а ОКВ — остальными военными делами. На ежедневных совещаниях у Гитлера Гальдер и Браухич получали от него соответствующие указания; потом они детализировались и превращались в конкретные приказы, директивы и распоряжения. Люфтваффе и Кригсмарине сами вели войну — их руководство время от времени получало задания от Гитлера. Координация действий различных родов войск осуществлялась прямо на месте и, несмотря на кажущуюся нелепость такого положения и его несоответствие старой прусской традиции единоначалия, довольно часто это было весьма эффективно⁴¹⁷. Первоначально во внутренние дела родов войск Гитлер практически не вмешивался. Так, гросс-адмирал Эрех Редер писал в мемуарах, что благодаря постоянному чтению и исключительной памяти, Гитлер смог приобрести обширные познания в военно-морской сфере. В некоторых отношениях он превосходил даже признанных экспертов. Вместе с тем, проявляя острый интерес к типам кораблей, их вооружению и прочим техническим деталям, Гитлер весьма редко вмешивался в функционирование структур Кригсмарине. Ни разу он не пытался оказать влияние на кадровую политику Редера, не допуская даже намека на свои личные предпочтения⁴¹⁸.

Именно благодаря этому своеобразному «самоуправлению» в период расширения масштабов строительства вооруженных сил в Германии выдвинулась целая плеяда честолюбивых, способных и очень динамичных офицеров, которые в общественном мнении смогли за короткий срок отождествить себя с целыми родами войск — Дениц, Гудериан, Роммель, Кессельринг, Мильх, а во время войны к этим именам-символам добавились и многочисленные герои войны, воплощавшие в немецком общественном сознании армию и ее добродетели и стяжавшие у немецкой молодежи сим-

патии и стремление подражать героям. Это стремление, понятно, всячески поощрялось и поддерживалось пропагандой. В этих целях с 1 сентября 1939 г. Гитлер учредил собственную систему высших военных наград, заменив ими Железный крест первого и второго класса, существовавший в Первую мировую войну. Гитлер распорядился сделать высшей немецкой военной наградой Рыцарский крест разных степеней: 1. Рыцарский крест (всего в войну им было награждено 6973 человека⁴¹⁹); 2. Рыцарский крест с Дубовыми листьями (853 награжденных); Гитлер лично вручал Дубовые листья к Рыцарскому кресту⁴²⁰; 3. Рыцарский крест с Дубовыми листьями и Мечами (150 награжденных) — первым эту награду получил генерал Адольф Галланд после 20-й победы в воздушной битве за Англию; 4. Рыцарский крест с Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами (27 награжденных) — первым эту награду получил майор Люфтваффе Вернер Мельдерс⁴²¹ после 115 сбитых самолетов, потом генерал Адольф Галланд, полковник Гордон Готлоб, капитан Ганс-Йоахим Марсель, майор Вальтер Новотны, майор Эрих Хартман; 5. Рыцарский крест с Золотыми Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами — этой награды удостоился только один солдат - летчик пикирующего бомбардировщика — «штуки» полковник Ганс-Ульрих Рудель, на счету которого было 2530 боевых вылетов, крейсер «Марат» и 519 советских танков⁴²²; 6. Великий крест — его был удостоен Геринг за победу над Францией в 1940 г. Эту награду генерал князь Гебхард Блюхер получил за Ватерлоо, а Пауль фон Гинденбург — за Танненберг.

Официально никто не объявлял, что Рыцарский крест после войны автоматически обеспечит его кавалерам «рыцарское поместье» (*Rittergut*) на Востоке, но в войсках это считали делом решенным⁴²³. Планировались и поощрительные поселения ветеранов вермахта

на восточных территориях; речь шла о весьма больших масштабах: в вермахте в начале 1942 г. было около 10 миллионов солдат.

Превознесение героев было частью нацистской идеологии: введенный еще во времена Веймарской республики по предложению Союза немецких ветеранов войны «Народный поминальный день павших в Первую мировую войну» нацисты сделали общенациональным праздником — «Днем памяти героев».

О герое антинаполеоновских войн поэте Теодоре Кернере⁴²⁴ (1791—1813), превозносившем благодать смерти во имя отчизны, в Веймарскую республику вышло 6 книг, а в нацистские времена — 20, о герое той же эпохи Фридрихе Фризене (1785—1814) — 8 публикаций; о самом успешном летчике Первой мировой войны Манфреде Рихтхофене⁴²⁵ (1882—1918) — 11 публикаций; о капитане субмарины в Первую мировую войну Отто Ведингене (1882—1915) — 6 публикаций. В этой связи следует сказать, что в Германии солдатская смерть рассматривалась в публицистике и беллетристике как путь к продолжению жизни нации, а в других странах — как жертва нации; эта разница, должно быть, породила разную боевую мораль⁴²⁶. С самого начала Второй мировой войны успехи немецких вооруженных сил вызывали в Германии большое общественное удовлетворение и гордость, о чем и передавали осведомители СД в конце 1939 г.⁴²⁷

Часто отмечают, что огромное значение для Гитлера имел его опыт во время Первой мировой войны — в частности, он верил, что одна только храбрость солдат в состоянии решить исход войны. Подход Гитлера к войне имел очевидно романтический налет, что находилось в противоречии с характером войн XX в., в которых побеждал тот, у кого было больше материальных ресурсов и людей. Гитлер был убежден в том, что один немецкий солдат стоит двух англичан, или трех

французов, или четырех русских — по причине природного превосходства, силы идей и убеждений⁴²⁸. Эрнст Нольте в своем исследовании природы тоталитарных систем настойчиво указывал на этот романтический флер во всех суждениях Гитлера о войне и стратегии, о слиянии поэзии и прозы в натуре Гитлера, о его инфантильной приверженности героическому, возвышенному, яркому, уникальному⁴²⁹. Как ни парадоксально это звучит, романтический подход Гитлера к политике сходен с подходом к политике Мао Цзэдуна — у обоих было ощущение нехватки времени, оба хотели подстегнуть историю; им обоим не хватало «стоицизма» и «бюрократического оптимизма» Сталина, который спокойно и методично добивался своих целей, преследуя тех людей, которых он ненавидел. Гитлер и Мао воспринимали историю как искусство, игру, в которых они были режиссерами⁴³⁰. Именно поэтому Гитлер осознанно и целенаправленно насаждал культ героического в немцах — на это была направлена пропаганда; даже в искусстве Гитлер хотел видеть в первую очередь возвышенную и обязывающую к героическому миссию и стремление к самоотверженному фанатизму.

Вероятно, Гитлер в разгар войны понял, что не сможет выиграть ту войну, которую планировал, зато, по его мнению, он сможет победить в другой войне или хотя бы ее не проиграть. Это убеждение не покидало Гитлера до конца. Именно по этой причине он восхищался Фридрихом Великим, который в Семилетнюю войну также оказался на краю пропасти, но смог выбраться из кризиса. Нельзя считать, что романтизация войны была свойственна только ветеранам Первой мировой войны, к которым принадлежал Гитлер. На самом деле, романтизация войны, столь свойственная нацистам, редко находила сочувствие у фронтовиков. Гитлер или Геринг, воспринимавшие войну как

неотъемлемую часть жизни, были, скорее, исключением. Как не вспомнить русскую поговорку «Кому война, а кому — мать родна». Не фронтовики, а романтизировавшая войну молодежь 1900—1910 гг. рождения и составила социальную базу нацизма в вермахте⁴³¹.

Гитлера возмущало то, что советские танки во время уличных боев для маскировки используют флаги со свастикой; немцам Гитлер категорически запретил подобные приемы нарушения этики и «протокола» войны. В одном из застольных разговоров он заявил, что каждый немецкий офицер на Восточном фронте должен иметь при себе книги Карла Мая (это «немецкий Фенимор Купер», писавший книги про индейцев) — они научат, как драться против русских: русские якобы дерутся так же бесчестно, как индейцы⁴³². Зато Гитлера воодушевляли описания того, как индейцы переносят пытки. Отто Дитрих передавал, что Гитлер в 1933—1934 гг. «еще раз» перечитал 70 произведений Мая⁴³³.

К противнику на Западе Гитлер относился как к равному; так, 9 мая 1940 г. Гитлер писал командующему вермахтом в Норвегии: «Норвежские солдаты не применяют те подлые и недостойные методы, которые использовали поляки, они дерутся честно и открыто, по всем правилам войны. С нашими ранеными и убитыми норвежцы обходятся достойно. Норвежское гражданское население также ведет себя пристойно и не участвует в боевых действиях. Принимая во внимание эти обстоятельства, я принял решение отпустить на волю пленных норвежских солдат»⁴³⁴. По мнению английского историка Лиддела Гарта, именно под влиянием Гитлера на Западе вермахт во Вторую мировую войну в гораздо большей степени соблюдал правила войны, чем это делал рейхсвер в годы Первой мировой войны⁴³⁵.

Также по инициативе Гитлера и в соответствии с его романтическими представлениями в вермахте не было

принято использовать женщин, даже в медицинских частях. Напротив, в Красной армии женщин в полках было довольно много — радистки, прачки, штабные писаря, снайперы, летчицы (в «Книгу рекордов Гиннеса» попало имя советской летчицы, младшего лейтенанта Лидии Литват (1921—1943) — она сбила 12 самолетов противника). Естественно, женщины на фронте подвергались сексуальным домогательствам, последствия которых бывали подчас самыми плачевными. Один из советских ветеранов войны Александр Захарович Лебединцев писал: «Если бы с начала войны выдавали презервативы, сколько можно было бы сбересть судеб...⁴³⁶» Руководство вермахта побеспокоилось даже об удовлетворении сексуальных потребностей солдат и о возможных последствиях. У каждого пленного или убитого немца можно было найти пачку презервативов. В Красной армии такого не практиковали, и солдатки рожали прямо на фронте. Между прочим, в Великой Отечественной войне участвовало свыше 800 тысяч советских женщин; половина из них служила в прифронтовой полосе, были даже женщины-водители танков — уникальный феномен в истории⁴³⁷. В соответствии с убеждениями Гитлера, использование женщин на войне было недопустимо, поэтому советских военнослужащих-женщин в вермахте считали преступницами и «бой-бабами» (*Flintenweiber*).

При всем своем стремлении сохранить женщину как продолжательницу рода, как гарант будущего нации, Гитлер сохранил в вермахте прежнюю традицию содержания публичных домов. Правда, эти публичные дома создавались только за пределами рейха. В вермахте во время войны было около 500 борделей. Эти публичные дома создавали местные сутенеры и управляли ими традиционные «мадам», но заведения находились под строгим санитарным контролем врачебной службы вермахта⁴³⁸. Только в Бордо 1943 г. было 11 борделей для сол-

дат вермахта, которые в сентябре посетило 25 573 солдата. Ежедневно в среднем было занято 115 проституток, обслуживающих 852 клиента в день, то есть на каждую даму приходилось 7,5 посетителей.

Для «хивис» — добровольцев вермахта из числа советских перебежчиков и пленных — выделялись отдельные бордели⁴³⁹. Для офицеров состав проституток специально отбирали; при этом отборе учитывалось также местоположение публичного дома, чтобы, например, офицеры не дискредитировали себя в глазах подчиненных.

С июня 1942 г. солдатам и офицерам, посещающим бордель, выдавалась так называемая карточка санации, в которой отмечались посещения борделя и делались отметки о прохождении медицинского освидетельствования после этого. В карточке отмечался также псевдоним проститутки, которую посетил обладатель карточки. Все эти меры, впрочем, не спасали санитарные службы вермахта от проблем с венерическими заболеваниями, поскольку услуги нелегальных проституток были значительно дешевле, чем в официально контролируемых борделях⁴⁴⁰.

Даже в войсках Ваффен-СС использовали публичные дома — Гиммлер писал Карлу Обергу (высший чин СС на территории Франции) 5 января 1943 г., что, как сообщил ему командир дивизии «Лейбштандарт» Зепп Дитрих, 7 тысяч солдат его подразделения заразились гонореей во время пребывания во Франции. Гиммлер указывал: «Хотя я понимаю сексуальные проблемы солдат, долгое время пробывших на Восточном фронте, тем не менее необходимо ввести соответствующий контроль солдатских публичных домов». Впоследствии Гиммлер приказал подготовить приказ, запрещающий эсэсовцам вступать в половую связь с женщинами других рас. Дитрих об этом приказе язвительно заметил, что «его готовили теоретики»⁴⁴¹. На Восточном фронте

также были публичные дома - так 19 сентября 1942 г. комендант Курска генерал-майор Марсель издал «Предписание для упорядочения проституции в городе Курске». За отказ от использования презервативов полагались жесткие наказания, а в случае заражения солдат венерическими заболеваниями — даже смертная казнь⁴⁴².

Пока на фронте все развивалось благополучно, ни у кого из военачальников не вызывала возмущение манера Гитлера принимать решения по наитию. Он не брал в расчет ни анализ военного положения, ни потребности войск в боевой технике, в обмундировании и продовольствии и никогда не поручал группам экспертов со всех сторон рассмотреть наступательные операции. Поэтому фельдмаршалы, как и ближайшие сотрудники Гитлера, были только исполнителями, ибо все стратегические решения принимались им самим. Гитлер мог позволить внести в свои планы только незначительные изменения. Ближайшим его советником в течение длительного времени был начальник ОКХ Альфред Йодль. Он был отличным солдатом и прирожденным генштабистом. Его оперативные взгляды всегда отличались большой ясностью и четкостью. Йодль был искренним обожателем Гитлера и высоко ценил его работоспособность, энергию и богатство идей. Но, вопреки прежней традиции немецкого Генштаба, Йодль ограничивался разработкой чисто оперативных вопросов, которые, хотя сами по себе были весьма объемны, не затрагивали стратегии. Как отмечал немецкий генерал Бутлар, такой односторонний интерес к оперативным и тактическим проблемам стал причиной того, что Йодль не только сам включался в частные вопросы руководства боевыми действиями на фронте, но и поддерживал у Гитлера пагубное стремление вмешиваться в дела низшего и среднего командования⁴⁴³. Это

лишало вермахт преимущества в принятии решений на максимально низком уровне, как это практиковалось в старой немецкой армии. В ней на самостоятельность командиров обращалось особое внимание — ее специально воспитывали в процессе обучения. Эта система называлась в вермахте «порядком отдания боевых приказов» (*Auftragbefehlsgebung*). Смысл этой системы был в том, чтобы общими указаниями оставить командиру — насколько это возможно — свободу выбора сил и средств для выполнения конкретной боевой задачи. Особенно эффективной эта тактика была в Первую мировую войну, а при Гитлере она стала деградировать — не столько из-за его своеволия, сколько вследствие изменения характера войны, развития средств связи и т. д.⁴⁴⁴

В отличие от Сталина, Рузвельта и Черчилля, он был настоящим фронтовиком-окопником, даже героем Первой мировой войны (кавалером довольно редкого среди рядовых ордена Железного креста первой степени). Во Вторую мировую войну, однако, Гитлер, в отличие от Черчилля, ни разу не посещал фронт. Ему нельзя отказать в понимании запросов солдат и интереса к их проблемам, в подлинном интересе и знании вооружений, но удаленность Ставки Гитлера от фронта не способствовала его видению всех обстоятельств суровой фронтовой действительности. Он руководил войсками по карте, по сообщениям пропаганды и устным рассказам тех, кому вручались Рыцарские кресты, но не мог видеть того, что в действительности происходило на фронте. На деле немецкие войска в течение долгого времени не знали ни смены, ни отдыха. То, что Гитлер не знал конкретной обстановки на фронте, часто переоценивал свой собственный фронтовой опыт, относившийся к совершенно другой по характеру войне, — приводило иногда к бесцельной растрате сил значительной части прекрасно подготовленной армии и в итоге подорвало ее боевую мощь.

С другой стороны, во время Нюрнбергского процесса генерал Йодль, объясняя, почему военные специалисты не сказали Гитлеру, что война с 1941—1942 гг. была уже проиграна, заявил, что Гитлер об этом знал раньше военных: «Может ли народ погибнуть прежде, чем ему суждено? То же и Гитлер — он хотел умереть сражаясь, а не искать спасения в самоубийстве, и он стремился это делать до тех пор, пока у него есть силы. Таким образом, он выбрал не легкую смерть и избавление, а наиболее надежную — как это делали и будут делать все герои в истории. Он похоронил себя под обломками своего Рейха и своих надежд. Кто хочет осуждать его за это — пусть осуждает, я такого желания не испытываю»⁴⁴⁵. В такой оценке Йодля чувствуется влияние на него гитлеровского трагического и героического восприятия войны. Что касается дилетантизма Гитлера в военных вопросах, о чем любили писать его генералы после войны, то в сравнении с ними по многим вопросам большой стратегии, экономики, политики и психологии Гитлер имел более компетентную точку зрения. Как отмечал немецкий историк Берндт Вегнер, прежде всего нужно детально знать о роли нацистского фюрера в войне, а не создавать клише о его дилетантизме в военных делах⁴⁴⁶. На самом деле, такими же дилетантами были и Сталин, и Рузвельт, и Черчилль, которые столь же уверенно распоряжались огромными армиями. При этом нужно помнить, что если мы, обсуждая качества Гитлера как полководца, говорим, что его поведение было правильным или неправильным, мы понимаем под этим не «правильность» или «неправильность» в абсолютном смысле. Мы подразумеваем, что, исходя из тех целей, которые преследовал Гитлер, его действия были иногда правильными, иногда — ошибочными, иногда глупыми, иногда — мудрыми.

Как бы ни были важны качества Гитлера как руководителя немецкой армии, но, по крайней мере, столь

же важным было качество немецких солдат и качество их организации и выучки, которые наиболее ярко проявились в организации и достижениях вермахта, Люфтваффе, Кригсмарине и Ваффен-СС.

Люфтваффе и его достижения в войну

Первоначально степень превосходства военной организации немецкой армии проявилась на примере Люфтваффе, созданных в 1935 г., которые, несмотря на свои позднейшие провалы в войну (битва за Англию, Сталинград, беззащитность Германии перед бомбовой войной союзников), за четыре года стали лучшими ВВС мира. Большая роль в этом строительстве принадлежала Герману Герингу, обладавшему огромными политическими возможностями и имевшему неограниченные финансовые и экономические полномочия. Фельдмаршал Люфтваффе Альбрехт Кессельринг так отзывался о качествах Геринга как руководителя строительства Люфтваффе: «Он предоставлял генералам Министерства воздушного флота максимально возможную свободу действий и прикрывал нас от вмешательства политиков. За всю мою долгую военную карьеру я никогда не чувствовал себя столь свободным от постороннего влияния, как в то время, когда я занимал руководящий административный пост в Министерстве воздушного флота, пост начальника главного штаба ВВС и командующего этим видом вооруженных сил в период его становления, начавшийся в 1933 г.»⁴⁴⁷. Немецкий ас генерал Адольф Галланд, командир истребительной авиации Люфтваффе, критически относившийся к Герингу, писал, что тот понимал, каким способом для Люфтваффе можно создать такое положение, которое обязана занимать авиация в структуре континентальной военной мощи. Именно благодаря Герингу важ-

ность ВВС в современной войне была осознана в Германии в нужное время, ясно и основательно⁴⁴⁸.

Хотя по вине того же Геринга Люфтваффе, в отличие от ВВС США и Англии, не смогли создать стратегическую и морскую авиацию. Правда, в отличие от советских ВВС, Люфтваффе не деградировали до «летающей артиллерии», но сохранили значительную степень независимости от сухопутных сил. Рассматривая роль авиации в Красной армии, немецкий генерал Меллентин отмечал, что РККА не имела стратегической авиации, и те немногие удары, которые наносила ее авиация дальнего действия, не причиняли никакого ущерба немцам. Самолеты-разведчики иногда углублялись в немецкое расположение на 50—100 км, но истребители и бомбардировщики редко залетали за линию фронта больше, чем на 30 км. Поэтому даже в самые тяжелые для вермахта периоды войны передвижение войск и грузов в тыловых районах проходило беспрепятственно. Советская авиация использовалась в основном для решения тактических задач, и с лета 1943 г. советские самолеты с утра до вечера висели над полем боя⁴⁴⁹. Напротив, в Германии Люфтваффе с самого начала имели большую свободу действий и самостоятельность, а следовательно, и большую эффективность.

По впечатлениям командующего истребительной авиацией Люфтваффе генерала Адольфа Галланда, советскому командованию было свойственно весьма примитивное представление о стратегических возможностях авиации — для них она была «летающей артиллерией». Но, хотя количество сбитых советских самолетов достигало астрономических цифр, это приносило Люфтваффе только временный и локальный успех, потому что большинство советских авиационных центров находилось вне пределов досягаемости немцев. Галланд писал: «Ощущение было такое, как если бы кто-то пы-

тался искоренить гнезда муравьев, уничтожая их поодиночке, будучи не в силах добраться до самого муравейника»⁴⁵⁰.

Помимо Геринга, наибольший вклад в развитие Люфтваффе внесли генерал Вальтер Вефер, фельдмаршал Хуго Шперрле, фельдмаршал Вольфрам фон Рихтофен и генерал Курт Ешонек. Стратегической координации в строительстве различных родов войск в нацистской Германии не было, и в начальный период милитаризации страны Гитлер дал трем родам войск карт-бланш в программе вооружений: в итоге от этого выиграл Люфтваффе. В 1939 г. Гитлер приказал увеличить Люфтваффе в 5 раз, что потребовало затрат, равных немецким военным расходам за 1933—1939 гг. В дальнейшем, правда, волонтаристская манера распределения ресурсов обернулась против Люфтваффе: так, в проект ракеты V-2, которая должна была перенести 500 кг взрывчатки на 500 км, Гитлер вложил 1/3 средств, потраченных американцами на «Манхэттенский проект»⁴⁵¹. Этих финансов, по подсчетам английского *Strategic Bombing Survey*, хватило бы на строительство 24 тысяч бомбардировщиков.

Помимо колоссальных средств, вложенных в строительство Люфтваффе, большую роль в его организации сыграли и традиции немецкой военной авиации. Свою мощь немецкие ВВС доказали еще во время Первой мировой войны: они превосходили соперников в новаторской тактике и организационных достижениях. Именно в немецких ВВС были созданы первые крупные летные соединения из нескольких эскадрилий. Создание в 1917 г. первой истребительной эскадрильи Манфреда Рихтхофена было по-настоящему революционным актом. Несмотря на численное превосходство противника от 2:1 до 3:1, немецкие авиаторы в течение всей Первой мировой войны имели преиму-

щество в воздухе благодаря превосходной тактике, уровню подготовки летчиков и командного состава. Эти факторы во многом и предопределили соотношение потерь Антанты и Германии, которое составило от 2:1 до 3:1.⁴⁵² Разумеется, опыт Первой мировой был в полной мере использован Люфтваффе.

В 1933 г. в Германии было около 500 летчиков и техников, которые прошли подготовку преимущественно в СССР на бомбардировщиках «Дорнье-11», но этого было мало для создания больших ВВС, как того требовал Гитлер. По распоряжению Бломберга в ВВС было переведено ряд одаренных офицеров; в процессе подбора кадров большую роль сыграл начальник отдела личного состава Люфтваффе генерал Штумпф. Именно он смог до 1939 г. создать решительные кадровые предпосылки для создания мощного Люфтваффе с 370 тысячами унтер-офицеров и рядовых и с 15 тысячами офицеров⁴⁵³. Мнение некоторых историков о том, что, поскольку руководство Люфтваффе состояло из офицеров, начинавших свою карьеру в других родах войск, они не могли быть хорошими знатоками воздушной войны, — следует отвергнуть: Курт Штудент, Гельмут Вильберг, Гельмут Фельми, Вильгельм Виммер, Александ Лер и Пауль Дайхман были выдающимися специалистами. Создание в 1933—1939 гг. многочисленного и хорошо подготовленного офицерского корпуса из небольшой группы офицеров — это впечатляющее организационное достижение.

В отличие от Запада, где военную теорию развивали исключительно абстрактно, в Германии ее постоянно оперативно апробировали. О размахе этих учений говорит тот факт, что в 1937 г. в учениях вермахта принимало участие 20 дивизий и большинство оперативных соединений Люфтваффе, среди них 16 подразделений бомбардировочной авиации, 6 зенитных полков, 7 подразделений истребительной авиации, 1 подразде-

ление пикирующих бомбардировщиков, а также многочисленные подразделения снабжения и поддержки. В том же 1937 г. был испытан радар для раннего обнаружения целей, опробован сброс парашютного десанта за гипотетической линией фронта — результаты учений были одобрены и рекомендованы к использованию в других частях⁴⁵⁴.

Серьезным преимуществом Люфтваффе обернулась впоследствии практика немецких летчиков в Испании в Гражданскую войну 1936—1939 гг., где воевали не только немецкие бомбардировщики эскадрильи «Кондор», но и истребители. Именно в Испании начинал свою карьеру знаменитый немецкий ас Вернер Мельдерс, там он совершенствовал тактику воздушного боя. Опыт больших военно-транспортных операций, оперативных бомбардировок, воздушной поддержки войск, тактики военно-морской авиации, тактики действий истребителей — все это имело в дальнейшем бесценное значение. Особенно эффективно в Испании действовали пикирующие бомбардировщики.

Благодаря новейшим изысканиям историков удалось выяснить, что баскский город Герника в 1937 г. был подожжен самими республиканцами, а самолеты эскадрильи «Кондор» бомбили позиции республиканцев в другом месте⁴⁵⁵. Это, конечно, ничуть не влияет на художественную ценность знаменитой картины Пабло Пикассо, с удивительной силой демонстрирующей отвратительную сущность войны. Командир немецкой истребительной авиации, сам воевавший в Испании, генерал Адольф Галланд передавал в мемуарах, что на Гернике «красные» нажили себе немалый политический капитал. Интересно, что и поныне, даже после ужасов Дрездена, Герника остается памятью о невероятной немецкой жестокости...⁴⁵⁶

В отличие от немцев, британские и американские ВВС ограничивались в этот период только бомбовой

стратегией, игнорируя все остальные факторы войны в воздухе. Поэтому когда началась война, Люфтваффе располагали 2 дивизиями воздушно-десантных войск, самой мощной в мире военно-транспортной авиацией: в 1940 г. в Норвегии и в 1941 г. на Крите это преимущество сказалось в полной мере.

В отличие от Люфтваффе, которые делали ставку на точное бомбометание, основой военной стратегии Англии стала директива № 22 от 14 февраля 1942 г., где говорилось: «Бомбометание имеет своей основной целью снизить моральный дух гражданского населения страны-противника и в особенности рабочих тяжелой промышленности». 23 февраля 1942 г. командующим английской бомбардировочной авиацией был назначен сэр Артур Харрис⁴⁵⁷. Он и возглавлял английские ВВС в период террористических налетов на Германию, «ковровых бомбометаний» с большой высоты, во время которых гибло огромное количество гражданского населения. В 1944 г. самой большой бомбовой нагрузкой, выпавшей на долю отдельно взятого немецкого города, считалось 10 тысяч тонн бомб, сброшенных на Гамбург. За ним следовали Эссен, Ганновер, Кельн — по 8000 тонн бомб, около 7000 тонн пришлось на долю Мангейма и Людвигсхафена⁴⁵⁸. То, что японская (Тонкин, 1938 г.) и германская авиация (Варшава, 1939 г.) вступили на путь авианалетов на мирные города первыми, является слабым оправданием для англо-американских бомбежек. Законы войны однозначно указывают, что преступления, совершенные одной стороной, не оправдывают преступлений, совершенных другой стороной. Каждая из сторон должна нести ответственность за свое собственное поведение.

Напротив, в Люфтваффе преобладало мнение о необходимости точного бомбометания с малых высот. Преемник генерала Вефера на посту начальника Генштаба Люфтваффе генерал Ешоннек и начальник управ-

ления материально-технического обеспечения Люфтваффе генерал Удет, да и сам Геринг, были убежденными сторонниками прицельного бомбометания. Они считали, что такое бомбометание обеспечит более высокую эффективность бомбардировок при меньшей численности используемых самолетов. Даже когда в Люфтваффе стало преобладать мнение о необходимости создания дальнего бомбардировщика, требование к его пикированию снято не было. В результате этого, как указывал офицер Люфтваффе Греффрат, создание дальнего бомбардировщика оказалось настолько трудным делом, что этот самолет не смог вступить в строй до 1944 г.⁴⁵⁹

Немецкий ас Адольф Галланд отмечал, что сама идея «штуки» (*Sturzkampfflugzeug* — пикирующий самолет) была воспринята в Германии с энтузиазмом, потому что сулила огромные успехи при минимальном уровне затрат. Одиночные прицельные атаки с воздуха, точно наносимые по целям, стали девизом немецкой бомбовой стратегии. Именно таким образом появился на свет *Ju-87*, который в значительной степени способствовал успешному блицкригу в Польше и во Франции. Вплоть до окончания войны этот самолет постоянно доказывал свою значимость в роли тактического оружия поддержки наземных сил, особенно он был эффективен в борьбе против танков⁴⁶⁰. Фельдмаршал Люфтваффе Альбрехт Кессельринг отмечал, что доктор Коппельберг и его инженеры заслужили самых высоких похвал за создание «Ю-87»⁴⁶¹. Именно вследствие этого успеха «штуки» следующие скоростные бомбардировщики *Ju-88*, *Do-217*, даже четырехмоторный *He-177*, старались приспособить к пикированию, что было очень трудно, поскольку «штука» была довольно тихоходным самолетом — отсюда и ее невообразимая точность в прицельных бомбометаниях...

Главная слабость доктрины Люфтваффе состояла не в том, что немецкая бомбовая стратегия была отсталой

(как это утверждает порой англосаксонская историография) — это неверно: Люфтваффе располагали достаточными силами и стратегией для осуществления массированных бомбовых ударов, которые и планировались — в 1939 г, к примеру, по Франции и ее нефтеперегонным заводам и транспортным узлам. В ноябре 1940 г. 450 немецких бомбардировщиков очень повредили в ночной бомбежке военно-промышленный центр Ковентри. В тот момент осуществлять массовые ночные налеты могли только Люфтваффе, что свидетельствует о том, что руководство Люфтваффе не пренебрегало этим направлением. Самым большим недостатком доктрины Люфтваффе было отсутствие представления о характере и объеме возможных операций на море. С другой стороны, руководство Кригсмарине само не обратило на это никакого внимания, несмотря на пионерские достижения немцев в этой сфере в Первую мировую войну; руководство же Люфтваффе компетенциями в этой сфере не обладало⁴⁶². Флот хотя и снабжали самолетами, но более по причине престижа — самолеты рассматривались на флоте как средство связи и разведки, а не как эффективное оружие уничтожения. Между тем, в 1940 г. переоборудованный в морской самолет «Фокке-Вульф-200» показал блестящие результаты в борьбе с конвоями. Ошибкой Геринга стал отказ от создания стабильного дальнего «уральского» бомбардировщика (*Do-19 или Ju-89*), на чем настаивал один из самых талантливых немецких генералов, начальник Генштаба Люфтваффе Вальтер Вефер, погибший в 1936 г. в авиакатастрофе; после его гибели Геринг и Мильх отказались от этой идеи. Начальником же технического управления Люфтваффе был совершенно некомпетентный в инженерном отношении офицер, но лучший немецкий ас, переживший Первую мировую войну (62 победы), Эрнст Удет. В Первую мировую после гибели «красного барона»

капитана Манфреда Рихтхофена, лучшего летчика, все думали, что Удет станет командиром знаменитой эскадрильи Рихтхофена, однако, благодаря связям, им стал Геринг (22 сбитых самолета), но Удет и Геринг подружились. По старой дружбе Геринг и назначил пьяницу и волокиту Удета начальником технического управления, но этому «начальнику» было не до службы... Осознав масштабы и следствия провала своей миссии руководителя важного ведомства Люфтваффе, в 1941 г. Удет застрелился⁴⁶³. В самом деле, бросается в глаза то, что при генерале Вильгельме Виммере (он заменял Вефера на посту шефа технического ведомства Люфтваффе) за три года были поставлены на вооружения «Me-109», «Хе-111», «Ю-87», «До-17», а при Удете — за более продолжительный срок: «Ю-88», «Хе-129», а «Хе-177» и «Me-110» так и не были «доведены до ума». Из-за некомпетентности Удета, лени Геринга и безапелляционности Мильха немецкие летчики во вторую половину войны летали на устаревших самолетах. Базовым немецким истребителем был *Me-109* (наши фронтовики называли его «мессер»⁴⁶⁴), штурмовиком — *Ju-87* («лапотник» — из-за неубиравшихся шасси), транспортным самолетом — *Ju-52* (за безотказность немцы ласково называли его «*Tante Ju*» — тетушка Ю): у противников немцев по всем классам были лучшие самолеты, а по классу дальних бомбардировщиков у немцев ничего сравнимого с «Ланкастерами» или «летающими крепостями» вообще не было. Принимая во внимание немецкий технический потенциал, это, конечно, был недостаток планирования, а, следовательно, вина руководства Люфтваффе. Единственным бесспорным техническим достижением Люфтваффе во второй половине войны было внедрение первого в мире реактивного истребителя «Me-262», что свидетельствует об упомянутом потенциале, но производство этого чудо-самолета начали только в 1943 г.

Примечательным в организации Люфтваффе было то, что все, имевшее отношение к ВВС, включая зенитную артиллерию и гражданскую противовоздушную оборону, было подчинено Министерству авиации. Такая унификация имела ряд преимуществ — во Франции, к примеру, зенитная артиллерия была подчинена армейскому руководству, гражданская оборона — МВД: такое разделение могло породить только борьбу за компетенции и неразбериху. Единственным недостатком системы организации Люфтваффе было разделение компетенций генерального штаба Люфтваффе и Министерства воздушного флота. Первый начальник генерального штаба Люфтваффе Вальтер Вефер планировал значительное превосходство своего ведомства над министерством, но Геринг и его статс-секретарь Мильх сильно потеснили преемников Вефера Кессельринга и Штумпфа. Постепенно генштаб Люфтваффе утерял контроль не только над конструированием и производством самолетов, но и над кадровой политикой. Геринг хотел создать систему борьбы компетенций и с этой целью в 1938 г. против воли Штумпфа создал пост генерального инспектора Люфтваффе, который был приравнен к посту начальника генштаба Люфтваффе. В его компетенции входили контроль над качеством самолетов и подготовка пилотов. Вефер вообще планировал подчинение общему Генштабу и Люфтваффе тоже, но Геринг рассматривал это как покушение на свои компетенции. После гибели Вефера и отставки Бломберга вермахт потерял главных сторонников общего Генштаба. ОКВ, по существу, было маленьким личным штабом Гитлера, в котором из 358 офицеров в 1942 г. только один принадлежал к Люфтваффе. Иными словами, в Германии не было единого армейского штаба, как в других воюющих странах.

Вместе с тем, как ни странно, такая децентрализация ничуть не мешала взаимодействию Люфтваффе с

сухопутными силами: одной из примечательных особенностей Люфтваффе была его постоянная нацеленность на оперативное сотрудничество с армией и флотом, в отличие, например, от США, где руководство ВВС всячески препятствовало такому сотрудничеству. Вальтер Вефер настоял на подготовке специальных офицеров связи и координации действий сухопутных войск и Люфтваффе. В 1940 г. во Франции удивительная оперативность, быстрота, своевременность, точность и мощь налетов Люфтваффе на вражеские боевые порядки произвела на союзников огромное впечатление и во многом предопределила победу вермахта на Западе.

В ходе дальнейших боевых действий немцы развили особую тактику сведения в корпуса различных соединений ВВС; этими корпусами руководили опытные и подготовленные офицеры. Вероятно, самым лучшим знатоком тактики использования авиации в годы Второй мировой войны был фельдмаршал Вольфрам фон Рихтхофен. Уже в 1941 г. он посылал в танках на передовую линию фронта опытных пилотов пикирующих бомбардировщиков в качестве координаторов действий Люфтваффе и наземных сил. Это было тактическое новшество, перенятое англичанами и американцами лишь два года спустя. Люфтваффе смогли доказать свою готовность сотрудничать с пехотой на тактическом уровне, сами предлагая свои услуги и великолепно ориентируясь в своих возможностях и в потребностях пехоты⁴⁶⁵. Ярким подтверждением тому было то, что на Курском выступе родилась противотанковая эскадрилья Руделя — «штуки», вооруженные 37-мм противотанковой пушкой. Вместе с новыми бронированными двухмоторными самолетами «Хеншель» *Hs-129* они с удивительной эффективностью вмешивались в танковые сражения. Пилот «штуки» с подвешенной противотанковой пушкой атаковал танковую колонну сза-

ди или сбоку. Приблизительно в 15 метрах пилот выходил из пике, выпустив снаряд по танку. Через мгновение самолет снова заходил на стрельбу, имея возможность выбрать для выстрела наиболее уязвимые места танка⁴⁶⁶. Правда, сам Рудель в своих мемуарах писал, что успешно использовать такую тактику, вследствие ее сложности, могли немногие летчики.

Другим примером эффективного взаимодействия с сухопутными войсками была воздушная разведка. Немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189» («рама») вместе с самолетом «Хеншель-126» («костыль») ненавидели все советские фронтовики — это были фронтовые разведчики и корректировщики артиллерийского огня. В советских войсках авиацию вовсе не использовали для корректировки артиллерийского огня — это была очень большая ошибка. По сравнению с огромным парком самолетов, который построили немцы, самолетов-разведчиков и корректировщиков было построено очень мало: «рамы» — 846 машин, а «костыля» — 510, но эффект от их применения был поразительным⁴⁶⁷.

В ходе войны за первоначальными успехами Люфтваффе последовали и крупные неудачи. Значительную долю ответственности за снижение качества Люфтваффе в 1939-1943 гг. нес начальник генштаба Люфтваффе генерал Ганс Ешоннек, который во всем поддакивал Герингу⁴⁶⁸. Несмотря на то что Люфтваффе к 1942 г. достигли прежней формы, англо-американское и советское производство самолетов уже набрало обороты, началась «бомбовая война» союзников (*bombing war*). В 1943 г. в Люфтваффе отправляли в бой летчиков со 160 часами полетов, в 1944 г. — со 100 часами, и они должны были воевать с английскими и американскими летчиками, имевшими за плечами 400 часов полетов. Командующий немецкой истребительной авиаци-

ей генерал Адольф Галланд отмечал, что с 1944 г. процент молодых и неопытных летчиков, сбитых до того, как они достигли своего десятого боевого вылета, стал составлять 50 %. С конца 1944 г. немецких летчиков-истребителей посылали на фронт со 150 часами налета, а у американских летчиков эта цифра была в три раза выше⁴⁶⁹.

Ешонек покончил с собой 18 августа 1943 г., взяв на себя вину за сталинградский провал Люфтваффе. Его заменил Гюнтер Кортен, который планировал создание соединения самолетов из 300 бомбардировщиков для разрушения советской промышленности на Урале — это указывало на полную потерю чувства реальности: к моменту высадки союзников, 6 июня 1944 г., у Люфтваффе на Западе было 100 самолетов... Гитлер долго терпел и только в августе 1944 г., в присутствии Йодля и Гудериана, обрушился на Геринга с бранью: «Геринг! Военно-воздушные силы никуда не годятся. Они недостойны того, чтобы их называли самостоятельным родом войск. В этом виноваты вы. Вы — лентяй!». Выслушав это, рейхсмаршал пустил слезу⁴⁷⁰.

С 1942 г. к английским «Ланкастерам» присоединились американские *B-17* («летающие крепости») — немецкая истребительная авиация активно противодействовала налетам вражеских бомбардировщиков, и потери союзнической авиации порой приближались к роковым 10%; только *B-17* в годы Второй мировой войны было сбито около 22 000 (экипаж этого самолета насчитывал 10 человек, то есть погибло или попало в плен 220 000 летчиков). Однако все усилия асов Люфтваффе были тщетны по той причине, что Германия в 1943 г. произвела 43 000 самолетов (в 1942 г. — 26 000), а союзники соответственно 151 000 и 100 000⁴⁷¹. Трудно поверить, но на авиазаводе фирмы Форд в Детройте за 108 минут делали один бомбардировщик⁴⁷²: за такими масштабами производства немцы не могли поспеть. На

Восточном фронте преимущество советской авиации было еще более впечатляющим: наши летчики имели возможность «охотиться» даже на отдельные автомашины и одиноких солдат на дорогах.

В контрасте с численным составом и технической оснащённостью Люфтваффе во второй половине войны находились боевые достижения летчиков: если составлять список лучших летчиков-истребителей Второй мировой войны, то в этом списке будут одни немецкие асы, в отличие от Первой мировой войны, когда самым результативным асом хоть и был немецкий летчик — «красный барон» (его «Фоккер» был красного цвета) Манфред Рихтхофен (его в самом конце войны сбил молодой английский летчик, у которого было всего 59 боевых вылетов), но французы (Рене Фонк был вторым асом), русские (Евграф Крутень), англичане и австрийцы тоже фигурировали в первой десятке. В воздушных боях Первой мировой войны было сбито около 10 тысяч самолетов — считается, что 5 тысяч сбили асы⁴⁷³.

Во Второй мировой войне картина была иная. В то время как среди британских или американских летчиков 30 побед считалось исключительным результатом, всего 35 немецких летчиков сбили в воздушных боях 6848 самолетов, то есть в среднем 196 каждый, а двое превзошли рубеж 300 побед⁴⁷⁴. Лучший советский ас И. Н. Кожедуб сбил 62 самолета, американец Р. Бонг — 40, англичанин Ф. Джонсон — 38, а у немцев было более ста (!) пилотов, каждый из которых сбил более 100 самолетов, а лучший немецкий ас Эрих Хартман с 1942 г. сбил 352 самолета противника, воюя против советских летчиков, тактику которых в Люфтваффе рассматривали как совершенно примитивную⁴⁷⁵. Немецкие асы считали, что уровень летной и боевой подготовки у английских летчиков был выше, чем у советских. Так, 28 января 1943 г. Адольф Галланд получил Бриллианты

к Рыцарскому кресту, что стало для него сюрпризом, ибо у него еще не было 100 сбитых самолетов, как у Мельдерса. Однако Гитлер считал, что 94 сбитых самолета на Западе — это большее достижение, чем 100 на Восточном фронте⁴⁷⁶.

По всей видимости, германское господство в воздухе в первый период войны на Восточном фронте объясняется не внезапностью нападения, а лучшей организацией ВВС и подготовкой немецких летчиков, которые это господство завоевали. Советская авиация была раздроблена между армиями, фронтами, флотами и авиацией дальнего действия, в то время как немцы оперировали крупными авиационными соединениями, в которых идеально было налажено взаимодействие с наземными частями. Напротив, в советских ВВС почти не отрабатывали взаимодействие с сухопутными частями. Тактически советские ВВС действовали примитивно: два года ушло на то, чтобы до советского руководства дошло, что тактика «роя», когда истребители летали группами по 6—8 машин в плотном боевом порядке, ущербна. Только с 1943 г. советские летчики стали летать парами. Ко всему прочему, летная подготовка летчиков Люфтваффе составляла 450 часов плюс солидный боевой опыт, советских — не более 180 часов. Вследствие плохой выучки и недостаточной штурманской подготовки, по наблюдениям немецких генералов, советская авиация очень редко действовала на глубине более 30 км от линии фронта (немецкая — до 300 км). К тому же у советских летчиков не хватало карт. Для немцев это было большим облегчением, поскольку все передвижения войск в тыловых районах проходили беспрепятственно. Даже после перелома в войне, с 1943 г., советские самолеты, имея дальность полета до 1000 км, в основном висели над полем боя⁴⁷⁷.

Организационно советская противовоздушная оборона также была первоначально весьма примитивной.

Так, под Ленинградом станции ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), заметив вражеские самолеты, выкладывали широкими белыми полотнищами направление полета, а поперечными полотнами — высоту полета (скажем, три полосы означало 3 км). Из-за отсутствия радио наши истребители после взлета с аэродрома должны были лететь к станции ВНОС, а затем преследовать противника по знакам на земле. Станции ВНОС были удалены от аэродромов на 50—100 км — это большая потеря времени. Немцы знали об этой примитивной системе оповещения и пересекали фронт на ложном курсе, а потом ложились на боевой курс⁴⁷⁸.

Гитлеровское руководство весьма высоко ценило заслуги немецких летчиков: 9 из 27 Бриллиантов с Мечами к Рыцарскому кресту получили летчики Люфтваффе (Вернер Мельдерс, Адольф Галланд, Герман Граф, Йоахим Марсель, Вальтер Новотны, Эрих Хартман, Гельмут Лент и Гейнц Шнауффер, Гордон Готлоб). Долгое время самым знаменитым летчиком Германии был Вернер Мельдерс: он был лучшим в Испании (14 побед), он первым превзошел результат «красного барона», первым добился 100 побед (15 июля 1942 г.). Первым 150 побед добился майор Гордон Готлоб, 200 побед — Герман Граф (2 октября 1942 г.), 250 побед — майор Вальтер Новотны (14 октября 1943 г.), 300 побед — Эрих Хартман (24 августа 1944 г.), 350 побед — Хартман (4 апреля 1945 г.). За один день больше всех самолетов сбил Эмиль Ланг — 18. Самый лучший средний уровень за войну показал лейтенант Гюнтер Шеель: 70 вылетов — 71 победа⁴⁷⁹. Понятно, что геббельсовская пропаганда использовала популярность этих героев. Молодежь обожествляла летчиков-асов, собирала их фото, открытки; их портреты печатали даже на спичечных коробках. Сталин также стремился всячески поощрять летчиков: его приказ от 1941 г. гарантировал денежную премию за один сбитый вражеский самолет, за три сбитых самолета — пра-

вительственную награду (орден Красного Знамени), за три следующих сбитых самолета — вторую награду, за десять сбитых самолетов — представление к Звезде Героя Советского Союза⁴⁸⁰.

Колоссальное различие в эффективности ВВС требует объяснения (была ли немецкая техника совершеннее или летчики лучше обучены?) и комментариев, которые можно свести к существованию в немецкой армии «религии», которой все без исключения поклонялись и перед которой все отступало на второй план, имя этой религии — эффективность. Ради этой эффективности Мельдерс первым ввел в Испании организационное новшество — он стал строить самолеты звеньями в две пары, потом ввел строй из четырех четверок, летящих на одном уровне. В конце концов, боевое построение самолетов, изобретенное Мельдерсом, было принято англичанами, а потом и во все мире⁴⁸¹. Мельдерс же предложил перекрестный разворот. После Испании и в Красной армии ввели пары и звенья, но по причине сталинских репрессий среди советских ветеранов испанской войны эти новшества не сразу прижились. После Испании в Люфтваффе, несмотря на опасность столкновений в воздухе, стали проводить учения четверок против четверок, звеньев против звеньев, эскадрилий против эскадрилий. В других же странах обучение летчиков заключалось в учебных боях один на один, что было просто спортивным пилотированием, не имевшим никакого отношения к реальному бою, в котором пилотирование часто было далеко не самым важным делом⁴⁸². Лучший немецкий ас Хартман признавал, что из известных ему спортсменов-пилотажников лучшим был Покрышкин, но война — это не спорт. Хартман рассказывал, что большая часть противников перед атакой его даже не видела...

Сам Эрих Хартман в августе 1942 г. 20-летним лейтенантом попал на Восточный фронт и сбил свой пер-

вый самолет 5 ноября 1942 г. (это был «Ил-2»), За войну Хартман совершил 1400 боевых вылетов и 800 боев; он один совершил вылетов в 2,5 раза больше, чем все летчики эскадрильи «Нормандия-Неман» вместе взятые. В этой связи следует указать, что очень важным обстоятельством, предопределившим превосходство немецких летчиков, было то, что они летали практически непрерывно, совершив значительно больше боевых вылетов, чем их противники⁴⁸³. Для сравнения — лучший английский ас полковник Д. Джонсон совершил за войну 515 вылетов и сбил 38 немецких самолетов. Лучший французский ас П. Клостерман совершил 432 вылета и сбил 33 немецких самолета. И. Н. Кожедуб совершил 330 вылетов и сбил 62 немецких самолета⁴⁸⁴. Петр Афанасьевич Покрышев совершил 300 боевых вылетов и сбил 27 самолетов противника. Владимир Дмитриевич Лавриненков совершил 488 боевых вылетов и сбил 46 самолетов противника.

Свой последний, 352-й самолет Хартман сбил в небе над Берлином в апреле 1945 г.⁴⁸⁵ Он сдался в плен американцам; в лагерь, где его содержали, съезжались летчики союзников со всех частей Германии, чтобы посмотреть на знаменитого аса. По требованию наших военных властей Хартмана выдали советской стороне, ибо большую часть войны он провел на Восточном фронте; его осудили как «военного преступника» (?) на двадцать лет, правда, освободили по «аденауэровской» амнистии в 1955 г., а уже в 1959 г. Хартман вступил в ВВС ФРГ и получил под свою команду 71-й истребительный полк бундесвера «Рихтхофен».

Еще больше боевых вылетов было у Ханса-Ульриха Руделя - 2500 (!), совершенно феноменальное достижение... Руделю в американском плену не верили, что он совершил более 2500 боевых вылетов на таком медленном самолете, как «Ю-87», но знаменитый немецкий ас объяснил своим бывшим противникам, что

именно медлительность этого самолета, которому Рудель остался верен до конца войны, и была причиной его невероятной меткости в стрельбе по танкам (он один уничтожил более 500 танков)⁴⁸⁶. В мемуарах Рудель писал о своей способности за доли секунды сориентироваться в полете и поразить танк в уязвимое место, что было следствием огромного опыта⁴⁸⁷.

Интересно отметить, что после войны Рудель остался лоялен по отношению к Гитлеру и никогда ничего плохого о нем не говорил.

Также впечатляют успехи немецких ночных асов: Гейнц-Вольфганг Шнауфер — 121 четырехмоторный бомбардировщик, Гельмут Лент — 102, Генрих фон Зайн-Витгенштейн - 84 самолета. Сбить «летающую крепость» или «Ланкастер» даже днем чрезвычайно сложно, поскольку эти самолеты со всех сторон защищены пулеметами. Эгон Майер и Георг-Петер Эдер изобрели атаку «летающей крепости» в лоб: на дистанции в 3200 м времени до столкновения остается 15 сек, 1600 м — 7 сек, 1000 м — 4 сек, дистанция начала эффективной стрельбы составляла 350 м — до столкновения остается 2,5 сек, дистанция окончания стрельбы — 250 м, когда до столкновения остается 1 сек⁴⁸⁸. Даже представить себе, как расправиться с надвигающейся с огромной скоростью машиной с размахом крыльев в ширину футбольного поля и экипажем из 10 человек, — очень тяжело. Один руль этого бомбардировщика был равен по размеру размаху крыла немецкого истребителя «Me-109». А все это происходило ночью...

Другой немецкий ас, Хайнц Кноке, придумал размещать на тяжелом истребителе «Мессершмитт-109G» бомбу с 15-секундным взрывателем и сбрасывать эти бомбы на бомбардировщики союзников сверху, во время их полета к цели. Несколько раз Кноке это удавалось⁴⁸⁹.

Командующий немецкой истребительной авиацией Адольф Галланд писал, что весной 1942 г. светлым

пятном — на общем печальном фоне состояния обороны рейха от бомбардировщиков — являлся ночной истребитель. К моменту начала массированных налетов английской авиации летные качества ночного истребителя достигли высокого уровня. Вследствие успехов ночных истребителей, немецкое руководство даже питало надежды, что ночные массированные налеты можно будет остановить или, по крайней мере, сделать более редкими. Во время налета на Кельн было сбито 36 английских самолетов, а немецкие ночные истребители записали на свой счет 600-й сбитый вражеский самолет; к сентябрю это число выросло до 1000, а в марте 1943 г. достигло 2000, при этом 80 % сбитых самолетов составляли многомоторные бомбардировщики. Эти показатели просто удивительны, ибо к началу войны германских ночных истребителей просто не существовало⁴⁹⁰.

СССР и его союзники имели огромное преимущество в численности: в 1941 г. в нашей стране было 7500 истребителей, в Германии — 2300; в СССР до осени 1944 г. построили 97 000 самолетов различных типов (плюс 14 000 поставили США и Англия), а в Германии — 34 551⁴⁹¹. Поэтому советское преимущество в воздухе было столь значительным, и сбитые немецкими асами самолеты были всего лишь комариным укусом для огромных советских ВВС. Еще более впечатляет воздушное преимущество союзников на Западе: с марта по июнь 1943 г. немецкие истребители сбили 700 английских бомбардировщиков, что составляло всего 4 % (!) их общей численности.

Вследствие беспомощности Люфтваффе в борьбе с бомбовой войной, с августа 1943 г. в Германии обдумывался план использования пленных английских и американских пилотов в качестве заложников. Руководство Люфтваффе и ОКВ согласились с перемещением 8 тысяч военнопленных в центры городов, под-

вергавшихся бомбежкам. Женевская конвенция запрещала содержание военнопленных в районах боевых действий, но если противник сам превратил мирные города в районы боевых действий, то пленные пилоты должны были погибать от бомб своих же товарищей. Однажды Геринг призвал расстреливать попавших в плен пилотов бомбардировщиков, но в канцелярии Бормана была разработана инструкция, согласно которой расстрелу на месте подлежали только пилоты пикирующих бомбардировщиков и истребителей, которые из пулеметов стреляли по скоплениям гражданских лиц или с бреющего полета бомбили невоенные объекты (вокзалы, городские улицы и пр.). С лета 1944 г. имели место систематические расстрелы пленных пилотов сбитых бомбардировщиков⁴⁹².

В бомбовой войне союзников против Германии не помогала даже тщательно налаженная воздушная разведка Люфтваффе, которая была необходимым условием активной воздушной обороны. Ее целью было дать общую картину воздушной обстановки и создать предпосылки для эффективных действий истребителей. Центральные боевые станции истребительной авиации располагались в пяти гигантских бункерах около Арнхейм-Деелена, Доберица, Штадта, Меца и Шлейсхейма. Этим центрам дали ироническое прозвище «оперные здания битвы». Командир немецкой истребительной авиации генерал Адольф Галланд так описывал атмосферу на одной из таких станций. «При входе туда вы сразу ощущали нервную атмосферу. Искусственное освещение делало лица людей более осунувшимися, чем они были на самом деле. Спертый воздух, дым сигарет, гул вентиляторов, пощелкивание телетайпов и приглушенное бормотание бесчисленного количества операторов вызывало головную боль. Магическим, привлекающим центром в данном помещении была огромная панель из матового стекла, на ко-

тору переносились с помощью световых пятен и подсвеченных надписей положение, высота, численность и курс вражеских самолетов, а также наши силы. В целом все очень напоминало освещенный гигантский аквариум с множеством водяных блох, неистово суетящихся за стеклянными стенками. Каждое отдельное пятнышко и каждое видимое глазу изменение являлось следствием сообщений и наблюдений, поступивших от радарных установок, самолетов-корректировщиков, пунктов прослушивания, самолетов-разведчиков или же действующих частей. В этом центре все поступления по телефонной или радиосвязи соединялись с тем, чтобы быть принятыми, отсортированными и через несколько минут перенесенными на стекло в виде объективных данных. То, что было изображено на огромной карте, являлось картиной воздушной обстановки в секторе действия дивизии истребителей всего с одномоментным опозданием»⁴⁹³.

Только половина асов Люфтваффе дожила до конца войны, лучшие погибли, ибо в войну, как говорят фронтовики, действует негативный отбор; среди погибших выделяется капитан Ганс Марсель, который в 1939—1940 гг. воевал не особенно удачно, а проявил себя в полной мере только в Африке с 1941 г. Марсель был лучшим снайпером Люфтваффе: иногда, одержав 6 побед, он тратил всего половину боезапаса: у него был самый низкий расход боеприпасов. Однажды он израсходовал только десять 20-мм снарядов и сто восемьдесят пулеметных патронов, сбив при этом шесть самолетов противника. Надо отметить, что «мессершмитт» по скорости и по маневренности значительно превосходил английский «харрикейн» и чуть-чуть американский «киттихок»⁴⁹⁴. Марсель погиб 30 сентября 1943 г.: он не пожелал покидать самолет над вражеской территорией, а когда в последний момент перед падением

катапультировался, то ударился о хвостовое оперение и разбился, остановив свой боевой счет на 158 самолетах противника. После войны этому выдающемуся асу был поставлен памятник в африканской пустыне в Ливии. Командующий истребительной авиацией Люфтваффе Адольф Галланд писал в мемуарах, что Ганс Марсель был непревзойденным летчиком-виртуозом среди истребителей Второй мировой войны. Его достижения считались невероятными, и после его гибели не были никем превзойдены. За период немногим более года он совершил 388 боевых вылетов и сбил 158 самолетов, из них 151 — в Африке⁴⁹⁵.

В пропаганде его именовали не иначе как «Африканский орел», итальянские солдаты в Африке его боготворили и называли «Звезда Африки»; Муссолини наградил его золотой медалью «За храбрость», такой чести не удостоился даже Роммель. 3 июня 1942 г. Марсель за 11 минут сбил 6 «киттихоков» (*Curtiss Kitty hawk*), а 1 сентября 1942 г. за один день Марсель уничтожил 17 британских самолетов (Эмиль Ланг сбил за один день 18 советских самолетов); в сентябре 1942 г. за месяц Марсель сбил на один самолет меньше, чем И. Н. Кожедуб за всю войну — 61. Марсель был награжден Рыцарским крестом с Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами.

Насколько высоко Гитлер ценил престиж и значимость Люфтваффе для национальной мобилизации, свидетельствует следующий эпизод. Эрнст Ханфштенгл (в 20-е гг. он входил в ближний круг Гитлера, поскольку был, неплохим пианистом, а также по причине симпатий Гитлера к его жене) пренебрежительно высказался о боевых качествах немецких летчиков в Испании. Ханфштенгл ухаживал за женой Геббельса, и министр пропаганды как-то между делом сказал Гитлеру, что тот с неуважением относится к Люфтваффе. Геббельс знал, что такие высказывания о немецких сол-

датах бесят Гитлера. Так произошло и на этот раз, причем Гитлер особенно разозлился по той причине, что Ханфштенгл в армии никогда не служил... Было решено примерно наказать болтуна. Через камердинера Гитлера Ханфштенглу был передан приказ отправляться в Испанию, в Саламанку, где находилась ставка Франко, с поручением к последнему. Во время полета пилот неожиданно обратился к Ханфштенглу и заявил, что у него есть письменный приказ фюрера сбросить его с парашютом между Барселоной и Мадридом, чтобы он самостоятельно добирался до Саламанки⁴⁹⁶. Понятно, что ни разу в жизни не прыгавший с парашютом Ханфштенгл был перепуган до смерти, но, к его счастью, самолет вскоре вернулся обратно на аэродром. Сам Ханфштенгл в своих мемуарах, разумеется, преподносил этот эпизод как покушение на его жизнь за крамольные высказывания. Вскоре он эмигрировал в США⁴⁹⁷.

Гипнотическое воздействие на общественность немецких военных героев было столь глубоко, что на них старались быть похожими, или хотя бы как-то к ним приобщиться. Так, один из самых могущественных людей в рейхе, глава РСХА Рейнхард Гейдрих, который по возрасту не мог воевать в Первую мировую войну и поэтому не имел боевых наград, вопреки запрету Гитлера и Гимmlера стал боевым летчиком-истребителем. Во время западного похода вермахта он заслужил от армейского руководства бронзовую пряжку боевого летчика. Новую возможность доказать свои солдатские доблести Гейдрих получил на Восточном фронте, где он однажды должен был даже совершить вынужденную посадку за линией фронта восточнее Березины, куда для освобождения второго в СС лица прорывался эсэсовский отряд. Люфтваффе наградил Гейдриха серебряной пряжкой боевого летчика и Железным крестом 1 степени⁴⁹⁸. Сталин считал бы желание какого-

нибудь своего идеологического руководителя попасть в самое пекло войны как бесспорное доказательство стремления перейти на другую сторону и сдаться в плен — ничего другого ему бы в голову не пришло, а в Германии эти мотивы были созданы необыкновенным престижем армии и ее достижений, они были ясны и понятны абсолютно всем. В верхушке нацистского руководства также было весьма престижно воевать в Люфтваффе — племянник Геринга Питер погиб на Западе (его сбили англичане), воюя вместе с младшим братом Адольфа Галланда в истребительной авиации⁴⁹⁹.

Боевая мораль Кригсмарине и его особое место в истории войны

*«Важно не то, за что мы боремся,
а то, как мы боремся».*

(Э. Юнгер)

Если Люфтваффе блистал в начальной стадии войны, то в заключительной ее стадии наилучшие боевые качества проявляли немецкие военные моряки-подводники: из 1170 немецких субмарин, построенных до 1945 г., в операциях приняло участие 863 субмарины, 630 из них погибло; в процентном соотношении у подводников были самые большие среди родов войск потери — из 41 300 подводников погибло 25 970 человек⁵⁰⁰. Именно в силу своей эффективности Кригсмарине вызывал у немецкой общественности большие симпатии — особенно в период пика успехов немецких подводников в Атлантике, который пришелся на январь-июль 1942 г.,⁵⁰¹ когда немецкий подводный флот потопил 2 967 179 брутто-тонн водоизмещения торговых судов англо-американцев⁵⁰².

Как и в Первую мировую войну, в 1939—1945 гг. германские подводники оказались лучшими. На их счету 2759 судов (14,1 миллиона брутто-тонн). Кроме транспортных судов, они уничтожили 2 линкора, 6 авианосцев и 5 крейсеров. Высшего индивидуально-го достижения (266 тысяч брт) добился капитан-лейтенант Отто Кречмер: 44 торговых судна и 2 миноносца. Еще тридцать немецких подводников перешагнули «гроссмейстерский» рубеж в 100 тысяч брт.

Итальянские подводники уничтожили примерно 700 тысяч брт. Лучший итальянский подводник Джанфранко Гаццано почти дотянул до «гроссмейстерского» рубежа — 97 тысяч брт. Итальянцы потеряли 90 подлодок из 156 до 1943 г., когда вышли из войны.

Японцы потеряли 129 из 192 субмарин и уничтожили 776 тысяч брт. Самым удачливым оказался Тошиаки Фукурума — 62 тысяч брт.

Из 315 подлодок американцы потеряли 52 и потопили 4,9 миллиона брт, в том числе линкор, 9 авианосцев, 12 крейсеров и 143 мелких боевых корабля. Единственным американским «гроссмейстером» стал Ричард О'Кейн — 110 тысяч брт. На счету подводников США потопление самого большого в мире боевого корабля — японского авианосца «Синано» (62 тысячи тонн), 29 ноября 1944 г. его потопила подлодка «Арчерфиш» капитана Джозефа Инрайта.

Из 234 английских подлодок погибло 75. Английские подводники потопили примерно 1 миллион брт. Наилучшего результата добился Дэвид Уонклайн, потопивший 92 тысячи брт.

Советские подводники потеряли 109 подлодок из 270 и потопили примерно 230 тысяч брт. (получается, что один Кречмер добился большего, чем весь советский подводный флот). Лучший советский подводник А. И. Маринеско потопил два больших лайнера в 40 тысяч брт⁵⁰³.

Из этой статистики видно, что настоящая подводная война во Вторую мировую войну велась только Германией — противники Германии прибегали к ней только эпизодически. Тем более что до 1942 г. подводных лодок в современном смысле слова не было, поскольку мощность аккумуляторов не позволяла лодке долго находиться в подводном положении. Их можно было назвать, скорее, «погружающимися в воду аппаратами». Лишь в 1942 г. на гамбургской верфи «Блом и Восс» была построена лодка со шнорхелем (устройством, позволяющим дизелю работать в подводном положении на перископной глубине), с мощными электроаккумуляторами; в сечении она составляла 5,3 м; экипаж ее насчитывал 57 человек, на ней было 6 торпедных аппаратов и 23 торпеды⁵⁰⁴.

Настоящим энтузиастом подводного флота был командующий флотом субмарин Карл Дениц, которому 30 января 1943 г. было присвоено звание гросс-адмирала, и под его командование был поставлен весь немецкий флот. Строительство подлодок было сделано Гитлером приоритетным направлением, а производство крупных надводных кораблей практически прекратилось. При Денице на первый план вышли молодые и энергичные боевые офицеры — новым начальником штаба Кригсмарине стал адмирал Вильгельм Майзель, капитаном крейсера «Адмирал Шпеер» стал адмирал Теодор Кранке. Под руководством Кранке знаменитый крейсер потопил 17 вражеских судов водоизмещением 113 тысяч тонн; это был лучший результат среди немецких военных кораблей в войну⁵⁰⁵. С января 1942 г. по март 1943 г. Кранке, в качестве награды за свои достижения, был представителем флота в Ставке Гитлера.

Гросс-адмиралу Деницу в короткий срок после 30 января 1943 г. удалось сделать то, чего не смог сделать гросс-адмирал Эрих Редер — сконцентрировать все наличные силы на потоплении максимального коли-

чества торговых и военных судов противника. Немецкий подводный флот в 1942—1943 гг. был близок к успеху: 1000 субмарин с 60—70 тысячами моряков могли выиграть войну для Германии. Несмотря на технические новшества, введенные союзниками (коротковолновый радар, воздушная разведка), немецкий подводный флот дрался до конца без всяких признаков падения боевой морали. Ни один род войск, никакие части вермахта во Вторую мировую войну не действовали более эффективно, чем немецкие подлодки. В конце Второй мировой войны у немцев были подлодки новейшей XXI серии; эта серия считалась настоящим прорывом в технологии строительства подлодок, но использовать эту лодку в полном масштабе немцы не успели. Субмарина несла 20 торпед дальнего радиуса и 23 обычные торпеды. Конструкция этой лодки оказалась настолько удачной, что ее использовали американцы⁵⁰⁶. Некоторые историки считают, что если бы немцы поставили на вооружение XXI серию на год раньше, то Германия одержала бы победу в битве за Атлантику, а вторжение пришлось бы отложить⁵⁰⁷. В самом деле, немецкие подводные лодки большие отрезки времени доминировали на море во время обеих мировых войн, а сами немецкие подводники были весьма близки к тому, чтобы нанести поражение своим противникам. В обеих мировых войнах германский подводный флот подходил к той черте, за которой начинается полный контроль над основными морскими коммуникациями. Установление такого контроля изменило бы ход войны и привело бы к поражению союзников... Некоторые эксперты считают, что будь у Гитлера в 1939 г. на полсотни лодок больше, он выиграл бы войну с Англией⁵⁰⁸.

Еще в Первую мировую войну немцы возлагали Osborne надежды на подводный флот как на решающее

средство одержать верх в военном противостоянии. Кроме чисто военных задач, в вильгельмовской Германии «план Тирпица» (план обширного немецкого военно-морского строительства) был отличным средством политической мобилизации народа, интеграции разнородных групп и слоев общества. В свое время в военно-морском строительстве были заинтересованы все, даже рабочий класс⁵⁰⁹ — по причине увеличения рабочих мест. На деле же стратегия Тирпица в годы Первой мировой войны оказалась ошибочной спекуляцией с катастрофическими последствиями. Когда в 1918 г. стало ясно, что Германия проиграла, командующий Кригсмарине призвал моряков выйти на последний и решительный бой, который, хоть и не сможет что-либо изменить, зато станет примером для следующих поколений и создаст благоприятные условия для подписания условий мирных соглашений с Антантой. Это было совершенное безумие и авантюризм, вызвавший восстание моряков, за которым последовала Ноябрьская революция, а затем Веймарская республика.

Несмотря на очевидный крах планов Тирпица, его представления о роли Кригсмарине и о его особой боевой морали пережили в законсервированном состоянии Веймарскую республику и с новой силой, и даже более динамично, стали развиваться в Третьем Рейхе. Повторились даже иллюзорные надежды на подводный флот: в Первую мировую войну именно подводные лодки дали Германии, пусть призрачный, но шанс выиграть войну, правда при одном условии — подводная война должна была вестись без оглядки на международное морское законодательство и без учета призовых правил. В самом начале Первой мировой войны немецкие подводники потопили три английских тяжелых и два легких крейсера, в результате погибло 2 тысячи моряков. Потопление 22 сентября 1914 г. лейтенантом Кригсмарине Отто Ведингом, командиром

подлодки *U-9*, английских крейсеров «Абукир», «Кресси» и «Хог» позволило всем осознать огромный разрушительный потенциал нового подводного оружия. Менее чем за час 28 человек на 400-тонной немецкой подлодке уничтожили дорогостоящие британские корабли общим водоизмещением в 40 тысяч тонн с 2265 моряками, из которых спаслась только треть. Погибло почти столько же английских моряков, сколько в Трафальгарском сражении. Лодка *U-9* вернулась в Киль невредимой. Вединген погиб на море 6 месяцев спустя, впоследствии о нем слагали легенды⁵¹⁰. За годы Первой мировой войны немецкие субмарины потопили более 5 тысяч кораблей, включая 10 линейных кораблей и 18 крейсеров⁵¹¹.

В первый момент после побед Ведингена всем казалось, что наступил конец британского военного могущества на море. Англичане стали настаивать на введении правила, чтобы подводные лодки не имели права атаковать из-под воды. Шеф британской военной пропаганды виконт Нортклифф развернул в прессе масштабную кампанию с целью опорочить действия германских подлодок против британских торговых судов⁵¹². Он достиг своей цели: общественность стала считать соблюдение ограничений подводной войны необходимым — довольно строгие призовые правила, ограничивавшие возможности подлодок, продолжали сохранять силу.

В немецком руководстве было много сторонников смягчения призовых законов; это, по их мнению, помогло бы немцам предпринять действия, которые ослабили бы военно-морскую мощь Англии и заставили бы ее снять морскую блокаду Германии. Кайзер, однако, долго не хотел проявлять инициативу в этом вопросе. 7 мая 1915 г. немецкая подлодка потопила «Лузитанию» (32 тыс. тонн), погибло 40 пассажиров, среди них три американца. В сентябре 1915 г. кайзер, отклик-

нувшись на протесты американцев, снял блокаду Британии. Новая блокада Британии началась в феврале 1916 г. и первоначально принесла значительные достижения. Однако, 24 марта 1916 г. немецкая подлодка по ошибке торпедировала английский пассажирский пароход «Сассекс» — в результате взрыва погибло 80 человек (из них 25 американцев). США ответили резкой нотой, и кайзер вновь отказался от блокады Англии, приказав своим морякам строго соблюдать призовые законы. В конце концов, однако, поддавшись на уговоры военных, уверявших, что немецкий подводный флот готов на решение любых задач, кайзер объявил, что с 1 февраля 1917 г. немецким подводным лодкам разрешается топить любые торговые суда в британских прибрежных водах. Немецкое военное руководство во главе с Гинденбургом и Людендорфом возлагало последнюю надежду на применение подводных лодок (собственно, нелепое объявление «неограниченной подводной войны» и повлекло вступление в войну США 6 апреля 1917 г., а это и стало одной из главных причин поражения Германии). Точно так же и во Вторую мировую войну Гитлер надеялся обеспечить господство в Атлантике при помощи субмарин. Дело в том, что необыкновенная эффективность подводного флота (на первом этапе) сочеталась с небольшими затратами: стоимость боевых средств, предназначенных для борьбы с подлодками, в 19 раз превышала расходы на их постройку⁵¹³.

Первые результаты «неограниченной подводной войны» оказались впечатляющими: в феврале — 540 тысяч брт, в марте — 594 тысяч, в апреле — 881 тысяч брт (это 423 торговых судна!)⁵¹⁴. Вследствие первоначальных громких успехов немецких подводников впервые в истории существование Британии как империи было поставлено под угрозу. В апреле 1917 г. потери торгового флота росли изо дня в день. Подлодки

не только пробили брешь в обороне Британских островов, но и поставили под угрозу сам фундамент мощи союзников — на горизонте маячила угроза полного крушения. Лишь в 1918 г. стала оправдывать себя система конвоев, и потери стали сокращаться⁵¹⁵. Немецкие подводники не смогли воспрепятствовать переправке морем в Европу американских вооруженных сил и припасов по причине использования сильных конвоев. Из США во Францию союзники перевезли около 2 миллионов солдат, а потеряли всего 56 человек — в результате несчастного случая на транспорте «Молдавия». На практике оказалось, что большое значение имеет и надводный флот, который у немцев был небольшим. Во Вторую мировую войну соотношение военно-морских надводных сил у Германии и ее противников в еще более значительной степени было не в пользу немцев: десять надводных кораблей к одному⁵¹⁶.

Так же, как в Первую мировую войну кайзер долго запрещал нарушать призовые правила, во Вторую мировую первоначально немецкие подводные лодки по указанию Гитлера должны были действовать, соблюдая Лондонский морской договор, подписанный Германией в 1930 г.: торговое судно не могло быть потоплено без обязательной процедуры досмотра, и его можно было пустить ко дну только убедившись, что оно везет контрабанду. Пассажирам нужно было предоставить удовлетворительные средства спасения. На деле, однако, часто оказывалось, что соблюдать призовые правила было довольно трудно, хлопотно, рискованно; это снижало эффективность действий подлодок.

Несмотря на строгие ограничения, немецкие подлодки сразу добились впечатляющих успехов. За сентябрь 1939 г. они потопили 40 судов общим водоизмещением в 153 тысячи брт. Кроме того, еще 9 судов водоизмещением в 31 тысячу брт. подорвались на минах,

поставленных немецкими подлодками у английских портов⁵¹⁷.

Подчас имели место и роковые ошибки подводников: так, 3 сентября 1939 г. командир немецкой подлодки *U-30* обер-лейтенант Лемп на дистанции торпедного выстрела заметил лайнер. Поскольку он находился вне обычных морских путей и шел противолодочными зигзагами, Лемп решил, что лайнер имеет на борту войска, и убедившись, что судно английское, произвел торпедную атаку. Судно «Атенея», направлявшееся с пассажирами на борту из Англии в Америку, пошло ко дну. Погибло 128 пассажиров. Эта ошибка имела фатальные последствия, поскольку дала английскому правительству возможность заявить, что с первого же дня Германия начала «неограниченную подводную войну». Впрочем, действия остальных немецких субмарин, строго соблюдавших правила войны, скоро опровергли эти обвинения.

Поняв свой промах, Лемп по радио ничего не сообщил командующему подводным флотом Деницу, и только по прибытии на базу лично доложил командованию о своей ошибке. Но вместо того, чтобы признать ошибку и выразить по этому поводу сожаление, немецкое правительство продолжало отказываться от ответственности и дало подводникам указание строго хранить тайну. Дениц приказал Лемпу вырвать из бортового журнала страницу и заменить ее другой, где не упоминалось о гибели английского пассажирского корабля. Это был единственный за всю войну случай фальсификации бортового журнала. Минпроп объявил, что Черчилль, тогда первый лорд Адмиралтейства, сам приказал поместить на «Атенею» адскую машину, взорвать ее и обвинить Германию в агрессии⁵¹⁸.

Прямым следствием инцидента с «Атенею» стал приказ Деница, запрещавший топить пассажирские суда (приказ действовал до лета 1940 г.), какой бы стра-

не они не принадлежали. В период «странной войны» немецким подводникам было запрещено атаковать французские суда. Между тем как раз в это время британский экспедиционный корпус полным ходом перебрасывали во Францию, чему подводники вполне могли воспрепятствовать⁵¹⁹. Успешная летняя кампания 1940 г. предоставила в распоряжение Кригсмарине многочисленные морские порты Ла-Манша, в западной части Франции и на самом побережье Атлантики⁵²⁰. Это открывало для Кригсмарине новые перспективы в борьбе с английским королевским ВМФ. Первоначально таких же грандиозных успехов добились и японцы: 10 декабря 1941 г. их авиация потопила два самых современных британских корабля — «Принц Уэльсский» и «Рипалз»; известие об этом было положительно воспринято в Германии. Тем более что к лету 1942 г. Кригсмарине, казалось, плотно контролировал Атлантику: подтверждением этому может служить позорная и трагическая история знаменитого конвоя *PQ-17*, который был брошен военными кораблями союзников из-за ложного известия о выходе в море немецкого крейсера «Тирпиц». Погибло 24 из 35 торговых кораблей упомянутого конвоя. Всего же за всю войну из состава 40 конвоев Кригсмарине и Люфтваффе смогли уничтожить 100 судов⁵²¹; это было большим достижением, но недостаточным для того, чтобы парализовать англо-американские военно-морские силы. Между тем известия об успехах подводников имели огромное пропагандистское воздействие на общественность — СД в, 1942 г. постоянно доносила, что операции немецких подводников вызывали восхищение⁵²². СД также передавала: немецкая общественность надеялась, что фантастические успехи подводников смогут компенсировать провалы Люфтваффе в обороне воздушного пространства рейха; теплилась даже надежда, что материальные потери после утраты потопленных подводниками кораб-

лей принудят англичан и американцев либо прекратить, либо уменьшить масштабы варварских авианалетов. Пропагандистский тезис о том, что каждое потопленное торговое судно является вкладом в окончательную победу немецкого оружия, стал все интенсивнее проникать в немецкое общественное сознание⁵²³. Ежедневные сводки тоннажа потопленных Кригсмарине вражеских кораблей вызывали всеобщий «спортивный» интерес и были предметом пари и прогнозов — будет ли тоннаж потопленных вражеских судов составлять в текущем месяце 600 тысяч или 800 тысяч тонн⁵²⁴. Рекордным для немецких подводников стал ноябрь 1942 г., когда они потопили судов общим водоизмещением в 743 321 тонну.

Последние шесть месяцев 1942 г. стали апогеем успехов немецких подлодок, звездным часом «волчьих стай». Они нападали уверенно и умело и пустили на дно судов водоизмещением более двух миллионов тонн. Тем не менее за впечатляющими цифрами крылся удручающий для немцев факт, что — хотя со стапелей ежемесячно сходило 20 новых подлодок и гибла лишь половина этого количества — потопленный тоннаж, приходившийся на каждую лодку, заметно снизился. Эффективность противолодочной борьбы явно усиливалась...⁵²⁵

В феврале 1943 г. для поиска подлодок самолеты союзников стали использовать 9-сантиметровый радар. И до этого радар отнюдь не был новинкой — на земле его применяли для отслеживания самолетов, но он был таким громоздким, что его мог разместить не всякий военный корабль. До этого момента подлодки по ночам, и даже днем при плохой видимости, пользовались относительной безопасностью, а теперь их можно было отслеживать круглые сутки. Появление этого радара застало немцев врасплох — теперь для подлодок, даже если они действовали в группе, стала практически не-

возможной борьба против атлантических конвоев. В марте 1943 г. общий тоннаж судов, потопленных в Атлантике, составил 515 тысяч тонн. В апреле он упал до 240 тысяч тонн, в мае — до 200 тысяч тонн, а в июне составил 20 тысяч тонн. За эти месяцы немцы потеряли 80 подлодок.

Когда ночью подлодка шла в надводном положении, то шум дизеля не позволял слышать приближение самолетов, и первым признаком опасности становился внезапно ударявший сверху луч прожектора; тогда лодке было уже поздно погружаться или расчехлять зенитные орудия. Вместе с включением прожектора, на самолете автоматически срабатывал и бомбовый прицел. Кроме того, американцы переоборудовали свои грузовые и пассажирские суда в эскортные авианосцы. Эти новые средства позволяли обнаруживать немецкие подлодки с больших расстояний. Корабли и самолеты противника заставляли немецкие подлодки маневрировать под водой, а в погруженном состоянии скорость лодки очень мала и не позволяет ей занять хорошую позицию для атаки. При плавании под водой аккумуляторные батареи быстро разряжаются, поэтому в ночное время подлодка тратила 3—4 часа на их дозарядку, поднимаясь для этого на поверхность моря. В этот период подлодки оказывались совершенно беззащитными против самолетов противника и часто становились жертвами воздушных атак. Пользуясь радиолокаторами, англо-американские летчики приближались к подлодкам почти вплотную и уничтожали их. Радиолокационная аппаратура обеспечивала летчикам возможность даже в самую темную ночь или в самых густых облаках с потрясающей точностью сбрасывать бомбы с планирующего полета на ничего не подозревающего противника. Правда, некоторое облегчение подлодкам принесло появление пеленгатора, который предупреждал, что лодку нащупал луч вражеского радара. Коли-

чество засеченных подлодок сразу снизилось: со 120 в сентябре 1943 г. до 57 в октябре того же года. Тем не менее и в погруженном состоянии подлодка оставалась не менее уязвимой, ибо стоило засечь ее местонахождение, как к этому району подтягивались вражеские корабли, оборудованные акустическими системами слежения⁵²⁶.

Некоторое облегчение принесло изобретение упомянутого выше «шнорхеля» (*Schnorchel* — так в простонародье называют нос; это гибкая труба для подачи воздуха к дизелям, термин был введен самим Деницем), который позволил лодкам находиться в подводном положении — невидимыми для радаров. До появления «шнорхеля» подводные лодки почти все время патрулирования находились на поверхности, погружаясь лишь для того чтобы уйти от вражеского преследования. Теперь лодки неделями не появлялись на поверхности (рекорд составил 67 дней). Бывший немецкий военный моряк Харальд Буш писал, что для подводников каждое такое длительное погружение было тяжелым испытанием — вопрос был не только в психологической адаптации. Зловонный воздух, отсутствие гигиены, некачественное питание, рваный, недостаточный сон — эти условия были издевательством над человеческим организмом⁵²⁷.

Несмотря на бесспорные военные достижения, фiasco флота следовали одно за другим: в мае 1943 г. была прекращена борьба с конвоями в северной Атлантике, возобновить подводную войну в прежних масштабах не удалось. В 1943 г. с верфей Германии было спущено примерно 260 подлодок. В море в этот период находилось одновременно около 100 немецких подлодок. Тем не менее, начиная с весны 1943 г., действия подводных лодок стали гораздо менее успешными. К концу 1943 г. тоннаж потопленных судов противника составил все-

го лишь 2,6 миллиона тонн. По приблизительным подсчетам, на долю итальянского и японского подводных флотов приходилось в этот период по 0,2 миллиона тонн. Причина снижения эффективности подлодок состояла в том, что, начиная с весны 1942 г., радиолокационные установки противников Германии становились все более эффективными, а с осени того же года значительно увеличилось и число американских противолодочных кораблей, действовавших в Атлантике. С весны 1943 г. западные противники Германии развернули массовое производство радиолокационной аппаратуры, радиус действия которой был удвоен и доведен примерно до 220 км.

Финиш эпопеи начавшейся столь блестяще подводной войны оказался для немцев печальным: в мае 1943 г., потеряв 38 субмарин (по сравнению с 14-ю в апреле), адмирал Дениц прекратил боевые действия в Северной Атлантике⁵²⁸.

На море также не обошлось без инцидентов «войны не по правилам», причем виновные в этом были не только с немецкой стороны, но и с другой стороны. Приказ Британского Адмиралтейства таранить подводные лодки и атаковать их глубинными бомбами, решение вооружать все корабли и сообщать по радио координаты любой замеченной подлодки делал для немецких подводников практически невозможной задачей останавливать и досматривать вражеские суда, как того требовали призовые правила. Англичане и американцы зачастую действовали методами, которые Германия не могла не считать незаконными⁵²⁹. Так, 12 сентября 1942 г. в Южной Атлантике немецкая подлодка *U-156* торпедировала пароход *Laconia* (17 000 тонн), на борту которого оказалось 15 000 итальянских военнопленных. Командир немецкой подлодки Вернер Хартенштайн приказал спасти потерпевших, приказ подтвердил адмирал Дениц: военные действия в этом районе

были прекращены, по радио всех сзывали на помощь. В эфир по-английски было передано сообщение о необходимости помощи, однако английское морское начальство отреагировало на это неадекватно: впоследствии стало известно, что польская охрана на судне не открыла нижние отсеки, где держали военнопленных, и стреляла по итальянцам, пытавшимся выбраться через иллюминаторы. Прилетевший на сигнал английский бомбардировщик сбросил бомбы на немецкую подлодку, вокруг которой скопились потерпевшие. Правда, подоспевший французский корабль спас 1041 итальянца⁵³⁰. Это была одна из немногих акций по спасению пострадавших от морской войны, и она состоялась по инициативе немецкой стороны. Несколько непривычная информация для нас, привыкших считать, что немцы всегда вели себя, как злодеи. Нечего и говорить, как геббельсовская пропаганда использовала этот инцидент...

После войны на Нюрнбергском трибунале немцев обвинили в нарушении правил войны. В частности, в таких нарушениях был обвинен командующий Кригсмарине Карл Дениц. Во время работы трибунала гросс-адмирал Дениц получил массу писем от прежних «морских волков». Под одним из них стояла подпись 67 командиров подлодок. Это письмо было использовано защитой. В письме говорилось: «Из газет и радио мы знаем, что гросс-адмирал Дениц обвиняется в том, что он приказывал убивать спасшихся после торпедных атак. Мы, нижеподписавшиеся, клятвенно заявляем, что гросс-адмирал никогда не отдавал такого приказа ни в устной, ни в письменной форме. Был приказ подводным лодкам, в интересах собственной безопасности, не всплывать после торпедных атак, как они это делали на ранней стадии войны. Всплытие после атак значительно повышает уязвимость лодки перед силами противолодочной обороны противника и ведет к

вероятному уничтожению подлодки. Этот недвусмысленный приказ никогда не истолковывался нами как приказание или разрешение убивать выживших. Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что командование Кригсмарине всегда учило уважать писанные и неписанные законы моря, и мы всегда рассматривали их соблюдение как дело чести и вели войну по-рыцарски». При вынесении Деницу приговора судья подчеркнул, что приговор выносится не на основании нарушения им международных законов подводной войны⁵³¹. Дениц получил 10 лет и вышел из берлинской тюрьмы Шпандау в 1955 г.

Потери немецкого подводного флота и в первые годы войны были достаточно велики, но к маю 1943 г. они возросли до 35 % от общего количества находившихся в море субмарин⁵³². К 1944 г. из 100 немецких подлодок, вышедших в море, только 65 имели шанс вернуться на базу⁵³³.

В операциях, проведенных по инициативе Деница вопреки мнению начальника штаба флота, был потерян последний боеспособный корабль: при нападении на союзный конвой в Атлантике 22 декабря 1943 г. «Шарнхорст» был потоплен союзниками; из 1968 членов экипажа спаслось 36 человек⁵³⁴. Несмотря на очевидные провалы, Дениц, вследствие необыкновенной твердости характера и фанатической решимости драться до конца, обладал необходимым авторитетом среди моряков. На Гитлера эти черты характера Деница производили самое благоприятное впечатление, и одно время он хотел назначить Деница командующим Люфтваффе — вместо провалившегося на этом посту Геринга. Люфтваффе быстрее флота преодолел кризис в производстве нового оружия, но для Гитлера это не имело особого значения — он знал, что моральный климат в Кригсмарине значительно лучше, чем в Люфтваффе⁵³⁵.

Эту точку зрения разделял и Геббельс, который 28 февраля 1945 г. писал в дневнике: «Мы должны быть такими же, каким был Фридрих Великий, и вести себя точно так же, как он. То стоическое философское отношение к людям и событиям, какое проявляет ныне фюрер, тоже сильно напоминает мне Фридриха Великого. Именно с ним соперничает он, осознанно или неосознанно. Как хотели бы мы подражать этому образцовому примеру! Если бы Геринг столь дурачки не выпадал из этого ряда! Он вовсе никакой не национал-социалист, а сибарит, не говоря уже о том, что он никакой не последователь Фридриха Великого. Как благородно, напротив, выглядит Дениц. Он, как заявил мне фюрер, лучший представитель своего рода оружия. Жаль, что не такой человек представляет партию, а Геринг, который имеет с ней столь мало общего, как колова — с солнечным излучением»⁵³⁶.

Высокий морально-боевой дух подводников особенно примечателен по той причине, что жизнь на подводной лодке была не только опасной, но и крайне неблагоустроенной. Во время похода не приходилось и думать о том, чтобы раздеться и отдохнуть. Сигнал боевой тревоги раздавался в любой момент, и вся команда (в среднем — 46 человек) должна была занять свои посты по боевому расписанию. Перед выходом в море отсеки лодки, и без того тесные, до отказа заполнялись предметами довольствия, различным имуществом, необходимым для похода, длившегося порой несколько недель. Находящиеся во всех отсеках продукты мешали личному составу передвигаться внутри лодки, особенно в первые дни. Запах продовольственных запасов преобладал над всеми другими. Носовой кубрик использовали для хранения торпед, из-за этого для команды почти не оставалось места: люди не могли не только выпрямиться, но и нормально сидеть. Небольшая по размерам лодка даже при незначительном вол-

нении испытывала бортовую и килевую качку, а при шторме крен мог достигать 60 градусов⁵³⁷.

Уже через несколько дней патрулирования одежда подводников становилась грязной; моряки ходили небритые, с засаленными заскорузлыми от морской воды волосами. Во время шторма холодная морская вода лилась в центральный пост, из туалета нечистоты струились в отсек, система отопления и вентиляции была примитивной — в лодке было то холодно, то нестерпимо жарко, и всегда сыро. Зато после каждого патрулирования (обычно оно длилось около месяца) подводники несколько недель отдыхали, для чего в их распоряжении были плавучая база и благоустроенные казармы; многие получали возможность съездить домой. Подводники считали себя цветом флота, «элитой в элите» немецких вооруженных сил.

Дениц однажды резко осудил командира подлодки, который в безнадежной ситуации выкинул белый флаг, и приказал впредь сражаться до конца в любой ситуации, ибо честь флота выше, чем жизнь отдельных людей. Такой ход мыслей импонировал Гитлеру и внутренне соответствовал его философии «борьбы до последней капли крови». Именно этим обстоятельством объясняется то, что при Денице Кригсмарине постоянно росли во влиянии, несмотря на то, что их военное значение неуклонно снижалось. Особенно отчетливо это сродство моральных позиций руководства флота и нацистской верхушки выразилось в обороне немецких укреплений во Франции в 1944—1945 гг. Во время этих ожесточенных боев немецкие моряки превосходили вермахт по боевому духу и стойкости. К примеру, комендант гавани Шербура капитан флота Герман Витт, когда сам порт был уже взят, а комендант города генерал-майор вермахта Заттлер приказал прекратить сопротивление, еще несколько дней продолжал руководить сопротивлением на внешнем

моле гавани. Другой морской офицер, командир береговой батареи на скале у Сен-Мало Рихард Зойсс, со своими подчиненными сражался еще три недели после того, как сама крепость капитулировала. Ирония истории заключалась в том, что мужество этих моряков не имело никакого военного смысла. Но подобное поведение показало: моряки будут драться до последней капли крови⁵³⁸. Руководителем обороны Тулона Гитлер назначил морского офицера, контр-адмирала Генриха Руфуса, что стало беспрецедентным случаем: крепости и их оборона были сферой компетенций вермахта. После этого опыта вице-адмирал Эрнст Ширлиц в августе 1944 г. был назначен комендантом Ла-Рошели, вице-адмирал Фридрих Фрезениус — комендантом Дюнкерка.

Крайне сложно ответить на вопрос, когда солдат должен прекращать воевать, или почему он отказывается это сделать — этот вопрос в разных армиях и в разных обществах решали по-разному. То, что наступает момент, когда боевые действия следует прекратить и спасти жизнь — признается ныне повсеместно. Ранее это, однако, не было очевидным — так, при взятии американцами Окинавы, из 120 тысяч японцев, защищавших остров, в плен попали только 106. Все остальные предпочли смерть в бою или самоубийство⁵³⁹. Или другой пример — когда 27 мая 1905 г. адмирал Николай Иванович Небогатов отдал приказ о капитуляции перед технически превосходившим русские корабли японским флотом, то его за это судили и приговорили к смертной казни, высочайшим повелением замененной 10 годами тюрьмы. В точно такой же ситуации 8 декабря 1914 г. эскадра адмирала графа Максимилиана Шпее столкнулась с превосходящими силами англичан, и Шпее приказал сражаться до конца — погибло 2000 немецких моряков (у англичан — 3), спасся только один быстроходный немецкий крейсер «Дрез-

ден». Осуждать же Шпее за исполнение им воинского долга также кажется неуместным.

Во время Второй мировой войны популярный у союзников за рыцарское поведение капитан немецкого крейсера «Эмден» Карл фон Мюллер, после того как попал под сильнейший огонь превосходящего по силе противника (австралийский крейсер *Sydney*), специально посадил крейсер на рифы, спасая команду и повредив корабль, как и требовал устав. В ноябре 1939 г. капитан Ганс Лангсдорф взорвал в устье Рио-де-ла-Плата крейсер «Адмирал граф Шпее», сказав: «Тысяча живых молодых людей мне милее тысячи мертвых героев». Напротив, «Бисмарк» за последние 90 минут перед гибелью выпустил 3000 снарядов — в чем был смысл совершенно бесперспективной борьбы? А что если бы адмирал Гюнтер Лютенс вместо того, чтобы вести бессмысленную пальбу, дал английскому адмиралу Тови телеграмму о прекращении огня и о спасении команды? Этот риторический вопрос задавал единственный из переживших катастрофу офицеров «Бисмарка» — барон фон Мюльхайм-Рехберг. Из 2221 человека команды «Бисмарка» выжили только 115. У англичан потерь не было. Эти жертвы были бессмысленными с точки зрения здравого смысла, зато в плане морально-политической мобилизации и с позиции пропаганды они были необходимы и полезны, поскольку погибшие герои продолжали воевать в сознании своих сограждан.

Вопреки очевидному провалу, — в феврале 1945 г. союзники потопили 17, в марте — 18, в апреле — 34 немецкие подводные лодки, — Дениц по-прежнему оптимистически оценивал перспективы подводной войны. Гитлер ему верил и в январе ждал 600—700 брутто тонн потопленных торговых судов союзников. Это были утопические ожидания — из 119 подлодок типа XX к маю 1945 г. в строю оставалось 2. Из 41 300 немецких подводников в живых осталось 25 870⁵⁴⁰. Имен-

но поэтому среди немецких военных героев подводники занимают особенно почетное место.

Как и летчиков, подводников чествовали как асов. В Первую мировую войну вслед за Ведингеном прославились и другие немецкие подводники: Отто Харзинг, Вальтер Форстман, Отто Штайнбринк, Вальтер Швигер (он потопил «Лузитанию»). И во Вторую мировую войну их достижения были впечатляющими: Отто Кречмер (с 4.10.1939 по 16.3.1941 потопил 47 судов, их тоннаж составил 274 386), Вольфганг Лют (с 18.1.1940 по 12.8.1943 - 47 судов - 225 756), Эрих Топп (с 17.7.1940 по 3.7.1942 — 36 — 198 658), Гюнтер Принн (с 5.7.1939 по 28.2.1941 - 30 - 186 253), Генрих Либе (с 6.9. 1939 по 8.6.1941 — 34 — 185 377), Генрих Леман-Вилленброк (с 1.12.1940 по 9.3.1942 — 25 — 179 212), Виктор Шютце (с 1.10.1939 по 29.6.1941 - 34 - 174 896)⁵⁴¹.

Несмотря на эти фантастические цифры, союзники возобладали над немецкими субмаринами, во-первых, с помощью научно-технических достижений в области вооружений и оборудования (радиолокаторы на самолетах, эффективные гидроакустические приборы на кораблях, гидроакустические буи, размагничивание судов, устройства против акустических торпед, новые глубинные бомбы). Во-вторых, путем применения более эффективной оперативной тактики: взаимодействия быстроходных надводных кораблей и авиации. В-третьих, с помощью огромного выпуска грузовых судов в США⁵⁴².

Ваффен-СС и отношение к ним в вермахте и в немецком обществе

«Eventually efficiency as such should not be a dominant norm in any kind of enterprise».

(E. Fromm)⁵⁴³

«Люди часто совершают ошибку: путают гнусное дело с его хорошим исполнением».

(А.В. Белинков)

В 20-е гг. английский генерал Джон Фуллер получил известность как один из создателей теории войны «малыми профессиональными армиями», оснащенными новейшей техникой — этой теории придерживались: в Англии Лиддел Гарт, в Германии генерал фон Зект, во Франции генерал де Голль⁵⁴⁴. Во многих отношениях Ваффен-СС и стали таким элитным войском, но имевшим строгую идеологическую подоплеку, поскольку были партийным формированием. Впрочем, сомнительно, что элитные воинские формирования могут строиться с учетом плюрализма, терпимости или либерализма — это вообще противоречит воинской дисциплине и иерархии... Очевидно, что в среде американских «кожаных затылков», или во французских рага, или в российском спецназе, или в каком-либо воинском коллективе такого рода формируется чувство избранности, исключительности, превосходства, без которых эти коллективы невозможны. В таких войсках особенно большое значение имели и имеют идеалы верности, послушания, чести и товарищества, которые, конечно, не были монополией Ваффен-СС.

Первые парамилитаристские формирования, ставшие основой СС, возникли в 1923 г., когда под руководством Йозефа Берхтольда был создан «ударный отряд Адольфа Гитлера» (*Stoßtrupp Adolf Hitler*), после

подавления «пивного путча» в ноябре 1923 г. он был запрещен вместе с СА и НСДАП. В начале 1925 г., когда партия была основана вновь, вновь была создана штабная стража, на этот раз во главе с Юлиусом Шрекком. Маленький отряд в восемь (впоследствии легендарных для эсэсовцев) человек постепенно расширялся, создавались все новые подразделения «защитных отрядов» (*Schutzstaffel*). Со временем СС и ее отдельные подразделения (СД, гестапо, подразделения «Тотенкопф») должны были стать всеохватывающим полицейским органом партии, а Ваффен-СС суждено было стать военным представителем этой новой власти⁵⁴⁵.

17 марта 1933 г. Гитлер поручил Зеппу Дитриху формирование охранной части для защиты рейхсканцелярии. Так была еще раз воссоздана штабная стража (*SS-Stabwache*), численность которой составляла 117 человек. Спустя несколько недель охрана стала называться «зондеркоманда СС Берлин» (*SS-Sonderkommando Berlin*) под командой того же Дитриха. В июне 1933 г. на тренировочных базах рейхсвера в Ютербоге и Цоссене были сформированы еще две зондеркоманды СС — вместе они и положили начало созданию Ваффен-СС. 3 сентября все три зондеркоманды были слиты вместе под началом Дитриха (к этому времени их численность выросла до 600 человек) и получили название *Adolf Hitler Standarte*, а 9 ноября 1933 г., в годовщину «пивного путча», формирование получило окончательное название *Leibstandarte SS Adolf Hitler*.

«Лейбштандарт» стал образцовой парадной частью. В него принимались только добровольцы, хорошо физически развитые, от 17 до 22 лет и ростом не менее 180 см (позднее — 184 см). Гиммлер требовал «расовой чистоты» кандидатов. Они должны были иметь нордическую внешность и предоставить доказательства арийского происхождения предков, начиная с 1800 г. претендент должен был быть способным выдержать лю-

бые физические нагрузки. Гиммлер хвастал, что до 1936 г. в «Лейбштандарт» не брали даже того, кто имел хоть один гнилой зуб⁵⁴⁶.

Впрочем, «Лейбштандарт», хотя и положил начало отдельным от вермахта вооруженным силам, но первоначально был отдельным от СС подразделением, находившимся в личном подчинении Гитлера.

24 сентября 1934 г. «согласованным с фюрером и руководством СС» указом военного министра фон Бломберга, определившим основные направления развития СС, величина «отрядов для поручений» СС-ФТ (*SS-Verfügungstruppe*) была определена в три полка. При этом первоначально планировалось расширить батальоны «Лейбштандарта» до полков. В указе было определено, что дальнейшее расширение СС-ФТ будет зависеть от распоряжений военного министра⁵⁴⁷. Этим же указом были созданы три школы командиров для СС-ФТ. При этом численность преподавательского, командного состава и учащихся этих школ в общий договорный состав СС-ФТ не входила, что оставило лазейку для их последующего расширения. Кроме СС-ФТ, все подразделения, занятые охраной концлагерей, Гиммлер объединил в отряды СС «Мертвая голова» (*SS-Totenkopfverbände*) под командой Теодора Эйке. Таким образом, учитывая СД, в СС оформилось три направления. Для того чтобы отличать их от прочих частей СС, СД стали именовать «общие СС» (*Allgemeine SS*)⁵⁴⁸.

16 марта 1935 г. Гитлер заявил о введении всеобщей воинской повинности и об увеличении численности армии до 36 дивизий. В тот же день было объявлено, что в рамках эсэсовских «войск особого назначения» будет сформирована дивизия СС из созданных 24 сентября 1934 г. 3 полков СС-ФТ. С тем чтобы успокоить руководство армии, которое только недавно освободилось от кошмара народной милиции на основе СА, было объявлено, что никакого соперничества СС с ар-

мией не будет, ибо части СС будут переведены на бюджет полиции, в том числе и формирования «Мертвой головы» (впрочем, эти формирования и не входили в состав СС-ФТ, так как в армии отказались признать службу в них за армейскую). В целом, все подразделения СС подвергались постоянным организационным переменам, перестановкам, перетасовкам и перераспределению компетенций, Ваффен-СС — тоже. В джунглях этих перемен очень легко потеряться, но определенно можно сказать, что «отряды для поручений» были самым значительным предшественником Ваффен-СС, они имели исключительно внутривойсковые задачи, но, несмотря на это, с 1934 г. в них проходили полную армейскую подготовку.

1 октября 1936 г. была создана инспекция СС-ФТ, которая до 1940 г. функционировала как штаб СС-ФТ. Руководителем инспекции стал генерал-лейтенант рейхсвера в отставке Пауль Хауссер. Хауссер очень многое сделал для организации боевой учебы СС-ФТ. Инспекция была прямо подчинена Гиммлеру, а сам Хауссер никакой самостоятельной политической роли в СС не играл. В эсэсовской иерархии Хауссер как бригаденфюрер был ниже, чем обергруппенфюрер Зепп Дитрих — командир «Лейбштандарта». Напряженные отношения между инспекцией СС-ФТ и «Лейбштандартом», формально входившим в СС-ФТ, достигли пика в 1938 г., когда Дитрих отказался подчиниться распоряжению Хауссера выделить из своего подразделения некоторое количество солдат и командиров для создания одного полка СС-ФТ в Австрии. Хауссер пригрозил отставкой, если отношения иерархии и подчинения с «Лейбштандартом» не будут урегулированы. Конфликт был исчерпан только в процессе расширения СС-ФТ накануне войны⁵⁴⁹.

С началом войны Гиммлеру удалось осуществить свой давний замысел — сформировать три новые ди-

визии СС: «Дойчланд» (Пауль Хауссер), «Тотенкопф» (Теодор Эйке) и «Лейбштандарт» (Зепп Дитрих). Окончательное решение было принято в марте 1940 г., когда «войска для распоряжений» стали называться Ваффен-СС⁵⁵⁰.

Уже в войну важной частью Ваффен-СС стали подразделения СС «Мертвая голова» СС-ТФ (*SS-Totenkopfverbände SS-TV*), которые были созданы 29 марта 1936 г. для наружной охраны концлагерей. Командиром СС-ТФ Гиммлер назначил Теодора Эйке, который до этого отличился при реорганизации концлагеря Дахау. Эйке за короткий срок удалось реорганизовать систему концлагерей, сведя их количество до семи и строго отобрав персонал СС-ТФ. Летом 1937 г. Эйке свел СС-ТФ к трем полкам: «Верхняя Бавария», «Бранденбург» и «Тюрингия», которые, соответственно, были прикреплены к главным концлагерям Дахау, Заксенхаузен и Бухенвальд. По иронии судьбы, чем более значительную активность развивал Эйке, централизуя систему концлагерей, тем больше рейхсфюрер СС стремился эту систему децентрализовать, не допустив слишком большого усиления Эйке. К тому же концлагеря хотел подмять под себя и Гейдрих. В 1938 г. по приказу Гиммлера было создано хозяйственное управление концлагерей, выведенное из инспекции Эйке и подчиненное непосредственно Гиммлеру. Это управление возглавил энергичный организатор, группенфюрер Освальд Поль⁵⁵¹.

Вскоре после создания СС-ТФ были взяты на государственное обеспечение. Вермахт отказался признать службу в СС-ТФ за исполнение военной обязанности — это впоследствии имело преимущество для руководства «Тотенкопф», которое могло не опасаться вмешательства вермахта в процесс боевого обучения в СС-ТФ. Крупный знаток истории Ваффен-СС Бернд Вегнер

указывал, что непрерывно продолжавшийся (с 1938 г.) процесс слияния задач СС-ФТ и СС-ТФ не был случайным, он соответствовал последовательной милитаризации СС, а также созданию единого «корпуса защиты государства»⁵⁵².

СС-ФТ быстро увеличивались: с 1935 г. до 1938 г. к уже существовавшему «Лейбштандарту» добавились эсэсовские «Дойчланд» (Мюнхен) под командованием Феликса Штайнера, «Германия» (Гамбург) под командованием Карла Марии Демельхубера, после аншлюса в Австрии был сформирован «Фюрер» под командованием Георга Кепплера⁵⁵³. 17 августа 1938 г. вышел указ Гитлера, по всей видимости, инспирированный Гиммлером, по которому СС-ФТ повиновались всем военным законам и распоряжениям, но политически оставались частью НСДАП и подчинялись Гиммлеру. После войны этот указ некоторые историки окрестили «рождением Ваффен-СС»⁵⁵⁴.

Главный смысл учреждения Ваффен-СС состоял в том, чтобы СС смогли доказать свою боеспособность и свою верность Гитлеру на деле, в бою. В противном случае трудно было бы себе представить, как СС, в войну отсиживаясь в тылу и предоставив все делать вермахту, смогла бы претендовать в послевоенной Германии на сколь-либо значительное место в обществе. Нацистское руководство сплошь состояло из ветеранов и героев Первой мировой войны, поэтому оно чрезвычайно ценило боевое товарищество, самоотверженность, героизм, верность воинскому долгу и прочие атрибуты патриотизма и любви к родине. Именно вследствие этого осознанного стремления утвердиться и в собственном мнении, и в мнении других, бойцы Ваффен-СС стали лучшими солдатами войны, «солдатами уничтожения». Как это ни странно, но один из самых жестоких лагерных комендантов, Теодор Эйке, был командиром одного из самых известных и бое-

способных немецких фронтовых соединений - танковой дивизии «Мертвая голова», солдаты которой одновременно служили в охране лагерей. Таким образом эсэсовское руководство хотело подчеркнуть, что они лучше всех делали самую тяжелую и опасную работу на фронте и одновременно самую грязную и неблагодарную работу в тылу, перевоспитывая или уничтожая и «внутренних врагов» рейха.

Гитлер сразу оговорил, что войска особого назначения СС будут действовать в составе армейских частей и подлежать их юрисдикции, а в политическом отношении они останутся подразделениями партии. По словам Гитлера, СС будут обеспечивать безопасность рейха изнутри, а вермахт — извне. Вскоре Гитлер оговорил и то, что части СС не должны превышать по численности 10% от состава вермахта мирного времени. В этом соотношении было некоторое преимущество: дело в том, что вермахт, развертывая сразу 56 дивизий (в войну в три раза больше), должен был довольствоваться тем человеческим материалом, который был, а СС могли выбирать. К тому же Гитлер освободил от воинской службы тех молодых людей, которые служили в СС. За три года желающий вступить в ряды СС должен был пройти путь от соискателя (*Staffel-Bewerber*) до новобранца (*Staffel-Jungmann*), от новобранца до кандидата (*Staffel-Anwärter*), от кандидата до члена отряда (*Staffel-Mann*), от члена отряда — до полноправного эсэсовца (*SS-Mann*). Гиммлер придавал большое значение тому, чтобы СС, будучи элитой общества, сами на классы и группы не распадались, но культивировали особое товарищество. В этом товариществе различия в званиях имели только функциональное значение, но никаких преимуществ не давали⁵⁵⁵.

Требования СС к физической подготовке рекрутов были значительно выше, чем в вермахте, зато образованию там уделяли гораздо меньше внимания. Обра-

звательные требования к кандидатам в офицеры в СС были значительно ниже, чем в армии. Вследствие высоких требований к физическим кондициям рекрутов, большая часть солдат Ваффен-СС были из сельской местности, а крестьянам, разумеется, легче преодолевать тяготы полевой жизни; выходцы из деревни во всех армиях мира были лучшими солдатами. Все поступавшие в СС должны были подтвердить свое арийское происхождение, судимым в СС не было места, рекруты должны были иметь железное здоровье. Во время войны Ваффен-СС получили возможность комплектовать свои подразделения из числа этнических немцев, что было недоступно вермахту, в котором служили только граждане рейха. Благодаря этой уловке, части Ваффен-СС отличались от частей вермахта (постоянно страдавшего от недобора призывников) полной комплектацией личного состава.

Главным инспектором зарождавшихся формирований приказом Гимmlера был назначен ветеран Первой мировой войны, офицер Генштаба в отставке Пауль Хауссер. Именно он отвечал за боевую подготовку эссовских «отрядов для поручений», а затем Ваффен-СС (с 1940 г.). Хауссер, несомненно, был выдающимся военным педагогом, но действовавшим преимущественно в рамках старой традиции рейхсвера. В избрании и утверждении новых акцентов в процессе боевой подготовки Хауссеру некоторое время противостоял бывший прусский лейтенант Феликс Штайнер, уволенный из армии в 1919 г. и оставшийся не у дел. Единомышленником Штайнера был ветеран мировой войны, бывший командир подводной лодки Кассиус фон Монтаньи.

На Феликса Штайнера большое впечатление произвел опыт Первой мировой войны, а также теоретическая работа Лиддела Гарта «Будущее пехоты»⁵⁵⁶, которая окончательно убедила его в том, что будущее не

за массовой армией, а за элитными войсками, в совершенстве владеющими оружием и техникой. Такого рода элитные части в рейхсвере были созданы в конце 1916 г. — они представляли собой штурмовые батальоны при каждой армии или эквивалентном соединении. В 1917 г. было сформировано не менее 17 таких батальонов. Они имели те же номера, что и в армии. Штурмовые батальоны включали от одной до пяти штурмовых рот, одну — две пулеметные роты, огнеметную секцию, минометную роту и оружейную батарею. Штурмовые батальоны по своей сути отличались от других частей немецкой армии. С самого начала они считали себя — и были на самом деле — элитными частями. Дисциплина в этих батальонах была необычной — рядовых и офицеров не разделяла традиционная разобщенность. Штурмовые батальоны получали лучшее питание, они были освобождены от скучных будней окопной войны и имели больше возможностей для отдыха. С другой стороны, требования к их воинским способностям были намного выше.

Упорство и безжалостность этих солдат хорошо описал Эрнст Юнгер — сам офицер штурмового батальона и один из самых знаменитых героев Первой мировой войны, кавалер высшего прусского воинского ордена *Pour le mérite*, — в повести «В стальных грозах»: «Наши чувства определялись яростью, алкоголем, жаждой крови. По мере того как мы с трудом, но непреклонно продвигались к вражеским линиям, я кипел от ярости, которая охватывала меня и всех нас непонятным образом. Непреодолимое желание убивать придавало мне силы. Ярость выжимала слезы из моих глаз. Оставался только первобытный инстинкт»⁵⁵⁷.

Штайнер, взяв за образец штурмовые батальоны, в своих военно-педагогических экспериментах ограничился первоначально только одним батальоном; затем его педагогические методы были распространены по-

чти на все Ваффен-СС. Он ликвидировал казарменную муштру, поставив в центр обучения спорт. Он воспитывал солдат, которых впоследствии Лиддел Гарт называл атлетами войны, идеалом современного пехотинца. Для Штайнера самым главным было ликвидировать различия и разделение между рядовым и командным составом, воспитание истинного товарищества в частях. Подготовка офицеров осуществлялась в юнкерских школах СС, которые, несомненно, образовывали лучшую систему военного обучения в годы Второй мировой войны⁵⁵⁸. Штайнер и многие его сторонники в СС рассматривали мистицизм Гиммлера как никчемное чудачество, и на первый план в своей работе ставили задачи боевой подготовки и военно-политического воспитания⁵⁵⁹. В соответствии с этими установками, офицеры и унтер-офицеры вместе с рядовыми должны были принимать участие в спортивных единоборствах: это было одним из средств ликвидировать ранговые отличия. При обращении к офицеру не использовалось слово «господин» (*Herr*), как в вермахте, но только назывался ранг. Между офицерами и рядовыми в войсках Ваффен-СС, как ни в какой другой армии, ощущались узы боевого товарищества. Ко всему прочему, солдаты Ваффен-СС, как правило, были горячими сторонниками национал-социализма, и это особенно отчетливо ощущалось на Восточном фронте: эсэсовцы гораздо серьезнее, чем вермахт, воспринимали декларированную Гитлером «борьбу с большевизмом, Советами и евреями».

Штайнер отбирал офицерские кадры не по принципу знатности происхождения, а по истинным заслугам и качествам командира и лидера. Будущие юнкера офицерских школ СС перед вступлением в школу должны были пройти двухлетнюю службу в армии, что делало преимущество в образовании или происхождении неактуальным. В Ваффен-СС все возможности для ро-

ста в звании были открыты. Американский историк Джордж Стейн писал, что в Ваффен-СС между офицерами, унтер-офицерами и рядовыми было чувство общности и взаимного уважения, что практически не было известно в вермахте⁵⁶⁰. Штайнер и в боевой учебе пошел совершенно неведомым ранее путем: он стремился превратить свои войска в ударные отряды, способные моментально и эффективно входить в непосредственное соприкосновение с врагом. С этой целью вместо стоявших на вооружении армии карабинов вводилось автоматическое ручное стрелковое оружие (автомат *MP-38* и *MP-40*). Штайнер ввел — и требовал неукоснительного выполнения — невероятно высокие нормативы физической подготовки: его отряд в боевом снаряжении броском преодолевал 3 км за 20 минут⁵⁶¹. Программу боевой подготовки, разработанной Штайнером, перенял Теодор Эйке для подготовки танковой дивизии «Мертвая голова», а также другие подразделения Ваффен-СС. «Модель Штайнера», однако, не была обязательной для всех частей Ваффен-СС; многие командиры отдельных подразделений (как Зепп Дитрих, командир «Лейбштандарта», или Карл Мария Деммельхубер, командир «Германии»), не признавали возможным достижение тех спортивных результатов, которые требовал Штайнер.

Штайнер настоял на том, чтобы все подразделения Ваффен-СС были моторизованными; по его инициативе солдаты Ваффен-СС первыми стали носить камуфляжную форму, за это в вермахте их прозвали «древесные лягушки». В войну Штайнер первоначально командовал пехотной дивизией Ваффен-СС «Германия», затем он возглавил самое знаменитое (после дивизии «Рейх») соединение Ваффен-СС — дивизию «Викинг», потом 3-й танковый корпус и 2-ю танковую армию. Именно благодаря Штайнеру «Викинг» стал наилучшим из добровольческих формирований СС, а его сол-

даты — самыми лучшими и самыми стойкими во всей германской армии.

Успехи эсэсовских «отрядов для поручений» в боевой учебе и всей методике Штайнера не могли заслонить того факта, что в СС не хватало опытных офицеров, которых воспитывали бы из поколения в поколение, как в вермахте. В вермахте 49 % офицеров были потомственными военными, в Ваффен-СС — 5 %; в вермахте 2 % офицеров были из крестьян, в Ваффен-СС — 90 %⁵⁶². Армия чувствовала нарастающую конкуренцию со стороны СС, поэтому было запрещено формировать более крупные, чем дивизия, подразделения Ваффен-СС, иметь артиллерию; вербовка в части Ваффен-СС через газеты была запрещена. Гитлер неоднократно повторял, что численность Ваффен-СС не должна была превышать 10 % численности армии мирного времени. Впрочем, для осуществления Арденнского прорыва, в сентябре 1944 г. по распоряжению Гитлера была сформирована танковая армия Ваффен-СС (6-я), командиром этого подразделения стал Зепп Дитрих, долгое время бывший командиром «Лейбштандарта Адольф Гитлер», а затем дивизии Ваффен-СС «Адольф Гитлер»⁵⁶³, которая на последнем этапе войны была переведена в Венгрию, где и сложила оружие.

Собственно говоря, человеком, который смог по-настоящему освободить Ваффен-СС от опеки вермахта и сделать их самостоятельными частями, стал бригаденфюрер (генерал) СС Готтлоб Бергер, который возглавил Главное управление СС в 1938 г. Это ведомство в войну растеряло большую часть своих функций, но с 1941 г. Бергер отвечал за пополнение личного состава Ваффен-СС; его заслугой является и комплектование частей Ваффен-СС из числа этнических немцев, и создание различных национальных вспомогательных формирований Ваффен-СС. За оперативный контроль над Ваффен-СС, организацию снабжения, подготов-

ку и мобилизацию в Ваффен-СС солдат отвечал не менее энергичный офицер Ганс Ютнер, стоявший во главе главной оперативной штаб-квартиры Ваффен-СС.

Другим видным представителем Ваффен-СС был выходец из Эльзаса, патологический садист Теодор Эйке, осознанно воспитывавший подчиненных в духе противостояния армии. Убийца Рема и изобретатель бюрократизированной системы террора в концлагерях, Эйке имел идефикс, что его войска должны быть антиподом армии. В 1935 г. он сформировал и оснастил техникой шесть батальонов полка «Мертвая голова»; с 1938 г. батальоны были расширены до полков, каждый из которых носил названия мест своей дислокации. Солдаты «Мертвой головы» одну неделю в месяц охраняли концлагеря, а три остальных недели занимались боевой подготовкой.

19 августа 1939 г., накануне войны с Польшей, приказом Гитлера части СС-ФТ были подчинены ОКХ: «Лейбштандарт» перешел в подчинение 8-й армии (Бласковиц), полк «Германия» — 14-й армии (Лист). Из всех полков СС-ФТ в польской кампании не принимал участие только полк «Дойчланд». Находившимся под командованием Теодора Эйке полкам СС-ТФ «Верхняя Бавария», «Тюрингия» и «Бранденбург» была поручена особая задача — в качестве независимых от ОКХ опергрупп заниматься «зачисткой» тылов 10-й и 8-й армий. По существу, они первыми и начали систематическое уничтожение «нежелательных элементов»⁵⁶⁴. В октябре 1939 г. полки СС-ТФ были преобразованы в дивизию «Тотенкопф». Почти тогда же из подразделений «полиции порядка» была сформирована «Полицейская дивизия СС». Две недели спустя после начала Польской кампании уже существовала армия СС-ФТ: три укомплектованные дивизии и четвертая, находящаяся в стадии формирования на базе «Лейб-

штандарта». С начала ноября 1939 г. и стали употреблять новое обозначение «Ваффен-СС», которое постепенно вытеснило старые названия СС-ФТ и СС-ТФ⁵⁶⁵.

Сильное расширение Ваффен-СС в войну не выглядело необычным — в войну происходит мобилизация всех сил нации: вермахт увеличился в девять раз, военное производство выросло в пять раз. Разве на этом фоне СС не могли внести свой вклад в общие усилия нации? Правда, ранее в военной сфере компетентны были только вооруженные силы... Официальные ээсовские объяснения сводились к необходимости во время войны организации «внутренней защиты» государства. В мирное время 10% формирований СС были вооружены, что объяснялось отчасти их внутривнутриполитическими задачами (СС-ТФ), отчасти необходимостью подкреплять оружием политический авторитет. Наличие же этих вооруженных сил побуждало руководство СС в войну их расширять для собственной легитимации и приобретения высокого реноме в послевоенной Германии⁵⁶⁶.

После начала польской кампании Гитлер разрешил формировать дивизии Ваффен-СС, и в 1940 г. были созданы ээсовские дивизии «Мертвая голова», «Викинг» и «Рейх». После создания этих подразделений охрана концлагерей перешла к небоеспособной части ээсовского воинства. В конце войны в Ваффен-СС служил почти миллион солдат; с 1943 г. в Ваффен-СС призывали, как в армию: они перестали быть добровольческими частями. С 1940 г. кадры для Ваффен-СС стали активно черпать из среды фольксдойч, которые составили в войсках Ваффен-СС 1/4 численности. Руководство вермахта уже в 1940 г. было обескуражено мощью и напором военных атлетов из дивизий Ваффен-СС. Их боевая мораль и презрение к смерти были исключительны даже для вермахта; так, танковый генерал вермахта Эрих Гепнер однажды следующим образом

отозвался об Эйке: «У него менталитет мясника». Жестокость Эйке распространялась не только на узников концлагерей: командир XVI-го корпуса генерал Гепнер в 1940 г. назначил расследование по случаю убийства в Ле Пароди солдатами «Мертвой головы» британских пленных, но Гиммлер спустил это дело на тормозах. Командир полка Фриц Кнохляйн, ответственный за убийства, после войны был американцами судим и повешен⁵⁶⁷.

Командиры Ваффен-СС не боялись рисковать жизнями своих солдат, поэтому потери в Ваффен-СС подчас бывали неслыханно высоки для вермахта. Хотя, с другой стороны, нужно иметь в виду, что однородных Ваффен-СС не было, но были 36 огромных подразделений, совершенно различных по качеству и боеспособности. Рюдигер Оверманнс показал, что в целом потери Ваффен-СС были не выше потерь в среднем по вермахту — проблема в том, какую конкретно задачу исполняло то или иное подразделение⁵⁶⁸.

От сражения к сражению Ваффен-СС все более явно становились военной элитой нации. Когда Красная армия перешла в контрнаступление, то Ваффен-СС стали для немцев олицетворением солдатской стойкости и верности долгу. В Ваффен-СС дрались солдаты, успехи и самоотдача которых в войну не были никем ни достигнуты, ни превзойдены. Рюдигер Оверманнс установил, что потери Ваффен-СС составили 314 тысяч убитыми — 70 % пришлось на последние 16 месяцев войны. На Восточный фронт приходится 37 % от этих потерь, у вермахта — 60 %⁵⁶⁹. Из всей совокупности гитлеровских сухопутных воинских формирований Ваффен-СС были самыми современными и эффективными. Сами солдаты были чрезвычайно горды своим товариществом и отстаивали его честь, как только могли. Английский историк Тревор-Роупер писал, что бойцы «Лейбштандарта», в 1945 г. за неудачу в одной опе-

рации лишенные Гитлером права носить нарукавные повязки, отправили ему все свои награды и знаки отличия в казарменной параше⁵⁷⁰. Это, скорее всего, легенда. На самом деле, после неудачи 6-й танковой армии Зеппа Дитриха в Венгрии в марте 1945 г. Гитлер послал в армию приказ, в котором говорилось, что войска не сражаются, как того требует ситуация, и что дивизии «Лейбштандарт», «Рейх», «Мертвая голова» и «Гогенштауфен» лишаются нарукавных лент. О том, что произошло после получения приказа, рассказывают по-разному; сообщение Тревора-Роупера — один из вариантов. Сам Дитрих говорил следователю в 1946 г., что тогда он вызвал к себе дивизионных командиров и, бросив на стол приказ, сказал: «Вот ваша награда за то, что вы сделали в последние пять лет». Дитрих приказал ленты не спарывать, а Гитлеру написал, что скорее застрелится, чем выполнит этот приказ⁵⁷¹. Тем не менее, ясно, что своей воинской честью в Ваффен-СС на самом деле дорожили.

Впрочем, со временем качество войск Ваффен-СС падало. Одна треть дивизий Ваффен-СС получила 90 % всех Рыцарских крестов, которыми были награждены солдаты Ваффен-СС⁵⁷². На четыре дивизии Ваффен-СС (из 38) — «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Викинг» — приходится 55 % боевых наград Ваффен-СС: то есть части эти были крайне неравноценны. Это происходило из разнообразия источников формирования: в 1944 г. в Ваффен-СС служило 400 000 рейхсдойч, 310 000 фольксдойч, 50 000 представителей германских народов, 150 000 прочих⁵⁷³.

Количество кавалеров Рыцарского креста в дивизиях Ваффен-СС (первая цифра указывает на время формирования дивизии по порядку):

2-я Танковая дивизия СС «Дас Рейх» — 72

5-я Танковая дивизия СС «Викинг» — 54

1-я Танковая дивизия СС «Лейбштандарт» — 52

3-я Танковая дивизия СС «Мертвая голова» — 46
 11 -я Добровольная танковая гренадерская дивизия
 СС «Норланд» — 27
 8-я Кавалерийская дивизия СС «Флориан Гайер» — 23
 23-я Добровольная танковая дивизия СС «Недер-
 ланд» — 20
 4-я Полицейская гренадерская танковая дивизия
 СС - 19
 12-я Танковая дивизия СС «Гитлер-Югенд» — 15
 10-я Танковая дивизия СС «Фрундсберг» — 13
 9-я Танковая дивизия СС «Гогенцоллерны» — 12
 19-я Гренадерская дивизия СС (литовская № 2) — 12
 7-я Горная добровольческая дивизия СС «Принц
 Ойген» — 6
 6-я Горная дивизия СС «Норд» — 5
 18-я Добровольная танковая гренадерская дивизия
 СС «Хорст Вессель» — 5
 22-я Добровольная кавалерийская дивизия СС — 5
 13-я Горная дивизия СС «Хандшар» — 4
 17-я Добровольная танковая гренадерская дивизия
 СС «Гетц фон Берлихинген» — 4
 20-я Гренадерская дивизия СС (эстонская № 1) — 4
 15-я Гренадерская дивизия СС (литовская № 1) — 3
 28-я Добровольная танковая гренадерская дивизия
 СС «Валлония» — 3
 33-я Гренадерская дивизия СС «Карл Великий» — 2
 14-я Гренадерская дивизия СС (галицийская № 1) — 1
 16-я Танковая гренадерская дивизия СС «Рейхсфю-
 рер СС» — 1
 27-я Добровольная гренадерская дивизия «Ланген-
 марк» — 1
 36-я Гренадерская дивизия СС — 1
 Всего: 410 кавалеров Рыцарского креста.

Из этого числа кавалеров Рыцарского креста в Ваффен-СС: генералов — 17 (3,8 %), других офицеров —

337 (75,6 %), унтер-офицеров — 78 (17,5 %), рядовых — 13 (3%)⁵⁷⁴.

Как для вермахта, так и для Ваффен-СС война на Восточном фронте носила характер идеологического противостояния, ни о какой «войне по правилам» и речи не могло быть; Советский Союз был жертвой неспровоцированной агрессии, но Красная армия отвечала жестокостью на жестокость. Карусель кровопролития и бесчеловечности раскрутилась в полной мере. К примеру, когда бойцы «Лейбштандарта» взяли Таганрог, ими были обнаружены тела их попавших в плен товарищей, буквально изрубленные на куски саперными лопатами; Зепп Дитрих отдал приказ в течение трех дней пленным не брать - в результате было расстреляно 4000 бойцов Красной армии⁵⁷⁵.

Трудно однозначно судить о преступлениях Ваффен-СС на Восточном фронте, они не особенно отличались от преступлений вермахта. Правда, среди частей Ваффен-СС были подразделения, которые часто использовали как карательные. Так, в такого рода операциях эсэсовские кавалерийские подразделения Фегелейна до 13 августа 1941 г. уничтожили в районе Припятских болот 14 тысяч человек, преимущественно евреев. При этом части Фегелейна потеряли двух бойцов — ясно, что речь шла не о военных действиях. На Украине дивизия «Викинг» в ходе акции возмездия уничтожила 600 галицийских евреев; дивизия «Рейх» помогала опергруппе полиции безопасности и СД в уничтожении евреев под Минском. В Харькове в 1943 г. «Лейбштандарт Адольф Гитлер», мстя за смерть в плену своих товарищей, уничтожила 800 раненых красноармейцев⁵⁷⁶. Впрочем, подобные акции «возмездия» осуществляли и части вермахта.

Но и потери самих Ваффен-СС были большими. Командиры Ваффен-СС не щадили подчиненных. Гитлер был в восторге от их стойкости. Его личная гвар-

дия «Лейбштандарт» отличилась в тяжелейших боях под Ростовом в ноябре 1941 г. Командир «Лейбштандарта» Зепп Дитрих весь январь 1942 г. провел в Берлине, где с ним носились, как с кинозвездой. Гитлер хотел сделать из Дитриха настоящего героя Третьего Рейха. Геббельс писал: «Фюрер желал, чтобы достижениям Зеппа Дитриха была придана еще большая известность. Он не должен быть «белой вороной» (в вермахте к Ваффен-СС относились подчас снисходительно. — *О. П.*) среди других генералов»⁵⁷⁷. Сразу после прибытия Дитрих на три ночи остановился в рейхсканцелярии как личный гость Гитлера. Он был награжден Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. Пропаганда повторяла слова фюрера: «Роль Зеппа Дитриха уникальна. Я всегда предоставлял ему возможность отличиться в горячих точках. Этот человек одновременно ловкий, энергичный и жесткий. У него серьезный, добросовестный и скрупулезный характер. А как он заботится о своих солдатах! Он человек того же типа, что и Фрундсберг, Цитен и Зейдлиц. Он — Баварский Врангель, в определенной степени человек незаменимый. Для немецкого народа Зепп Дитрих — национальное явление. А для меня он — один из старейших боевых товарищей»⁵⁷⁸. Эффективность и воинские успехи «Лейбштандарта» побудили Гитлера 10 декабря 1942 г. объявить, что он переформируется в танковую гренадерскую дивизию «Лейбштандарт». Эта реорганизация привела к увеличению численности дивизии до 21 тысячи солдат⁵⁷⁹. «Лейбштандарт» постепенно стали отличать даже противники — когда 5-й батальон «Лейбштандарта» появился под Ленинградом, советские войска его сразу узнали и кричали в громкоговоритель: «Мы приветствуем «Лейбштандарт»! Вспомните Ростов! Мы побьем вас здесь, как побили на юге!»⁵⁸⁰.

Хотя Гитлер и Гиммлер были в восторге от героизма Ваффен-СС на Восточном фронте, но огромные не-

мецкие потери и нарастающее сопротивление Красной армии с 1942 г. уже ни у кого не вызывало сомнений в том, что война будет длительной, поэтому Гитлер с 1943 г. разрешил формировать части Ваффен-СС не на добровольной основе, а на основе призыва. С этого момента различия между массой солдат вермахта и массой солдат Ваффен-СС стали стираться, и распространять на всех солдат Ваффен-СС обвинения в преступлениях против человечности несправедливо по той причине, что многие части Ваффен-СС воевали только на фронте, и в каких-либо карательных экспедициях участия не принимали. Шпеер пишет, что и Ваффен-СС иногда вели себя не как идеологическое войско, а как простые солдаты: 2-й танковый корпус Ваффен-СС генерала Битриха разгромил английскую воздушно-десантную дивизию и разрешил англичанам не эвакуировать их полевой госпиталь. Но тут партийные функционеры устроили самосуд над находившимися там английскими и американскими летчиками. Все усилия Битриха остановить самосуд оказались напрасными, и он резко упрекал за него партийцев. Это произвело сильный эффект на окружающих хотя бы уже потому, что упреки в беспричинной жестокости высказывал генерал Ваффен-СС⁵⁸¹.

Можно привести и противоположный пример — командир 25-го полка дивизии Ваффен-СС «Гитлер-Югенд» Майер был признан виновным в убийстве в Нормандии (8 июня 1944 г.) сорока пяти канадских пленных. Дитрих, как командующий армией, оправдывался тем, что он организовал и вел расследование по этому инциденту⁵⁸². Но, в принципе, война на Западе велась по-другому. Здесь подразумевалось, что обе стороны придерживаются законов ведения войны. Но и здесь отмечались проявления жестокости, что не удивительно: ведь шла война. Американцы также виновны в проявлениях жестокости — так, в литературе упо-

минается о приказе по 328-му пехотному полку 26-й пехотной дивизии США от 21 декабря 1944 г.: «никого из войск СС и парашютистов в плен не брать, а расстреливать на месте»⁵⁸³. Между тем месть в Женевской конвенции не считается оправданием, и, следовательно, американцы также виновны в жестокости. Разница лишь в том, что они оказались победителями.

Общее ожесточение войны особенно велико было на Восточном фронте, что, разумеется, коснулось и Ваффен-СС. Так, по горячим следам, 15—18 декабря 1943 г., после освобождения Харькова советскими войсками, состоялся показательный суд над военными преступниками. Свидетели показали, что 13 марта 1943 г. солдаты «Лейбштандарта» подожгли эвакогоспиталь советской 69-й армии, находившийся на улице Тринклера, а советских солдат, пытавшихся спастись из огня, расстреливали из автоматов. Обвиняемые были признаны виновными, а заключение суда гласило, что Зепп Дитрих также виновен и должен понести заслуженное наказание. Несмотря на приговор показательного советского суда, во многом пропагандистского, трудно установить истинную картину произошедшего, поскольку обстрел госпиталя имел место во время боя. В 1967 г. в Нюрнберге по этому делу было проведено дополнительное расследование; суд счел, что доказательств для установления виновных недостаточно, и дело было прекращено⁵⁸⁴. На следствии после войны Дитрих, разумеется, оправдывался: «Я могу взять на себя ответственность только за то, чему я не сопротивлялся. Я хочу заступиться за людей, которых я когда-то вел. Я не подписывал ни одного приказа о расстрелах евреев и сожжении сел. Я не приказывал грабить захваченные города. Поэтому я хочу разъяснить, как было дело, и постоять за своих людей»⁵⁸⁵. Генерал Шпайдель, участвовавший в Сопротивлении, указывал в воспоминаниях, что части Ваффен-СС сражались

храбро и жестко контролировались своими командирами до самого конца. Генерал писал: «Справедливости ради следует сказать о войсках Ваффен-СС, что они совсем не отождествляли себя с полицейскими подразделениями, им были чужды методы их “работы”»⁵⁸⁶.

В Греции и Югославии «Лейбштандарт» не был замечен в жестокости и недисциплинированном поведении. Обращение с пленными англичанами и греками было нормальным. В России же все было по-другому, учитывая фанатизм, с которым вели войну обе стороны. Жестокость была взаимной. Упомянутый выше инцидент в Таганроге — тому свидетельство. Рудольф Леманн в своей истории «Лейбштандарта» писал, что один из свидетелей идентификации тел солдат «Лейбштандарта», погибших в Таганроге, рассказывал: «Трупы были раздеты и сильно изуродованы. Многие из тех, кто считался пропавшим без вести, были убиты, забиты до смерти, с отрезанными конечностями и выколотыми глазами. Их трудно было опознать... Теперь мы знали, что нас ждет, если мы окажемся в советском плену»⁵⁸⁷. Жестокость, проявляемая обеими сторонами, была ужасна. Как вермахт, так и Ваффен-СС ответственны за многое, особенно после того, как развернулась партизанская война.

В 1942 г. большое число советских солдат, как и в 1941 г., оказались в окружении, но на этот раз они не спешили сдаваться, продолжая сражаться, ведя партизанскую войну. Борьбу с партизанами вермахт считал ниже своего достоинства, а отборные части Ваффен-СС пускать на борьбу с партизанами было нецелесообразно, поэтому в оккупированные на Востоке районы стали перебрасывать большое количество полицейских частей, которые подчинялись Гиммлеру. Эти полицейские формирования из солдат запаса старших возрастов и части добровольцев СС из местного населения повинны во многих преступлениях, в том числе в мас-

совых убийствах евреев. Нужно подчеркнуть, что полицейские части не обязательно были немецкими. С 1940 г. Готлоб Бергер разбросал вербовочные пункты по всей Европе, даже на Востоке Бергер распорядился брать рекрутов из местного населения в части Ваффен-СС. По мере расширения масштабов войны, расширялись и Ваффен-СС; к 1944 г. их численность составила 950 000 солдат (36 дивизий). В Ваффен-СС служили и иностранцы (данные на начало 1944 г.): 18 473 голландца, 5033 фламандца, 5006 датчан, 3878 норвежцев, 2480 французов, 1812 валлонов, 584 швейцарца, 101 швед, боснийцы, хорваты, албанцы, татары, казаки, кавказцы. К январю 1944 г. иностранцев в Ваффен-СС было 37 367⁵⁸⁸. Значительное расширение численности Ваффен-СС в заключительной стадии войны не привело к повышению их ударной силы: ядро Ваффен-СС по-прежнему составляли испытанные в боях и обладавшие большим боевым опытом шесть-семь дивизий⁵⁸⁹.

Таким образом, в отношении Ваффен-СС предстает довольно неоднозначная картина: с одной стороны, это фронтовые части, которые просто исполняли свой воинский долг, а с другой стороны — убийцы и каратели, действовавшие в тылу. Поэтому судить о Ваффен-СС как о чем-то цельном нельзя — следует дифференцировать суждения о различных подразделениях этих войск. Ошибка многих исследователей состоит в том, что они стремятся создать обобщенный образ эсэсовца — такового на самом деле не было.

Немецкий историк Бернд Вегнер писал: «Анализ истории развития Ваффен-СС показывает, что их нельзя рассматривать отдельно от истории нацистского государства, отделяя их от злодейского характера этого государства и представляя как обычных солдат. Самая непосредственная политическая и мировоззренческая связь Ваффен-СС и нацистского режима не оставляет никаких сомнений в характере Ваффен-СС и

делают их частью нацистской традиции и нацистских преступлений»⁵⁹⁰. Это так, но все же следует и в этом вопросе рассматривать конкретные преступления, конкретных людей и конкретные обстоятельства, поскольку Ваффен-СС были слишком велики, чтобы можно было считать их однородной преступной массой. Позволяет так говорить уже то, что в последней стадии войны в Ваффен-СС призывали, как в армию, а не формировали эти части на принципе добровольности.

В итоге следует подчеркнуть, что многие герои войны не видели зла, заключенного в политической системе Германии, ради которой они рисковали жизнью, не видели безумия нацистской доктрины. Они не видели, что большинство традиционных ценностей ушло в небытие и погибло. Они не видели, что страна идет страшным путем, и что ее будущее туманно, но винить этих людей в неведении сложно. Войска Ваффен-СС можно характеризовать словами фельдмаршала фон Манштейна: «Как бы храбро ни сражались войска Ваффен-СС, каких бы прекрасных успехов они ни достигали, все же не подлежит никакому сомнению, что создание этих особых военных формирований было непростительной ошибкой. Отличное пополнение, которое в армии могло бы занять должности унтер-офицеров, в войсках СС так быстро выбывало из строя, что с этим никак нельзя примириться. Пролитая кровь ни в коем случае не окупилась достигнутыми успехами. Вину за эти ненужные потери несут те, кто формировал эти особые соединения из политических соображений, вопреки возражениям всех компетентных армейских инстанций. Нельзя забывать, что бойцы Ваффен-СС на фронте были хорошими товарищами и показали себя храбрыми и стойкими солдатами. Несомненно, большая часть состава Ваффен-СС приветствовала бы выход из подчинения Гиммлеру и включение в состав сухопутной армии»⁵⁹¹.

Глава IV

СОЮЗНЫЙ ШТУРМ «КРЕПОСТИ ЕВРОПА»

«Во время войны не может произойти ничего такого, что сделает последующий мир невозможным».

(И. Кант)

Восточный фронт в кампанию 1944 года и немецкое общество

Один перечень врагов Третьего Рейха производит впечатление: 1 сентября 1939 г. — Польша; 3 сентября 1939 г. — Англия, Франция, Австралия, Индия, Новая Зеландия; 19 сентября — Южно-Африканский Союз и Канада; 9 апреля 1940 г. — Норвегия, Дания; 10 мая 1940 г. — Бельгия, Люксембург, Голландия; 6 апреля 1941 г. — Югославия; 8 апреля 1941 г. — Греция; 22 июня 1941 г. — СССР; 8 декабря 1941 г. — Китай; 11 декабря 1941 г. — США, Доминиканская республика, Гватемала, Куба, Никарагуа; 12 декабря 1941 г. — Сальвадор, Гаити, Гондурас; 16 декабря 1941 г. — Чехословакия; 13 января 1942 г. — Панама; 28 мая 1942 г. — Мексика; 2 августа 1942 г. — Бразилия; 9 октября 1942 г. — Абиссиния; 16 января 1943 г. — Ирак; 7 апреля 1943 г. — Боливия; 9 сентября 1943 г. — Иран; 13 октября 1943 г. — Италия; 27 ноября 1943 г. — Колумбия; 26 января 1944 г. — Либерия; 15 августа 1944 г. — Румыния; 8 сентября 1944 г. — Болгария; 21 сентября 1944 г. — Сан-Марино; 31 декабря 1944 г. — Венгрия; 2 февраля 1945 г. — Эквадор; 8 февраля 1945 г. — Парагвай; 12 февраля 1945 г. — Перу; 14 февраля 1945 г. — Чили; 15 февраля 1945 г. — Уругвай; 16 февраля 1945 г. — Венесуэла; 23 февраля 1945 г. — Турция; 24 февраля 1945 г. — Еги-

пет; 26 февраля 1945 г. — Сирия; 27 февраля 1945 г. — Ливан; 1 марта 1945 г. — Саудовская Аравия; 3 марта 1945 г. - Финляндия; 27 марта 1945 г. — Аргентина.

Перед таким количеством врагов ни одна армия в мире не смогла бы устоять, и следует особенно отметить высокие боевые качества немецкой армии и искусство ее командиров, — как это ни парадоксально звучит, — в завершающий период, когда немцы вели оборонительные бои. Значение этих достижений в продлении войны и настоящая цена их стала ясна только сейчас. Упорство солдат было тем более достойно удивления, что собственно в Германии вера в победу начала постепенно таять. Эти сомнения питала информация, исходившая от фронтовиков: о чудовищном численном и материальном превосходстве Красной армии, о ее значительно выросшем мастерстве и напоре⁵⁹². Эти сведения соответствовали действительности: немецкие пехотные дивизии насчитывали от половины до трети штатного состава. В целом, к началу октября 1943 г. на Восточном фронте против 8400 советских танков было 700 немецких⁵⁹³. В летнюю кампанию 1944 г. немецкая армия готовилась к отражению беспримерных по силе ударов с Востока и Запада. В своих воспоминаниях соратник Наполеона генерал Максимилиан Фуа писал, что солдаты Наполеона шли к Ватерлоо «без страха и без надежды». Это выражение точно передает настроение большинства немецких офицеров в первые месяцы 1944 г. Солдаты были настроены более оптимистически, так как в тактическом отношении вермахт все еще превосходил любого из своих противников, и потому вера солдат в своих офицеров и в германскую боевую технику пока оставалась непоколебимой. Авторитет Гитлера также был велик: он по-прежнему вселял надежду на то, что сможет вывести страну из состояния агонии⁵⁹⁴.

Бывший офицер вермахта Теодор Фритце, имевший некоторые контакты с Сопротивлением, вспоминал,

что он не мог в конце 1943 г. сказать своим солдатам, что война проиграна. Единственное, что ему пришло в голову для объяснения и обоснования необходимости продолжать войну — это недопустимость выдачи женщин и детей на расправу «русскому». Если бы этот офицер начал обосновывать политическую необходимость войны, его бы высмеяли, но он затронул самую чувствительную струну, поскольку солдаты чувствовали себя брошенными, и единственное, что у них оставалось — это их родные и семьи, которые нужно защитить от «варваров». По Фритце, без этого важнейшего мотива, связанного с защитой Германии и Запада от «варварского большевизма», война в глазах солдат вермахта была бы простой бойней и серией преступлений ради имперских претензий, оказавшихся на поверку несостоятельными⁵⁹⁵.

Среди рядовых были такие же настроения — солдат-мемуарист Ги Сайер отмечал, что после Белгорода его части пришлось вести арьергардные бои: «Начатое с опозданием отступление осенью 1943 г. стоило вермахту гораздо больше жизней, чем унесло наступление. Мы тысячами мерзли в ту осень в украинской степи, а сколько героев погибло в боях, так и не получив признания! Даже упрямы, и те понимали, что неважно, с какой храбростью ты будешь сражаться и сколько русских убьешь. Ведь на следующий день появится еще столько же, а потом — еще и еще. Даже слепой видел, что русскими движет отчаянный героизм, и даже гибель миллионов соотечественников их не остановит. Было понятно, что при таких обстоятельствах выигрывает тот, кто обладает численным превосходством. Вот почему мы пали духом. И разве можно нас за это винить? Мы знали, что наверняка погибнем. Да, наша смерть позволит произвести переброску войск, послужит благой цели. Но мы не хотели умирать и принимались убивать всех без разбору, как бы в отместку за то,

что ждало нас впереди. Умирая, мы понимали, что так и не смогли отомстить. А если выживали, то превращались в безумцев и уже не могли жить в мирное время». Сайер писал, что немецким солдатам их командиры твердили, что на Днепре все будет проще — в итоге «иваны» не смогут прорвать оборону, а вермахт возобновит наступление весной⁵⁹⁶. Но весна 1944 г. принесла совсем другой поворот событий...

Ожидаемого немцами летнего наступления вермахта не последовало — в наступление перешла Красная армия. Английский генерал и военный историк Джон Фуллер указывал, что если западные военачальники усвоили выдвинутую Наполеоном теорию нанесения удара по главным силам противника и продолжения сражения до уничтожения этих сил, то советская теория состояла в том, чтобы наносить удары до тех пор, пока не иссякнет собственный наступательный порыв, или же сопротивление противника не окрепнет настолько, что сделает продолжение наступления невыгодным. Тогда наступление немедленно прекращалось и начиналось на каком-нибудь другом фронте. Следовательно, советская тактическая цель, как правило, заключалась в том, чтобы истощить противника, а не уничтожить его, если только уничтожение не сулило обойтись дешево. Территория и протяженность фронта позволяли осуществлять такую тактику в Восточной Европе и, наоборот, ограничивали ее применение на Западе⁵⁹⁷.

Такая советская тактика облегчалась и соотношением сил на Восточном фронте: если в середине 1943 г. немецкая сухопутная армия располагала 4,5 миллионами солдат, то через год их уже оставалось 4 миллиона, а к концу года — 3,6 миллиона. К середине 1944 г. немецкие войска насчитывали не более 2,2 миллиона солдат. В это время советские войска довольно часто прорывались в тылы противника крупными силами по той

причине, что Восточный фронт всегда (и особенно с 1944 г.) был тонким. Как вспоминал немецкий военный летчик Ганс Ульрих Рудель, «часто целые участки между временными опорными пунктами лишь патрулировались. Сбив цепь опорных пунктов, враг углублялся в незащищенную зону. Обширность территории России была для нее самым надежным союзником. Неистощимые людские ресурсы русских позволяли им большими массами легко проникать в любую плохо защищенную местность»⁵⁹⁸.

С другой стороны, именно в 1944 г. немецкое военное производство достигло пика — войска получали новое и более современное оружие: особенно хорош был новый пулемет МГ-42 и эффективное противотанковое оружие — «панцерфауст». Разумеется, решающим на войне является не оружие само по себе, а солдаты, но опытных и испытанных бойцов и командиров становилось все меньше, и от этого качество немецкой армии ухудшалось. В середине 1944 г. наблюдался некоторый рост немецких подвижных соединений: если за год до этого было 44 танковые дивизии, то теперь их стало 47 (31 танковая и 16 танковых гренадерских дивизий). Оснащены они были 150—200 танками в танковой дивизии и 50 танками или штурмовыми орудиями в танковой гренадерской дивизии⁵⁹⁹.

Большая часть проблем, связанных с доработкой «пантер», к зиме 1943—1944 гг. была преодолена. В принципе, «пантеры» превосходили Т-34, но не настолько, чтобы компенсировать их небольшое количество. Советская промышленность ответила выпуском тяжелого танка «Иосиф Сталин» (ИС), который, несмотря на малый вес (47 т), предназначался для установки 122-мм пушки. Подвижность его была значительно выше, чем у «тигра», что позволяло ему держаться вместе со всей массой наступавших танков — это для «тигров» было недостижимо. Поэтому «тигры» зачастую вынуждены

были действовать самостоятельно. К тому же именно с конца 1943 г. Красная армия по-настоящему начала пользоваться помощью, которая шла из США. Эта помощь со временем стала принимать все более продуманную форму и играть значительную роль в поддержании советской экономики. Советская сторона получила возможность сконцентрироваться на производстве вооружения, которое было лучше того, что предлагали союзники. Наверное, самой важной частью американских поставок были грузовики, особенно полугусеничные «уайты», благодаря которым пехота Красной армии стала весьма мобильной именно с 1943 г.⁶⁰⁰ К тому же к середине 1944 г. перед немецкими войсками на Восточном фронте находилось почти 6 миллионов советских солдат — это было почти тройное превосходство.

Из всех фронтов самые большие проблемы у Гитлера с начала 1944 г. были на Восточном фронте. Еще к концу сентября 1943 г. немцы отошли на линию Днпра и на укрепленный рубеж, который они возвели от Запорожья на юг. Рубеж проходил южнее Мелитополя до Азовского моря. Хотя немцы называли Днепр своей «зимней линией», у советской стороны не было желания оставлять их на этом рубеже на зиму. Поэтому вместо того чтобы остановиться на отдых и перегруппировку, они продолжали наступать.

В ответ на непрекращающееся в течение года после Курской битвы советское давление, никакой стратегической концепции у Гитлера не было. Как отмечал английский историк Алан Кларк, Гитлер не мог не знать, что делает, вернее, что он намерен делать, поскольку «он не был простым самодуром, передвигающим войска в зависимости от состояния своего пищеварения». Записи его рассуждений при рассмотрении отдельных тактических проблем показывают, что он был прони-

цателен и рационален. Но в целом проведение отступления после Курска доказывало, что Гитлер в одиночку сражался против мнения военных профессионалов. Отчасти это происходило от презрения Гитлера к Генеральному штабу. «Ни один генерал никогда не скажет, что он готов атаковать; ни один командир не начнет оборонительного боя, предварительно не оглянувшись в поисках «более короткой линии», — возмущался фюрер на одном из своих совещаний⁶⁰¹. Еще кажется, что Гитлер рассматривал опыт зимы 1941 г. как самый типичный — он считал, что — при условии «достаточной воли» — русских можно сдерживать и постепенно изматывать. Гибель же 6-й армии в его системе взглядов рассматривалась как следствие слабых флангов (румыны не выдержали...), а не превосходства Красной армии. Также следует помнить, что Гитлер был одержим идеей важности пространства, хотя он редко позволял своим командирам правильно использовать его при обороне. Казалось, на картах ОКБ фюрер видел бесконечные восточные территории, лежавшие между Красной армией и границей рейха. Точно так же он обманывал себя, подсчитывая свои дивизии «по количеству» и не обращая внимания на новое качество Красной армии.

Характерно развивались события и в Крыму. Выход в начале сентября 1943 г. 17-й армии генерал-полковника Еннеке с Кубанского плацдарма и ее переправа в Крым прошли без заметных потерь. Эту операцию немецкое командование назвало «Кримхильда» (игра слов — от Крым (*Krim*) и имени героини «Саги о нибелунгах»). За 34 дня через Керченский пролив было перевезено 227 484 немецких и румынских солдат, 72 899 лошадей, 28 486 рабочих, 21 230 автомобилей, 27 741 гужевое транспортное средство и 1815 орудий⁶⁰². Все происходило на виду у советского Черноморского фло-

та (в Батуми и Поти), однако Люфтваффе успешно обеспечило прикрытие операции «Кримхильда».

Исходя из количества противостоящих 17-й армии советских войск, ее следовало либо всю оставить в Крыму, либо очистить Крым и передать эту армию Манштейну на Миусский фронт. Гитлер избрал нелепый средний путь — часть 17-й армии была передана на фланг 6-й армии на Миусский фронт, а часть осталась в Крыму: он хотел убить двух зайцев. Генерал-полковник Еннеке, который командовал корпусом под Сталинградом, предчувствовал возможность блокирования своей армии в Крыму, поэтому он разработал план прорыва через Перекоп и соединения с основными частями вермахта на Днестре.

Прорыв 17-й армии готовился на 29 октября 1943 г., но 28 октября Гитлер запретил отход. Мог ли этот отход состояться — это другой вопрос, поскольку 30 октября 2-я гвардейская армия Толбухина вышла к Перекопу. Однако запрет Гитлера основывался на других соображениях. 17-й армии предстояло удерживать Крым до будущего 1944 г. с тем, чтобы воспрепятствовать превращению Крыма в советскую воздушную базу для налетов на румынские нефтяные месторождения или в советскую стартовую площадку для высадки на болгарском или румынском берегу. Также 17-я армия должна была угрожать советскому южному флангу на Большой земле. Гитлера поддержал адмирал Дениц — командующий Кригсмарине. Он считал, что уход из Крыма будет иметь серьезные последствия для ситуации на море, а что касается снабжения 17-й армии, то Кригсмарине сможет обеспечить доставку 50 тысяч тонн грузов в месяц. Если же возникнет необходимость эвакуации армии, то она будет обеспечена Кригсмарине за 40 дней.

Поначалу 17-я армия удерживала наступление советских войск и со стороны Керчи, и на Перекопе. Ста-

лин не хотел рисковать большими кораблями Черноморского флота и до поры не вводил их в дело⁶⁰³. Одесса была базой снабжения 17-й армии, но 10 апреля 1944 г. она перешла в руки Красной армии. 7 апреля началось советское наступление на Сиваше. 13 апреля советские войска были в Симферополе — за 12 часов до этого там находился командный пункт Еннеке.

Просто чудом было то, что отход под натиском прервосходящих советских сил прошел успешно. Советское командование не высадило десанта на южном берегу Крыма, чтобы перерезать пути отступления 5-го корпуса, и 16 апреля в укрепленный район Севастополя прибыли последние части 5-го корпуса, около 10 тысяч солдат. Не произведено было, как можно было ожидать, авианалетов на две запруженные дороги, по которым двигались немецкие и румынские части. Тем не менее потери 17-й армии были большие: боевой состав ее на 16 апреля сократился на 13 131 немецкого и 17 652 румынских солдат. Количество стоящих на довольствии в армии к 18 апреля сократилось до 124 тысяч солдат.

Складывалась весьма оптимистическая картина — 17-ю армию вполне можно было спасти, даже ее арьергард. Но все надежды командиров рухнули, когда Гитлер снова принял одно из своих непостижимых решений — он приказал оборонять Севастополь. В городе осталось шесть немецких дивизий. И Еннеке, и Цайтцлер (ОКХ), и Шернер (командующий группой армий «Южная Украина») тщетно старались убедить Гитлера отменить этот опрометчивый приказ. Главным его аргументом было то, что потеря Крыма поколеблет позиции Турции и ослабит надежды болгар и румын — этот аргумент устарел после отступления вермахта к Днестру западнее Одессы. Гитлер говорил: «Для того, чтобы вести войну, мне нужны две вещи — румынская нефть и турецкий хром. Мы потеряем и то, и другое, если я

сдам Крым». Затем он смягчил свою позицию и сказал, что «Крым не нужно оборонять вечно, только 8—9 недель, до вторжения на Западе. Когда ожидаемое вторжение будет отражено, спустя некоторое время Севастополь можно будет потихоньку эвакуировать без какого-либо политического риска». Противостоять красноречию и силе убеждения фюрера никто не мог, поэтому в Крыму также восторжествовала его стратегия «держат все». Однако фюрер не всегда стремился только к тому, чтобы убедить других в своей правоте. Дело в том, что он обладал почти непостижимым чувством в определении того, сколь далеко он может зайти в своих отношениях с другими людьми. Гросс-адмирал Редер вспоминал, что однажды, когда между ним и Гитлером назрели серьезные противоречия, он решил идти к Гитлеру на доклад и до конца отстаивать свою позицию. Но «он принял меня с такой сердечностью и с такой готовностью выслушать, что я почувствовал, как почва уходит из-под моих ног. Эта замечательная способность личного очарования, мне кажется, была важным фактором его успеха»⁶⁰⁴.

В июле 1942 г., когда 11-я армия Манштейна атаковала Севастополь, крепость защищали семь советских стрелковых дивизий, четыре десантные бригады и одна спешившаяся кавалерийская дивизия. Советские войска засели в бетонных блиндажах и крытых траншеях, в подземных фортах была установлена самая современная артиллерия. Несмотря на это, Манштейн взял Севастополь за месяц. Напротив, в апреле 1944 г. осаждавшим крепость советским войскам противостояло фактически пять полков. Старые советские блиндажи и форты не были отремонтированы, их можно было использовать только в качестве госпиталей или сборной позиции. На юго-востоке Севастополя позиции обороняющихся были особенно слабы. Там только начинались земляные работы по рытью траншей. И та-

кую «крепость» готовилось штурмовать двадцать советских дивизий, один танковый корпус, три артиллерийские дивизии и дюжина отдельных бригад — в целом 470 тысяч человек. К 27 апреля Еннеке стало ясно, что катастрофа неизбежна, и он категорически потребовал от Гитлера обещанного подкрепления — и немедленно. Генерал-полковника Еннеке вызвали к Гитлеру и сместили, а на его место был назначен генерал пехоты Альмендингер.

В соответствии с приказом, всех лошадей оборонявшихся в Севастополе немецких войск расстреливали и сбрасывали в море. Бухта Севастополя была забита тысячами лошадиных трупов. Избиение лошадей — одна из многочисленных бессмысленностей, совершенных в Крыму.

Полномасштабное советское наступление началось 5 мая 1944 г.

8 мая советские войска ворвались на Сапун-гору, отбить которую обратно немцы не смогли, а без контроля над ней защищать Севастополь было невозможно. Поэтому вечером 8 мая генерал-полковник Шернер передал в Ставку, что дальнейшая оборона города невозможна, и следует начать эвакуацию. Гитлеру пришлось уступить фактам и передать Альмендингену приказ об эвакуации, который был получен 9 мая в 2 часа 45 минут. При этом Гитлер горько заметил Цайтцлеру: «Самое плохое в этой вынужденной эвакуации, что русские смогут вывести из Крыма свои войска и бросить их против группы армий “Южная Украина”». Ни слова о позиции Турции или Румынии он не произнес⁶⁰⁵.

Захватив Сапун-гору, с которой хорошо виден Херсонес, советские артиллеристы смогли 9 мая накрыть последний немецкий аэродром. С Большой земли Люфтваффе могли осуществлять лишь ограниченные операции. 17-я армия планировала погрузиться на ко-

рабли в ночь с 10 на 11 мая. На позициях оставалось приблизительно 80 тысяч человек. Адмирал Дениц отправил к Севастополю все, что было на плаву. К 8 мая на Большую землю было отправлено много раненых и гражданских; таким образом, на полуострове оставалось только 50 тысяч немецких солдат. Количество убитых и раненых за период с 8 апреля по 13 мая 1944 г. составило 31 700 немцев и 25 800 румын, пропавших без вести было около 20 тысяч. Это была катастрофа масштабов Сталинграда. Немецкий историк Пауль Карель отмечал, что в Севастополе дисциплинированность и доблесть, повинование и самопожертвование, как и подлость, жестокость и первобытная дикость проявились наряду с глупостью и ошибками, честолюбием и страхом, фанатизмом и пьянством. Вся война на Восточном фронте отразилась здесь, как в капле воды⁶⁰⁶.

Затем советские войска активизировались и на северном участке Восточного фронта. 9 июня 1944 г. началось мощное наступление на Карельском перешейке. К 21 июня финские войска были отброшены на новую границу, был взят Выборг. Потери финнов были огромны. После отхода финны с ужасом ожидали нового наступления. Для укрепления фронта Гитлер отправил в Финляндию 122-ю пехотную дивизию вермахта. Но в июле на Финском фронте внезапно наступило затишье. Советское командование стало снимать с Финского фронта войска. Вскоре прояснилась и причина этого затишья. В то самое время, когда Финляндия отчаянно сражалась за свое существование, была полностью разгромлена немецкая группа армий «Центр». Как указывал немецкий генерал Бутлар, разгром группы армий «Центр» в июле 1944 г. положил конец организованному сопротивлению немцев на Восточном фронте⁶⁰⁷. Советским войскам открылась

прямая дорога на Запад. Курляндия и Литва оказались открытыми для советских армий. Теперь у советского командования появилась новая оперативная цель — окружение немецких войск в Прибалтике, и положение Финляндии полностью зависело от того, насколько успешно оно будет проведено.

1 сентября 1944 г. финны получили от Советского Союза условия перемирия, которые и были приняты финским сеймом. Военному содружеству финнов и немцев был положен конец. Согласно советским условиям, немецкие войска должны были покинуть территорию Финляндии до 15 сентября. В отношении относительно малочисленных немецких сил на юге это требование было выполнимо, но в отношении немецкой армии в Лапландии, насчитывавшей 200 тысяч человек, оно было явно завышено по оперативным возможностям. После смерти генерал-полковника Дитля весной 1944 г., эти войска возглавил генерал-полковник Рендулич. В конечном счете местами между бывшими союзниками разгорелись тяжелые бои, которые с обеих сторон носили исключительно упорный характер. Они закончились тем, что немецкий 18-й горноегерский корпус прорвался на север и, ведя непрерывные арьергардные бои, вышел в Норвегию. Это была последняя страница в истории немецко-финского союза. В конце января 1945 г. немецкие войска заняли новые позиции, прикрывающие Нарвик. В руках немцев осталась также и небольшая территория Финляндии, так называемая «позиция Земмеринг» в самом северном уголке Финляндии. До момента отвода немецких войск с этой позиции, то есть до 25 апреля 1945 г., они продолжали вести бои с финнами. Незначительная часть лапландской армии немцев была эвакуирована морем. Основная же масса войск через Норвегию успела достичь Германии в разгар последних боев за Рейн и за Берлин⁶⁰⁸.

Вместо решительных шагов по сокращению фронта на Востоке, Гитлер подписал директиву № 51, в соответствии с которой военное руководство на Восточном фронте должно было считаться с тем, что подкрепления больше не будет. Все предложения о сокращении протяженности фронта и экономии сил, Гитлер отвергал⁶⁰⁹. Между тем, после недолгой передышки, в середине декабря 1943 г. Ватутин, Конев и Малиновский возобновили давление на немцев, и Манштейн, резервы которого были распылены, начал ощущать трудности в сохранении целостности фронта. Германский фронт был так сильно растянут, что местами советские танки беспрепятственно прорывали его и «гуляли» в немецком тылу. Выйти из излучины Днепра без потерь Манштейну не удалось — наибольший котел образовался в районе Ковеля-Корсуня на нижнем течении Днепра; в него попали дивизия Ваффен-СС «Викинг» и остатки семи других дивизий. Манштейн смог пробить коридор к окруженным, но держать его открытым смог только в течение нескольких часов.

Корсунь-Шевченковская операция 1-го и 2-го Украинских фронтов (24 января — 17 февраля 1944 г.) была одна из самых выдающихся операций по окружению и уничтожению врага. По результатам она далеко превзошла первоначальные ее цели. Там советские войска «приковали» к себе до половины всех танковых сил вермахта и двух третей сил Люфтваффе. Двойным кольцом они отрезали Каневский выступ — в мешке оказались XXXXII-й и XI-й армейские корпуса с шестью дивизиями и отдельной бригадой. Немецкий фронт был прорван на участке в 95 км. Через эту брешь советские войска устремились к Румынии, потому что восточнее румынской границы препятствий больше не оставалось⁶¹⁰. Конев полагал, что в мешке находится вся немецкая 8-я армия вместе с командующим и девятью дивизиями, то есть более 100 тысяч немецких

солдат. Готовился «новый Сталинград», поэтому советское командование бросило на ликвидацию котла огромные силы и не стало развивать наступление на запад. На самом деле, в котле под Корсунь-Шевченковским оказалось 54 тысячи солдат, которые противостояли наступлению шести советских армий⁶¹¹. Без ведома Гитлера Манштейн отдал им приказ выходить из окружения, и к 17 февраля, благодаря ударам 1 танковой армии, с западного направления вышло 2/3 окруженных. Раненых заранее вывезли самолетами⁶¹². Поспешность, с которой немецкие части покидали котел, офицер Ваффен-СС бельгиец Леон Дегрель описывал так: «В этой бешеной гонке машины опрокидывались, выбрасывая на землю раненых. Волна советских танков обогнала первые машины и захватила более половины конвоя; эта волна катилась по повозкам, уничтожая их одну за другой, как спичечные коробки, давя раненых и лошадей... У нас была минутная передышка, когда танки застряли и пытались выбраться из груды сотен грузовиков, раздавленных их гусеницами»⁶¹³. То было одно из самых безжалостных сражений даже для такой жестокой войны: так, в местечке Шандеровка Конев приказал авиации разбомбить зажигательными бомбами все дома, тем самым заставив засевших там немецких солдат выйти в поле. Когда 17 февраля 1944 г. немцы начали прорываться из окружения, Конев устроил им западню: его танки атаковали немецкие колонны, уничтожая противника огнем орудий, давя его гусеницами. После того как колонны были рассеяны, преследованием убегающих по глубокому снегу немцев занялась кавалерия. Казаки рубили противника без всякой жалости, не щадя и тех, кто поднимал руки. Только в этот день погибло около двадцати тысяч немцев⁶¹⁴. Сталин присвоил Коневу маршальское звание за ликвидацию окруженных под Корсунь-Шевченковским немецких войск.

Из окружения смогла пробиться группа Штемермана, что обеспечило вывод около 60 % сил — 35 тысяч человек. Этот прорыв не умаляет советской победы, поскольку шесть с половиной немецких дивизий потеряли все свое вооружение и боевую мощь. В центре фронта группы армий «Юг» не хватало шести дивизий, которых Гитлеру неоткуда было взять. Доклад 8-й армии на вечер 11 февраля 1944 г. оценивал личный состав двух окруженных корпусов, включая «хивис», советских добровольцев, — в 56 тысяч человек. Из них 2188 раненых было оставлено. Около 35 тысяч человек вышли из окружения и были зарегистрированы приемными пунктами как прибывшие. Таким образом, немецкие потери составили около 18 тысяч солдат⁶¹⁵.

Те немцы, которые следили за развитием военных действий на Восточном фронте, были сильно встревожены отступлением вермахта. Оправдание ОКВ отступления необходимостью «выпрямить» фронт выглядело в глазах общественности совершенно неубедительно. Внимательному наблюдателю было ясно, что инициатива утеряна, и речь идет о пассивных реакциях вермахта. По сообщениям СД, это беспокоило немецкую общественность; еще большую озабоченность вызывало то, что радио и пресса целиком были сосредоточены на предстоящем вторжении с Запада и на его решающем значении для дальнейшего развития войны⁶¹⁶.

Гитлер уволил Манштейна и Клейста, наградив их Мечами к Рыцарским крестам. Он так объяснял свое решение: «... Просто бывают два разных таланта. По моему, у Манштейна огромный талант к операциям. Тут нет сомнений. И если бы у меня была армия, скажем, из 20 дивизий полной численности, я бы не мог желать лучшего командира над ними, чем Манштейн. Он знает, как ими управлять. Он будет наступать, как молния — но всегда при условии, что у него есть первоклассная материальная часть, бензин, избыток боеприпасов.

Если что-то ломается, он не может добиться исправления положения. ... Манштейн может руководить дивизиями, пока они в хорошем состоянии. Если же дивизиям стало бы плохо, мне пришлось бы немедленно забрать их у него. Тут должен быть человек, который действует абсолютно независимо от какой-либо рутины»⁶¹⁷. В недели, последовавшие после назначения Моделя, советское наступление на Западной Украине постепенно остановилось. Сталин стал готовить решающий удар по группе армий «Центр».

Гитлер понимал, что ведет оборонительную войну — в надежде на развал союзнической коалиции; об этом он сказал Манштейну еще в декабре 1943 г. Впоследствии этот тезис Гитлера всячески развивал Геббельс. Сочетание политических сил в рамках антигитлеровской коалиции и ныне кажется нелепым. В этой связи затея Гитлера состояла в том, чтобы создать условия, при которых коалиция лишится уверенности в достижении единства между отдельными своими участниками. Поэтому понятна решимость фюрера сражаться за каждую пядь — даже там, где это противоречит чисто военным позициям. Гудериан, в принципе, был согласен с такой стратегией, но он считал, что для ее эффективности следует сильно сократить Восточный фронт — с целью усиления давления на Западе. Но о сокращении линии фронта на Востоке Гитлер не хотел и слышать, что странно, ибо из всех генералов Гитлер больше всего уважал Гудериана и дольше всех доверял ему. Как только в январе 1944 г. Гудериан заговорил о строительстве оборонительных сооружений в Польше, Гитлер его прервал и стал утверждать, что железнодорожная система не справится с перевозкой материалов. Гитлер начал сыпать точной статистикой, которую его собеседник не в состоянии был опровергнуть. Гудериан со свойственной ему откровенностью стал объяс-

нять, что речь идет об оборонительной линии по Бугу и Неману, и поскольку железнодорожные пробки начинаются только к востоку от Брест-Литовска, это возражение Гитлера сюда не относится. Так как речь шла об оставлении огромных территорий, фюрер даже не стал слушать дальше. Также он отказался от предложения Гудериана назначить генералиссимуса, который нес бы полную ответственность на Востоке. При этом ни Гитлер, ни Гудериан не могли открыто высказать свои мотивы — Гудериан, сказав, что считает руководство Гитлера катастрофически некомпетентным, Гитлер — что он недостаточно доверяет армии, чтобы предоставить ей самостоятельность⁶¹⁸.

Все больше и больше численно уступая противнику, вермахт медленно отступал со своих позиций, не теряя при этом сплоченности, не утратив чувства превосходства над противником и способности наносить сильные контрудары при первой же, даже минимальной возможности. 8 марта 1944 г. вышла гитлеровская директива № 11, в соответствии с которой все важные опорные пункты и железнодорожные узлы должны быть своевременно обеспечены всем необходимым для обороны их до последнего солдата⁶¹⁹. Этот указ во многом предопределил последующие крупные немецкие потери. Гитлер твердил, что время больших стратегических охватов прошло, и теперь главное — выстоять любой ценой⁶²⁰. Возможности вермахта становились все незначительнее; к примеру, количество танков в немецкой танковой дивизии в 1939 г. составляло 324 машины, в 1940 г. — 258, в 1941 г. — 196, в 1943 г. — 150, в 1945 г. — 45. Стандартный же пехотный полк в 1940 г. насчитывал 518 офицеров, 2157 унтер-офицеров и 13 667 солдат, в пехотной дивизии было три полка, в полку 3 батальона по три роты и 1 пулеметная рота⁶²¹, но до этих стандартов фронтовые части к 1943 г. не достигали и на 50 %. Тем не менее именно к 1944 г.

численность личного состава вооруженных сил Германии Достигла максимума: основная армия — 4,4 миллиона, резерв и местные формирования — 2,5 миллиона, Кригсмарине — 0,8 миллиона, Люфтваффе - 2,1 миллиона, Ваффен-СС — 0,8 миллиона. Всего в немецкой армии было 10,7 миллиона солдат⁶²². Вермахт склонен был приписывать свои неудачи не врагам, а обстоятельствам — нехватке топлива для машин, плохой погоде, ненадежным союзникам. Интересно, что доверие армии к Гитлеру оставалось непоколебимым, как, впрочем, и доверие тыла. Немцы, как утопающий за соломинку, цеплялись за надежду традиционного немецкого весеннего наступления в 1944 г. Эту надежду питали и фронтовики, которые рассказывали дома, что борьба хоть и жестока, но немецкие солдаты по-прежнему превосходят врага и не сомневаются в конечной победе немецкого оружия. СД передавала, что, как и после Сталинграда, немцы считали, что главная причина неудач — зима, и надеялись, что весной положение исправится к лучшему⁶²³. СД также передавала, что многие немцы в тылу и отпускники с фронта сетовали, что вермахт, в отличие от гражданской сферы, не смог выполнить требований «тотальной войны». В Германии говорили, что «русские ведут настоящую «тотальную войну», а немцы — элегантную». Бесспорные достижения СССР в организации «тотальной войны» принесли нимб славы Сталину и среди немцев, которые — хотя и не ставили Сталина выше Гитлера, но часто — вровень... Геббельс, опасаясь нежелательных последствий, приказал упоминать в прессе имя Сталина как можно реже, только при крайней необходимости. Некоторые фронтовики писали домой, что не помешало бы для поднятия морального духа ввести в армии институт политруков по советскому образцу⁶²⁴.

В целом моральное состояние немецкого фронта и тыла весной 1944 г., как ни странно, было лучше, чем

год назад, хотя военное положение не давало для этого никаких оснований — дело в том, что многие немцы и на фронте и в тылу были охвачены фатализмом, они стали больше надеяться на чудо, поскольку войной все были сыты по горло и надеялись на какое-либо сверхъестественное от нее освобождение. В самом деле, только чудо могло помочь Германии, ибо соотношение сил к лету 1944 г. было для вермахта чрезвычайно неблагоприятно; однако даже при соотношении сил 6:1, за 4 месяца масштабного отступления летом 1944 г. в плен было взято лишь 98 000 солдат⁶²⁵. Сообщения ОКВ об отступлении на Восточном фронте, по информации СД, вызвало в Германии «сильную озабоченность»: часть немцев, продолжавшая фанатически верить руководству, усмотрела в отступлении «стратегический маневр» фюрера, собиравшего все силы с тем, чтобы с начала летней кампании 1944 г. нанести сокрушительный удар. Эти планы вылились в сокрушительное поражение.

В апреле 1944 г. филолог Виктор Клемперер отмечал в дневнике: если брать немцев каждого в отдельности, мужчин и женщин, то 90 % настроено антинацистски, устало до чертиков от войны, благожелательно настроено по отношению к евреям, им отвратительна нынешняя тирания. Режим держится только страхом перед концлагерями, репрессиями, смертью»⁶²⁶. Этот страх не был чем-то новым, пришедшим только в войну, но во время войны он был усилен страхом мести за то, что немцы натворили в Советском Союзе. Клемперер еще в 1941 г. слышал от солдата, приехавшего в отпуск с Восточного фронта, что немцы там устроили жуткую кровавую баню — и месть за нее должна быть ужасной...⁶²⁷ Страх перед этой местью стал важным фактором национальной консолидации перед врагами рейха. К тому же страх перед русскими был жив еще с Первой мировой войны, когда в Восточной Пруссии

русские безжалостно и бессмысленно жгли и разрушали немецкие поселения.

За Крымом последовал разгром группы армий «Центр». Одной из самых существенных причин этого разгрома был провал в работе абвера. Абвер доносил, что большая часть советских танковых сил сосредоточена на южном фланге между Припятскими болотами и Черным морем. Поэтому, полагали немецкие разведчики, наступление будет на юге. На самом деле, 5 из 6 советских танковых армий в середине 1944 г. находились южнее Припятских болот. В немецких штабах сделали вывод, что в предстоящей летней кампании следует считаться прежде всего с советским ударом с территории Западной Украины в направлении Варшавы в тыл группы армий «Центр» или на юг — на Балканы. Но советское наступление последовало по всему фронту — соотношение сил позволяло это сделать⁶²⁸.

В группе армий «Центр» было четыре армии (2-я, 4-я, 9-я и 3-я танковая), в общей сложности — 45 дивизий, включая три танковые и три танковые гренадерские. Группа армий «Центр», таким образом, была самой сильной на Восточном фронте — по сравнению с группой армий «Север», «Северная Украина» и «Южная Украина»; 29 % сил немецкого Восточного фронта. Перед группой армий «Северная Украина» (1-я и 4-я танковые армии, располагавшие 26 дивизиями, среди которых было шесть Танковых и одна танковая гренадерская), где ОКХ ожидал главный удар, находилось 100 советских стрелковых дивизий и четыре танковые армии. Немецких сил там было крайне мало, поэтому ОКХ решил усилить оборону группы армий «Северная Украина», ослабив при этом группу армий «Центр». Поскольку советский удар был равномерным по всему фронту, то проблема была в том, что немцы нигде не были в состоянии противопоставить советс-

Схематическое изображение разгрома советскими войсками самой крупной группировки вермахта — группы армий «Центр». Это было самое значительное поражение вермахта за всю войну

кому натиску организованную оборону. Йодль еще в начале 1944 г. предлагал Гитлеру сократить фронт между Черным морем и Балтикой до минимума. Гитлер не позволил это сделать, он приказал «держаться все»⁶²⁹.

Советское наступление (при соотношении сил 4:1 в солдатах и 6:1 в танках) началось в годовщину начала плана «Барбаросса», 22 июня 1944 г., и две недели спустя после высадки союзников в Нормандии. Сталинский план предусматривал не один большой охват группы армий «Центр», а несколько малых котлов окружения для того, чтобы полностью разгромить группу армий «Центр» или сильно ее связать, чтобы облегчить последующее наступление на Северной Украине. Нет никакого сомнения в том, что группа армий «Центр» могла быть спасена, если бы вовремя был отдан приказ об отступлении. Командующий группой армий «Центр» Буш превосходно сознавал опасность, но действовать по своей инициативе не хотел, ожидая приказа Гитлера⁶³⁰. В результате к концу месяца группа армий «Центр» была вытеснена со своих заранее подготовленных оборонительных позиций и устремила к старой границе рейха с ее оборонительными сооружениями.

Летом 1944 г. советское командование не вынашивало далекоидущих планов отсечения обеих групп армий «Север» и «Центр» ударом из Галиции к Кенигсбергу, как можно было предполагать, глядя на карту. Опыт на Донце и Днепре заставил Сталина отказаться от грандиозных проектов. К тому же Сталин редко атаковал в самых сильных точках немецкой обороны, а Гитлер сосредоточил в Галиции все возможные резервы, прежде всего танковые дивизии. Сталин, напротив, сделал то, что в последний момент хотел сделать Манштейн на Курской дуге: оценив мощную советскую оборону на флангах, он атаковал выступ фронтально, в точке, где противник был слаб или, по крайней

мере, слабее, чем на флангах. Именно так Сталин и сделал — ударил на широком фронте прямо по центру. Гитлер понял смысл советского наступления только 24 июня: он и его советники с растущим ужасом читали панические донесения с фронта⁶³¹. Положение вермахта было абсолютно безнадежным не только в силу подавляющего советского превосходства, но и потому, что приказы Гитлера «держаться» лишали вермахт свободы стратегического маневра и серьезно затрудняли даже тактические действия. Третьей помехой стало то, что многие дивизии были привязаны к так называемым «ежам», наподобие линий крепостей и фортов Первой мировой войны. На этом устаревшем опыте Гитлер построил свою стратегию «держаться» — стратегию численно меньших сил; таким образом он надеялся остановить советское крупномасштабное наступление. Гитлеру казалось, что в этих «ежах» понадобится меньше сил, чтобы связать значительные войсковые группы противника. На территории группы армий «Центр» «ежами» стали Слуцк, Бобруйск, Могилев, Орша, Витебск и Полоцк; на их оборону отвели по одной дивизии, за исключением Витебска, куда поставили три.

План не был убедительным, поскольку основывался на допущении, что противник будет упорно штурмовать эти «укрепленные районы», — а если нет? Если он будет продвигаться вперед, оставляя эти районы в тылу? Как у Гитлера была идефикс с «ежами», так и Сталин в период планирования летнего наступления 1944 г. настаивал на концентрированном ударе с Днепро-Донецкого плацдарма с целью освобождения Белоруссии. Рокоссовскому едва удалось убедить его, что наступление нужно осуществлять в форме захвата клещами — одна часть на Бобруйск с северо-запада (из района Богачева), а другая — с юга на Бобруйск и Слуцк. Сталин с большими сомнениями согласился, возложив всю ответственность на командование фронта⁶³². К сча-

стью для Рокоссовского, все изначально пошло как по маслу.

Витебск Гитлер приказал оборонять до последнего солдата, поэтому сосредоточил внутри крепости целый корпус с четырьмя дивизиями. Фюрер был убежден, что советские войска будут штурмовать город, но они просто обошли его, разрушив тем самым гитлеровскую концепцию обороны. За три дня Витебск был окружен. По существу, уже 24 июня советские армии прошли мимо Витебска глубоко в тыл немцев, и этот «еж» потерял свое значение. Дивизии внутри него были обречены, а в это время их катастрофически не хватало на других фронтах. Вечером 24 числа Гитлер, наконец, разрешил генералу Гольвитцеру, командующему 53-м корпусом, прорываться из Витебска, но оставить при этом одну дивизию для обороны города. С тяжелым сердцем Гольвитцер оставил на верную смерть 206-ю пехотную дивизию генерала Хиттера.

53-й корпус с его 35 тысячами солдат пытался прорваться к немецкой отсечной полосе. Гольвитцер радировал из Витебска в Ставку Гитлера: «Лично ручаюсь за бой до конца. Гольвитцер». Это был намек на историческое донесение, посланное 23 августа 1914 г. кайзеру Вильгельму II командиром гарнизона Тсингао, в Восточной Азии. Капитан Майер-Вальдек сообщал из крепости, находившейся в 11 000 км от Германии: «Лично ручаюсь за исполнение долга до конца»; капитан с 4000 солдат должен был защищать крепость от 40 тысяч японцев. Группе Гольвитцера хватило сил на два дня — к 27 июля она была вновь окружена, командование во главе с Гольвитцером попало в плен.

Пауль Карель вопрошал в своей книге, как Красная армия смела с поля боя много таких опытных и стойких дивизий и за сорок восемь часов ввергла группу армий «Центр» в абсолютный хаос? Может быть, это объясняется огромным численным превосходством?

Однако немецкий фронт часто противостоял численно превосходящему противнику. Может быть, мощью советской артиллерии? Нет. Главной причиной столь решительного прорыва было совершенное превосходство советской армии в воздухе. 22 июня 1944 г., когда началось советское наступление, немецкий 6-й воздушный флот имел только сорок истребителей. Сорок истребителей против пяти советских воздушных армий в составе 7 тысяч самолетов⁶³³. Посредством хорошо подготовленных воздушных ударов удалось уничтожить предварительно разведанные позиции немецкой артиллерии. Хребет немецкой обороны был сломлен. Немецкая пехота ничего не могла сделать голыми руками против моторизованного и механизированного противника.

Ответственность за катастрофу группы армий «Центр» Гитлер возложил на ее командующего Буша - оскорбленный и глубоко переживающий поражение Буш покинул штаб группы армий. На его место был назначен фельдмаршал Модель, который принял командование Центральным фронтом, сохранив пост командующего группой армий «Северная Украина». В результате, под командованием Моделя оказалась почти половина Восточного фронта. Никогда еще Гитлер не надеялся одного человека подобной ответственностью — почти реализовалась мечта Манштейна и Гудериана о едином командовании Восточным фронтом. Однако эта мера была принята слишком поздно. Модель, хотя и был вдохновенным импровизатором и человеком с железными нервами, но и он ничего не мог поделать без достаточных сил Люфтваффе, без противотанкового оружия, без минимума мобильных и пехотных резервов. 3 июля советские войска взяли Минск, который находился под немцами три года. Он был первым крупным городом, захваченным в ходе блицкрига в 1941 г. Сдачей немцами города дело не ограничилось:

части немецкой 4-й и 9-й армий попали в окружение юго-восточнее Минска. При ликвидации этого котла погибло 70 тысяч солдат вермахта, и 35 тысяч было взято в плен.

17 июля 1944 г. 57 тысяч немецких пехотинцев, плененных под Минском, прогнали по улицам Москвы.

Завоеванная территория не составляла главного достижения советской армии — главным было уничтожение группы армий «Центр»: из 38 немецких дивизий 28 были разбиты. Примерно 400 тысяч солдат было убито, ранено или пропало без вести. Из 47 генералов (командиров корпусов и дивизий) 10 погибло, 21 попал в плен⁶³⁴.

Германия на пороге катастрофы

«Я в своей жизни никогда не опускал рук, я из тех людей, которые достигают в жизни всего, начав с нуля. Так что сложившаяся теперь ситуация ничего нового для меня не представляет. Когда-то давно лично мне было куда хуже. Я говорю вам это для того, чтобы вы поняли, почему я стремлюсь к своей цели с таким фанатизмом, почему меня уже ничто не остановит. Неважно, сколь тяжелы будут выпавшие на мою долю невзгоды, пусть даже они и подорвут мое здоровье, но на мое решение продолжать борьбу это уже никак не повлияет».

(Гитлер, 28 декабря 1944 г.)⁶²⁵

После покушения 20 июля 1944 г. Гитлер сказал: «Теперь я понял, что Сталин, убрав Тухачевского, сделал правильный шаг»⁶³⁶. Несмотря на это, Гитлер, в целом, пощадил армейское руководство, хотя многие высшие офицеры знали о планах путча, Сталин же искоренил огромную часть офицерского корпуса за мнимый за-

говор. По делу о покушении на Гитлера было казнено около 200 офицеров. Слабость и оппортунизм руководства вермахта в момент покушения наиболее последовательно выразились в личностях генералов Фридриха Фромма и Ганса фон Клюге — их колебания соответствовали тому раздвоению, которое нельзя было преодолеть с помощью прежних норм поведения и мышления, а только личной храбростью и мужеством. Фромм, как известно, приказал расстрелять во дворе военного министерства своих сообщников по заговору ради спасения собственной жизни (его все равно расстреляли). Клюге же застрелился в железнодорожном вагоне на пути из Парижа в Мец, не забыв засвидетельствовать в письме Гитлеру свое восхищение его деяниями. Это письмо доказывало, что до самого последнего момента Гитлер не утратил доверия со стороны своих приближенных. В письме один из самых способных и независимых в суждениях немецких военачальников, генерал-фельдмаршал фон Клюге написал: «Мой фюрер, я всегда восхищался Вашим величием и Вашим поведением в этой битве гигантов, Вашей железной волей в процессе утверждения идеалов национал-социализма. Если же судьба и злой рок оказались сильнее Вашей воли и Вашего гения, то это не в воле человека, а в руках всевышнего. Вы боролись честно и достойно, со временем история это докажет. Докажите же еще раз Ваше величие и прекратите бессмысленную войну. Я же ухожу от Вас, мой фюрер, в полном сознании выполненного долга и чувствую большую близость к Вам, более значительную, чем Вы, как мне представляется, думаете. Хайль, майн фюрер!»⁶³⁷ Не менее высокую оценку Гитлеру давал и другой весьма независимый в суждениях (правда, политически наивный) офицер — генерал Йодль, который 7 ноября 1943 г., выступая на собрании гауляйтеров в Мюнхене, сказал: «Мои главные надежды на будущее основаны на том

факте, что во главе Германии стоит человек, который всей своей жизнью, стремлениями и страданиями предназначен быть вождем нашего народа и вести его к блестящему будущему. Я должен сказать, что Гитлер является душой не только нашей политической системы; он привел нас ко всем нашим военным успехам; он силой своей непреклонной воли обеспечил взаимодействие всех вооруженных сил Германии, разработал стратегические и организационные решения, обеспечил армию всем необходимым. Единство политического и военного руководства, столь необходимое нам сейчас, воплотилось в нем с силой, невиданной со времен Фридриха Великого»⁶³⁸.

Эта политическая близорукость и личная слабость многих офицеров привела в ходе войны к растущей потере влияния военных инстанций и в оперативной, и в государственной сферах — в отличие от Первой мировой войны, в ходе которой офицеры постоянно наращивали свое влияние, а кайзер все более отходил на второй план и в конце концов, потеряв всякий контроль над развитием событий, стал чисто репрезентативной фигурой. С Гитлером все было наоборот... Причины такого отличия не только в свойствах натуры фюрера и структурах его господства — провал заговора 20 июля проиллюстрировал особую грань немецкого характера — глубоко укорененное нежелание действовать против установлений власти. Но этот недостаток немецкого характера (если это недостаток) в последующие дни обернулся для нацистского режима добродетелью, поскольку как только из Растенбурга возобновился поток приказов, все сразу встало на свои места. После неудачного взрыва каких-либо осмысленных действий заговорщиков не было; зато униженных признаний — сколько угодно. Нельзя найти лучшего доказательства дисциплины, царившей в немецкой армии, или эффективности нацистской партийной машины.

Действенность геббельсовской пропаганды особенно усилилась после покушения 20 июля 1944 г.: большинство немцев продолжало верить фюреру, надеясь на «чудо-оружие», на героизм солдат. Результат нацистской пропаганды хорошо виден на примере письма одной немецкой женщины мужу, в лагерь военнопленных во Франции: «У меня такая вера в наше предназначение, что ее уже ничто не сможет поколебать. Она основывается на всей нашей истории, на нашем славном прошлом, как говорит доктор Геббельс. Это совершенно невероятно, чтобы история повернула вспять. Возможно, сейчас мы достигли самой крайней черты, но мы имеем решительных людей. Вся нация готова к маршу. Оружие в наших руках. Мы располагаем секретным оружием, которое будет использовано в надлежащий момент. Но важнее всего то, что нами руководит наш фюрер, за которым мы готовы следовать хоть с закрытыми глазами. Держись из всех сил, не позволяй, чтобы тебя свалили с ног»⁶³⁹.

После краха заговора военные с головой погрузились в насущные дела, несмотря на то, что немецкие общественные реакции на офицеров и аристократию были самыми негативными — некоторые генералы выходили на улицу только в плащах, прикрывая погоны. И аристократия поспешила выразить свою лояльность: после покушения на Гитлера в «Немецкой дворянской газете» была напечатана редакционная статья генерала в отставке фон Метцша (*von Metzsch*), в которой утверждалось, что покушение только укрепило волю немецкого народа к продолжению борьбы⁶⁴⁰. Эта демонстрация лояльности, впрочем, не помогла, и в конце 1944 г. газету закрыли «из-за нехватки бумаги и необходимости экономии рабочей силы», как было указано в последнем номере. Удивительно, однако, другое: практически до конца войны газета все же выходила, существовало и дворянское общество, титулы, что как-

то не вяжется с «социалистическим» характером режима и его тоталитарными претензиями. В последние месяцы существования газета печатала, помимо обычных некрологов, фотографии аристократов, павших преимущественно на Восточном фронте — огромное количество молодых, почти мальчишеских лиц даже сейчас производят гнетущее впечатление. Такое же, как при виде фотографий погибших советских, английских, американских или других солдат.

После покушения 20 июля начальником Генштаба был назначен генерал-полковник Гейнц Гудериан. Получив назначение, Гудериан пришел в здание, предназначенное для ОКХ в Растенбурге, и увидел, что положение в центре военной администрации вермахта вопиюще противоречит прусским представлениям о порядке: «Я нашел здание совершенно пустым. Меня никто не встретил. Заглянув в разные комнаты, я наконец натолкнулся на спящего рядового по имени Риль. Я послал этого молодца, чтобы он нашел мне офицера... Затем я попытался связаться по телефону с группами армий, чтобы выяснить обстановку на фронте. В кабинете начальника штаба стояли три телефона, но не было способа узнать, какой цели служит каждый. Я поднял трубку ближайшего. Ответила женщина. Когда я назвал себя, она взвизгнула и бросила трубку...»⁶⁴¹ Гудериан перенес штаб-квартиру ОКХ из Цоссена в Восточную Пруссию, привлек новые кадры, использовал резервы, которые Шернер собрал для него на Восточном фронте, и приступил к закрытию бреши в центре. В тот момент, когда казалось, что Восточный фронт на грани краха, советское наступление замедлилось — Красная армия исчерпала свой порыв⁶⁴². Это произошло не только вследствие долгого наступления и растянутости коммуникаций, но и по той причине, что вермахт отнюдь еще не был сломлен: надо иметь в виду, что еще в августе 1944 г. выпуск вооружений в

Третьем Рейхе достиг рекордной цифры — было произведено 869 танков и 744 самоходных орудия, достаточных для оснащения 10 новых танковых дивизий. Гитлер упорно настаивал на том, что каждую утраченную дивизию необходимо заменять новой. Ему важно было количество дивизий, а не их сила и качество. В сентябре 1944 г. из произведенных в Германии 26 000 пулеметов и 2900 минометов лишь 1527 и 303 единицы соответственно были направлены в подразделения, сражавшиеся на передовой — большая часть оружия ушла на новые формирования. Новые дивизии без всякого боевого опыта отправляли на фронт, а опытные подразделения истекали кровью, не имея ни подкрепления, ни нового оружия⁶⁴³.

К концу сентября 1944 г. заводы Германии выпускали вооружение, способное не только компенсировать потери в Нормандии, но и превысить уровень потерь на Востоке⁶⁴⁴. В начале 1945 г. в вермахте под ружьем было около 10 миллионов солдат — вдвое больше, чем в сентябре 1939 г. Гитлер категорически отказывался стянуть 2 миллиона солдат для обороны рейха из Восточной Прибалтики, Австрии, Венгрии, Италии и Норвегии. По его расчетам, эти войска понадобятся рейху в том случае, если лагерь противников Германии неожиданно расколется — то был последний крупный стратегический проект Гитлера. Такой расчет не следует считать совершенно безосновательным, поскольку «потенциал» противоречий в антигитлеровской коалиции был, о чем свидетельствует «холодная война», начавшаяся, по существу, еще в годы Второй мировой.

Нацисты пытались укрепить вермахт и идеологически — после покушения на Гитлера во все воинские штабы были отправлены нацистские политработники, по примеру Красной армии; их называли «офицеры по национал-социалистическому политическому воспитанию», НСФОФ (*NSFOF NS-Führungsoffiziere*).

В ОКВ штаб НСФОФ возглавил особо преданный нацистам генерал Герман Рейнеке (с 1943 г. — начальник общевойскового управления кадров), а в сухопутных войсках — также имевший репутацию убежденного нациста генерал Фердинанд Шернер⁶⁴⁵. Именно за преданность нацизму Гитлер сделал Шернера фельдмаршалом (последним по времени назначения). Стиль Шернера красочно живописал Геббельс: «Как командующий, Шернер, безусловно, личность. Его методы поднятия боевого духа во вверенных ему войсках первоклассны и демонстрируют не только талант полевого командира, но и потрясающее политическое чутье. ... С солдатами он на равных, хотя и очень строг. ... Пораженцев он вешает на столбах, с плакатом “Я дезертир, отказавшийся защищать немецких женщин и детей”. Устрашающий эффект подобных акций безусловен»⁶⁴⁶.

Несмотря на репрессии, морально-политическое состояние армии после Сталинграда явственно и последовательно ухудшалось — даже в среде Ваффен-СС: руководитель главного управления Ваффен-СС группенфюрер Готлоб Бергер в служебной записке на имя Гимmlера от 10 февраля 1943 г. предлагал организовать в войсках политзанятия, как в Красной армии. Гимmlер Довольно быстро отреагировал на записку, и уже 24 февраля по Ваффен-СС были отданы соответствующие распоряжения. Что касается вермахта, то первоначально Гитлер приветствовал слабый политический ангажемент армии, но со временем он начал убеждаться в необходимости введения должности упомянутых выше «политических офицеров». Ясно, что образцом для введения института НСФОФ были политработники Красной армии, которые рассматривались как «враг № 1» («Приказ о комиссарах», впрочем, был отменен в 1942 г.). В этой связи в партийных кругах еще в начале 1943 г. поговаривали об изменении первой статьи за-

кона о вермахте, запрещающей членам вермахта всякую политическую деятельность; это изменение последовало после покушения на Гитлера. Осенью 1944 г. армейские офицеры получили право вступать в партию: начальник ОКВ Кейтель получил почетный золотой значок члена партии и сделал взнос в кассу партии (1000 рейхсмарок)⁶⁴⁷. Он же был членом суда чести, изгнавшего из офицерского корпуса и армии участников заговора 20 июля 1944 г. — в его глазах это покушение было тяжелым преступлением; в то же время он симпатизировал Канарису и посылал деньги его семье⁶⁴⁸. Такая двойственность поведения была характерна для большинства высших офицеров.

В приказе по поводу учреждения НСФОФ Гитлер писал: «В пятый год войны мы вступаем в расцвете производства нашего оружия. Но, несмотря на большое значение современных вооружений, самым главным фактором войны, тем не менее, остается солдат и его боевой дух. Победит тот, чьи солдаты будут иметь негибкую волю, святую веру в победу и фанатическое упорство. Только такие солдаты достойны победы»⁶⁴⁹. Именно на поддержку в войсках высокого боевого духа и было нацелено создание института НСФОФ. Рейнке, разрабатывая учебную программу для призывников школ НСФОФ, настоял, чтобы регулярные политзанятия включались в распорядок дня в войсках — в армии над этим смеялись, а офицеров НСФОФ называли не иначе как «дармоедами». Интересно, что такое же отношение к политработникам отмечалось порой и в РККА. Даже Геринг протестовал против введения в Люфтваффе НСФОФ, но в ответ ему было сказано: «Фюрер не желает никаких дебатов по этому вопросу»⁶⁵⁰, и рейхсмаршал подчинился. Символично, что и «немецкое приветствие» (*Deutsche Gruß*) поднятием правой руки было введено в армии только 23 июля 1944 г. (после покушения), а до этого оно применялось в вер-

махте только как офицерское приветствие фюреру. Забегая вперед, следует сказать, что когда 3 мая 1945 г. до командующего 12-й армией Вальтера Венка дошла информация о падении Берлина, он немедленно издал приказ восстановить в войсках отдавание чести по армейскому образцу⁶⁵¹. Это весьма симптоматично для характеристики отношения значительной части вермахта к его нацификации.

Для укрепления боевого духа руководство НСФОФ Люфтваффе требовало смертной казни за следующие преступления: высказывание сомнения в фюрере и в конечной победе, высказывания против национал-социалистического мировоззрения, сомнения в справедливом характере войны, которую ведет Германия, распространение панических или упаднических настроений, пораженчество⁶⁵². Подобные же меры принимались и в армии, но они часто были излишними. Так, с 17 июля по 19 августа 1944 г. контрольно-цензорский пункт VII при командовании 6-й армии (после Сталинграда эта армия была восстановлена) проверил 16 946 писем⁶⁵³. Число зарегистрированных «злых нападок» (*schweren Verstöße*) на режим в августе не только не выросло, но даже уменьшилось. На дальнейшее расследование в соответствующие органы контрольно-цензорский пункт отправил в августе 71 письмо (а в июле — 103)⁶⁵⁴. По донесениям этого контрольно-цензорского пункта, те корреспонденты, которые хотели более полно раскрыть родным свое отношение к покушению 20 июля, указывали на неожиданные нюансы. Так, ефрейтор 735-го саперного батальона писал 26 июля 1944 г.: «Генералы, которые организовали покушение на Гитлера, были убеждены в том, что добровольная смена власти в Германии совершенно необходима, поскольку война для нашей страны приобрела бесперспективный характер». «Спасением для всей Европы, — продолжал ефрейтор, — был бы уход Гитлера, Геринга

и Геббельса. Драчке, таким образом, был бы положен конец, поскольку людям нужен мир. Все другие подходы являются ложными. Дальнейшее напряжение сил с нашей стороны ни к чему не приведет, мы должны это признать и осознать. Ныне уже отчетливо видно, насколько мало осталось людей, готовых продолжать борьбу и умирать за бесперспективные цели»⁶⁵⁵. Однако для идейных противников Гитлера никаких обнадеживающих признаков нарастающего сопротивления после покушения заметно не было. Один из самых убежденных противников Гитлера Ульрих фон Хассель 26 ноября 1942 г. отмечал в дневнике: «О каком-либо “народном гневе” по отношению к Гитлеру не может быть и речи. Мы, немцы, являемся какой-то очень причудливой смесью героев и рабов. Последних особенно много среди генералов, которые как по мановению волшебной палочки утратили всякий авторитет по сравнению с беспрепятственным ростом одного у Гитлера»⁶⁵⁶. Слова Хасселя подтверждает и то, что из 17 тысяч солдат, унтер-офицеров и младших офицеров 6-й армии (по данным упомянутого выше контрольно-цензурского пункта VII), которые допустили нежелательные с точки зрения режима высказывания в адрес существовавшего положения вещей, только **три** человека были против лично Гитлера, то есть 0,017%⁶⁵⁷. Солдаты часто писали о распространяющемся равнодушии, о растущей усталости от войны, о страхе перед неминуемой расплатой, но — удивительное дело — Гитлер как бы постоянно «оставался за скобками»... Более того, большинству солдат он казался единственным гарантом приемлемого окончания войны.

После покушения на Гитлера гауляйтеры открыто сожалели, что Рем проиграл в 1934 г.: они говорили, что он бы создал настоящую армию, которая смогла бы победить в этой войне⁶⁵⁸. Принимая во внимание то обстоятельство, что лучшими солдатами войны за-

рекомендовали себя Ваффен-СС, то есть, по существу, идеологическое войско Гитлера, а не части вермахта, то мнение партийных бонз не кажется столь уж нелепым и надуманным. Впрочем, после покушения на Гитлера на фронтах последовало некоторое затишье — в немецком тылу даже начали лелеять надежды на быстрое везение. Но в этих надеждах немцы оказались обманутыми: в начале августа 1944 г. южный фланг группы армий фельдмаршала фон Клюге «повис», возникла угроза американского охвата. По своему обыкновению, Гитлер отверг предложение фон Клюге отвести войска до Сены и приказал держаться до последнего солдата, как на Восточном фронте. 17 августа, после того как Клюге на несколько часов исчез со связи, Гитлер его сместил и назначил на его место Манштейна. 18 августа обнаружилось, что Клюге покончил жизнь самоубийством. Его цитированное выше письмо было исполнено лояльности к фюреру, поэтому Геббельс объявил, что знаменитый фельдмаршал умер от инфаркта. В народе, однако, ходили упорные слухи о причастности Клюге к покушению на Гитлера. 19 августа американцы и канадцы окружили в Нормандии 45 тысяч немецких солдат — остатки пяти дивизий вермахта. 24 августа французские войска во главе с Леклерком вошли в Париж, комендант которого, Дитрих фон Хольтитц, отказался от выполнения приказа Гитлера о разрушении города. В самом Париже боевые части отсутствовали, а были только подразделения безопасности для нужд снабжения и управленческих функций. На западе и на юге за пределами Парижа размещалась наспех собранная бригада, но у нее не было тяжелых вооружений, и она могла осуществлять только разведывательные и охранные функции⁶⁵⁹.

Генерал фон Хольтитц прибыл в Париж 9 августа 1944 г., он заменил генерал-лейтенанта фон Бойнебургк-Ленгсфельда, которого арестовали за участие в

заговоре. Перед своим отъездом в Париж фон Хольтитц удостоился личной аудиенции у Гитлера. 15 августа он получил приказ фюрера в случае необходимости взорвать в Париже все мосты, а бои в городе вести, не обращая внимания на возможные разрушения.

Поскольку население Парижа испытывало перебои со снабжением, фон Хольтитц приказал выделить продукты (2 тысячи тонн мороженого мяса, тысячу тонн муки и пр.) из запасов вермахта. Чтобы городские власти приняли продовольствие, шведский дипломат Рауль Нордлинг предложил фон Хольтитцу сделать вид, что продовольствие передано французам от имени нейтральной Швеции — так и было сделано.

Эсэсовцы в такой спешке эвакуировались из Парижа, что забыли о политзаключенных: при посредничестве того же Нордлинга Хольтитц их освободил и передал Красному Кресту⁶⁶⁰. После сдачи Парижа Гитлер отдал приказ об уничтожении французской столицы при помощи ракет и тяжелой артиллерии. Генерал-лейтенант Шпайдель смог предотвратить передачу и исполнение этого приказа. В последнюю минуту Париж был спасен от уничтожения⁶⁶¹. Через несколько дней после взятия Парижа (25 августа) вся Нормандия была очищена от немцев, которые за три месяца боев потеряли там вдвое больше солдат, чем под Сталинградом.

Высадка союзников в Южной Франции между Каннами и Тулоном (операция «Драгун»), в ходе которой на берег за один июльский день высадились 86 757 американских и французских солдат, особенно ухудшила настроения немецкой общественности⁶⁶². Чуть позже отступление из некогда бельгийских Эйпена и Мальмеди (4 сентября) и из Аахена (11 сентября) проходило в условиях паники и дезорганизации. Дело в том, что, в отличие от Восточного фронта, где все немцы стремились уйти вместе с отступающей армией, на Западе партийные функционеры и СА пытались всех поголов-

но немцев, вопреки их воле, выселить из подлежащих оставлению районов в неоккупированную еще часть рейха. Последние не хотели покидать свои дома, иногда даже сопротивлялись, прятались в лесах... Не лучше было положение и в вермахте — фронтовые тылы во Франции были в скандальном состоянии — ветераны говорили, что по сравнению с тогдашним состоянием армии отступление 1918 г., которое нацистские пропагандисты упоминали к месту и не к месту, было просто блестящим отходом выполнившей свой долг и несломленной гвардии. Ошарашенные таким положением дел, иные фронтовики требовали крайних мер для пресечения анархии; раздавались даже требования о введении института политруков с большими, чем у НСФОФ, полномочиями⁶⁶³. На Восточном фронте подобной деморализации армии не наблюдалось. Даже незадолго до 9 мая 1945 г. один немецкий унтер-офицер писал домой, что, несмотря на потери, боевой дух его роты весьма высок, и с восторгом добавлял, что недавно 150 солдат его роты обратили в бегство 1000 советских солдат⁶⁶⁴.

С другой стороны, высокий престиж армии не мешал распространению негативных разложенческих тенденций в армейских тылах, которые составляли 40 % всего личного состава на Восточном фронте. Предметы потребления, продукты питания, деликатесы, которые предназначались для фронтовиков, расхищались и распродавались в армейских тылах, отправлялись домой, родственникам. Борману доносили, что в прифронтной тыловой среде не может быть и речи о товариществе, чувстве общности и долге. Фронтовики писали на родину, что в ближайшем тылу процветают «тыловые крысы» (*Etappenschweine*)⁶⁶⁵. После того как злоупотребления в тылу достигли опасных размеров, Гитлер подписал приказ об усилении фронта (ноябрь 1943 г.) и о высвобождении рабочих рук для производ-

ства вооружений. В приказе говорилось: «Борьба за выживание немецкого народа и за светлое будущее Европы приближается к своему апогею. Шеренги фронтовиков поредели вследствие смертей, ранений, болезней. Непонимание и недоверие между фронтовиками и солдатами в тылу опасно усилилось — это не военная, а чисто психологическая опасность». Эту опасность Гитлер сводил к понятию «тыловая крыса» и объявлял самую беспощадную войну всяким злоупотреблениям, а малейшее сопротивление порядку призывал пресекать «драконовскими мерами»⁶⁶⁶. Во всех городах в Германии был введен строгий контроль над тыловыми подразделениями; довольно строгие прежде параметры годности к фронту были значительно облегчены, что, в целом, вызвало у немцев удовлетворение.

4 сентября Гитлер восстановил в должности главнокомандующего Западным фронтом Рундштедта. Его новый начальник штаба Зигфрид Вестфаль докладывал: «Общая ситуация на Западе крайне серьезная. На всем протяжении фронта мы потерпели тяжелое поражение. Кругом одни бреши, и больше уже нельзя назвать это фронтом. Случится катастрофа, если враг правильно воспользуется предоставившейся ему возможностью. Особенно плохо то, что ни один из мостов через Рейн не подготовлен для подрыва. Эту ошибку придется исправлять в течение нескольких недель. До середины октября враг может совершить прорыв на любом участке, форсировать Рейн и проникнуть вглубь территории Германии, практически не встречая сопротивления»⁶⁶⁷. К тому же на всей линии западного фронта у немцев было около сотни исправных танков. Эйзенхауэр, напротив, имел в своем распоряжении около 6 тысяч танков. Если на востоке главным водным препятствием для Красной армии (после вступления в

Германию) была Эльба, то на западе — с августа 1944 г. — главной целью союзников было форсирование Рейна. Рейн был серьезной преградой: широкая река с быстрым течением, с крутыми скалистыми берегами. Рейн, который со времен Наполеона никто не форсировал, давно рассматривался союзниками как последняя преграда на пути к сердцу Германии, и никто в их лагере не рассчитывал, что удастся захватить хотя бы один мост. Но произошло чудо: железнодорожный мост «Людендорф» у Ремангена был захвачен американской пехотой — ничто после покушения 20 июля не взволновало Гитлера так, как захват этого моста. Он воспринял это как акт предательства и был полон решимости наказать ответственных⁶⁶⁸. Однако его гневные филиппики не могли помочь делу, так как потеря моста означала потерю естественного рубежа обороны на западе. Фюрер собирался наказать виновных, но, по сути, он сам был в этом виноват: по его приказу мосты не взрывали до последнего момента. Дело еще и в том, что мост у Ремангена все-таки взорвали, но он удержался — взрывчатки оказалось недостаточно, а повторно взрывать его времени уже не было. Американцы подремонтировали и некоторое время использовали этот мост.

Первоначально Ремангенский мост в приказах союзников на наступление не упоминался, поскольку здесь и не планировалось наступать — за мостом была холмистая местность, непригодная для танковой атаки. Тем не менее американцы сразу переправили на восточный берег три дивизии, и переброшенная для ликвидации плацдарма 11-я моторизованная дивизия вермахта уже ничего не смогла сделать. Ключом к обороне рубежа Рейна стал Реманген. Если бы союзникам удалось расширить плацдарм в этом районе, то для вермахта всякая надежда предотвратить прорыв была бы утрачена. Фельдмаршал Кессельринг отмечал, что 19 марта 1945 г. ситуация в районе Ремангена приобрела

недопустимую остроту. Правый фланг 7-й немецкой армии был смят. Вдобавок к этому союзники прорвали немецкие боевые порядки и зашли в тыл немецким войскам. Гитлеровское разрешение отвести войска от Ремангена пришло слишком поздно — в ночь с 15 на 16 марта. Получи Кессельринг это разрешение на день раньше, разгром не был бы столь сокрушительным⁶⁶⁹.

Самолеты Люфтваффе в течение 9 дней бомбили Ремангенский мост и еще три временных моста, навешенных через Рейн саперами 1-й американской армии. Немцы пытались уничтожить мост даже с помощью ракет «Фау-2» — это единственный за всю Вторую мировую войну случай, когда ракету использовали в тактических целях. Реманген обстреливала величайшая пушка вермахта — 130-тонный «Карл» (со снарядами весом в 1800 кг)⁶⁷⁰. 17 марта мост из-за повреждений конструкции все же рухнул, при этом погибло 28 американских саперов. Захват Ремангенского моста нанес мощный психический удар по боевому духу немцев, которые надеялись, что Рейн станет для врага непреодолимой преградой.

После захвата моста Рундштедта отстранили от должности. Его заменил фельдмаршал Кессельринг, отличившийся при организации обороны в Италии. Первоначально он был преисполнен энтузиазма и приветствовал свой штаб словами: «Господа, я новая ракета «Фау-3».

Несмотря на энтузиазм нового командующего, положение на Западе продолжало ухудшаться — союзники упорно теснили вермахт, продвигаясь вглубь Германии. В процессе этого продвижения имели место грабежи мирных жителей. Его начали еще солдаты вермахта, а союзники «подхватили» эстафету. Перед въездом в какую-нибудь деревню, расположенную в центральной или южной части Германии, американская военная полиция вывешивала специальные плакаты, гласив-

шие: «Не превышать скорость, не грабить, не брататься с местным населением». Офицер шотландской гвардии отмечал, что операцию по форсированию Рейна точнее было бы назвать операция «Грабеж»: «Предотвратить грабеж было невозможно, — вспоминал этот офицер, — лишь только ограничить его до присвоения предметов, имевших небольшие размеры. Здесь в лучшем положении оказывались танкисты, которые могли разместить в своих боевых машинах все — от печатных машинок до радиоприемников... Я стал кричать на солдат своего взвода, которые грабили дом вместо того чтобы провести в нем зачистку. Но внезапно я обнаружил, что на мне самом уже висят два прихваченных где-то бинокля»⁶⁷¹.

Отношение к войне в союзных войсках было различным. Многие американцы и канадцы были идеалистами, считавшими, что они спасают Европу. Их более циничные собратья по оружию видели свой интерес в торговле на черном рынке. Французы, особенно из числа тех, кто пережил позор 1940 г., считали необходимым отомстить немцам. Офицеры британской армии считали, что примут участие в борьбе не на жизнь, а на смерть, но вскоре обнаружили, что эта война представляет собой скорее «страничку из истории их полка, вступившего в состязание против не слишком подготовленного в спортивном отношении противника»⁶⁷². Естественно, что ничего подобного не наблюдалось на Восточном фронте.

Вместе с тем, даже и в критической ситуации завершения войны вермахт мог эпизодически проявлять свои боевые качества — так, 19 сентября, в рамках операции «*Market Garden*», подготовленной Монтгомери, британские и польские ВДВ высадились у голландского Арнхейма для того, чтобы обеспечить захват важных рейнских мостов. «Маркет» являлся воздушным десантированием, а «Гарден» — наземной операцией. Во вре-

мя наступления планировалось захватить мосты через каналы и через Нижний Рейн. Обе части операции завершились провалом. Десантники союзников натолкнулись на ожесточенное сопротивление II-го танкового корпуса Ваффен-СС: 1130 английских и польских солдат было убито, 6400 попали в плен⁶⁷³. После этого союзная авиация сравняла голландский город с землей. События в Арнхейме немного приподняли настроение немецкой общественности.

В Лотарингии у союзников также были проблемы — американский генерал Патон столкнулся со значительными трудностями в боях против группы армий «Г» генерала Вильгельма Валька. Хотя Патон клялся, что пройдет укрепления Западного вала, как нож проходит сквозь масло, Бальк (ветеран Восточного фронта, один из творцов «донецкого чуда») смог максимально использовать выгоды своих позиций и не уступал их до 13 декабря⁶⁷⁴.

Несмотря на успехи под Арнхеймом и в Лотарингии, «Западный вал» так и остался мифом нацистской пропаганды, который подействовал и на союзников — в начале сентября 1944 г. их войска начали перегруппировку. Если бы союзники продолжали атаковать, они смогли бы преследовать германские силы и закончить войну на полгода раньше. Для немцев остановка союзного наступления была, как «чудо на Марне» для французов в 1914 г. Яростное наступление союзников вдруг прекратилось, хотя на Восточном фронте продолжались тяжелые бои, и снять оттуда войска Гитлер при всем желании не мог...⁶⁷⁵

Тем временем внимание немецкой общественности привлекло Варшавское восстание, которое началось 1 августа 1944 г. в рамках разработанного лондонским эмигрантским правительством Станислава Миколайчика плана захвата власти в Польше. Этот захват был

затруднен состоянием советско-польских отношений когда немцы в апреле 1943 г. нашли захоронения польских офицеров в Катынском лесу (интересно, что слово «кат» это устаревшее «палач»), недалеко от Смоленска, польское правительство потребовало расследования обстоятельств их гибели. Советская сторона долго доказывала, что польских офицеров в лесу под Смоленском расстреляли не палачи из НКВД, а ээсовцы. Сталин разорвал дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне. По его распоряжению в СССР началось формирование просоветских польских частей во главе с генералом Зыгмундом Берлином.

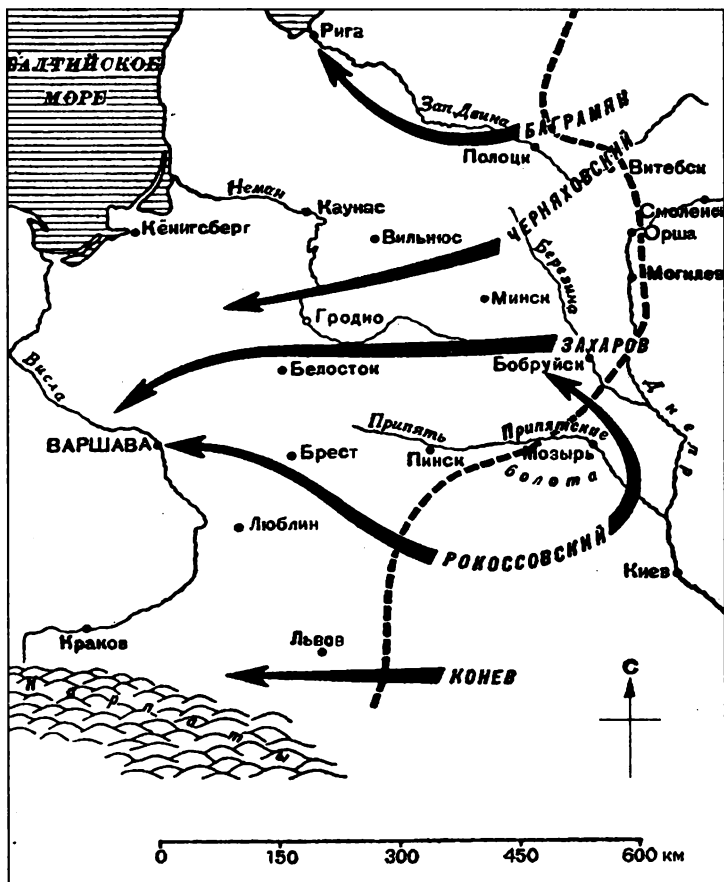
В июне 1943 г. глава польского эмигрантского правительства генерал Владислав Сикорский погиб в авиакатастрофе над Гибралтаром. Его сменил не менее антисоветски настроенный Станислав Миколайчик (чи приверженцы тут же обвинили в смерти Сикорского НКВД, что не было доказано). Когда советские войска подошли к Варшаве, Армия Крайова по указанию из Лондона подняла восстание, чтобы в самостоятельно очищенной от немцев польской столице быть хозяйкой положения и передать полномочия Миколайчику.

К 6 августа 1944 г. восставшие бойцы «Армии Крайовой» (*Armia Krajowa*) держали под контролем почти весь город и намного увеличили запас вооружений за счет захваченных у немцев трофеев. 8 августа в город прибыл группенфюрер СС Бах-Зелевский, специалист по борьбе с партизанами. Немцы не хотели снимать с фронта регулярные части вермахта и поручили эту полицейскую задачу СС. С другой стороны, СС сами стремились к полной свободе действий, к свободе от наблюдателей и постороннего вмешательства. Бах-Зелевский развернул против повстанцев две части — бригаду Каминского, состоящую из советских перебежчиков и головорезов, специально отобранных в Восточной

Европе, и бригаду СС оберфюрера Оскара Дирлевангера. Можно представить себе, как действовали такие части в уличных боях, да еще в районе, где находилось гражданское население. Пленных обливали бензином и сжигали заживо, грудных детей накалывали на штыки и выставляли из окон как флаги; женщин вешали с балконов вниз головами. Смысл, как сказал Гиммлер Геббельсу, состоял в том, чтобы восстание прекратилось максимально быстро. Когда Гудериан узнал о том, как в Варшаве действовали эсэсовцы, он потребовал удаления обеих бригад из города, что Бах-Зелевский и сделал, подчиняясь приказу вышестоящего командира, а Каминского он даже приказал расстрелять⁶⁷⁶.

Быстро подавить восстание не удалось — у поляков была прекрасная дисциплина, хорошее вооружение и большой опыт изготовления подрывных зарядов. В сентябре немцам пришлось ввести в Варшаву еще четыре полицейских батальона⁶⁷⁷. Советская сторона при этом ничего не предпринимала, даже отказала в аэродромах для дозаправки английских самолетов, доставлявших Варшаве помощь. Только когда силы поляков были на исходе, поступило разрешение использовать аэродромы, и 18 сентября 107 «летающих крепостей» сбросили 1282 контейнера с продовольствием и оружием, 9/10 которого попало в руки немцев⁶⁷⁸.

Один из поляков рассказывал, что когда над Варшавой рассеивался дым, с самого высокого здания они могли разглядеть, как немецкие и советские солдаты благодушно купались на противоположных берегах Вислы, как бы в молчаливом признании перемирия, которому суждено было длиться все время, пока гибнет цвет польских воинов⁶⁷⁹. Трудно категорично утверждать, что у Сталина были антипольские настроения, но отсутствие советско-польского военного сотрудничества стало одной из причин трагедии Варшавского восстания. К январю 1945 г. около 200 тысяч варшавян

После долгого рывка от Березины и Днепра советские войска к осени 1944 г. оказались на Висле

было убито, около 800 тысяч жителей Варшавы было выселено немецкими властями в другие районы Польши. По сравнению с Варшавой, ни одна европейская столица и ее жители не пострадали в войну столь значительно. Лондонское эмигрантское правительство так и не смогло оправиться от политических, военных и психологических последствий поражения Варшавского восстания⁶⁸⁰.

После войны в Польше долго сохранялись антинемецкие и антисоветские настроения, в том числе и из-за Варшавского восстания. Пленные повстанцы первоначально были переданы эсэсовцам. Командующий войсками АК генерал Бур-Комаровский был знакомым адъютанта Гитлера Фегелейна: до войны они неоднократно встречались на международных спортивных турнирах (оба были пятиборцами). Фегелейн о нем позабылся, и Бур-Комаровский пережил войну⁶⁸¹. Впрочем, по распоряжению Гитлера, на которого произвел впечатление героизм варшавских повстанцев, их признали комбатантами и обращались с ними как с военнопленными.

В последующих военных действиях, уже на территории Германии, желание поляков отомстить за то, что они претерпели от немецких оккупантов, было настолько велико, что вредило советским войскам, поскольку препятствовало сбору разведанных. Начальник управления НКВД 1-го Белорусского фронта Серов жаловался Берии, что солдаты 1-й армии Войска Польского относятся к немецким военнопленным особенно жестоко: захваченные пленные не доходят до места сбора — их расстреливают по дороге. Например, на участке 2-го стрелкового полка 1-й стрелковой дивизии поляками были взяты в плен 80 немецких солдат, но только двое из них добрались до штаба. Всех остальных убили по дороге. Эти двое были допрошены полковым начальством, и их отправили в разведот-

дел. Но до него они не дошли — их расстреляли недалеко от штаба⁶⁸².

Хотя в советской литературе приводилось достаточно большое количество объективных причин задержки советского наступления на Варшаву в августе — сентябре 1944 г., — советские войска действительно в предыдущий период долго наступали, растянули коммуникации и не были полностью готовы к новому броску, — но отказ от помощи повстанцам и очевидная неприязнь Сталина к АК продемонстрировали родство нацистской и большевистской диктатур. Английский историк Тревор Роупер писал: «Иногда считают, что Гитлер и Сталин — фундаментально противоположные явления, один крайне правый диктатор, другой — крайне левый. Это не так. Оба, в сущности, хотя и по-разному, стремились к одинаковой власти, основанной на одинаковых классах и поддерживаемой одинаковыми методами. И если они боролись и оскорбляли друг друга, то делали это не как несовместимые политические антиподы, а как хорошо подобранные соперники. Они восхищались, изучали и завидовали методам друг друга; их общая ненависть была направлена против западной цивилизации либерального XIX в., которую они открыто желали уничтожить»⁶⁸³.

На самом деле, очевидно стремление Сталина в заключительной стадии войны обеспечить наиболее благоприятные геополитические условия для последующей советской экспансии. Именно для этого он был намерен оставить себе Восточную Европу и Балканы и отодвинуть советскую границу как можно дальше на запад. Прямое наступление на Берлин, прежде чем будут захвачены Балканы, могло означать, что война закончится, когда большая часть Восточной Европы еще останется под номинальной немецкой оккупацией. За внезапным прекращением военных действий могло

последовать возникновение буржуазных администраций, которые обратились бы к союзникам за помощью в деле проведения свободных выборов. На таких выборах у коммунистов не было шансов — Сталин это прекрасно понимал. Таким образом, осенью 1944 г. центр тяжести Восточного фронта сместился на юг, к Балканам. В августе Сталин создал еще один фронт — 4-й Украинский (им командовал генерал И. Е. Петров); его задачей было наступление на Будапешт. 2—4-й Украинские фронты имели в сумме 38 дивизий полного состава против 25 потрепанных немецких дивизий группы армий «Украина» Фердинанда Шернера. Вскоре Шернера перевели в Курляндию; там он принял командование немецкими силами — остатками прежней группы армий «Север»⁶⁸⁴. В октябре 1944 г., ссылаясь на какие-то сегодня совершенно непонятные, но тогда якобы существовавшие предпосылки для ведения операций из Курляндии против открытого фланга советских войск, Гитлер решительно отклонил предложение о прорыве курляндской группы армий в Восточную Пруссию и упустил, таким образом, последнюю возможность создания на границах Восточной Пруссии прочной обороны. В Курляндском котле осталось 26 закаленных в боях дивизий и большое количество артиллерии. Эти войска с огромным упорством и ни на минуту не ослабевавшей волей к сопротивлению обороняли этот район вплоть до самого последнего дня войны. Часть сил Курляндской группировки удалось эвакуировать морем, но основные силы находились в безнадежной с оперативной точки зрения ситуации и должны были, как писал генерал Бутлар, издали наблюдать за тем, как под ударами с Востока рушится рейх⁶⁸⁵. Некоторое время этой группой армий руководил Шернер — один из самых преданных Гитлеру фельдмаршалов. Курляндская группировка держалась до последнего — только 9 мая в Курляндском котле в плен сдались

45 генералов, 8 038 офицеров и 183 тысячи рядовых вермахта⁶⁸⁶.

Что касается южного фланга Восточного фронта, то 20 августа оба фронта — Малиновского и Толбухина — двинулись на румынские дивизии и через несколько часов оказались в полях Бессарабии. Большинство румын попросту сложили оружие и растворились в деревнях. Другие присоединились к советской армии. Немецкая 6-я армия была окружена. Ирония истории заключалась в том, что «воскрешенная» 6-я армия закопалась на правом берегу Днестра (как и на Волге за два года до этого), прикрывая Яссы и Кишинев совместно с двумя румынскими армиями с такими же зловещими (как и под Сталинградом) номерами — 3-я и 4-я. Остатки «новой» 6-й армии сломя голову бежали к границам Венгрии. Теперь вся германская позиция в Южной Европе была на грани развала, восстановить ее из-за нехватки резервов было невозможно.

Решающим испытанием для немцев на Балканах стали события осени 1944 г. Румыния под натиском наступающих советских войск уже развалилась, а Болгария 8 сентября объявила войну Германии. В результате все левое крыло Балканского фронта оказалось взломанным. Между тем Гитлер упорно не допускал отвода немецких войск с территории Греции. В июне 1944 г. он планировал в Греции строительство базы подлодок. Несмотря на его бестолковые приказы и промедление с приказом об отходе, генерал-полковник Александр Лер смог в один прием отвести войска из Греции в Хорватию. Основные силы его армии состояли из малоподвижных частей — даже экипажи подлодок и личный состав аэродромного обслуживания Люфтваффе уходили из Греции в пешем строю. Через горы и долины, преодолевая расстояния более чем в тысячу километров, волы и мулы тянули тяжелые крепостные орудия. Англичане не спешили преследовать

немцев — они уже занялись усмирением коммунистического Сопротивления в Греции. Силы коммунистов в Греции были весьма значительны — гражданская война там длилась до 1949 г.

Иначе действовали болгары — 11 сентября 1944 г. Болгария вышла из союза с Германией и, в свою очередь, объявила бывшей союзнице войну. Сталин, с тем чтобы иметь возможность преследовать немцев по территории Югославии, объявил войну Болгарии. Таким образом, Болгария стала единственной страной, «воевавшей» одновременно и с Германией и с Советским Союзом. Проявляя большой энтузиазм, болгары многочисленными отрядами теснили отступающие с востока немецкие колонны, стремясь отбросить немцев в высокогорные районы западной части Балкан. Севернее болгар двигалась лавина советских танков, используя шоссе Ниш-Белград, по которому в 1941 г. в Грецию прошла танковая группа Эвальда фон Клейста⁶⁸⁷. Несмотря ни на что, в конце декабря 1944 г. Лер вывел свои войска туда, где они и должны были находиться в соответствии с приказом Гитлера — на границы Хорватии.

Немецким войскам группы генерала Вейхса также пришлось с большим трудом пробиваться из Сербии на север. Это был долгий и мучительный отход. Железные дороги были для них недоступны, поэтому немцы с трудом пробивались домой по пыльным извивающимся проселкам Сербии и Черногории. Один из немецких офицеров писал в мемуарах: «Отступление наше было ужасным. Иногда дороги на перевалах были заминированы на протяжении 20—30 км подряд, и после первой недели мы потеряли большую часть нашего транспорта. Многие из нас полностью сносили свою обувь и бросили все, кроме винтовок. Ночью приходилось ставить в караул половину роты, потому что партизаны не давали нам покоя. Каждая деревня, че-

рез которую мы проходили, подтверждала невероятную свирепость этой партизанской войны...»⁶⁸⁸

Предательство союзников (Румынии и Венгрии) и взрывы ненависти и мести, которые стали происходить на оккупированных территориях при ослаблении немецкой администрации, стали шоком для вермахта и даже для СС. С безмятежностью следовавшие завету Макиавелли — «пусть лучше тебя боятся, чем любят», — немцы верили, что поскольку они — раса господ, никому, кроме большевиков и евреев, не придет в голову им противостоять⁶⁸⁹.

29 октября 1944 г. Сталин оказал сильное давление на командующего 2-м Украинским фронтом Малиновского, просившего у него пять дней для подготовки наступления на Будапешт. Но уже в первые дни ноября 1944 г. стало ясно, что операция по овладению Будапештом обречена на провал. Новый план овладения Будапештом, предложенный Генштабом, также оказался нереальным. Войска 2-го Украинского фронта втянулись в затяжные бои, продолжавшиеся 3,5 месяца. В ходе боев на венгерской земле погибло 140 тысяч солдат и офицеров, большая часть их пала в ходе прямолинейных штурмовых действий в Будапеште — прежде всего, по вине Сталина⁶⁹⁰.

Последний всплеск положительных эмоций у немецкой общественности вызвал первоначальный успех Арденнского наступления вермахта и Ваффен-СС. Идея и руководство этой операцией целиком принадлежали Гитлеру, дух которого практически был сломлен, физическое состояние ухудшалось, но интеллект еще сохранял некоторую остроту. В конце 1944 г. Гитлер признался своему адъютанту по Люфтваффе Николаусу фон Белову: «Я знаю, что война проиграна — вражеское превосходство слишком велико»⁶⁹¹. В новых условиях Гитлер афористично сформулировал принцип

новой стратегии: «Исход войны окончательно решается одной стороной, или другой, признавшей, что война не может быть выиграна»⁶⁹². С зимы 1944—1945 гг. этот принцип определял политику Гитлера. Еще он сказал: «Никогда в истории не было такого союза, как коалиция наших врагов, составленная из таких чуждых элементов с такими расходящимися целями... Ультракапиталистические государства, с одной стороны; ультрамарксистское — с другой. С одной стороны, умирающая Британская империя; с другой стороны — колония, желающая овладеть ее наследством, Соединенные Штаты Америки. Каждый участник вошел в эту коалицию с надеждой осуществить собственные политические цели...» В начале 1945 г. Гитлер признавал: «Наша промышленность истощается, падает уровень подготовки кадров и компетентность командиров. Однако подобное уже имело место в истории. В данный момент я перечитываю том писем Фридриха Великого. Вот что он пишет на пятый год Семилетней войны: “Было время, когда я отправлялся в поход с Лучшей армией в Европе. Сейчас у меня одно отребье. Нет у меня больше командиров, мои генералы ни на что не способны, офицеры не в состоянии командовать, а вид солдат вызывает жалость”. Трудно представить себе более трудное положение, и тем не менее Фридриху удалось с честью выйти из войны и добиться определенных выгод»⁶⁹³.

Гитлер полагал, что наилучшим решением станет внезапный неистовый удар против одного из партнеров; он лишит всю коалицию воли продолжать борьбу. Самым слабым звеном и морально, и физически, по мнению Гитлера, были англосаксы — неожиданный и мощный удар «приведет их в чувство». Тем более что к моменту наступления ОКХ смог накопить резерв, состоящий из 7 танковых дивизий и 13 дивизий фольксгренадер⁶⁹⁴.

Именно в Арденнах Гитлер усмотрел слабое звено коалиции: на стыке американской группы армий генерала Омара Брэдли и английской группы фельдмаршала Бернарда Монтгомери. Для осуществления удара Гитлер впервые разрешил сформировать танковую армию СС во главе с Зеппом Дитрихом. На острие удара во время Арденнского сражения находилась 5-я танковая армия Хассо фон Мантойфеля, талантливого молодого генерала, внука военного героя, чемпиона Германии по пятиборью, воплощения прусской военной традиции. Мантойфель был одним из немногих офицеров, который позволял себе открыто не соглашаться с Гитлером, а однажды он не выполнил его приказ⁶⁹⁵. Целью операции было повторение «серповидного разреза», который вермахт с блеском осуществил в 1940 г., но на этот раз целью был не Париж, а Антверпен — крупнейший порт, через который шел большой поток снабженческих грузов колоссальной союзнической армии: Гитлер хотел выйти к Антверпену, а затем окружить и уничтожить противника.

12 декабря 1944 г. Гитлер в Ставке собрал офицеров, занятых в Арденнской операции — вплоть до начальников штабов дивизий — и в ходе одного из самых длинных своих монологов пытался их убедить в том, что силы в Арденнах практически равноценны (разумеется, это было не так), что вражеская коалиция стоит на грани развала. Фельдмаршал фон Рундштедт писал в приказе о начале наступления: «Солдаты Западного фронта! Настал великий час — против англо-американцев сосредоточены большие силы. Больше я ничего не буду говорить, вы сами все чувствуете, ибо речь идет о великом повороте. Выполните свой долг, сделайте невозможное для фюрера и рейха!»⁶⁹⁶ Странно, но Гитлер был убежден в том, что на Восточном фронте не будут вестись активные боевые действия до тех пор, пока Сталин не договорится о статусе марионеточного

польского правительства, которое он создал в Люблине. ОКХ также придерживался мнения, что пока Рузвельт и Черчилль де-юре не признают Люблинский комитет, Сталин не станет вести активные боевые действия, и под Арденнами союзники потерпят поражение⁶⁹⁷.

19 декабря началась тщательно засекреченная операция, заставшая американцев врасплох. Вдобавок шел снег, и союзническая авиация бездействовала. Первую волну наступающих войск вермахта в операции «Гриф» составили солдаты Ваффен-СС, переодетые в американскую форму — их действия были довольно эффективны. Однако, хоть и переодетые в американскую форму и владевшие английским, подопечные Отто Скорцени, не зная американских реалий, часто попадались: так, на американской армейской заправке немецкие диверсанты вылезли из джипа и потребовали «*petrol, please!*», а американцы называют бензин «*gas*». В итоге немцы были арестованы. Когда американцы обнаружили второй джип с переодетыми немцами, среди них началась легкая паника, и они начали дотошно проверять на дорогах всех подряд. Даже генерала Омара Брэдли, командующего 12-й группой армий, дорожный патруль стал расспрашивать о незначительных американских реалиях (например, кто подружка Микки Мауса или кто такие Дем Бамс). Брэдли впоследствии вспоминал, что полмиллиона американских солдат, встречаясь на дорогах, играли в кошки-мышки, выражавшиеся в бесконечных допросах на дорогах. Удостоверениям личности никто не верил. Брэдли должен был назвать столицу штата Иллинойс — Спрингфилд (допрашивающий считал, что Чикаго), во второй раз Брэдли предложили назвать место защитника на линии схватки в регби, в третий раз ему предложили назвать очередного супруга кинозвезды Бетти Грэйбл. Кто это такая, генерал вообще не знал, но часовой,

довольный тем, что поставил большого начальника в тупик, разрешил ему продолжить путь. Более всего американцы опасались похищения Эйзенхауэра — чтобы воспрепятствовать этому, американский полковник, внешне похожий на главнокомандующего, непрерывно курсировал в генеральской форме между Сен-Жерменом и Фонтенбло, отвлекая внимание гипотетических эсэсовских командос⁶⁹⁸.

К 25 декабря, однако, погода наладилась, в небе появилась союзническая авиация и началось американское контрнаступление, а немцы не смогли даже до Мааса. В обычной войне поражение в Арденнах немедленно привело бы к окончанию военных действий. Однако, вследствие требования безоговорочной капитуляции, война отнюдь не была обычной. Следуя этому «идиотскому лозунгу» (по выражению Фуллера), западные державы не могли предложить никаких, даже самых суровых и унижительных, условий⁶⁹⁹. Война перестала быть стратегической проблемой, — борьба перешла в чисто политическую сферу.

Известия о наступлении в Арденнах и первоначальных успехах вызвали у немцев последний приступ эйфории — этого наступления ждали, как ждут дождя в засуху; немцы на некоторое время воспрянули духом, ведь вермахт снова оказался активен. Особенного ликования не было отмечено, но свидетели вспоминали, что было ощущение волшебного освобождения от кошмара; часто говорили, что это наступление — лучший новогодний подарок; добрым словом стали поминать даже полностью обанкротившийся Люфтваффе⁷⁰⁰. В итоге, однако, наступление вермахта в Арденнах не достигло цели, но оно на месяц отвлекло внимание союзников от подготовки и проведения вторжения в Германию. К 16 января 1945 г. в прорвавшейся в глубину обороны противника на 100 км группировке немецких войск не осталось боеспособных частей. Туман,

мешавший действиям союзной авиации, рассеялся, что позволило самолетам наносить удары по германским транспортным колоннам. Дороги, по которым отступали немцы, вскоре оказались забитыми обгоревшими остовами немецких танков и другой техники. Для Германии потеря 800 танков была уже невозполнимой. Союзники же могли восстановить подобный урон в течение двух недель⁷⁰¹. Арденнское контрнаступление немцев отложило форсирование Рейна только на две недели.

Неудача наступления была приписана Гитлером трусости генералов; один из них, танковый генерал Мантойфель, сказал: «После провала Арденнского наступления Гитлер стал воевать, как капрал. Никаких больших планов, лишь множество боевых столкновений». Прежняя самостоятельность командиров исчезла — командующий немецкими войсками на западе фельдмаршал Рундштедт однажды заметил, что единственные солдаты, которыми он может распоряжаться по собственному усмотрению, это те, кто охраняет двери его кабинета⁷⁰².

В начале января 1945 г. Черчилль, несмотря на то что напряженность в Арденнах уже была преодолена, слукавил и попросил Сталина осуществить крупное наступление. Сталин поддался на эту уловку и обещал, не считаясь с погодой, во второй половине января провести наступление. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, сосредоточенные на Висле, к 12 января 1945 г., когда началось наступление, не просто превосходили противника, — они имели над ним подавляющее преимущество. Варшава была освобождена именно в январе. Марсель Рейх-Раницки вспоминал, что в освобожденной Варшаве солдаты Красной армии выглядели ужасно — они недоедали, они были крайне утомлены, их плохо снабжали, их форма выглядела жалко. На мясных американских консервах,

которые они получали по ленд-лизу, Рейх-Раницки прочел: «Для собак». Сигареты в Красной армии получали только офицеры, а солдаты крутили знаменитые «козьи ножки»⁷⁰³.

1-й Украинский фронт начал наступление 12 января, через два дня к нему присоединился 1-й Белорусский фронт. За 48 часов немецкая оборона была прорвана. Советское наступление на Балтику вынудило миллионы беженцев поспешить на запад в рейх, или же на побережье севера — к портовым городам. Советская Ставка планировала четыре операции прорыва: на Кенигсберг (Черняховский), Данциг (Рокоссовский), Познань (Жуков) и Бреслау (Конеv). При этом предстояло задействовать 30 общевойсковых армий, пять танковых и четыре воздушные армии при поддержке особых механизированных группировок и дивизий артиллерийского прорыва⁷⁰⁴.

16 января 1945 г. Гитлер прибыл в Берлин — с этого дня и до конца рейхсканцелярия стала его постоянной резиденцией. Во время войны фюрер редко бывал в столице — он, подобно средневековому королю, перемещался из одной специальной резиденции в другую. Берлинцы даже не подозревали, что Гитлер вернулся в Берлин⁷⁰⁵. Переезд Гитлера был связан с тем, что в январе 1945 г. Красная армия оказалась в Восточной Пруссии, которую обороняла группа армий «Центр», переименованная в группу армий «А», под командованием генерал-полковника Ганса Рейнгарда. Его войска насчитывали около 600 тысяч солдат, 700 танков, 800 артиллерийских орудий и 1300 самолетов. Противостоявшие им войска трех советских фронтов насчитывали 1,7 миллиона солдат, 3300 танков, 28 тысяч орудий и 10 тысяч самолетов. 21 января 1945 г. войска 2-го Белорусского фронта взяли Танненберг, мемориальный комплекс которого отступавшие немецкие войска взорвали, а останки Гинденбурга вывезли на Запад вме-

сте с боевыми знаменами немецких полков, отличившихся в боях с 1-й армией Самсонова в 1914 г. Как отмечал в дневнике один из чиновников немецкого МИДа, «уничтожением мемориала немцы официально признали тот факт, что у них не осталось надежды когда-либо вернуться в Пруссию»⁷⁰⁶. О подавляющем советском превосходстве немцам было хорошо известно — 12 января, за несколько дней до советского наступления, Гудериан располагал серьезным документом, подготовленным руководителем отдела «Иностранные армии — Восток» при ОКХ Рейнхардтом Геленом. Гелен предполагал, что наступление начнется 12 января при 11-кратном превосходстве советской стороны в артиллерии, 15-кратном — в солдатах и 20-кратном — в авиации. Гитлер не поверил этим цифрам и 25 декабря, вместо усиления центрального участка фронта, приказал перебросить 4-й танковый корпус СС, дислоцированный южнее Варшавы, и две моторизованные дивизии для деблокирования Будапешта.

1-й Украинский фронт должен был взять Бреслау и Силезский промышленный район, который Сталин обвел на карте ногтем и сказал Коневу: «Золото»...⁷⁰⁷ Он имел в виду огромную индустриальную ценность этого района. В 20-х числах января Конев начал успешное окружение Силезского промышленного района, развернув при этом 3-ю гвардейскую армию Рыбалко таким образом, чтобы она прорвалась в тыл к немцам. Пока танки Рыбалко осуществляли этот сложный маневр, пехота Конева (60-я, 59-я и 27-я армии) атаковала по всему фронту, оттесняя германские гарнизоны. С тем чтобы в соответствии с указом Сталина не повредить производственные мощности, обычно безжалостный Конев давал противнику возможность для отхода. Этим воспользовался командующий немецкой группой армий генерал-полковник Шернер и эвакуировал на Одер 17-ю армию. Когда эвакуация уже шла

полным ходом, Шернер доложил об этом Гитлеру. Генералов наказывали и за меньшее неповиновение, но Гитлер знал о безоговорочной преданности Шернера и потому ограничился сухим комментарием: «Да, Шернер, если вы и впрямь так думаете, то поступаете правильно»⁷⁰⁸.

Во время наступления, начавшегося по просьбе Черчилля, несмотря на численное превосходство, Красная армия не смогла обойтись минимумом жертв — при возросшем мастерстве и материальном превосходстве большие жертвы вообще не требовались. Из-за погоды советская авиация не появилась в небе, а артиллерия не могла вести прицельный огонь (многие огневые средства противника, начиная от первой позиции и далее в глубину, оказались неподавленными). В таких условиях то в одном, то в другом месте фронта стали применяться так называемые «сквозные атаки», известные еще с Первой мировой войны. Смысл их в том, что пехота при поддержке артиллерии наступала цепями. Если первую цепь скашивали пулеметы противника, то двигавшиеся за ними другие цепи продолжали наступление. С точки зрения людских потерь, «сквозные атаки» были весьма расточительны, но они применялись довольно часто. Советские войска несли огромные, ничем не оправданные потери. Жуков, Конев и Рокоссовский не смогли убедить Сталина отложить наступление до хорошей погоды, поскольку никакой необходимости «спасать союзников» не было, — им ничего не угрожало⁷⁰⁹. В операциях по освобождению Польши погибло 600 тысяч советских воинов. Если учесть, что на одного убитого в 1944—1945 гг. приходилось от трех до пяти раненых, то общие потери при освобождении Польши составили не менее 2,5 миллиона солдат⁷¹⁰.

Пресловутые «сквозные» атаки применялись советским командованием до конца войны. Так, австралийский военный врач Эдгар Рэндолф, попавший в немец-

кий плен еще в 1941 г., был свидетелем такой атаки в Силезии. «Шталаг», где находился Рэндолф, располагался на возвышенности, и 4 апреля пленные наблюдали развитие атаки красноармейцев на немецкие позиции. «В 8 часов утра русская пехота устремилась по равнине в направлении немецких позиций у реки. Даже теперь, когда я вспоминаю этот бой, мне становится не по себе. Русские появились на гребне холма как раз против лагеря. Они шли цепями по 20 человек в каждом взводе, на расстоянии метров пятидесяти друг от друга. И вскоре они заполнили всю равнину вплоть до горизонта. Их было тысячи. Неторопливым шагом они неумолимо шли к своей цели. Залечь под немецкими пулями они даже не пытались. Просто шли вперед. Немцы, окопавшиеся у реки, открыли по ним шквальный огонь, и мы видели, как идущие русские падают по одному, по двое, а то и по трое. Строй смыкался над павшими, а когда живых бойцов во взводе оставалось слишком мало, они примыкали к ближайшему подразделению. И так они наступали приблизительно минут 20—30, пока передовые позиции не оказались метрах в 200 от немецких окопов. Только тогда русские залегли и открыли шквальный огонь. Вторая линия наступавших миновала боевые порядки залегших товарищей и тоже открыла огонь. Так они приближались к реке, и перестрелка становилась все ожесточеннее»⁷¹¹.

Несмотря на страшные потери, наступление с территории Польши в середине января 1945 г. было успешным; в ходе этого наступления советское преимущество стало подавляющим⁷¹². Именно после успеха этого наступления Гитлер вместо оперативного руководства обратился к тактическому, стал командовать на фронте дивизиями и, естественно, вскоре потерялся и запутался в лабиринте проблем.

Ответом фюрера на прорыв советских танковых бригад в направлении Берлина в феврале 1945 г. стал при-

каз сформировать дивизию «истребителей танков» (*Panzerjagd*). Это многообещающее название оказалось очередным нацистским блефом. Соединение представляло собой подразделение велосипедистов, каждый из которых вез с собой два фаустпатрона. Предполагалось, что как только появятся советские танки, боец спрыгнет с велосипеда и уничтожит бронированную машину⁷¹³. Между тем любой опытный солдат скорее предпочел бы уничтожать танки с большой дистанции с помощью 88-мм орудия, чем рисковать, подбираясь с фаустпатроном на очень близкое расстояние.

9 января 1945 г. Гудериан предупредил Гитлера: «Восточный фронт напоминает карточный домик». Но Гитлер упрямо продолжал думать, что подготовка русскими наступления — всего лишь гигантский блеф. Он требовал твердо удерживать занимаемые позиции и перебросил танковые резервы из Польши в Венгрию, тщетно пытаясь облегчить положение немецких войск в Будапеште. Несмотря на очевидный крах Восточного фронта, Гитлер после неудачи в Арденнах отправил 6-ю танковую армию Ваффен-СС Зеппа Дитриха не на Одер, а в Венгрию, с тем чтобы удержать нефтяные месторождения, а также для того чтобы воспрепятствовать потере Вены. Из всех его стратегических промахов это был самый невероятный. В результате через несколько дней, когда 12 января 1945 г. началось наступление Красной армии, фронт немецких войск на Висле рухнул. До конца января советское наступление расширилось на весь Восточный фронт. Обе оборонявшиеся немецкие группы армий — «Центр» (генерал-полковник Рейнхардт) и «А» (генерал-полковник Харпе) — не смогли сдержать советского натиска, поскольку у них не было резервов. Фронт был прорван, а 2-я, 3-я и 4-я немецкие танковые армии практически перестали существовать. Общего немецкого фронта обороны не стало. Из польской столицы вермахт ушел

17 января, 19 января — из Кракова. Советская армия вышла к Силезии; Познань, Торн и Грауденц были окружены и тотчас объявлены Гитлером «крепостями». Очень важный в военно-экономическом отношении район Верхней Силезии попал в руки Красной армии не разрушенным.

Не менее 60 тысяч немецких солдат вплоть до 23 февраля удерживали Познань под атаками 8-й гвардейской и 69-й армий. При штурме средневековой цитадели под огневым прикрытием использовали осадные лестницы, барабаны, наполненные взрывчаткой. Эти барабаны выкатывали на край рва, поджигали фитили и толкали к амбразурам — только таким способом красноармейцам удавалось подавить огневые точки противника⁷¹⁴.

После падения Варшавы и разгрома немецких войск в Польше Гитлер кричал, что он «требуется крови Генерального штаба», что пора «известить эту подлую клику». Он издал приказ, в котором говорилось, что ни один командир не имеет права атаковать, контратаковать или отступить, не уведомив предварительно о своих намерениях высшее командование и фюрера. Как заметил Альберт Ситон, «Гитлер был готов вести свои военные игры из Берлина подобно чемпиону-шахматисту, ведущему сеанс одновременной игры с дюжиной противников»⁷¹⁵.

Замерзшая земля благоприятствовала быстрому продвижению танковых соединений. 25 января советские войска уже были под стенами Бреслау, а к 5 февраля 1-й Белорусский фронт вышел к Одере у Кюстрина, от которого было 80 км до Берлина. Здесь советские войска были на некоторое время задержаны умелыми действиями генерала Хайнрици. Зато в Восточной Пруссии войска Рокоссовского прорвались к Балтике и отрезали двадцать пять немецких дивизий⁷¹⁶. Там сборные немецкие части также не могли сдержать

натиск советских солдат. В живой силе соотношение сил было — от 9 до 11 к 1, а в артиллерии — от 10 до 20 к 1 в пользу Красной армии. 21 января советские войска взяли имевший огромное символическое значение Танненберг, место, у которого русская армия была окружена в августе 1914 г. К 29 января был окружен Кенигсберг. 5-я ударная армия генерал-лейтенанта Берзарина дошла до Одера и, форсировав его, захватила небольшой город Киниц, жители которого были ошеломлены этим событием: в начале февраля в сводках немецкого командования говорилось, что линия фронта проходит по Бзуре, западнее Варшавы. Но Красная армия находилась уже в 70 км от Берлина. Когда потрясенный начальник железнодорожной станции Киница подошел к полковнику Есипенко, командиру авангарда 5-й ударной армии, с вопросом, отправлять ли поезд на Берлин, тот ответил: «Сожалею, господин начальник, но это невозможно. Отныне и до конца войны пассажирские поезда на Берлин некоторое время ходить не будут»⁷¹⁷.

«Подкрепление» Восточный фронт получил в виде преданных Гитлеру генералов и партийных функционеров: генерал-полковник Шернер возглавил группу армий «Юг» и вместе с гауляйтером Ханке должен был продолжить борьбу в Силезии; генерал-полковник Рендулич возглавил новую группу армий «Север» (бывшая «Центр») и вместе с гауляйтером Кохом должен был оборонять Восточную Пруссию; рейхсфюрер СС Гиммлер был назначен командующим вновь созданной группой армий «Висла» и должен был защищать Померанию. Но и эти кадровые перестановки ничего не изменили. 26 февраля Красная армия осадила Кольберг на Балтике, который также был объявлен Гитлером «крепостью». 4 марта 1-я гвардейская танковая армия вышла к Балтийскому морю в районе Кольберга, отрезав с востока 2-ю армию вермахта и заставив ее

отступить к Данцигу. Гитлер сразу объявил переполненный беженцами Кольберг «крепостью». Кольберг оборонял слабый гарнизон в 2300 бойцов (в городе было 50 тысяч беженцев). Командир гарнизона полковник Фриц Фульриде имел мало собственной артиллерии, но мог рассчитывать на поддержку орудий двух немецких эсминцев, стоявших вблизи берега. Эти же эсминцы вывозили беженцев. К 16 марта эвакуация гражданского населения из Кольберга была завершена, и «катуши» превратили в пыль узкую полосу берега, на которую был вытеснен гарнизон, оборонявший порт. Все же за два дня военные моряки смогли вывезти защитников крепости морем. 26 марта Гитлер лично вручил полковнику Фульриде Рыцарский крест. Правда, Геббельс запретил прессе упоминать о падении Кольберга⁷¹⁸.

Бессмысленное сопротивление в городах, объявленных Гитлером «крепостями», вело к огромным потерям и разрушениям — 6 мая капитулировал Бреслау, в котором 70 % строений было разрушено; почти полностью был разрушен Кенигсберг, капитулировавший 9 апреля. Штурм Кенигсберга начался 2 апреля с массивной артподготовки. Она была столь сильной, что под руинами крепостных сооружений остались целые роты немецких солдат. Через два дня город был отрезан от остальных частей вермахта, сражавшихся на Земландском полуострове, и судьба его была predetermined. Генерал Мюллер, командующий войсками на Земландском полуострове, и генерал Отто Лаш пытались организовать коридор для спасения гражданского населения. Однако утром 9 апреля эвакуация превратилась в кровавый хаос: колонна беженцев попала под огонь «катуш» и минометов Красной армии⁷¹⁹. Утром 10 апреля генерал Лаш, не желая продолжать бессмысленное кровопролитие, приказал вывесить белые флаги — город сдался. Гауляйтер Восточной

Пруссии Кох на ледоколе смог уйти в Данию, гауляйтер Силезии Ханке также бросил своих подчиненных, улетев из Бреслау на самолете⁷²⁰. После Кенигсберга советские войска направили свои удары против крепости Пиллау, расположенной на Земландском полуострове, и 25 апреля овладели ею. Незадолго до этого немцы смогли переправить оставшихся беженцев на косу Фрише-Нерунг. Там начались дни кошмара. Вся коса была забита колоннами беженцев, которые переправлялись сюда из Пиллау, Бальги и Данцига. Большое скопление людей и транспорта было для советской авиации желанной целью. В этих бомбежках погибло много гражданских лиц. Советские войска даже пытались высадиться на косе Фрише-Нерунг, но 4-я немецкая армия отбила их атаки. Немцы капитулировали здесь 9 мая 1945 г. Полуостров Хель и коса Фрише-Нерунг стали последними опорными пунктами немецких войск, которые, находясь далеко на востоке и оказывая ожесточенное сопротивление превосходящим силам противника, держались до самого последнего дня войны⁷²¹.

Кристиан де ля Мезьер, служивший в дивизии Ваффен-СС «Карл Великий», рассказывал об исходе из Восточной Пруссии: «Дороги были забиты тысячами беженцев, и я сразу вспомнил Францию 1940 г. История повторяется. Они бежали из зоны боевых действий и были в шоке. События развивались куда быстрее, нежели двигались их убогие обозы. ... Что меня поразило в этой разноликой, оборванной и измученной толпе, так это полная давящая, гнетущая тишина, лишь изредка раздавались понукания лошадей. ... Мы прошли рядом с ними, даже не перебросившись парой слов, порой лишь улыбались детям, гладили их по голове и дарили им шоколадку, если она была. Наши колонны напоминали два потока. Одна-единственная мысль нас объединяла: как спасти свою шкуру. Более

всего мы напоминали разных зверей, бегущих одной стаей от лесного пожара»⁷²².

Миллионы жителей Восточной Пруссии бросили свои дома и фермы и устремились в Германию. Еще зимой 1944 г. командование вермахта понимало, что подобный массовый исход будет мешать проведению боевых операций. Оно настаивало на том, чтобы прифронтовая полоса была очищена от гражданского населения. Гитлер назвал подобные заявления «еще одним примером пораженчества» и приказал, чтобы население оставалось на местах проживания. Любой отъезд оформлялся только с разрешения полиции. Следствием такой политики стало не только военное поражение, но и гуманитарная катастрофа⁷²³.

Еще в начале 1945 г. немцы стали отмечать на центральном и южном секторах Восточного фронта номера советских частей, которые до этого сражались в Румынии и Финляндии. Английский военный историк Алан Кларк писал: «Теперь уже известно, что зимнее наступление 1945 г. поглотило практически все вооружения и все людские запасы Красной армии. Впервые после 22 июня 1941 г. Сталин выделил все из своего резерва»⁷²⁴. Это диктовалось его стремлением захватить как можно большую часть Европы, прежде чем начнутся мирные переговоры. И теперь, когда коммуникации наступающих советских войск растянулись по замерзшей, опустошенной Польше, а танковые армии в течение трех недель не выходили из непрерывных боев, они стали уязвимы. Гудериан в своем дневнике отмечал, что Жуков все более и более идет на риск: добиться победы, подобной Танненбергу в 1914 г., немцы не смогли бы, но повторить «донецкое чудо» Манштейна — вполне. Так считал Гудериан. Доля истины в его словах есть, поскольку в начале 1945 г. в численном отношении вермахт представлял собой весьма значительную силу — около

10 миллионов солдат; это на 30 % больше, чем в начале войны (на 15 июня 1941 г. в вермахте было 7,3 миллиона солдат)⁷²⁵. Но это была уже не та армия, которая начала войну — невозмещенные потери тяжелых вооружений и техники сделали немецкую армию немобильной, несовременной, уступавшей сопернику во всех средствах ведения современного боя.

Успех операций вермахта в подобных условиях зависел от быстрой и эффективной работы штаба для обеспечения скорейшего сосредоточения сил и точного определения рубежей регулирования, то есть качеств, всегда отличавших немецкую армию. Гудериан создал из остатков группы армий «Центр» новую группу армий «Висла», отвечавшую за фронт между Познанью и Грауденцем. В эту группу армий была передана 6-я танковая армия с высоким процентом Ваффен-СС, оснащенная новейшими машинами. Гудериан выбрал для руководства этой группой армий барона фон Вейхса, но, по всей видимости, он хотел руководить боевыми действиями группы армий «Висла» сам, Вейхсу же де-факто предназначалась роль начальника штаба. Но Гитлер после долгих препирательств с Гудерианом назначил командующим этой группой армий «верного Генриха» (Гиммлера). Гитлер исходил из того, что кризис национал-социализма, естественно, не обошел своим влиянием и армию, и убедил себя в том, что если поставить во главе Восточного фронта безжалостного и идеологически преданного командующего, то положение вскоре исправится. Генерал Гудериан сначала не поверил своим ушам, когда услышал, что во главе вновь образованной группы армий «Висла», призванной держать линию фронта от Восточной Пруссии до Силезии, поставлен Гиммлер. Прочие немецкие военные руководители также пришли в ужас от этого назначения, ибо Гиммлер никаким опытом и способностями в военном деле не обладал.

Итак, планы Гудериана на контратаку и повторение «донецкого чуда» провалились. Жизненно важный для немецкой обороны сектор был поставлен под еще большую угрозу. Большинство постов в штабе новой группы армий заполнили офицеры СС, а начальником своего штаба Гиммлер назначил генерал-майора СС Ляммердинга⁷²⁶.

Все самые худшие опасения Гудериана оправдались: когда в конце января советские войска начали наступление, то Гиммлер и его штаб не смогли правильно оценить направление советского удара — оно не было продолжением продвижения на запад в Померании, но направлено на север с тем, чтобы отсечь немецкие войска в Восточной Пруссии. 27 января, когда Гиммлеру доложили о глубине советского наступления, он распорядился эвакуировать позиции, ведущие с севера на юг. Это означало, что мощный северный «якорь» — позиции на нижней Висле — был сдан перед воображаемой угрозой. Ибо в действительности наступление Рокоссовского (а не Жукова) было направлено не против фронта группы армий «Висла», а параллельно ему. Если бы не поспешное отступление Гиммлера, немцы могли бы дольше сдерживать коридор из Восточной Пруссии, выводя оттуда свои дивизии. На деле же получилось, что группа армий «Висла» кроме «ответственного» центра получила еще и проблемы со своим северным флангом⁷²⁷. К 30 января, со сдачей «позиций на Варте» (постоянных оборонительных сооружений, построенных еще в 20-е гг.), и южный фланг Гиммлера «повис в воздухе». Некоторое представление о царившем у немцев беспорядке может дать тот факт, что на аэродроме в Эльсе советские войска захватили 150 самолетов в рабочем состоянии, всю «группу поддержки подводных лодок», которую берегли для нового наступления в Атлантике.

Но как раз в тот момент, когда советские войска хлынули на перешеек между Одером и Вислой, их выступ

стал принимать уязвимые очертания, как германский выступ в излучине Дона в момент броска к Сталинграду. Гудериан инстинктивно чувствовал истощение советских войск. Он видел, какой долгий путь они прошли, как много островков сопротивления оставили за собой. Он лучше других знал, каков срок службы у танковых гусениц, на какой стадии команда танка доходит до полного изнеможения, где тот уровень, ниже которого не может опускаться система снабжения⁷²⁸. Но, вопреки решительным протестам Гудериана, Гитлер все-таки отправил самое сильное подразделение группы армий «Висла» — 6-ю танковую армию — на спасение Будапешта. Он хотел вернуть венгерские нефтяные месторождения, расположенные в 80 км от озера Балатон. Гитлеровский план с характерным (призванным пробудить надежду) названием «Весеннее пробуждение» (*Frühlingswachen*) предусматривал окружение войск 3-го Украинского фронта. Главный удар наносила 6-я танковая армия Зеппа Дитриха. Эта операция стала последним проявлением активности гитлеровских танковых войск. К 15 марта наступление было развеяно советскими частями. К 4 апреля войска Толбухина окружили Вену, соединившись с войсками 2-го Украинского фронта маршала Малиновского.

Вмешательство Гитлера на этой стадии войны было для Гудериана особенно досадным: все данные говорили о том, что Красная армия находится в уязвимом положении. Прорыв на Варте был достигнут малыми силами, и советские войска вышли на Одер благодаря полному развалу обороны немцев. На бумаге Жуков располагал четырьмя отдельными танковыми бригадами, но в реальности их было две — 600 танков, из которых значительная часть нуждалась в неотложном ремонте⁷²⁹. В таких условиях цель Гудериана была четко ограничена: ударить по клину Жукова, выиграв не столько территорию, сколько время — может быть, ме-

сяц или два; за это время Восточный фронт сможет перегруппироваться, а западные союзники — «одуматься». В первые недели февраля все средства для реализации этого плана находились в руках Гудериана. Он смог настоять на назначении талантливого импровизатора-генерала Венка начальником штаба группы армий «Висла», но вскоре после начала немецкого наступления на выступ у Варты Вальтер Венк попал в аварию, и руководство группой армий «Висла» опять перешло в руки партии. С этого момента наступление выдохлось. Оно продолжалось четыре дня: это было самое короткое и самое неудачное наступление, предпринятое немецкой армией. Многие факторы с самого начала мешали операции: личное соперничество, административная обструкция, нехватка людей и техники — но решающий удар был нанесен решительными и самоотверженными действиями Красной армии.

Кроме того, Гитлер — в силу ее стратегического положения — считал особенно важным сохранить Венгрию. В начале 1945 г. он принял решение, о котором уже несколько раз упоминалось выше: использовать единственную оставшуюся ударную группировку — 6-ю танковую армию СС Зеппа Дитриха — не против наступавшего Жукова, а в Венгрии. Гудериан стал возражать, что и послужило причиной его отставки. Он безуспешно доказывал, что лучше ударить из Померании по открытому с севера флангу Жукова, чем спасать потерянную Венгрию. И он оказался прав: несмотря на грозные приказы Гитлера, немецко-венгерские части и там продолжали отступать под жестким давлением Красной армии. Начальник управления кадров вермахта генерал Бургдорф развлекал фюрера рассказами о мерах, к которым прибегал Фридрих Великий, борясь с «ослушанием», и смаковал подробности некоторых его приговоров. Это приводило Гитлера в восторг: «И

люди еще воображают, что я жестокий! Хорошо бы заставить всех крупных руководителей Германии ознакомиться с этими приговорами»⁷³⁰. Перед рождеством 1944 г. советские танки ворвались в пригороды Будапешта, но были оттеснены на восточный берег Дуная. Ранним утром 17 января 1945 г. защитники Пешта по мостам отступили в Буду. Венгерские солдаты отказались взрывать исторические мосты, мотивируя это тем, что лед и так достаточно крепок для прохода танков. Немцы, однако, решили, что сейчас им не до истории, и мосты взорвали. Трясущиеся от страха жители Пешта ожидали грабежей, насилия и убийств, которые, по словам немцев, несли с собой русские, однако, к большому удивлению венгров, солдаты Красной армии раздавали муку, ячмень, черный хлеб, сахар — словом, все, чем могли поделиться⁷³¹. В Пеште, в отличие от Буды, убийств мирных жителей не было, немного было и проявлений насилия. Солдатам нравилось раздавать подарки, и иногда они грабили один дом, чтобы передать добычу в дом по соседству. С 11 февраля бои за обладание западным берегом Дуная превратились в осаду города — в осаде оказалось 70 тысяч немецких и венгерских солдат под командованием генерала Карла фон Пфедфер-Вильденбруха, который в итоге приказал своим войскам прорываться, хотя шансов почти не было. Прорваться удалось немногим более чем 700 солдатам, остальные погибли. Советское командование заявило, что в плен взято 30 тысяч солдат, а так как военнопленных оказалось всего несколько тысяч, то для нужного количества в Буде было арестовано 25 тысяч гражданских лиц. Однако правду о расстрелах пленных и о многочисленных изнасилованиях в Буде от венгров скрыть не удалось⁷³². 13 февраля 1945 г., спустя два дня после окончания Крымской конференции, советское командование смогло объявить о падении Будапешта. Конец этой жестокой битвы ознаменовался сценами убийств, грабежа, разрушений и из-

насилований⁷³³. Венгерка Алэн Польш (после войны ставшая психологом) описала жуткие групповые изнасилования, которым она подвергалась. Но эта мужественная женщина нашла в себе силы набрать дистанцию по отношению к тому, что с ней произошло. Она писала, что венгерские или немецкие солдаты в подобном положении, наверное, вели себя еще хуже. Но, повествуя о дикости и жестокости, Польш обращает внимание на совершенно неожиданные в таких условиях проявления добродушия, готовности помочь и быструю отходчивость русских...⁷³⁴

Хуже всего, однако, пришлось немцам в Восточной Пруссии, Померании и Силезии. Дело в том, что планомерную эвакуацию немецкого гражданского населения из фронтовых районов Гитлер категорически отверг, декларировав «народную войну» (*Volkskrieg*). Организовывать и готовить к ней население стали гауляйтеры, ставшие имперскими комиссарами обороны. Ни один командир дивизии не мог начать отступление, не предупредив об этом Гитлера и не получив на это разрешения. В новогоднем радиообращении 1 января 1945 г. Гитлер подтвердил свою готовность бороться до конца, еще раз сумев пробудить у немцев иллюзии и надежду на победу⁷³⁵. В Восточной Пруссии положение было усугублено тем, что местные партийные функционеры во главе с Эрихом Кохом, известным своим предыдущим руководством рейхс-комиссариатом Украины, до последнего мешали эвакуации гражданского населения. Кох так гордился своей жестокостью, что не возражал, когда за глаза его называли «вторым Сталиным». Он, как и Гитлер, и слышать ничего не хотел о маневренной обороне и мобилизовал тысячи людей на строительство укреплений и рытье окопов⁷³⁶. Причем он даже не посоветовался с армейским начальством, где конкретно строить оборонительные рубежи. Кох стал одним из первых нацистских функцио-

неров, который организовал мобилизацию в «фольксштурм» стариков и подростков, обрекая их на верную гибель. Но хуже всего было то, что он отказался проводить мобилизацию гражданского населения, которое первым испытало на себя месть победителей. Причем советские репрессии со временем не утихали, а усиливались. 5 мая Берия прислал в Восточную Пруссию, в распоряжение генерал-полковника Аполлонова, девять полков НКВД и 400 оперативных работников СМЕРШа. Перед ними была поставлена задача уничтожения всех шпионов, саботажников и других враждебных элементов. Порядка 50 тысяч «врагов» к тому времени было уже уничтожено — это произошло сразу после вторжения Красной армии в Восточную Пруссию в январе 1945 г. К концу мая население региона, которое до войны составляло 2,2 миллиона, сократилось до 190 тысяч. Оказавшись первой немецкой землей, куда ступила нога советского солдата, Восточная Пруссия подверглась самому опустошительному разорению. Красноармейцы вымещали на местном населении всю накопившуюся по отношению к Германии ненависть. В течение нескольких лет эта земля лежала в руинах. Дома были сожжены или разграблены. Весь скот был угнан в СССР. Фермы опустели. Многие плодородные прежде места превратились в болота. Большинство оставшихся девушек и женщин были мобилизованы в «трудармию» и отправлены в Советский Союз. Там они занимались работой на лесоповале, осушали болота, рыли каналы... Они работали в СССР до демобилизации «трудармии» в 1947 г. Около половины из них умерли, а оставшиеся были возвращены в советскую зону оккупации Германии⁷³⁷.

Насилия, совершаемые советскими войсками, усиливали сопротивление вермахта. Насилия и убийства не должны быть релятивированы преступлениями нацистов в Советском Союзе — еще «отец истории» Геродот писал, что спартанцы (или лакедемоняне) в V веке до нашей эры убили персидских послов, а затем напра-

вили к персам своих послов, предполагая, что их в отместку также убьют. Но царь государства Ахеменидов Ксеркс заявил, что не намерен «уподобляться лакедемонянам», поскольку если он нарушит принятый во всем мире закон не убивать послов, то облегчит вину лакедемонян за совершенное ими преступление. Послы Спарты были отпущены. Сходные представления существовали и в законах других народов, в законах рыцарской чести и пр. В 1625 г. все эти правила были систематизированы голландским юристом и государственным деятелем Гуго Гроцием в труде «О праве войны и мира»⁷³⁸. Нарушать эти законы, пусть даже и в порыве праведного гнева, — это значит уподобляться преступникам... В принципе, советская оккупационная политика в Германии на первых порах строилась так же, как и нацистская в Советском Союзе: по принципу «око за око, зуб за зуб».

Необыкновенное ожесточение войны побудило нацистское руководство обратиться к последним людским резервам. Вследствие огромных потерь на всех фронтах после летней кампании 1944 г., в ОКВ заговорили о вероятности привлечения в вермахт и мужчин старше 45 лет, что было предусмотрено Законом о вермахте от 1935 г. Уже в сентябре 1944 г. гражданское население стали мобилизовывать на строительство фортификационных сооружений, а в конце 1944 г. было объявлено о создании фольксштурма (*Volkssturm*) — на манер ландштурма наполеоновских времен. Организация фольксштурма была поручена Борману и он рассматривался как подразделение партии⁷³⁹. Полностью вооружить 6 миллионов человек оказалось невозможным, поэтому некоторые подразделения фольксштурма были вооружены только охотничьими или спортивными ружьями. Эти подразделения не были униформированы, но носили на гражданской одежде повязки фольксштурма с надписью «*Deutscher Volkssturm — Wehrmacht*». Чтобы преодолеть нехватку оружия, начали производство упро-

ценных моделей карабина, который тут же окрестили «фольксгевер» (*Volksgewehr*), упрощенных автоматов (*Volksmaschinenpistole*), а также облегченных гранат (*Volksgranate*). Но главным оружием фолькштурма стал кумулятивный противотанковый гранатомет — «фаустпатрон» (*Panzerfaust*)⁷⁴⁰. О необходимости тотальной мобилизации Гитлер упоминал еще в декабре 1942 г. Тогда он сказал о том, что в случае необходимости в вермахт нужно будет привлечь и 14-летних детей: «Пусть лучше они погибнут в борьбе на Востоке, чем будут погублены рабским трудом после поражения»⁷⁴¹.

Идея организации фолькштурма принадлежала генералу Хойзингеру из ОКХ, но его организацией, по указу Гитлера от 25 сентября 1944 г., занималась партия.⁷⁴² Борман возложил организацию и руководство фолькштурмом на гауляйтеров, которые были ему подотчетны. Гиммлер, не желая, чтобы его обошли, начал весьма своеобразным путем формировать Внутреннюю армию. Вместо того чтобы направлять новых призывников в резервы на действующих фронтах для дальнейшего распределения по частям, он с головой ушел в создание еще одного типа дивизий — фольксгренадерских. Эти дивизии формировались на остатках частей, «выгоревших» в предшествующих кампаниях. Теперь их заполняли пестрым сборищем из старших мальчишек ГЮ, наземного контингента Люфтваффе, пожилых чиновников-резервистов, инвалидов и морских кадетов. Их обеспечивали новым, прямо с заводов, оружием⁷⁴³. Советские солдаты называли членов ГЮ и фолькштурмовцев с фаустпатронами «тоталами», поскольку те являлись продуктами «тотальной мобилизации». Офицеры вермахта придумали для них другое название — «варево» (*Kochtopf*), так как это воинство представляло собой «смесь старых костей и мяса с зелеными овощами»⁷⁴⁴.

*Vae Victis*⁷⁴⁵

«Продолжайте сражаться вместе с нами против ненавистного большевизма, кровавого Сталина и его еврейской клики; за свободу личности, за свободу вероисповедания и совести, за отмену рабского труда, за собственность и владение ею, за свободное крестьянство на собственной земле, за социальную справедливость, за счастливое будущее ваших детей, за их право на образование и карьеру независимо от происхождения, за государственную защиту престарелых и больных...».

(Й. Геббельс, в январе 1945 г.)⁷⁴⁶

«Der verlorene Krieg ist bis heute mit dem idealisierten Selbstbildnis der privilegierten deutschen Rasse nicht zu vereinbaren».

(Alexander und Margarete Mitscherlink)⁷⁴⁷

«Когда я созерцаю лучезарные дали моей прекрасной родины, простирающиеся передо мной, я хочу только одного — только бы их не накрыла война и орды врагов. Я уверен: такой день не настанет никогда, если мы, немцы, не будем посягать на лучезарные дали других народов.

(Густав Винекен, в 1913 г.)⁷⁴⁸

«Солдат вермахта выполнял свою задачу до конца - самоотверженно, храбро и дисциплинированно. При этом он искренне верил, что выполняет свой святой долг перед отечеством. Этой верой простого солдата злоупотребило преступное государство — в этом трагедия вермахта и немецкого солдата».

*(Министр обороны ФРГ Теодор Бланк,
27 июня 1955 г.)⁷⁴⁹*

«Мы проиграли, — признавал в январе 1945 г. один немецкий унтер-офицер, — но мы будем сражаться до последнего человека». Немецкие ветераны Восточного фронта считали, что война для них может закончиться только смертью. Любой другой исход казался просто невысказанным. Они хорошо знали, что Красная армия будет мстить за все произошедшее на оккупированных территориях. Сдача в плен русским означала для этих ветеранов работу в качестве «сталинской рабочей лошади» (*Stalinpferd*) и неминуемую гибель в сибирских лагерях. «Мы больше не воевали ни за Гитлера, ни за национал-социализм, ни за Третий Рейх, — писал один из ветеранов дивизии «Великая Германия» Ги Сайер. — Мы не воевали даже за наших невест, матерей, родных и близких, запертых в ловушке опустошенных бомбардировками городов. Мы воевали из одного только страха... Мы воевали за самих себя; воевали, чтобы не погибнуть в грязных щелях и траншеях, заполненных снегом; мы воевали подобно крысам»⁷⁵⁰.

Один ветеран-фронтовик в ответ на пораженческие разговоры сказал в переполненном вагоне пригородного поезда, что если эту войну выиграют другие, то они сделают с немцами лишь малую часть того, что те сотворили на оккупированных территориях на Востоке. В вагоне сразу воцарилась гробовая тишина⁷⁵¹. Еще больший эффект имели слова, произнесенные по радиостанции французского правительства: «Германия, твое жизненное пространство является теперь пространством смерти»...⁷⁵²

Какой будет месть Германии со стороны Советского Союза, немцы могли себе представить уже за два года до падения Берлина. 1 февраля 1943 г. группу немецких военнопленных, шедших под конвоем, остановил советский полковник и сказал им по-немецки, указывая на сталинградские руины: «Именно так будет выглядеть и Берлин»⁷⁵³.

Нацистское руководство, со своей стороны, делало все, чтобы подобные пророчества стали действительностью. Гитлер запрещал немецким войскам прорываться из окруженных городов, присваивая этим городам названия «крепостей». Это было примером самоубийственной стратегии нацистов и бесполезного кровопролития. Гитлер знал, что обрекает гарнизоны таких «крепостей» на верную гибель, поскольку у Люфтваффе просто не было горючего, чтобы сбрасывать окруженным войскам припасы. К 14 февраля из «крепостей» группы армий «Висла» продолжали держаться Кенигсберг, Бреслау и Познань. Уличные бои в Познани предвосхитили то, что затем произошло в Берлине. Познань поручили брату В. И. Чуйкову, который командовал советскими войсками (62-й армией) в Сталинграде; ему принадлежит знаменитая фраза: «Сталинград — это академия уличных боев». Теперь «академик» делал то же, что и немцы в Сталинграде, — он безжалостно атаковал немцев в городе Познань, применяя огромную мощь военной техники и используя малые силы пехоты⁷⁵⁴. 18 февраля В.И. Чуйков отдал приказ об артподготовке: 1400 орудий и ракетных установок «катюша» целых четыре часа утюжили германскую оборону, после чего советские штурмовые группы ворвались в разрушенные здания. Если в каком-либо месте противник продолжал сопротивляться, к нему срочно подтягивались 203-мм гаубицы. Они начинали прямой наводкой бить по укрепленным позициям. Чтобы выкурить немцев из подвалов, штурмующие активно использовали огнеметы. Тех немецких солдат, кто решался сдаться в плен, расстреливали их же офицеры. Конец, однако, был неотвратим. В ночь с 22 на 23 февраля комендант познаньского гарнизона генерал-майор Эрнст Гоммель положил на пол флаг со свастикой, лег на него и застрелился. Остатки гарнизона капитулировали.

Осада Бреслау продолжалась намного дольше — город еще держался, когда уже пал Берлин. Фанатичный гауляйтер Карл Ханке был убежден, что столица Нижней Силезии во что бы то ни стало должна остаться немецкой. Ханке, за которым стоял авторитет не менее фанатичного генерал-фельдмаршала Фердинанда Шернера, провел в городе ряд мер дисциплинарного характера. Расстрелу мог подвергнуться любой немец. Даже десятилетних детей, несмотря на артиллерийские обстрелы, заставляли работать на строительстве посадочной площадки для самолетов. Шернер утверждал: «Почти четыре года азиатской войны совершенно изменили солдата на фронте. Они закалили его и сделали фанатичным борцом против большевизма... Кампания на Востоке произвела на свет политического бойца»⁷⁵⁵. Бреслау был окружен советскими войсками 15 февраля, но держался до конца войны благодаря воздушному мосту и жестокости Ханке. Геббельс был от него в восторге: «Ханке прислал мне чрезвычайно драматическое и полезное донесение из Бреслау. Из него видно, что он достиг совершенства своей работе. На сегодня он представляет собой наиболее энергичного национал-социалистического вождя. Бои превратили Бреслау в развалины. Но горожане отчаянно сражаются за каждую пядь земли. Советы пролили просто невероятное количество крови, сражаясь за Бреслау»⁷⁵⁶. 28 января Ханке приказал казнить бургомистра города доктора Шпильхагена «за поражение». В течение 77 дней 40 тысяч защитников Бреслау сдерживали натиск 6-й советской армии. Правда, атаки советских войск не были столь решительными, как при штурме Кенигсберга, и в осажденном городе до окончания войны поддерживалось некое подобие нормальной жизни. Только 6 мая комендант Бреслау генерал фон Нихофф сдал город, а Ханке бежал.

Именно из-за бессмысленных приказов «держаться до последнего» на безнадежных позициях происходили постоянные стычки между Гитлером и начальником ОКХ Гудерианом. Конфликт между ними достиг апогея в связи с положением в городе-крепости Кюстрин, расположенном на слиянии Одера и Варты. Кюстрин, который являлся, по существу, воротами на Берлин (до которого было 80 км), оказался между двух советских плацдармов на левом берегу Одера. Северный плацдарм удерживала 5-я ударная армия генерала Берзарина, а южный — 8-я армия (бывшая Сталинградская 62-я) Чуйкова. Гитлер хотел окружить армию Чуйкова с юга, ударив от Франкфурта-на-Одере. Гудериан всеми силами пытался этому помешать, понимая, что для таких операций немецкие войска не обладают достаточными силами. 22 марта, когда Гиммлер передавал дела командования группой армий «Висла» генералу Хайнрици, для оборонявшихся в Кюстрине произошла настоящая катастрофа. Дело в том, что когда немецкие дивизии осуществляли перегруппировку для проведения намеченной Гитлером наступательной операции, 25-я дивизия покинула Кюстринский коридор раньше времени, до того, как к ней подошла замена. Берзарин и Чуйков мгновенно отреагировали на этот просчет — коридор был перерезан советскими войсками. Кюстрин оказался полностью изолирован⁷⁵⁷.

Для того чтобы освободить Кюстрин, Гитлер приказал 9-й армии генерала Буссе 27 марта начать наступление. Это наступление, однако, ни к чему не привело — немецкие танковые и пехотные части на голом пространстве были расстреляны 8-й советской армией. 28 марта Гитлер и Гудериан схлестнулись в споре о причинах неудач. Их полемика уже не напоминала разумное обсуждение, однако остановиться они не могли и орали друг на друга так, что офицеры и адъютанты оцепенели. Гитлер обозвал Генеральный штаб и всех его офицеров

«бесхребетными и тупоголовыми идиотами, которые его дезинформируют и вводят в заблуждение». Гудериан потребовал объяснить, что значит: «вводят в заблуждение» и «дезинформируют». Разве Гелен в докладе разведки «дезинформировал» фюрера о численности советских войск? Кто оставил восемнадцать дивизий вермахта в Курляндском котле? Кто кого «вводил в заблуждение» относительно них? Гудериан спросил Гитлера, когда тот собирается эвакуировать Курляндскую армию. Стычка была такой яростной, что впоследствии никто не мог в точности вспомнить, как она развивалась. Аdjутант Гудериана майор фон Лорингофен был уверен, что шефа арестуют... Того с трудом убедили покинуть совещание, а Гитлер без сил свалился в кресло.

После этого Гитлер почти заботливым тоном посоветовал Гудериану отдохнуть и отправил его в отпуск «для поправки здоровья». 29 марта начальником Генштаба был назначен угодливый Кребс, от которого командующий группой армий «Висла» Хайнрици никакой поддержки не ждал⁷⁵⁸. Последние признаки взвешенности в военном руководстве исчезли.

Кребс был образцом командира-штабиста, то есть офицера, всегда находящегося в подчинении у вышестоящего начальника. Именно такой начальник Генштаба и был нужен Гитлеру. В 1941 г. Кребс был военным атташе в Советском Союзе, он немного говорил по-русски и как-то встречался со Сталиным, который именно ему сказал в апреле 1941 г., во время проводов японского министра иностранных дел: «Мы должны оставаться друзьями, что бы ни случилось». «Я убежден в этом», — ответил остоленевший Кребс⁷⁵⁹.

К моменту назначения Кребса немцы пребывали в самом мрачном расположении духа, ожидая самого худшего; отражением этих настроений были и мрачные шутки, например: «жизнь, она как детская рубаш-

ка — короткая и грязная». Грязь, на самом деле, доминировала везде — и на фронте, и в тылу. Поскольку огонь или дым привлекали внимание советских снайперов, немецкие солдаты перестали греть воду и, соответственно, мыться и бриться.

Рацион к концу марта стал еще хуже. В основном в течение дня военнослужащие получали полбуханки ржаного хлеба, твердую, как скала, булку, тушеное мясо или суп, который доставляли на передовую только по ночам. Все полевые кухни находились в тылу. Только в редких случаях солдатам раздавали «пакеты фронтовиков» (*Frontkämpferpäckchen*), в которых находились какие-либо сласти — пирожные или шоколад. Самой большой проблемой была чистая питьевая вода. Многие солдаты страдали от дизентерии, и все окопы напоминали отхожие места⁷⁶⁰. Все больше германских фронтовиков и недавно мобилизованных новобранцев открыто выражали свое недовольство необходимостью воевать «до последней капли крови». Представитель шведского посольства, в конце марта 1945 г. совершивший поездку от Кюстрина до Берлина, докладывал военному атташе, что он насчитал на своем пути целых двадцать постов полевой жандармерии. В задачу жандармов входил арест дезертиров, бегущих с фронта⁷⁶¹. Полевая жандармерия в середине апреля тщательно проверяла всех солдат, идущих в тыл, независимо от того, были они ранены или нет. Тут же из них набирали сборные команды, которые вновь отправляли на фронт. Солдаты называли полевых жандармов не только «цепными псами», но и «героями-ворами» (*Heldenklaui*). Последняя кличка представляла собой игру слов — от нацистского пропагандистского термина «*Kohlenklaui*». Так называли тех, кто воровал государственный уголь для отопления собственного дома⁷⁶². Росло количество дезертиров, о чем свидетельствуют следующие данные⁷⁶³.

Время	1941	1942	1943	1944
Январь	493	1434	1720	13 133
Февраль	493	1533	1898	13 070
Март	443	1168	2349	12 243
Апрель	499	1098	2349	12 243
Май	536	953	2881	13 281
Июнь	638	921	3181	14 271
Июль	939	1161	3754	18 203
Август	1024	1365	5067	19 103
Сентябрь	1079	1555	7275	21 394
Октябрь	1003	1721	10134	25 105
Ноябрь	1305	1807	12295	23 234
Декабрь	1302	1866	13836	17 283 (только армия запаса)

3 марта 1945 г. Геббельс записал в дневнике, что число дезертиров сильно выросло — десятки тысяч солдат скрываются от фронта. Гитлер еще в «Майн кампф» требовал жесткого обращения с дезертирами: «Каждый солдат должен знать, что на фронте **можно** погибнуть, а каждый дезертир **должен** умереть». Полевая жандармерия вермахта и эсэсовцы разыскивали дезертиров, расстреливали их и вешали с табличками на груди: «Я трус-дезертир» (*Ich bin ein fahnenflüchtiger Feigling*). Особое распоряжение по вермахту о наказаниях за военные преступления (*KSSVO, Kriegssonderrechtsverordnung*), вступившее в силу в августе 1939 г., в § 5 требовало расстрела за дезертирство. Только в редких случаях при смягчающих обстоятельствах военным судьям можно было заменить расстрел каторгой или тюрьмой⁷⁶⁴.

Немецкий писатель Альфред Андресш, будучи солдатом вермахта, дезертировал в марте 1945 г. на фронте в Италии. В автобиографической повести «Вишни свободы» (1952 г.) он описал свои тогдашние злоключения. В ФРГ повесть вызвала скандал — немецкая об-

ственность осудила Андреша. Заступился за него только Генрих Бёлль. Со временем положение в ФРГ изменилось до прямо противоположного: в 1978 г. министр-президент Баден-Вюртемберга Ханс Фильбингер вынужден был уйти в отставку из-за публикации в газете *Die Zeit* материалов о том, что он, будучи военным судьей, в январе 1945 г. приговорил моряка Вальтера Грегера (*Gröger*) к смертной казни за дезертирство. Дело Фильбингера вызвало в стране большой резонанс — на этот раз общественность была на стороне дезертиров. В 1985 г. в Касселе, а затем в Бремене, Дармштадте, Геттингене, Бонне и Ульме — были воздвигнуты памятники дезертирам из вермахта. В Торгау в здании бывшей тюрьмы вермахта для военных преступников была открыта постоянная экспозиция, напоминающая о преступлениях военной юстиции⁷⁶⁵.

Не менее тяжелым, чем на фронте, было и положение берлинцев. Сначала там были великолепно организованные бомбоубежища, где берлинцев ждал полный комфорт, санитарные комнаты, медсестры; потолки укрытий на случай отключения электричества были покрашены специальной люминесцентной краской, и в темноте поначалу светились, а затем начинали тускло мерцать. Впоследствии из-за разрушения водопровода снабжение бомбоубежищ водой прекратилось. Туалеты вскоре оказались в ужасном состоянии, что стало настоящим бедствием для людей, делавших культ из чистоты и гигиены⁷⁶⁶. Немецкие стандарты чистоты и гигиены рушились буквально на глазах. Одежда и кожа людей быстро покрывались пылью от штукатурки и битого кирпича. О том, чтобы использовать воду для мытья, уже никто не думал. Предусмотрительные берлинцы заранее кипятили воду и сливали ее в канистры. Они понимали, что скоро питьевая вода станет для них ценнее золота⁷⁶⁷. Бомбоубежища, как прави-

ло, были сильно переполнены, и о соблюдении там санитарных норм не могло быть и речи. Показательно, что в Берлине в комплексе бомбоубежищ на станции метро «Гезундбруннен» для измерения уровня оставшегося в убежище кислорода использовали свечи. Как только от недостатка кислорода свечи гасли на столах, детей поднимали на руки, а когда свечи гасли и под потолком, тогда все покидали бомбоубежище, несмотря на то, что творилось наверху⁷⁶⁸.

Естественно, многие берлинцы в таких условиях стремились покинуть город. 4 февраля 1945 г. немецкая аристократка Урсула фон Кардорф записала в дневнике: «Я не единственная, кто хочет уехать из Берлина. Люди просто не могут теперь оставаться в одиночестве. Они собираются вместе, словно стадо оленей во время бури. Все говорят о поддельных паспортах, визах, командировках, удостоверениях личности иностранных рабочих. У каждого свой план спасения. Один глупее другого. Но какими бы идиотскими ни были наши планы, они все же спасают нас от безысходности»⁷⁶⁹.

9 марта Гитлер приказал укрепить позиции под Берлином, и гражданское население начало строить противотанковые заграждения. Особое внимание при этом было уделено Зееловским высотам (*Seellower Höhen*). Гитлер заявил, что сражение за Берлин должно закончиться «победой в обороне» (*Abwehrsiege*). В своем приказе по Восточному фронту от 16 апреля Гитлер заклинал: «Еврейско-большевистский смертельный враг перешел в последнее массовое наступление. Он пытается опустошить Германию и уничтожить немецкий народ. Вы, солдаты Восточного фронта, на своем опыте знаете, какая участь грозит вашим детям, женам и матерям. Старики, мужчины и дети будут перебиты, женщины и девушки станут казарменными шлюхами, а оставшиеся в живых будут отправлены в Сибирь»⁷⁷⁰. Как бы в подтверждение грядущей для берлинцев опас-

ности, 28 марта 1945 г., в 11 утра, в небе над Берлином появились первые советские самолеты. Их тактика была новой по сравнению с тактикой американских или английских самолетов. Пролетая над самыми крышами, десятки советских истребителей поливали улицы пулеметным огнем. Вдоль всей Курфюрстендам торговцы ныряли в подъезды, бежали к входам в метро или под защиту руин. Но многие берлинцы, отстоявшие долгие часы в длинных очередях за недельным rationом, не трогались с места⁷⁷¹. Берлинские остряки расшифровывали аббревиатуру на уличных указателях (*Luftschutzraum* — бомбоубежище) как «*Lerne schnell Russisch*» (быстрее учи русский язык)⁷⁷². Еще одним свидетельством сохранения известной в Германии традиции черного берлинского юмора в отнюдь не веселое рождество 1944 г. стал ответ берлинца на вопрос о лучшем рождественском подарке для родственников: «будь практичным — подари им гроб»⁷⁷³. По мере того как союзные армии с обеих сторон подходили к Берлину, шутки становились все более актуальными: «оптимисты учат английский язык, а пессимисты — русский»⁷⁷⁴. В условиях непрерывных англо-американских бомбежек даже женщины не теряли юмора — большим успехом среди берлинок пользовалось выражение «лучше русский на твоём животе, чем американец на твоей голове»⁷⁷⁵. В городе появилось новое приветствие. Совершенно незнакомые люди пожимали друг другу руки со словами: «желаю выжить» (*bleib übrig*). Многие берлинцы пародировали радиосообщение Геббельса. Тот, утверждая, что судьба Германии внезапно переменится, сказал: «Фюрер точно знает час перемены. Судьба послала нам этого человека, чтобы мы в это время величайшего внешнего и внутреннего стресса стали свидетелями чуда». Эти слова повсюду повторяли с насмешливой интонацией. В обиходе появилась еще одно смешное словечко-прозвище, которым наградили

Гитлера берлинцы: *Gröfaz* — это аббревиатура от словосочетания *Größte Freiherr aller Zeiten* (величайший полководец всех времен)⁷⁷⁶.

На улицах обреченного Берлина появлялось все больше плакатов нацистской пропаганды, но берлинцы предпочитали циничные лозунги, к примеру: «наслаждайтесь войной, мир будет гораздо хуже»⁷⁷⁷. Следуя этому призыву, спекулянты в Берлине баснословно обогащались — на черном рынке предлагалось сколько угодно хорошего кофе и спиртного; при катастрофической нехватке горючего на фронте, бензина на черном рынке было сколько угодно, и по Берлину по-прежнему курсировало много частных автомобилей⁷⁷⁸.

В течение марта советские войска занимались расширением и укреплением плацдармов на Одере и ликвидировали последние очаги сопротивления на правом фланге и на Балтийском побережье. Три советских фронта — Рокоссовского, Жукова и Конева — вместе располагали более чем 70 танковыми бригадами, из которых только 25 вели непосредственные боевые действия. Остальные были сосредоточены в двух штурмовых таранах — один южнее, другой севернее Берлина — и должны были соединиться западнее города. Сталин решил, что это будет последняя битва. Битва за Берлин имела не стратегическое, как битва за Сталинград, но символическое и эмоциональное значение⁷⁷⁹. Подобно западным союзникам, советская Ставка переоценивала силы немцев и необходимую мощь сокрушающего удара. В Ялте уже была достигнута принципиальная договоренность по границам останковки армий и оккупационным зонам, так что «гонка к Берлину» была не нужна. Английский план 1943 г. на случай капитуляции Германии назывался «Рэнкин-Си»⁷⁸⁰. Его авторам пришлось учитывать всевозможные не-

предсказуемые обстоятельства. Что случится, если враг капитулирует внезапно, и это известие захватит союзников врасплох, как это случилось в ноябре 1918 г. после непредсказуемой капитуляции немцев? Чьим войскам куда идти? Какие районы Германии будут заняты американскими, британскими, советскими войсками? Кому предстоит брать Берлин? Это были очень существенные вопросы, и во избежание недоразумений ответы должны были быть ясными и решительными. Со своей стороны, британцы задолго до этого, еще в 1941 г., подготовили свои планы оккупации Германии, которую предполагалось разделить на три зоны. По этому плану Британии отводились промышленно богатые районы Германии. Берлин, как предполагалось англичанами, будет оккупирован тремя державами⁷⁸¹. Эти соображения были учтены на Ялтинской конференции.

Тем не менее, поскольку союзники перешли Рейн большими силами, советское наступление на Берлин не могло откладываться на большой срок. В самом деле — 10 марта битва за Западный вал на севере была завершена, Везельский мост был взорван, немцы отошли на западный берег реки. 1-я канадская армия заплатила за победу высокую цену, потеряв 15 734 человека, 9-я американская армия потеряла 7300 человек. Спустя неделю на Западный вал с инспекционной поездкой прибыл Черчилль, который совершил мальчишескую выходку: он пригласил журналистов «помочиться на великий германский Западный вал» и сам это сделал⁷⁸²...

Последней крупной группировкой на Западе оставалась группа армий «Б» в долине реки Рур. Там были сосредоточены основные оружейные заводы Круппа и сталелитейные комбинаты Тиссена. К утру 1 апреля 1-я и 9-я американские армии завершили окружение германской группировки численностью до 320 тысяч солдат и около миллиона гражданского населения, нахо-

лившегося в плачевном состоянии из-за бомбежек и недостатка продовольствия. Начальник штаба 5-й танковой армии вермахта генерал Меллентин так описывал итог еще одной немецкой военной катастрофы: «Большая часть группы армий “Б” оказалась зажатой между Руром и Зигом, а обстоятельства складывались более чем удручающе. Все еще было туманно и по-зимнему холодно, и руины городов Рура служили весьма подходящими иллюстрациями для последнего акта этой трагедии. Горы угля, развалины зданий, искоренные рельсы, взорванные мосты. Мне не раз приходилось видеть поле битвы, но ни одно из них не казалось столь странным, как рурский промышленный комплекс в момент уничтожения группы армий “Б”⁷⁸³.

15 апреля командующий 18-м американским авиадесантным корпусом генерал Риджуэй написал Моделю, призывая его сдаться: «Ради солдатской чести, во имя репутации германского офицерского корпуса, ради будущего Германии, немедленно сложите оружие. Жизни немцев, которые вы спасете, еще пригодятся вашей стране. Германские города, сохраненные вами, окажутся незаменимыми для благоденствия вашего народа»⁷⁸⁴. Фельдмаршал Вальтер Модель ответил категорическим отказом. Единственное, на что он пошел, — распустил по домам фольксштурм. В плен попало 317 тысяч немецких солдат. Модель отказался от сдачи в плен, заявив своим штабным офицерам: «Я просто не могу этого сделать. Ведь русские заклеили меня как военного преступника»⁷⁸⁵. Утром 21 апреля он застрелился.

Наступали последние дни существования вермахта, а советская сторона все доводила до совершенства собственный план наступления. Во вторую неделю апреля гитлеровская «крепость Европа» (этот нацистский пропагандистский штамп вынесен в заглавие главы) уменьшилась до отрезка территории от Норвегии до

Италии, приобретя, по выражению Геббельса, «форму удлинённых песочных часов», «талиа» которых приходилась на 150-километровый «мост» между Эльбой и Одером с Берлином в самом узком месте⁷⁸⁶. На сужившийся немецкий фронт в апреле стекались свежие пополнения и все имевшееся оружие — от новейшего штурмового орудия со 122-мм пушкой и приборами ночного видения (эта САУ намного превосходила все, что имело НАТО в первые 18 лет своего существования) до трофейных винтовок времен Первой мировой войны, захваченных в арсеналах французской армии в 1940 г. Пополнение состояло из фольксштурма, фольксгренадеров, остатков полевых войск Люфтваффе, особых полицейских рот, охранников концлагерей, всевозможных иностранных «легионов» и отрядов из ГЮ⁷⁸⁷. Из госпиталей забирали больных солдат, способных носить оружие. Из них формировали так называемые «желудочные» или «глухие» батальоны, укомплектованные страдавшими от желудочных заболеваний или слабослышащими бойцами⁷⁸⁸. К моменту начала советского наступления (16 апреля) советских танков по численности было меньше, чем в некоторых гигантских битвах 1943 г., зато это были шедевры танкостроения: ИС, Т-34/85, САУ, с которыми немцам нечем было бороться.

Немцы знали, что советская сторона превосходит их во много раз, поэтому ждали только одного — приказа об отступлении. Если командир взвода, пытаясь донестись до роты, долгое время не получал ответа, его охватывала паника. Основой для нее служило предположение, что те самые командиры, которые приказывали сражаться «до последней капли крови», бросили их и отступили; а высокие начальники просто не захотели рисковать людьми и посылать связных на передовую. Самым правильным решением казалось — зарыться поглубже в землю и молить бога, чтобы советские солдаты дали тебе шанс сдаться в плен, прежде

чем они бросят в блиндаж гранату. Несмотря на то что солдаты, в принципе, готовы были поднять руки вверх, страх репрессий сохранялся, ведь могла последовать немецкая контратака. Любой немецкий солдат знал, что попытка сдачи в плен означала смертный приговор⁷⁸⁹.

Ответственным за оборону Берлина был назначен генерал Хайнрици — этот 58-летний офицер снискал себе популярность среди многих сотрудников немецкого Генштаба, поскольку был прекрасным образцом носителя прусских традиций. Хайнрици был кавалером Рыцарского креста с Дубовыми листьями. Вдумчивый, педантичный стратег с обманчиво мягкими манерами, он был суровым генералом старой аристократической школы, давным-давно научившимся удерживать фронт с минимумом людей и самой малой кровью. Как заметил однажды один из его штабных офицеров, «Хайнрици отступает, только когда воздух превращается в свинец, и то после тщательного обдумывания». Упорный, дерзкий и настойчивый, он не упускал ни единого шанса, даже если речь шла о том, чтобы удержать еще один километр фронта еще на один час. Он так настойчиво требовал держаться, что те, кто его не любили, называли его «наш крутой маленький ублюдок» (*unser Giftzwerg*)¹⁹⁰. Непосредственным начальником обороны германской столицы был назначен генерал Гельмут Рейман, который планировал уничтожить в городе все мосты. Этому бессмысленному варварству хотели воспрепятствовать Шпеер и Хайнрици⁷⁹¹. Дело в том, что еще 19 марта 1945 г. Гитлер отдал чудовищный приказ: «Германия должна быть полностью разрушена. Все должно быть взорвано или сожжено — электростанции, водопроводные станции и газовые заводы, плотины и шлюзы, порты и фарватеры, промышленные комплексы и линии электропередач, все верфи и мосты, весь подвижной железнодорожный

состав и коммуникационное оборудование, весь автомобильный транспорт и склады любого рода, даже автостреды»⁷⁹². «Нероновский приказ» Гитлера от 19 марта 1945 г. имел целью не тотальное разрушение и гибель Германии и превращение ее в пустыню (как иногда утверждают в литературе), но продолжение «тотальной войны», которую вермахт вел на Восточном фронте. Это было логическим продолжением идеи «держаться до конца». Если бы Гитлер захотел уничтожить Германию, он применил бы химическое оружие.

В то время как Жуков и Конев сосредоточивали тринадцать армий (более миллиона солдат) на Берлинском направлении, у Гитлера случилась одна из его знаменитых вспышек интуиции. Сосредоточение советских армий в Кюстрине, прямо напротив столицы, на его взгляд, было только отвлекающим ударом. Основное наступление, по мнению Гитлера, будет нацелено на Прагу, а не на Берлин. Генерал-полковник Фердинанд Шернер, командующий группой армий «Центр» на южном фланге группы армий «Висла», поддержал это мнение. «Мой фюрер, — сказал Шернер, — это уже было в истории. Вспомните слова Бисмарка о том, что тот, кто владеет Прагой, владеет Европой». Гитлер согласился и 5 апреля приказал отвести на юг четыре танковых соединения из группы армий «Висла» Хайнрици, который именно при помощи этих сил надеялся замедлить советское наступление⁷⁹³.

Гитлер, казалось, до самого конца сохранял надежду на победу; так, 18 апреля 1945 г. в разговоре с Вольфом он сказал: «На Одере прошли крупные бои. Мы подбивали в день по 150, по 200, по 250 русских танков. Такого кровопускания не выдержит даже Россия. Ведь она в значительной мере зависит от американских и английских поставок, прибывающих морским путем. Россия не вынесет таких потерь»⁷⁹⁴. Маловероятно, что в вермахте все думали так, как Гитлер, но настроения

почти 10 миллионов немецких солдат нельзя свести к одному знаменателю. Письма с фронта и другие свидетельства указывают на то, что значительная часть солдат до конца остались «верны знамени» *der Fahne*), но при этом вера в победу была незначительной. То, что большинство солдат боролось до конца, что вермахт до конца оставался крепкой и надежной армией - это его заслуга, а то, что упорно воевали не только убежденные нацисты, но все — это заслуга младшего командного состава. Солдаты воевали не против советских «недочеловеков» (как их называла нацистская пропаганда), а за своих товарищей, друг за друга. Как писал Альфред Андерш, «для солдат главным врагом была сама ситуация, в которую они попали на войне»⁷⁹⁵. Только боевым товариществом можно объяснить то, что, к примеру, 18-я и 16-я немецкие армии во главе с генерал-полковником Карлом Хильпертом до 8 мая 1945 г. продолжали драться в Курляндском котле (сдачу в плен Гитлер запретил).

Служивший в вермахте Ги Сайер, по происхождению наполовину француз, вспоминал, что после отсечения советскими частями Курляндской группировки вермахта мирное население Пруссии, отрезанное от Кенигсберга, бросилось к Мемелю, надеясь на эвакуацию морем. Мемель солдатам вермахта удалось удерживать в течение всей зимы, несмотря на бомбардировки и атаки советских войск. Сайер писал, что вместе с солдатами в Мемельском тупике диаметром километров в тридцать находились тысячи беженцев: «То, что пришлось испытать беженцам, описать невозможно. Они ожидали, что их эвакуируют до того, как будут вывезены войска. В развалинах Мемеля все беженцы не могли укрыться. Мы немногим могли им помочь. Но они сковывали наши движения и систему обороны, которая и без того оставляла желать лучшего. От грохота разрывов не слышны были ни крики, ни

стоны. Плечом к плечу с нами оборонялись бывшие элитные части, отряды фольксштурма, солдаты с ампутированными конечностями, которых снова взяли на службу организаторы обороны, женщины, дети, старики, подростки и инвалиды — все мы оказались распятыми под туманом, освещаемым лишь разрывами снарядов и снегом. Так заканчивалась война. Паек резко уменьшился. Порций, выдаваемых на пятерых, не хватило бы и школьнику. Постоянно звучали приказы сохранять спокойствие и порядок. Днем и ночью из портов выходили суда, нагруженные до предела. К причалам стекались беженцы, становившиеся удобной мишенью для русских пилотов. Бомбы разрывались в толпе, люди кричали, но оставались ждать прихода следующего корабля. Чиновники пытались повлиять на людей, но любые слова теряли здесь всякий смысл. Многие кончали жизнь самоубийством, и их даже никто не пытался остановить. Если бы мы капитулировали, этот кошмар бы прекратился. Но одно слово “Россия” вызывало в нашем сознании панический ужас. О капитуляции не могло быть и речи. Мы должны выстоять, выстоять любой ценой. ... В Мемеле все участвовали в обороне. Дети помогали раненым, разносили еду, несмотря на голод, подавляя страх, который в данных обстоятельствах был вполне оправдан. Они делали все, что говорили старшие, не возражая и не жалуясь. Те, кому удалось выжить, уже не смогут, как обычные люди, воспринимать простую жизнь с ее трудностями. Немцы испытали горе до конца. Я не могу не восхищаться их благородством»⁷⁹⁶.

Чтобы хоть как-то компенсировать этот ужас безысходности, изощрялись нацистские пропагандисты: после того как первые ракеты «Фау-1» полетели к британским берегам, был выдвинут лозунг — «отмщение грядет». Однако к апрелю 1945 г. эти слова стали пустым звуком. На Восточном фронте слово «отмщение»

имело совершенно противоположное значение. Мечь надвигалась именно со стороны советских солдат. Солдаты вермахта, занимавшие позиции на одерском рубеже, ждали ее с ужасом⁷⁹⁷. Газета «Правда» поместила карикатуру, которая весьма точно отражала настроения многих немецких солдат. На рисунке была изображена оргия в рейхсканцелярии, а подпись гласила: «Каждый день немецкие солдаты продлевают нам жизнь»⁷⁹⁸. И действительно, 14 апреля Гитлер подписал очередной приказ группе армий «Висла», в котором подчеркивалась необходимость «держаться до конца». В документе приводились различные примеры из истории. В частности, упоминалось об отпоре, который получили турки под Веной, утверждалось, что «теперь большевики испытают на себе то же самое, что в древности выпало на долю азиатов». Тот факт, что Вена к тому времени уже была захвачена «азиатскими ордами большевиков», не имел для Гитлера никакого значения⁷⁹⁹. Но он не был одинок в проведении эпохальных параллелей между текущими событиями и седой стариной. В газете «Правда» также вышла статья, посвященная захвату русскими Берлина 9 октября 1760 г. Тогда в прусскую столицу вошел русский авангард, состоявший из пяти казачьих полков. Ключи от Берлина были переправлены в Санкт-Петербург, в Казанский собор. «Правда» призывала советских бойцов помнить это историческое событие и выполнить приказ Сталина⁸⁰⁰.

Фанатики, собравшиеся бороться до последней возможности, оставались только среди тех нацистов, которые были уверены, что конец Третьего Рейха станет одновременно и их гибелью. Подобно Гитлеру, они считали, что все немцы должны разделить их собственную судьбу. Эти фанатики и решили организовать сопротивление на уже оккупированной противником немецкой территории — «Вервольф» (*Wehrwolf*). Название было заимствовано из романа о Тридцатилетней вой-

не писателя Германа Ленса, погибшего добровольцем в 1914 г. Соппротивление врагу в лице народного партизанского движения должно было стать, по мысли Гитлера, выражением фанатической «воли к победе» немецкого народа. Во главе этой тайной организации при штабе Гиммлера был поставлен обергруппенфюрер СС Ханс Прютцман. Особо важной задачей «Вервольфа» было — воспрепятствовать пораженческим настроениям народа. В западных немецких городах на стенах были расклеены плакаты: «“Вервольф” не дремлет: кто сдастся, того ждет смерть» (*Der Wehrwolf ist da, wer sich ergibt, wird erschossen!*)⁸⁰¹. У Прютцмана сразу объявились, как это водилось в Третьем Рейхе, соперники: Отто Скорцени планировал создание «егерских частей» (*Jagdverbände*), гестапо и СД хотели реализовать проект подразделения «Союза башмака» (*Bundschuh*), по известной аналогии из истории крестьянской войны в Германии XVI в.

Лозунгами «Вервольфа» были слова: «Превратим день в ночь, а ночь — в день! Бей врага, где бы ты его ни встретил! Будь хитрым! Воруй у врага оружие, боеприпасы и продовольствие! Немецкие женщины, помогайте борьбе “Вервольфа”, где только возможно!». 1 апреля 1945 г. по германскому радио прозвучал призыв к населению присоединиться к «Вервольфу». В этом призыве говорилось: «Целью организации является уничтожение любого большевика, англичанина или американца, вступившего на нашу землю... Любой немец, независимо от профессии или классового положения, который будет сотрудничать с противником, чувствует на себе всю силу нашей мести... У нас один девиз — победить — или мужчины старше 14 лет будут расстреляны, если на их домах появятся белые флаги»⁸⁰². Восприятие термина «террор» в Красной армии мало отличалось от того, что подразумевало под ним командование вермахта в начале операции «Барбаросса»,

когда «бандитами» и «террористами» называли советских партизан. Активистов «Вервольфа» ждала та же участь.

Следует считать, что акции, предпринятые «Вервольфом», не достигли существенных результатов, исключая мероприятия по запугиванию немецкого населения. Члены ГЮ писали на стенах: «Предатель, не спи, “Вервольф” следит за тобой!» Уже после войны Скорцени и Прютцман показали на допросах, что они и не питали особых надежд на партизанскую войну в Германии. Весь этот проект партизанской войны не соответствовал немецкому национальному характеру и законопослушанию немцев.

Зато эсэсовцы были последовательны до конца. По причине быстрого продвижения союзных армий, они не имели возможности скрыть следы своих преступлений в концлагерях. Союзникам стали открываться страшные картины зверств и насилия. Подразделения СС — иногда при помощи фольксштурма — в спешке осуществляли в концлагерях экзекуции. К примеру, в двух километрах к северо-востоку от Лейпцига авиация союзников обнаружила большую колонну, двигавшуюся в направлении Дрездена. Как потом выяснилось, в ней находилось более шести тысяч женщин различных национальностей, работавших на одном из заводов. Многие из них были настолько ослаблены, что не могли передвигаться. Упавших эсэсовцы расстреливали на месте, а трупы сбрасывали в придорожный кювет. Бело-голубые полосы на одежде убитых были хорошо заметны с воздуха. Они окаймляли всю дорогу на протяжении движения колонны⁸⁰³.

После войны Гальдер отмечал в воспоминаниях, что ни Гитлер, ни Геббельс (рейхскомиссар обороны столицы) не отдали ни одного распоряжения относительно защиты Берлина вплоть до момента, когда стало уже

слишком поздно. Таким образом, план обороны столицы был очередной импровизацией. Генерал Рейман с февраля 1945 г. стал третьим по счету человеком, которого Гитлер (в апреле) назначил руководить обороной столицы. Накануне штурма население Берлина составляло примерно три с половиной миллиона человек, включая 120 тысяч детей младшего возраста⁸⁰⁴.

Предполагалось, что на трех оборонительных обводах Берлина работают 100 тысяч человек. На самом деле, никогда не набиралось больше 30 тысяч. Не хватало и ручных инструментов; в газетах даже печатались призывы приносить с собой кирки и лопаты, но это не приносило результатов. Как говорил полковник Риффер, один из руководителей обороны города, «берлинские садовники, видимо, считают вскапывание своих огородов более важным делом, чем рытье противотанковых ловушек».

Второй, средний обвод обороны Берлина строился в основном на железнодорожных путях и в случае укомплектования опытными частями мог бы стать весьма тяжелым препятствием. В некоторых местах рельсы шли по высоким насыпям и представляли собой хорошие защитные валы.

Третий, внутренний обвод защищал городской центр. Названный «Цитаделью», этот последний рубеж включал главные правительственные здания. Последние защитники города должны были держать оборону в огромных сооружениях, связанных между собой баррикадами и стенами из бетонных блоков: в огромном министерстве авиации Геринга (позже в нем разместилась советская комендатура), в колоссальном квартале военного министерства Бенделер-Блок, в пустой громаде имперской канцелярии и в рейхстаге⁸⁰⁵.

Оборонительные сооружения Берлина были частью пропагандистского мифа — эксперт по фортификационным сооружениям генерал Макс Пемзель, бросив

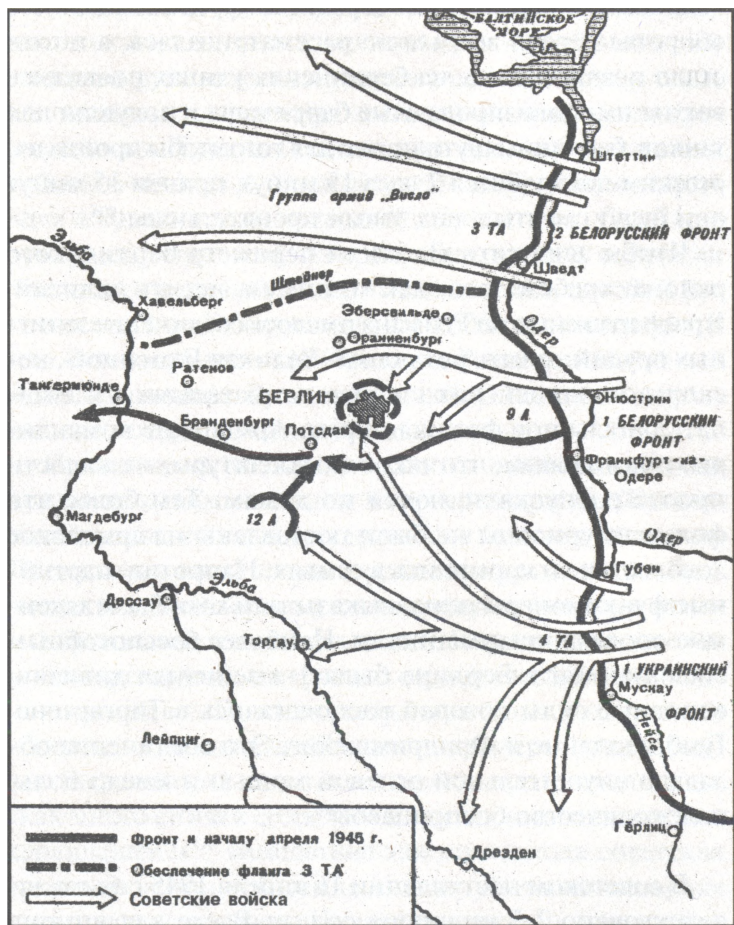

Схема последних операций Красной армии. Южнее Берлина отмечены 12-я и 9-я армии вермахта, которые вместе спасались, переправляясь через Эльбу к американцам

беглый взгляд на городскую оборону, заявил, что она «смешна и никчемна». До середины марта возможность обороны города всерьез не рассматривалась, а потом стало поздно. Когда на берлинских улицах появились ветхие импровизированные баррикады и ловушки для танков, берлинцы шутили, что для того чтобы пройти их, русским понадобится 2 часа 15 минут, причем 15 минут они будут смеяться над этими препятствиями⁸⁰⁶.

Чтобы защитить внешний периметр берлинского района, требовалось, как минимум, десять дивизий. В распоряжении же Реймана имелось соединение зенитных орудий, девять рот полка «Великая Германия», несколько полицейских и саперных батальонов и двадцать батальонов фольксштурма. Армейские командиры, понимавшие, что такое фольксштурм, из жалости просто распускали людей по домам. Тем более что фольксштурмовцы не были поставлены на армейское довольствие и кормились в семьях. Напротив, партийные функционеры редко выказывали хотя бы отдаленные проявления гуманности. Наиболее боеспособным соединением в Берлине была 1-я зенитная дивизия, основные силы которой располагались в Тиргартене, Гумбольдхайне и Фридрихсхайне. Это соединение обладало внушительной огневой мощностью и имело большое количество боеприпасов⁸⁰⁷.

В советском наступлении 16 апреля 1945 г. было задействовано 2,5 миллиона солдат. Всего для штурма Берлина было сосредоточено: 41 тысяча орудий и минометов, 6 250 танков и САУ. Командование Красной армии достигло самой большой концентрации боевой мощи на одном направлении, которую когда-либо знала история⁸⁰⁸. Берлинская операция была одной из самых дорогостоящих, затратных операций Красной армии. Особенно крупные потери понес 1-й Белорусский фронт в бессмысленных лобовых атаках на Зееловские

высоты и в штурмах городских кварталов. Несмотря на то что Красная армия обладала огромным превосходством в силах и имела колоссальный боевой опыт, сталинским руководством она была поставлена в такое положение, что просто не могла использовать свое преимущество. Приказы сводили все военные действия к лобовым атакам и фронтальным штурмам, которые вели к чудовищным потерям⁸⁰⁹. Кроме того, Сталин, в присутствии ему стили, во время Берлинской операции постарался сравнить соперничающее между собой руководство 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Это соперничество Жукова и Рокоссовского было нелепым, поскольку влекло за собой ничем не оправданные потери в личном составе.

Сражение за Зееловские высоты оказалось отнюдь не самым ярким эпизодом в карьере маршала Жукова. Управление войсками во время боя было ошибочным. Тем не менее наступление продолжало развиваться благодаря выдающемуся мужеству, выносливости и самопожертвованию советских солдат. К сожалению, это самопожертвование не трогало сердца высшего командного состава. Примечательны в этом отношении кодовые названия для обозначения потерь — в телефонных переговорах советские командиры спрашивали: «как много спичек сгорело?» или «как много сломалось карандашей?»⁸¹⁰ Вследствие такого подхода советская армия на немецкой земле только убитыми потеряла сотни тысяч человек. Подавляющее большинство из них погибло при штурме Зееловских высот, промышленных и жилых кварталов Берлина. Если к числу погибших в Берлинской операции прибавить и раненых, то общее количество воинов, проливших кровь в этих сражениях, достигнет полумиллиона человек. Для конца войны это были чрезмерные потери, и их можно было избежать, исключив лобовые атаки и кровопролитные штурмы⁸¹¹.

Это кровопролитие еще более усугубило жестокость столкновений и взаимное ожесточение. Обозленные военными неудачами немецкие офицеры не упускали возможности напомнить ветеранам Восточного фронта о насилии, которые там творили вермахт и СД. По их мнению, русские, как только прорвутся к Берлину, будут еще более беспощадны. «Ты не можешь себе представить, — писал лейтенант вермахта своей жене, — какая ненависть поднимается среди наших солдат. Мы готовы разорвать русских. Насильники наших женщин и детей должны испытать на себе всю силу нашего гнева. Невозможно себе представить, что творили эти звери. Мы дали клятву, что каждый из нас должен убить, по крайней мере, десять большевиков. Да поможет нам Бог!»⁸¹²

Но одной ненависти было мало для отражения атак советских войск — отступление германских частей с Зееловских высот 19 и 20 апреля, по сути дела, означало крушение всего фронта обороны Берлина. Истощенные немецкие части отступали так быстро, как только могли, и пытались защищаться, только если им непосредственно угрожали советские части⁸¹³.

20 апреля Хайнрици поручили не только группу армий «Висла», но и оборону Берлина. После получения приказа Хайнрици вызвал коменданта города Реймана и приказал не разрушать ни одного моста. Рейман пожаловался, что теперь, когда лучшие отряды фольксштурма отправлены на фронт, город стал практически беззащитен. Хайнрици это прекрасно знал и хотел только избежать регулярных боев в городе, перевести боевые действия за его границы. Он сознавал, что защищать город в сложившейся ситуации невозможно, и не позволял армиям откатиться в Берлин. Из-за зданий не смогут маневрировать танки, и нельзя будет использовать артиллерию. Более того, если завяжутся уличные бои, — погибнет множество мирных жителей,

а Хайнрици надеялся избежать этих потерь⁸¹⁴. Надежды старого генерала не сбылись — 21 апреля, после прорыва на Зееловских высотах, советская артиллерия стала обстреливать и город. Берлин превратился в передовую.

Артиллерийские обстрелы были гораздо опаснее авианалетов. Берлинцы научились жить при авиабомбардировках и привыкли к их регулярности. Большинство людей научились по свисту падающих бомб приблизительно оценить, где они разорвутся; многие так притерпелись к налетам, что часто даже не искали убежища. Артиллерийский обстрел был опаснее. Снаряды падали неожиданно. Смертоносная шрапнель летела во все стороны, часто настигая свои жертвы далеко от разрыва. Кроме того, артобстрелы не подчинялись никаким распорядкам. Они были бесцельными, непрерывными и с каждым днем все более интенсивными.

Гитлер решительно отклонил предложение покинуть Берлин и переехать в Южную Германию. Крушение его надежд на политическое и военное «чудо», надежд, которые были непонятны трезвым наблюдателям, пробудили в нем фанатичное желание превратить развалины германской столицы в гигантскую могилу. Надломленный физически и духовно, ожесточенный против немецкого народа, который с беспримерной самоотверженностью и преданностью следовал за ним сквозь все испытания, Гитлер, как отмечал немецкий мемуарист генерал Бутлар, в последние дни сбросил маску и показал свое настоящее лицо. Он с цинизмом садиста, одержимого духом разрушения, жертвовал в бессмысленной борьбе за рушившийся режим людьми и материальными ценностями⁸¹⁵.

В апреле Гитлер возлагал большие надежды на вновь сформированную 12-ю армию генерала Вальтера Вен-

ка, известного в вермахте своими феноменальными способностями импровизатора. 12-я армия должна была удерживать более 100 км линии фронта по Эльбе и не давать американцам пробиться в столицу рейха. Венк, как решил Гитлер, будет командовать армией из девяти дивизий, укомплектованных офицерами бронетанковых войск, фольксштурмом, кадетами, различными сборными группами и остатками разбитой 11-й армии. Йодль был настроен скептически — даже если это войско будет сколочено вовремя, вряд ли оно будет эффективным и, вероятно, вовсе не вступит в бой на Эльбе. Йодлю был известен план «Иклепс» (*eclips*—затмение) — план установления приблизительной разделительной линии между советской и западными зонами оккупации Германии в случае ее капитуляции⁸¹⁶. Поэтому он не ожидал американского давления на войска Венка. Гитлер также рассчитывал на это, и 23 апреля, не доверяя своим генералам, распорядился, чтобы его приказ 12-й армии Венка транслировался по радио. Возможно, это был единственный случай в истории, когда оперативный приказ получал огласку в процессе сражения. Было сообщено, что фюрер приказал, чтобы шестнадцать немецких дивизий, противостоящие американцам, были срочно переброшены для обороны столицы. Одной из целей такого сообщения было желание Гитлера заставить берлинцев поверить, что теперь США помогают Германии в борьбе против Красной армии. По стечению обстоятельств, армия Венка на Эльбе в тот момент почувствовала ослабление американского натиска, что стало большим облегчением для немцев⁸¹⁷.

Венк планировал ударить на Потсдам только частью своих сил, тогда как основная масса его объединения должна была продвигаться в восточном направлении для оказания помощи окруженной 9-й армии генерала Буссе. На фронте с американцами Венк оставлял

лишь заградительные отряды. «Ребята, вы должны сделать еще одно усилие, — сказал своим солдатам Венк. — Речь идет уже не о Берлине и даже не о рейхе». Перед солдатами 12-й армии стояла задача спасти своих товарищей из 9-й армии от смерти и от советского плена. В противоположность Западному фронту, где германские солдаты массово сдавались союзникам, на Востоке они сражались до последнего патрона. Один из немецких офицеров вспоминал: «Даже самый никудышный солдат прекрасно понимал, что война проиграна. Теперь главной целью было выжить, и весь смысл заключался в том, чтоб удержать Восточный фронт, чтобы спасти как можно больше беженцев»⁸¹⁸. Ганс Дитрих Геншер (будущий многолетний министр иностранных дел ФРГ), бывший в то время сапером в составе армии Венка, вспоминал, что в тот момент всех солдат и офицеров охватило «чувство сопричастности, ответственности и боевого товарищества». Все солдаты были воодушевлены предстоящим наступлением, несмотря на то что его задачи виделись всеми по-разному. Одни действительно считали предстоящую операцию гуманитарной миссией, другие же шли в бой из-за того, что теперь им противостояли русские, а не американцы⁸¹⁹.

«Кто бы мог предположить, — сокрушался один из батальонных командиров дивизии “Шарнхорст”, — что Западный и Восточный фронт будет разделять расстояние, которое можно преодолеть всего за один день марша». 20-й корпус 12-й армии Венка начал наступление в восточном направлении 24 апреля. Перед ним стояла задача прорваться через советские заслоны к немецкой 9-й армии генерала Буссе, окруженной в лесах тылового района войск Конева, и помочь ей уйти на запад. Ни Буссе, ни Венк не желали выполнять исторического приказа Гитлера прорываться в направлении Берлина. 25 апреля Буссе начал прорыв навстречу

Венку⁸²⁰. 7 мая 100 тысяч солдат 9-й армии (Теодора Буссе) и 12-й армии (Вальтера Венка) прорвались друг к другу, повернули к Эльбе, форсировали реку и отправились на Запад — сдаваться в плен американцам. Бои с советскими войсками были очень кровопролитными: из 100 тысяч солдат Буссе в живых осталось только 40 тысяч⁸²¹.

Генерал Венк установил контакт со штабом 9-й американской армии. Американский генерал Уильям Симпсон оказался в довольно щекотливом положении. Ему нужно было учитывать не только гуманитарный аспект проблемы, но и обязательства США перед СССР, равно как и практические вопросы питания и размещения огромной массы людей. Симпсон принял взвешенное решение — пропустить на западный берег раненых и безоружных военнослужащих, но отказать в строительстве и восстановлении мостов через Эльбу для организации массовой эвакуации. Вместе с солдатами 12-й армии Венка на западный берег переправлялись и выжившие солдаты 9-й армии Буссе. По понятным причинам, быстрее других пытались попасть на западный берег «хивис» из числа советских военнопленных. В 9-й армии было 9139 «хивис», но только около 5 тысяч из них смогли добраться до Эльбы.

Когда американцы из-за опасения за жизни своих солдат (советские войска оказывали сильное давление на армию Венка и обстреливали плацдарм) убрали КПП на восточном берегу, началась стихийная переправа немецких военнослужащих через довольно широкую реку. Несколько сотен человек при этом утонуло... Периметр немецкой обороны окончательно рухнул 7 мая. В самый последний момент Венк со своим штабом перебрался через Эльбу в районе Шенхаузена и сдался американцам⁸²².

Находившаяся южнее 12-й армии группа армий «Центр» в начале мая оказалась окруженной в Чехии и

Моравии. В самом «котле» началось восстание чешского населения. Это восстание носило исключительно жестокий характер и было направлено против местного немецкого населения, а также против расположенных здесь немецких госпиталей и отдельных немцев.

Вокруг Берлина были советские солдаты... Хрупкая оборона города трещала по всем швам, район за районом попадал в руки советских войск. В некоторых местах плохо вооруженные фольксштурмовцы просто бежали. ГЮ, фольксштурм, полиция и пожарные бригады сражались бок о бок, но у них были разные командиры. Они защищали одни и те же объекты, но зачастую получали противоположные приказы. А многие даже и не знали, кто ими командует. Новый командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг послал немногих оставшихся в живых ветеранов разбитого 56-го танкового корпуса на усиление обороны, но это принесло мало пользы.

Кстати, еще 23 апреля генерал Гельмут Вейдлинг, командир 56-го танкового корпуса, дозвонился до бункера фюрера, откуда ему сообщили, что он приговорен к смертной казни за трусость. Однако эти слова не смутили командира танкового корпуса. Этим же вечером он, как ни в чем не бывало, появился в бункере. Фюрер решил, что если этот человек не побоялся появиться у него на глазах и не испугался расстрела, то именно он должен руководить обороной Берлина⁸²³.

Одно из предместий Берлина, Целлендорф, пал почти мгновенно. ГЮ и фольксштурм, пытавшиеся дать бой перед ратушей, были уничтожены. Бургомистр вывесил белый флаг и застрелился. В берлинском районе Вайсензее, где до 1933 г. коммунисты пользовались преобладающим влиянием, многие кварталы капитулировали немедленно, и на домах появились красные флаги. Район Берлина Панков продержался два дня,

Веддинг — три. В некоторых мелких очагах сопротивления яростно сражались до конца, но непрерывной линии обороны не было нигде.

Баррикады разлетались перед советскими танками, будто они были сложены из спичек. Танки с ходу стреляли по зданиям. Такие препятствия, как трамвайные вагоны или нагруженные камнями телеги, расстреливали прямой наводкой. Артиллерия метр за метром стирала центральные районы с лица земли. Как только захватывали очередной район, советское командование перемещало туда огромное количество пушек и «катюш». В Темпельхофе и в Гатове советские пушки стояли колесо к колесу сплошной стеной. То же самое наблюдалось в Грюневальде, в Тегельском лесу, в парках и на открытых пространствах. Ряды «катюш» загромождали магистрали, они непрерывно выпускали потоки фосфоресцирующих снарядов, поджигающих целые кварталы⁸²⁴.

По всему городу началось массовое дезертирство. Чем глубже красноармейцы проникали в Берлин, тем больше они видели на улицах сброшенных мундиров и повязок, тем меньше фольксштурмовцев оставалось в рядах защитников. Несмотря на дезорганизацию, отряды эсэсовцев, как хищники, прочесывавшие город в поисках дезертиров, пытались взять правосудие в свои руки. Они останавливали каждого, кто носил военную форму, и проверяли его принадлежность к воинским частям. Любого, заподозренного в том, что он покинул свою часть, немедленно расстреливали или, в наказание остальным, вешали на дереве.

Советские войска оттеснили защитников города в развалины центрального района. Чтобы замедлить продвижение наступающих, немцы взорвали 120 из 248 городских мостов. В распоряжении генерала Вейдлинга осталось так мало динамита, что для подрывов пришлось использовать авиационные бомбы. Эсэсовские

фанатики уничтожали здания, не задумываясь о последствиях. В результате одного из взрывов был затоплен тоннель, связанный с городским метро. В нем укрывались тысячи гражданских лиц, на путях стояло четыре санитарных поезда с ранеными⁸²⁵.

К 28 апреля советские войска сжали кольцо вокруг городского центра. Ожесточенные бои шли на окраинах Шарлоттенбурга, Митте и Фридрихсхайна. Открытой оставалась лишь узкая дорога на Шпандау. Несколько опытных соединений Вейдлинга пытались удержать дорогу, несмотря на то что у них практически закончились боеприпасы. Потери с обеих сторон были колоссальными. Улицы были буквально усеяны трупами. Из-за непрерывного артобстрела люди не могли выбраться из подвалов, чтобы помочь раненым друзьям или родственникам, лежавшим совсем близко от них.

Бункер фюрера тоже обстреливали, но он 28—30 апреля еще был сравнительно безопасным местом. Внутри обороны Берлина находилось шесть огромных «зиккуратов» (так в древней Месопотамии называли культовые башни в 3—7 ярусов), которые представляли собой массивные бетонные сооружения. Самый большой из них находился в Берлинском зоопарке: пятиэтажный, высотой в 40 метров. Его стены были толщиной в 2 метра, а все отверстия закрывались тяжелыми массивными дверьми. Наверху располагался гарнизон из 100 человек. Этажом ниже находился госпиталь. На нижних этажах могло укрыться до 15 тысяч человек. Располагая собственным электро- и водоснабжением, этот «зиккурат» был автономен⁸²⁶. Туда набилось огромное количество народа — гражданские лица, раненые солдаты, врачи, сотрудники Красного Креста. Двигаться было невозможно, трупы и ампутированные конечности вынести наружу и похоронить было невозможно. Проведя в этих башнях несколько дней, люди схо-

дили с ума. Высунуться даже на мгновение было страшно из-за артобстрела. Вокруг простиралась огромная опустошенная обстрелом территория зоопарка. И среди животных были огромные жертвы — львов застрелили, в гиппопотама попал снаряд...⁸²⁷

Впрочем, 12 тысяч берлинских полицейских продолжали оставаться на своих постах, почта функционировала вплоть до последнего дня войны. Рабочие вставали на рассвете, чтобы добраться по усыпанным битым кирпичом улицам до своих фабрик, 65% которых продолжало работать. Часть Берлинского зоопарка оставалась открытой для посетителей. Чиновникам раз в неделю выдавали лопаты и выводили их на общественные работы по разборке развалин⁸²⁸.

Немецкие женщины, словно наполеоновские ветераны в битве при Ватерлоо, стойко держались друг друга в очередях за продовольствием. Их не смущали ни огонь, ни осколки снарядов. Никто не хотел покидать своего места. Свидетели утверждали, что некоторые женщины вытаскивали у убитых продовольственные карточки, стирали с них кровь и предъявляли их как свои собственные. Один из мемуаристов вспоминал, что это были те самые женщины, которые совсем недавно бежали в укрытие, едва услышав по радио, что над центральной Германией появилось несколько вражеских самолетов. Женщины стояли в очередях, чтобы получить паек, состоявший из масла и копченой колбасы, тогда как мужчины появлялись здесь только в том случае, если выдавали шнапс. И это было символично — женщины решали проблему выживания, тогда как мужчины старались при помощи алкоголя спрятаться от всего, что происходило вокруг них. «В эти дни я снова стала замечать, — писала одна немка, — что не только мое личное отношение к мужчинам, но и отношение к ним почти всех женщин сильно изменилось. Нам было стыдно за них. Они выглядели жалкими и

лишенными сил. Слабый пол. Среди женщин растет чувство коллективного разочарования. Нацистский мир, который был основан на прославлении мужского начала, зашатался и стал рушиться. И вместе с ним рухнул миф о “сильном мужчине”»⁸²⁹.

В эфире одной из немецких радиостанций прозвучало обращение к женщинам и девушкам Третьего Рейха: «Подбирайте оружие из рук павших и раненых солдат и сражайтесь за них. Защищайте свою свободу, свою честь и свою жизнь!» Немцы были шокированы такими «ужасными следствиями тотальной войны»⁸³⁰.

Еще более тяжелые последствия «тотальной войны» ожидали берлинское гражданское население с вступлением в город советских войск. В клинике для сирот и молодых матерей Далема все монахини, беременные женщины и молодые матери стали объектом безжалостного насилия со стороны советских солдат. Одна из женщин сравнивала все происходившее в этой клинике «с ужасами Средневековья», другая образованная фрау — с Тридцатилетней войной. В берлинском районе Нойкельн советскими солдатами была убита дочь мясника, сопротивлявшаяся насилию. Одну девушку советские солдаты жестоко изнасиловали, и вся ее семья покончила жизнь самоубийством, а саму ее соседи успели вытащить из петли. Узнав, что ее родители умерли, она впала в проstration и на вопросы не отвечала⁸³¹.

В осажденном Берлине раненым немецким солдатам фактически невозможно было получить помощь в переполненных госпиталях, поэтому многие из них стремились добраться до подвалов собственных домов. Там о них могли позаботиться их матери и жены. Однако это являлось довольно рискованным шагом, поскольку реакция советских солдат на присутствие немецких военнослужащих была непредсказуема. Нередко они воспринимали такой подвал за очередную

огневую точку противника и могли забросать его гранатами. Чтобы избежать этого, женщины обычно снимали с раненых военную форму, сжигали ее и переодевали мужчин в гражданскую одежду. Всякое оружие немедленно выбрасывали на улицу: ходили слухи, что всех обитателей дома, в которых находили оружие, русские расстреливают⁸³². Ужас перед советскими солдатами усиливался чувством собственной вины. Некоторые немцы хорошо знали, как вели себя на советской земле немецкие солдаты, они знали о зверствах СС в концлагерях⁸³³.

Жестокость обращения красноармейцев с местным населением можно объяснить еще одним обстоятельством, на которое указывал в своих мемуарах советский ветеран войны Борис Михайлович Михайлов. Он писал, что к концу войны советско-германский фронт растянулся на тысячи длинных, залитых кровью километров. Резервы пехоты у обеих сторон были исчерпаны до дна. Советские тыловые военкоматы начали призывать «белобилетников», комиссованных раненых, даже «зэков». Сотни тысяч украинцев, белорусов, молдаван, мобилизованных в 1943—1944 гг., во время освобождения их родных мест в значительной степени были уже «съедены молохом войны». В начале 1945 г. появился новый источник пополнения советской пехоты: советские люди — заключенные немецких концлагерей, а также добровольно уехавшие, либо угнанные насильно в Германию. Они принесли дополнительный заряд мстительности и жестокости в обращении с немцами, поскольку сами прошли жуткую лагерную школу выживания; в их прежней лагерной жизни малейшие ростки человечности если и появлялись, то сразу гасли, поскольку в лагерях правило бал всякое отребье — «зеленые», то есть уголовники, носившие уголок («винкель») зеленого цвета. Эти твердо усвоенные лагерные законы и представления бывшие узники

принесли и в Красную армию. Михайлов вспоминал, что в поведении этих людей, бывших узников, «бросались в глаза их звериные поступки по отношению к своим однополчанам, к местным жителям. Меня и тогда поражало полное отсутствие каких-либо моральных запретов и животная жажда жизни у этих людей, легко рассказывавших о “пришитых” ими за пайку хлеба, за “монашку” баланды доходягах. Некоторые наши солдаты жили в Дахау по несколько лет. Произошедшее за эти годы перерождение, вероятно, было необратимым»⁸³⁴. Винить в чем-либо их нельзя: они против своей воли цопали в дикие условия и вынуждены были там приспособляться, но учитывать особенности и мотивы их поступков нужно.

Вместе с тем среди бойцов Красной армии проводилась разъяснительная работа о недопустимости насилия над гражданским населением в Германии. Принимались и карательные меры по отношению к советским солдатам. Как свидетельствуют данные военной прокуратуры, в первые месяцы 1945 г. за преступления против гражданского населения военными трибуналами было осуждено 4148 солдат и офицеров. Несколько показательных судов над советскими военнослужащими завершились вынесением им смертных приговоров.

Сами немцы отмечали отсутствие среди солдат Красной армии дисциплины и неспособность офицеров поддерживать порядок, за исключением разве что тех случаев, когда за солдатский проступок следовал расстрел на месте. Более того, многие женщины встречали полнейшее безразличие при обращении к красноармейским командирам⁸³⁵.

На вопрос югославского коммуниста Милована Джиласа о причинах огромного количества изнасилований немецких женщин, Сталин ответил: это компенсация за тяготы войны. Впрочем, ему не нужно было давать на это какое-то особое разрешение — советская

пропаганда систематически натравливала советских солдат на немцев, которых призывали стереть с лица земли. Известны и призывы Эренбурга беспощадно убивать всех немцев. В первых немецких селениях, в самом деле, убивали всех, кто бы ни попадался солдатам на глаза; эксцессы убийств и жестокости производили ужасное впечатление на нейтральных наблюдателей⁸³⁶.

Жестокость обращения с побежденными можно объяснить и тем, что солдаты увидели в Германии... В последние дни Третьего Рейха стала раскрываться его самая жуткая тайна — по всему фронту солдаты союзных войск стали встречаться с гитлеровскими концлагерями и содрогаться от ужаса при виде свидетельств мучений и гибели огромного количества людей. Много повидавшие на войне, солдаты не верили своим глазам, входя в концлагеря и тюрьмы. Их встречали живые скелеты, едва держащиеся на ногах от голода; солдаты видели массовые захоронения, котлованы и рвы, заполненные обгоревшими костями. Генерал Эйзенхауэр лично посетил концлагерь близ города Гота. С пепельно-серым лицом и стиснутыми зубами он обошел все закоулки лагеря. «До этого момента, — вспоминал он, — я знал об этом только в общих чертах и по слухам... Я впервые испытал такой шок». Вернувшись в штаб, Эйзенхауэр телеграфировал в Вашингтон и Лондон, требуя немедленно прислать репортеров и юристов, чтобы они своими глазами увидели ужасы концлагерей и «представили американской и английской общественности доказательства, чтобы не оставалось места циничным сомнениям».

Психическое воздействие концлагерей на офицеров и солдат не поддается оценке. На линии фронта 9-й американской армии, близ Магдебурга, майор Джулиус Рок отправился осматривать товарный поезд, остановленный 30-й пехотной дивизией. Он оказался на-

бит заключенными концлагеря. Состояние узников было таково, что Рок, придя в ужас, распорядился немедленно разместить их в немецких домах. Бургомистру, который стал протестовать, офицер пригрозил взять заложников и расстрелять их в случае невыполнения приказа. Угроза моментально возымела действие⁸³⁷.

Генерал Василий Иванович Чуйков хорошо знал, что такое бои в городе. Он даже написал наставление, начинавшееся с основополагающего правила — бои в городе нельзя планировать как обычную фронтową операцию. Чуйков указывал, что — исходя из опыта Сталинграда — следует создать штурмовые группы из 6—8 человек; за этими группами должны следовать группы поддержки и резервы, готовые отразить контратаку противника. В группах поддержки следовало иметь тяжелое оружие; в них должны входить саперы, готовые взорвать любую стену. Должны широко применяться огнеметы и взрывчатые вещества.

Все эти наставления Чуйкова были, конечно, очень правильными, но все равно штурм Берлина начался именно как обычная фронтová операция, когда две танковые армии вошли в город, словно они действовали в открытом поле. Причиной такой тактики было желание советского руководства быстрее покончить с сопротивлением. С другой стороны, наставления Чуйкова могли грамотно использовать только опытные бойцы, прошедшие школу Сталинграда, но до Берлина их дошло очень мало... В войсках преобладали молодые бойцы и командиры, только что закончившие ускоренные командирские курсы и не имевшие представления о том, как воевать в городских условиях. И еще: от Одера солдаты непрерывно наступали и очень устали. Эта усталость была одной из причин того, что артиллеристы или летчики (над Берлином действова-

ло три воздушные армии) часто бомбили или обстреливали свои собственные войска. Дым, стоявший над городом, часто становился причиной ошибочного бомбометания. Дело дошло до того, что Чуйков попросил убрать подальше от его 8-й армии штурмовую авиацию, бомбившую собственные части⁸³⁸.

В воскресенье 15 апреля фюрер издал свою последнюю директиву: «Солдаты Восточного фронта! В последний раз наши смертельные враги, еврейские большевики, бросили в наступление свою орду. Их цель — превратить Германию в руины и стереть наш народ с лица земли. Вы понимаете, какая судьба уготована германским женщинам, девушкам и детям. Когда стариков и детей будут убивать, наших женщин и девушек превратят в барачных шлюх, остальных погонят в Сибирь. С января мы делали все возможное, чтобы укрепить наш фронт. Мы встретим врага массивным артиллерийским огнем. Потери нашей пехоты возмещены бесчисленным количеством новых подразделений. Наш фронт укреплен отрядами спецназначения, свежими частями и фольксштурмом. На сей раз большевиков постигнет древняя судьба Азии: они обязательно захлебнутся в собственной крови перед воротами столицы Германского Рейха. Кто не исполнит свой долг сейчас, будет предателем собственного народа»⁸³⁹.

Выдержав главный удар советских войск, 9-я армия свои возможности исчерпала к 16 апреля. После прорыва фронта на Одере немецкое командование возлагало последние надежды на прочность укреплений немецкой столицы. Однако войска Буссе еще держались, а у Франкфурта-на-Одере они даже отбросили советскую пехоту. Немецкая оборона на Зееловских высотах тоже держалась, но цена этого сопротивления была очень велика. Один из командиров дивизий доносил

Буссе по телефону: «Они надвигаются на нас ордами, волна за волной, наплевав на свои жизни. Мы стреляем из пулеметов часто в упор; стреляем, пока пулеметы не раскалятся докрасна и не закончатся боеприпасы. Потом нас просто сметают или уничтожают. Как долго это может продолжаться, я не знаю»⁸⁴⁰. Почти все сообщения были похожи друг на друга: отчаянные призывы о помощи; требование орудий, танков, чаще всего — боеприпасов и горючего. И один пункт был неизменным — дайте людей. Мелкие резервы Буссе уже были задействованы на ключевых Зееловских высотах.

Одновременно 1-й Украинский фронт преодолел сопротивление 4-й танковой армии, которая прикрывала левый фланг группы армий «Центр». В день рождения Гитлера, 20 апреля, советские танки появились на автобане на юге от Берлина, отрезав 9-ю немецкую армию, отвод которой в Берлин Гитлер запретил, и она была окружена южнее Берлина. День рождения фюрера был отмечен в Берлине специальной серией почтовых марок и добавкой к пайку берлинцев: 450 г ветчины или сосисок, 200 г риса или овсянки, 200 г сушеных бобов или гороха, одна банка консервированных овощей, 1 кг сахара, 30 г кофе и немного маргарина. Все это выдавалось в течение 8 дней и получило ироничное название «пайки Дня Вознесения»⁸⁴¹.

25 апреля в Торгау на Эльбе встретились солдаты советской 58-й гвардейской дивизии и 69-й американской пехотной дивизии. В этот же день к северо-западу от Потсдама кольцо советского окружения замкнулось вокруг Берлина. Гитлер отдал приказ 4-й танковой армии осуществить отвлекающий удар по внешнему кольцу окружения Берлина, но эта армия в жестоких боях была оттеснена к чешской границе советскими войсками.

3 мая части 2-го Белорусского фронта на Эльбе у Грабова встретились с английскими солдатами⁸⁴².

В начале апреля 1945 г., когда советские войска перешли в наступление на Одере, Гитлер принял важнейшее решение — он отдал приказ, чтобы современное химическое и бактериологическое оружие не попало в руки врага. Означало ли это, что он решил вести последний бой с помощью современного оружия массового поражения?

О «чудо-оружии» пропаганда вещала с момента поражения под Сталинградом. Таким образом режим хотел укрепить волю немецкого народа к сопротивлению. Психологическое воздействие пропагандистского трюка с «чудо-оружием» было, однако, невелико: уж слишком часто прибегал к нему Гитлер. Большие надежды на чудесные изменения последовательно возлагали на новые виды оружия: то на новый автомат (удивительно похожий на «Калашников»), то на кумулятивный противотанковый гранатомет «фаустпатрон», то на реактивный самолет, то на новую модификацию «тигра». Немецкие технические и конструкторские достижения в отдельных видах вооружений, однако, быстро нивелировались колоссальным численным превосходством вооружений противника. Наибольшие надежды геббельсовская пропаганда возлагала на ракеты «Фау» — 1 и 2. Немецкая общественность с начала массовых террористических бомбежек немецких городов также возлагала большие надежды на «чудо-оружие». Геббельс отмечал, что когда в июне 1944 г. первые ракеты взорвались в Лондоне, это вызвало в Германии радостное оживление⁸⁴³. Применение ракет «Фау» не привело к ожидаемому повороту в войне в пользу немецкой стороны; ракетные удары вызвали лишь незначительные разрушения по сравнению с катастрофическими последствиями массовых бомбежек немецких городов союзной бомбардировочной авиацией. Ракета «Фау-1» несла около тонны взрывчатки и обладала горизонтальной скоростью полета в 650 км/ч, поэтому англичанам

удавалось легко сбивать ракету. Они говорили, что сбивают 46 % ракет до того, как те достигают цели. «Фау-2» также несла около тонны взрывчатки, но летела в стратосфере в пять раз быстрее скорости звука⁸⁴⁴. До 31 декабря 1944 г. было совершено 13 714 пусков летающих бомб (*Flugbombe*) «Фау-1» и 1561 пуск ракет «Фау-2». В Лондоне последняя «Фау-2» взорвалась 27 марта 1945 г., а в Антверпене — 5 апреля⁸⁴⁵.

Более всего союзники опасались того, что нацисты в последний момент прибегнут к химическому оружию — в этих вооружениях немцы со времен Первой мировой войны прочно занимали лидирующие позиции. Вермахт располагал колоссальными запасами химических боеприпасов. Особую опасность представляли нервно-паралитические газы, которых не было ни у кого, кроме немцев. Немецкие химики после Первой мировой войны смогли создать современные боевые отравляющие вещества *Tabun*, *Sarin*, *Soman*. В марте 1944 г. у немцев было 44 661 тонна отравляющих веществ, из них 6503 тонны чрезвычайно эффективного нервно-паралитического газа. После бомбардировки Дрездена⁸⁴⁶ в Ставке Гитлера обсуждался вопрос об отказе Германии в одностороннем порядке от соблюдения Женевской конвенции по запрету применения боевых отравляющих газов, но решение так и не было принято⁸⁴⁷.

В первой, успешной для вермахта наступательной фазе войны применять это оружие не было необходимости, а вот в условиях обороны его можно было использовать весьма эффективно. Кроме того, немцы могли его использовать и в качестве жеста отчаяния.

Первый случай, когда можно было воспользоваться немецким преимуществом в химическом оружии, представился вермахту в момент вторжения союзников в Нормандию. Второй благоприятный момент для использования боевых газов сложился в оборонительных боях вермахта на Восточном фронте. Но ни в пер-

вом, ни во втором случае немцы не стали начинать химическую войну, поскольку очевидно было, что возмездие противника многократно превысит эффект от применения оружия массового поражения.

Немецкий Генштаб и министр вооружений Альберт Шпеер были против применения химического оружия. Руководство вермахта высказывало обоснованные опасения, что ответное применение химического оружия по скупенному вследствие скопления беженцев населению будет иметь катастрофические последствия. Гитлер, напротив, считал, что оружие массового поражения следует использовать — к счастью, тогда, когда он высказывал эти намерения, у немцев не было технических возможностей подготовить и осуществить газовую атаку или применить бактериологическое оружие⁸⁴⁸.

22 апреля состоялось последнее обсуждение положения на фронте у фюрера. На этом заседании Гитлер объявил о своем решении застрелиться, но распорядился оборонять Берлин до последнего солдата. Перед самоубийством Гитлер назначил президентом адмирала Карла Деница, а канцлером — Геббельса. Гросс-адмирал Дениц стал в последние недели Третьего Рейха фаворитом Гитлера, во-первых, по причине его беспрекословной лояльности, а во-вторых, из-за того, что Гитлер рассматривал последнее поколение подлодок как наиболее многообещающее оружие возмездия. Среди критически настроенных морских офицеров Деница именовали «гитлерюнге Квекс», по имени юного нацистского героя-фанатика из пропагандистского фильма о ГЮ⁸⁴⁹.

В Берлине на момент начала советского штурма находились различные части фольксштурма, подразделения LVI танкового корпуса, зенитные батареи. Всего Берлин обороняло 45 тысяч немецких солдат разных родов войск, среди них много добровольцев Ваффен-

СС из Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии и Латвии. Кроме того, было 40 тысяч солдат фольксштурма и 4 тысячи — из гитлерюгенда. Из тяжелого оружия у обороняющихся было 40-50 танков. На Берлин при этом наступало 2,5 миллиона советских солдат.

Собственно, «цитадель» и бункер Гитлера обороняли эсэсовцы под командой бригаденфюрера Монке; в этом подразделении были французские добровольцы из 33-й гренадерской дивизии Ваффен-СС «Карл Великий» (*Charlemagne*) и латыши 15-й гренадерской дивизии Ваффен-СС⁸⁵⁰. Интересно, что некоторые французские эсэсовцы спаслись, представившись насильственно мобилизованными из среды угнанных на работы в Германию. Позже советские солдаты научились отличать эсэсовцев по татуировке на руке с указанием группы крови.

2 мая эсэсовцы взорвали тоннель метро, что привело к поступлению воды из Ландверканала. Взрыв привел к разрушению тоннеля и заполнению его водой на 25-километровом участке. Сведения о количестве жертв этого подземного наводнения различны — от 50 человек до 50 тысяч. Более достоверными выглядят данные о том, что под водой погибло около 100 человек. На самом деле вода распространялась довольно медленно, и у людей было время выбраться из тоннеля. В большинстве мест вода едва достигала полутора метров глубины. Вполне вероятно, что многие из погибших, чьи тела впоследствии поднимали на поверхность, на самом деле умерли не от воды, а от ран и болезней еще до затопления тоннеля. Все трупы затем смешались, и определить точное количество погибших под землей оказалось практически невозможно. Некоторые трупы определенно принадлежали эсэсовцам. Скорее всего, их похоронили вместе с останками других людей (в количестве около 150 человек) на еврейском кладбище на Гросс-Гамбургерштрассе⁸⁵¹.

До сих пор неизвестно, какие потери понесло гражданское население во время битвы за Берлин. Основываясь на среднестатистических вычислениях, можно сказать, что погибло около 100 тысяч гражданских лиц. По меньшей мере, 20 тысяч погибло от сердечных приступов, около 6 тысяч совершили самоубийство, остальные были либо убиты во время артобстрелов или уличных боев, либо позже умерли от ран. Около 100—200 тысяч немцев в Берлине подверглись насилию.

Что касается военных потерь с немецкой стороны, то о них, так же, как и о потерях среди гражданского населения, точных сведений нет. Поданным советской стороны — более 100 тысяч убитых красноармейцев в боях от Одера до полного захвата Берлина. Конев, правда, называл другую цифру — 150 тысяч⁸⁵². С 16 апреля до 8 мая фронты Жукова, Рокоссовского и Конева потеряли 304 887 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Практически, битва за Берлин стоила жизни полумиллиону человек⁸⁵³.

Считается, что грабежи и изнасилования продолжались в Берлине в течение двух недель после его захвата, но это не так. Даже почти три месяца спустя после победы, 3 августа, Жуков был вынужден издать приказ о борьбе с проявлениями хулиганства, физического насилия и других «скандальных проступков» советских солдат по отношению к гражданскому населению Германии⁸⁵⁴.

Одной из причин, почему Германия воевала так долго и ожесточенно, является тот факт, что немцы были убеждены — поражение в войне означает «тотальную катастрофу». Иными словами, немцы верили, что их страна полностью будет подчинена другому государству, а все солдаты и офицеры, взятые в плен, проведут остаток жизни в Сибири. Однако когда сопротивление Германии было сломлено, а Гитлер покончил жизнь самоубийством, поведение немцев радикально изме-

нилось. Причем оно изменилось настолько, что вызывало удивление даже у советских военнослужащих. Советская сторона ожидала от немцев чего-то вроде партизанской войны (подобно той, которая развернулась в СССР) и была шокирована послушанием немцев. Серов докладывал Берии, что местное население проявляет безоговорочное повиновение. Солдаты Красной армии приходили в изумление от того, каким образом немцы создавали коммунистические символы. Они вырезали из нацистского знамени свастику и вывешивали на улицах дырявое красное полотнище. Злые на язык берлинцы называли подобное явление «Хайль Сталин»⁸⁵⁵.

1 мая к Чуйкову под белым флагом прибыл генерал Кребс, комендант Берлина. Он немного говорил по-русски и с невыразимой наглостью попытался заговорить с Чуйковым на равных, начав разговор с общих тем: «Сегодня Первое мая, великий праздник для обеих наших наций...» Чуйков быстро нашелся и саркастически сказал: «У нас сегодня великий праздник, а как там у вас — трудно сказать»⁸⁵⁶.

ЭПИЛОГ

«Все войны когда-нибудь прекращаются, но ни одна не кончается».

(Франц Кафка)

«Bewahre uns der Himmel vor dem Verstehen. Es nimmt unserem Zorn die Kraft, unserem Haß die Würde, unserer Rache die Lust und noch unserer Erinnerung die Seligkeit».

(Artur Schnitzler)⁸⁵⁷

«Победа союзников в 1945 г. была не победой над Германием, а победой в войне за Германию».

(Герхард Шрёдер, бундесканцлер ФРГ)

«Die Leute, die unsere Geschichte zuschaukeln wollten, haben sich als ihre Ausgräber erwiesen».

(Hans-Magnus Enzensberger)⁸⁵⁸

Роберт Конквест в книге о коллективизации в СССР — «Жатва скорби» — писал, что рассматриваемые события оплачены страшной ценой, по двадцать человеческих жизней, притом не за слово, а за каждую букву в его книге. Если развить эту необычную метафору по отношению к Второй мировой войне, то за каждым знаком в этой книге — больше шестидесяти погибших в войну людей.

Что касается Германии (эта книга, собственно, о ней), то из этого огромного количества погибших на Восточном фронте погибло или пропало без вести 2,7 миллиона немецких солдат — каждый второй погибший на войне немецкий солдат. До марта 1942 г. война на Восточном фронте поглотила треть немецкой армии на Востоке: число раненых, убитых, пропавших без вести и пленных достигло 1 миллиона. До конца марта

1945 г. эта цифра выросла до 6 172 373 немецких солдат⁸⁵⁹. 8,7 миллиона немецких солдат побывало после войны в плену.

Перед лицом столь значительных жертв весьма затруднено обращение к наиболее щекотливой проблеме - к оценке эффективности немецкой военной организации во Вторую мировую войну. Дело в том, что в общественном мнении (по крайней мере, в России и в Германии) по-прежнему преобладает справедливое убеждение в преступном характере войны, а по отношению к преступлению неприменимы какие-либо дифференцирующие и аналитические суждения... Один из принципов историзма гласит, что история — это процесс. Этот принцип весьма продуктивен с точки зрения актуальных выводов: понять процесс — не значит согласиться с ним или поверить, что благодаря ему мир стал лучше. Но это помогает объяснить наш мир. Более того, если есть интересный предмет исследования, то рано или поздно по поводу этого предмета обязательно будут иметь место какие-либо суждения. Поэтому прибегать к искусственным ограничениям в этой области не следует, поскольку ограничения в итоге принесут еще больше вреда.

Недавнее прошлое часто оказывалось благодатной почвой для примитивных мифов, влияние которых лишь усиливалось, если их достоверность не ставилась под сомнение учеными. Последние, впрочем, также могут увлечься и представить картину скорее желанную, а не действительную. Специалист по истории Великой Французской революции Ричард Кобб писал: «Историк должен быть бесконечно любознательным и пытливым, постоянно пытаться раскрыть чужие тайны, преодолеть границы класса, национальности, поколения, эпохи и пола. Его главная цель — оживить мертвых. И, как американский «похоронных дел мастер», он может позволить себе несколько профессио-

нальных ухищрений: здесь чуть-чуть помады, там мазок карандашом, немного ваты за щеку — все, чтобы результат выглядел убедительно»⁸⁶⁰. В конечном счете верховным судьей в суждениях историков является время, которое и выносит приговор; но он также не может быть окончательным, а меняется в зависимости от многих обстоятельств.

Так, суждения историков и общественное мнение в отношении оценки эффективности вермахта после 1945 г., конечно, изменялось и прошло следующие фазы: в первый период после войны на эффективность немецкой армии внимания не обращали и занимались, в основном, проблемой степени причастности вермахта к преступлениям Гитлера. Многие генералы вермахта (Гудериан, Манштейн, Гальдер, Кессельринг, Блюментритт) обратились в мемуарах к проблеме собственной реабилитации. Их целью было доказать, что они не были нацистами, не совершали никаких преступлений, но служили своей родине как хорошие солдаты. Очень характерный заголовок у мемуаров Манштейна: «Утерянные победы». Не только Манштейн, но и другие генералы указывали, что Гитлер, имея некоторые стратегические способности, даже талант, — не был настоящим солдатом, не окончивал военной академии и являлся невеждой в военной науке. Если бы он постоянно не вмешивался в руководство армией, если бы не остановил войска перед Дюнкерком, то можно было избежать многих ошибок. К такому подходу можно относиться по-разному: в некоторые моменты развития истории Второй мировой войны он представляется адекватным, в другие — нет.

В 60-е гг. вышло множество мемуаров немецких генералов и исторических штудий (не в Германии, а в других западных странах), но их тон изменился: теперь вопрос о том, был ли вермахт послушным орудием в руках Гитлера, отошел на второй план. На первый план

вышли его «грандиозные» воинские достижения. Вследствие этого нового поветрия многие немецкие генералы стали популярны на Западе, особенно Роммель. Он стал своего рода «рыцарем без страха и упрека», его представляли даже убежденным противником нацизма, что — исходя уже из современного состояния исторического знания — является некоторой натяжкой. Этот период был особенно важен для укрепления образа вермахта как первой современной армии мира, заслуги которой неоспоримы, особенно в организации мобильной войны. Кроме того, в этот период появляются детальные исследования по отдельным походам вермахта; в этих работах подчеркиваются заслуги вермахта в разработке современной боевой тактики. Особенно примечательны в этом отношении работы Лиддела Гарта по истории Второй мировой войны (1971 г.) и Ситона по истории Великой Отечественной войны.

Третий этап в развитии историографии начинается со стратегической сенсации арабо-израильской войны 1973 г. — с этого момента специалисты по военной истории переместили свой интерес на проблемы разведки и информированности о потенциале противника. Большинство историков пришло к выводу о несостоятельности немецкой военной разведки во Вторую мировую войну и о полной неосведомленности военного руководства о потенциале противника⁸⁶¹. Этот последний фактор в самом деле имел большое значение в момент начала Гитлером войны на Восточном фронте.

В конце 70-х годов ситуация вновь переменялась в связи с военным поражением США во Вьетнаме: американские военные стали искать модель организации армии, которая смогла бы быть более эффективной, и вновь вспомнили вермахт. На этой волне вышли книги Треворы Дьюпиуса «Гении войны» (1978 г.) и Мартина ван Крефельда «Сражающаяся держава» (1982 г.); в них превозносились достижения вермахта. Немецкие

военные и бывшие солдаты вермахта могли праздновать свою полную реабилитацию. Некоторые немецкие генералы (например, Фридрих Меллентин и Вильгельм Бальк) были приглашены в Пентагон, чтобы поделиться опытом борьбы на Восточном фронте.

Вследствие такого поворота дела, многие специальные вопросы развития структур вермахта получили более детальное освещение. К этим вопросам относятся профессионализм руководства вермахта, система организации личного состава, военные игры, знаменитая система «поручений тактических задач» (*Auftragstaktik*). Много работ вышло по вопросам строительства вермахта и в целом немецкой армии с самого начала. После наполеоновской армии, о которой было написано больше книг, чем об армиях, ее победивших, вермахт является армией, которая, несмотря на свое поражение, вызывала со временем все растущее уважение со стороны своих прежних врагов. Немецкие историки, однако, в этой кампании превознесения вермахта участия не принимали — это были преимущественно американцы⁸⁶². Если американцы или англичане восхищались тем, как успешно вермахт одно время вел войну, несмотря на то что полной мобилизации ресурсов еще не было достигнуто, то для немецких историков в 80-е гг. удивительно узкая материальная база, на основании которой Германия решилась на войну за мировое господство, стала поводом для критики вермахта, а не для восхищения им. Наиболее известным из этих историков был Вильгельм Дайст⁸⁶³. В Германии при бундесвере существует беспрецедентное для всех других армий мира учреждение — «военно-историческое ведомство», которое имеет своей целью, прежде всего, перевоспитание армии в демократическом духе. Во имя исполнения этой задачи «военно-историческое ведомство» ни на какие метания западной историографии в отношении оценок вермахта твердо, по-воен-

ному, не откликается. Это следует рассматривать как один из аспектов впечатляющего немецкого покаяния после Второй мировой войны.

Что касается нашей страны, то ее историография и общественное мнение долго находились в тисках идеологических подходов к оценке вермахта, а ныне они находятся в переходном состоянии, характеризующемся потоком разного достоинства публикаций на тему вермахта и полярными позициями в оценке каких угодно проблем из этой области. Это переходное состояние и полярность подходов, кажется, должны продлиться Довольно долго, ибо, помимо причин идеологического свойства, для нашего общественного мнения большое значение имеет и то, что раны, нанесенные нашей стране Великой Отечественной войной, еще долго не заживут (если это вообще произойдет). Поэтому достижение какой-то общеприемлемой дистанции к предмету разговора в обозримом будущем просто невозможно. Несмотря на это, автор выражает надежду, что его попытка набрать таковую дистанцию по отношению к истории немецких вооруженных сил во Вторую мировую войну будет воспринята читателем с пониманием сложности и неоднозначности оценки проблем, с ней связанных. Оценивая функции историка, английский ученый Джон Тош отмечал, что противостояние морально или социально мотивированным ложным истолкованиям истории — важнейшая задача науки. В этой роли историка можно уподобить окулисту, удаляющему катаракту. С тем, правда, различием, что если пациент радуется исправлению своего зрения, то общество может быть глубоко привязано к неверному взгляду на историю, и этот «историк-окулист» может оказаться объектом критики или недовольства⁸⁶⁴.

Особенно тяжело набрать дистанцию по отношению к вопросу о моральной вине — проблема моральной

вины и моральной (не политической — она ясна) ответственности за войну — это большая и, кажется, неразрешимая проблема; она состоит в определении границы между «нормальными» или «неизбежными» издержками большой войны и преступлениями Гитлера. В принципе, задачу можно решить, если не идеологизировать прошлое, но трезво, конкретно и здраво оценить его. Так, по единодушному мнению историков, впервые международный суд по рассмотрению военных преступлений собрался в немецком городе Брейзахе в 1474 г., когда 27 судей Священной Римской империи предъявили Петеру ван Хагенбаку обвинение в «попрании законов Божеских и человеческих», выразившихся в том, что он позволил своим войскам насилловать, грабить и убивать. Ван Хагенбак был признан виновным, приговорен к смерти и казнен. Законы войны зародились задолго до этого суда, в их основе лежали два фундаментальных принципа — принцип необходимости и принцип гуманности. В соответствии с первым, позволительно делать все, что необходимо для достижения победы над врагом. Согласно второму, действия, причиняющие страдания без необходимости, запрещены⁸⁶⁵.

Нюрнбергский трибунал чересчур криминализировал войну; при такой постановке вопроса довольно сложно установить, где, собственно, граница между военным долгом солдат вермахта и с какого момента они должны были проявить неповиновение. Получается, что Гитлер, начиная войну, никакого преступления не совершил — он его совершил, проиграв войну. Вообще, если война — это преступление, то о каких нарушениях законов войны можно говорить? Если эти законы есть, — а они есть, — значит война — это законное и обычное в истории дело. К законам войны относится Женевская конвенция о военнопленных, которая, впрочем, была ратифицирована не всеми государ-

ствами. Воздушная война, которую союзники вели против немецкого гражданского населения, противоречила Гаагским соглашениям о правилах войны. Эти варварские бомбежки немецких городов также являлись нарушением правил войны, и непонятно, почему эти преступления никаким международным санкциям не подлежали. В первые годы Второй мировой войны, до того, как участие в боевых действиях приняли США, президент Франклин Д. Рузвельт осуждал бомбардировочные рейды Люфтваффе, ссылаясь на положения Второй Гаагской конвенции 1899 г. о запрете «штурма или обстрела из любых видов оружия городов, деревень, населенных пунктов или зданий, не являющихся узлами обороны». Впоследствии, когда эти методы стали применять союзники, президент хранил молчание. На Нюрнбергском процессе Герингу было предъявлено обвинение в бомбардировках, повлекших за собой разрушение Варшавы, Роттердама и Ковентри. Геринг отвел эти обвинения, заявив, что Варшава — крупный железнодорожный узел — с точки зрения военной целесообразности была подвергнута бомбардировке правомерно; в Ковентри находились оружейные предприятия, а уничтожение Роттердама произошло по ошибке, вызванной нарушением связи с сухопутными частями⁸⁶⁶. За Нюрнбергским процессом над главными нацистскими преступниками последовало 12 других процессов — над второстепенными преступниками и при американской режиссуре. Параллельно и в СССР проходили процессы над военными преступниками. Два наиболее значительных из них — это Минский и Киевский (в начале 1946 г.). Минский процесс завершился 14 смертными приговорами. Эти суды были организованы сталинской юстицией как показательные и весьма сомнительно, что они соблюли необходимую дистанцию по отношению к осужденным, а также объективно рассмотрели все обстоятельства...

Так, в 1996 г. некий обер-ефрейтор вермахта, осужденный на Киевском процессе 1946 г., был реабилитирован одним из судом Российской Федерации⁸⁶⁷.

В принципе, в войну разные военачальники в разных армиях по-разному относились к грабёжам, насилию и мародерству своих солдат — иногда со всей строгостью, так как эти эксцессы нарушали дисциплину и снижали боеспособность войск, иногда попустительствовали им, если дисциплине ничего не грозило. Последнее имело место не из-за злодейства командиров, а потому что война сама по себе убийство. Фрейд писал, что во время войны снимается обычный запрет на убийство человека человеком, что создает психологическую ситуацию тревоги и исключительности. После войны, когда этот запрет восстанавливается, преступления, совершенные во время войны, втихомолку и с общего согласия амнистируются: все хотят быстрее забыть этот ужас и скорее вернуться к нормальной жизни. Таким образом, массовые расстрелы солдатами вермахта заложников в партизанскую войну, бомбардировки жилых районов, резня военнопленных в пылу сражения, затопления пассажирских судов в подводной войне — это преступления такого рода, которые после войны все стремятся забыть, ибо нелепо наказывать людей, которых послали убивать, за убийство... После окончания Второй мировой войны победители, забыв эту мудрость, совершили крупную ошибку. Они представили дело таким образом, что в военных преступлениях виноваты только побежденные — ныне отчетливо видно, что это не так, поскольку во время войны преступления совершали все. Помимо шока и отвращения при рассмотрении тех или иных военных трагедий, объективный историк испытывает и шок узнавания, поскольку война со всех сторон — сама по себе преступление. Недаром говорится, что «всякая история — это переговоры между известным и неизвестным»⁸⁶⁸.

Вскоре после окончания Второй мировой войны последовательный и твердый противник нацизма Карл Ясперс опубликовал книгу «Вопрос о германской ответственности» (М., 1999). В этой книге Ясперс различал четыре категории виновности — уголовную, политическую, моральную и метафизическую.

Уголовная ответственность состоит в объективно доказанных действиях, нарушавших недвусмысленные законы. Инстанцией является суд, который с соблюдением формальностей точно устанавливает состав преступления и применяет соответствующие законы. Эта категория виновности позволяет избежать возложения ответственности на всех немцев: убийства совершали не все немцы как народ, а конкретные люди, которые и должны быть наказаны. Если будут наказаны конкретные люди, бремя ответственности не будет тяготеть над всеми. Кроме того, возложение ответственности на всех ведет к размыванию вины: если ответственные все, значит, никто не ответственен...

Политическая виновность, по Ясперсу, состоит в действиях государственных мужей и в принадлежности к гражданам определенного государства, в силу чего каждый человек должен расплачиваться за последствия действий этого государства, под властью которого он находится и благодаря укладу которого существует. Ответственность за последствия деятельности этого государства несут все без исключения граждане, ибо каждый из них разделяет ответственность за то, как ими правят. Даже в том случае, если кто-то из них не одобрял действий государства и, может быть, даже безуспешно старался не допустить этих действий, он все равно должен отвечать за последствия поступков своих лидеров.

Моральная виновность заключается в ответственности за действия, которые человек совершил; это касается и политических, и военных действий. Нельзя

просто сказать — «приказ есть приказ». Любой поступок должен быть морально оценен.

Метафизическая ответственность, в понимании Ясперса, базируется на «солидарности между людьми как таковыми, которая делает каждого ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершаемые в его присутствии или с его ведома. Если я не сделаю, что смогу, чтобы не допустить их, я тоже виновен. Если я не рискую своей жизнью, чтобы предотвратить убийства других, но при этом присутствую, я чувствую себя виновным, и никакие юридические, политические или моральные объяснения тут не подходят. То, что я продолжаю жить, когда такое случилось, ложится на меня неизгладимой виной». Метафизическая ответственность в трактовке Ясперса отличается от вины моральной тем, что распространяется не только на совершенное, но и на **не** совершенное человеком⁸⁶⁹.

Встает вопрос, а как вообще отделить преступление от исполнения воинского долга, от выполнения приказа? Это почти неразрешимое противоречие — его можно разрешить только путем постепенного и настойчивого распространения убеждения, что послушание, дисциплина — это важные элементы военной организации, но и они должны иметь свои границы, ориентированные на моральные нормы и моральный инстинкт. Эту мысль точно выразил один прусский генерал в наставлении молодому штабному офицеру: «Господин офицер, Вы для того и назначены прусским королем в Генштаб, чтобы научиться тому, чтобы чувствовать, когда **не нужно** исполнять приказ»⁸⁷⁰. В вермахте же преобладали офицеры, морально почти полностью индифферентные. Вместе с тем не следует терять историческую перспективу и забывать, что Гитлер после 1933 г. с сенсационной легкостью смог унифицировать самое мощное в Европе рабочее движение,

профсоюзы, государственную бюрократию, демократические партии (в Германии была довольно значительная демократическая традиция), церковь, но армия ему доставила массу хлопот. Как справедливо указывал известный английский знаток истории вермахта Тревор-Роупер: «Принудительными отставками и новыми назначениями Гитлер долгое время добивался только частичного успеха»⁸⁷¹. Генералы, однако, не в состоянии были устоять перед действительно сенсационными и действительно яркими военными победами — самыми значительными в современной военной истории, учитывая соотношение наличных сил и ресурсов.

Во взаимоотношениях вермахта и нацистского государства в 1933—1945 гг. часто происходили серьезные перемены, которые видны были в различных сферах — во внешней политике, во внутренней политике, в политике вооружений, которые были особенно важны для вермахта. Еще важнее для вермахта было отношение к Гитлеру, растущее влияние которого совершенно отстранило военную элиту от принятия главных решений, — она стала послушным инструментом в руках диктатора. Там же, где появлялась какая-либо оппозиция диктатуре, она исходила в основном от старшего поколения офицеров, но оппозиция эта была скорее тактического плана, но не принципиального — большинство офицеров было благодарно Гитлеру за то, что он вернул армии ее место в обществе. Разность подходов стала ясна значительно позже: если военное руководство в стремлении к ревизии Версальских установлений исходило из долгосрочных планов восстановления армии, то гитлеровская политика ремилитаризации исходила из конкретного стремления к завоеванию «жизненного пространства» на Востоке. Конфликта, однако, от различия установок не произошло.

Один из активистов Сопротивления, Гельмут фон Мольтке, уже в 1942 г. назвал войну на Восточном

фронте «гигантским преступлением»⁸⁷². Следовательно, и вермахт — это собрание преступников? Как институт государства, вермахт виноват в преступлениях нацистского режима и несет ответственность за эти преступления, но вопрос в другом — насколько должны нести ответственность солдаты вермахта? На этот вопрос вряд ли может быть дан определенный ответ, поскольку при такой постановке вопроса все становится слишком большим, слишком огромным для определенности и ясности: пространство, время, число действующих лиц и жертв. Только в 1941 г. на Восточном фронте у вермахта было 12 армий и 3 армейские группы, которыми руководило несколько тысяч офицеров. Среди них также были разные люди — такие, как участники Сопротивления Хенинг фон Тресков или Рудольф фон Герсдорфф, прекрасно представлявшие себе последствия расовой войны нацистов. Были и такие, как фельдмаршал Рейхенау, активно поддерживавший нацистов. Хотя нацистской верхушке довольно быстро удалось склонить вермахт на свою сторону, процесс нацистской унификации армии не был доведен до конца; для многих вермахт был возможностью «внутренней эмиграции». Гитлер это прекрасно осознавал и рассматривал войну с СССР как воспитательный процесс, в ходе которого должна была произойти желанная радикализация офицеров и солдат. Война имеет свою внутреннюю логику развития, от воздействия которой не многим удалось ускользнуть: лишь настоящие патриоты и герои (а героизма нельзя требовать от всех), такие, например, как участники группы Сопротивления «Белая роза» — смогли выразить свое отношение к происходящему. Остальные вынуждены были следовать требованиям воинской дисциплины, а также таким важным на войне понятиям как товарищество, взаимопомощь, патриотизм. Но, прежде всего, всем правила страшная война — даже в высшей степени

идеологизированное советско-германское противостояние было в конечном счете просто войной. Фронт представлял собой ту ось, вокруг которой вращалась вся солдатская жизнь: по уши в грязи, на грани истощения физических и духовных сил солдаты с обеих сторон фронта переживали войну как непрерывную цепь лишений, жестокости, смертей. Это поведение солдат само по себе было вынужденным и не представляло собой нарушения «правил войны» или международного права. События в войну развивались столь драматически и напряженно, что в их круговорот был вовлечен и вермахт, солдаты и офицеры которого постоянно стояли перед выбором между долгом и моральными соображениями, между родиной и справедливостью по отношению к другим народам. На деле многие ценности одинаковы: важны и справедливость, и свобода, и равенство, но мы не можем иметь все сразу, поскольку справедливость не всегда совместима с милосердием, христианские добродетели несовместимы с доблестями древних римлян. Привести мир в гармоническое единство и согласие очень тяжело и в нормальных условиях, а в войну это сделать чрезвычайно трудно, скорее всего, просто невозможно. Должно быть ясно только одно — никакие идеалы не стоят человеческой жизни, по крайней мере, жизни **другого** человека.

Абстрагируясь от агрессивных планов Гитлера, следует признать грандиозность его завоеваний и военных успехов — бесспорно, они значительнее наполеоновских. Но немцы, обладая лучшей армией в мире и в Первую и во Вторую мировые войны, все же обе эти войны проиграли. Понять причины этих поражений, пользуясь категориями исключительно военными, нельзя по той причине, что в XX в. как раз в оперативном, тактическом отношении немецкая армия была на 20—25 лет впереди своих соперников. Дело в том, что

обе мировые войны были соревнованием не столько искусства командиров или храбрости и выучки солдат, как это было во времена Наполеона или раньше, но огромными битвами ресурсов (людских, сырьевых, промышленных), и тот, у кого их было больше, имел значительное преимущество. С этим утверждением можно, конечно, поспорить, но в качестве одной из причин поражения Германия оно может быть принято.

Фигурально выражаясь, и в Первую и во Вторую мировые войны Германия была слишком сильна для того, чтобы вписаться в европейское равновесие сил, и слишком слаба для того, чтобы покорить весь мир. Если в Первую мировую войну Германия практически одна противостояла всему остальному миру (слабые Австро-Венгрия, Болгария и Турция не могут считаться полноценными союзниками), то это произошло вследствие стечения обстоятельств, и никакой спецификой германский империализм — по сравнению с российским, французским или английским — не обладал. Во Вторую мировую войну положение было иным — для антигитлеровской коалиции война носила справедливый, освободительный характер, а германская сторона была ответственна за начавшееся кровопролитие, и с ее стороны война была агрессивной, несправедливой. Эта агрессивность не соответствовала ни размерам страны, ни ее ресурсам, ни здравому смыслу. «Великая Германия» (*Großdeutschland*) на деле — это всего лишь среднее по размерам и ресурсам европейское государство. В этом отношении весьма характерен следующий анекдот нацистских времен: неграмотная немецкая крестьянка в доме у сельского учителя увидела глобус и спросила, что это. Учитель ей объяснил. Она попросила ей показать, где находится Россия. Он показал. Женщина воскликнула: «О, это великая страна (*großes Land*). Те же чувства вызвали у нее США, Канада, Китай. Потом женщина попросила показать на глобусе

Großdeutschland. Взглянув на едва различимое пятнышко в центре Европы, она спросила: «А у Гитлера есть глобус?»»

Немецкий генерал Ганс Фриснер в своих мемуарах отмечал, что германской армии не удалось победить не потому, что она воевала не с полным напряжением сил. Победа была утрачена потому, что политическое руководство оказалось не в состоянии правильно оценить последствия, к которым должна была привести страну война. Он писал: «Нашими “победами” являлись преимущественно кровь и страдания, которые пришлось принести в жертву порочной политике. Принцип примата политики оказался обязательным для немецкого военного руководства — потому не только военное, но и политическое руководство несет ответственность за использование вооруженных сил и за военную стратегию»⁸⁷³.

Бисмарк писал: «Тщеславие — это своего рода закладная, стоимость которой следует вычестить из совокупных способностей человека и его практической пользы»⁸⁷⁴. Такого рода закладной, кроме тщеславия, может быть честолюбие, самомнение, глупость, чувство мести, фанатизм, жестокость. Эти свойства при желании можно приписать не только людям, но и нациям в целом. В процессе развития истории человечество должно было постоянно балансировать между этими пороками и разумом, между эгоистическими интересами и интересами других. Это балансирование, собственно, и составляет суть политики, и оно совершенно необходимо» для создания стабильного государства и устойчивого общества. Такому балансу (между собственными интересами и интересами других) в политической сфере учил Никколо Макиавелли, в экономической сфере (между собственной выгодой и выгодой других) — Адам Смит, в этике — Иммануил Кант, указывавший на необходимость морального императива⁸⁷⁵. Многие

политики прошлого (в том числе и немецкие — Бисмарк, к примеру) явили миру примеры искусного балансирования на грани согласия с реальностью и фантазиями — то ли идеологического свойства, то ли политического, то ли какого-то другого. В этом отношении Гитлер, взорвавший европейское измерение политики, не был государственным деятелем, ощущавшим ответственность и необходимость баланса, он представлял себя мессией. Попав под гипноз политического гения Гитлера, немецкий народ должен был пройти до конца — уже с самого начала, не говоря уже о середине пути, возврата не было...

Удивительно другое, — то, что глобальные претензии маленькой европейской страны в своей реализации зашли так далеко; это, бесспорно, свидетельствует о громадной энергии, предприимчивости и динамичности немецкого народа. Впрочем, эти качества немцев дали о себе знать и в наше время — наряду с США и Японией (гораздо большими по масштабам и населению государствами), Германия является одной из наиболее развитых в промышленном и социально-экономическом отношении стран мира с высокими жизненными стандартами. Немцы смогли создать общество, в котором уютно и безопасно жить, их страна является желанным объектом для эмиграции. Иными словами, необыкновенно мощная творческая энергия этого народа, готовность к самопожертвованию, дисциплина, высокий уровень культурного развития, чувство иерархии и исполнительность немцев, направленные в свое время Гитлером по ложному пути, на невыполнимые цели, были полностью реализованы в нормальном человеческом измерении. Немцы, которые в первой половине XX в. — хотя и неудачно — стали динамичным началом истории в самом широком смысле слова, к концу XX в. в благоприятных для них условиях добились впечатляющей общественной и государственной

стабильности и смогли создать демократическую политическую культуру.

Так сложилось, что именно самая динамичная европейская нация противостояла Советскому Союзу в войне, которую нам удалось выиграть, только полностью игнорируя основополагающее для любого европейского общества отношение к ценности человеческой жизни. Со своей стороны, Гитлер так до конца и не смог обратиться к тотальной войне, которую вел Советский Союз. Напротив — вопрос о том, было бы лучше, если бы нацизм победил, хотя и звучит кощунственно, но он правомерен. На него следует ответить, что обе доктрины — и расовая и классовая — нелепы и одинаково вредоносны, поскольку жизнь не может быть втиснута в рамки чего-то одномерного, измышленного человеком. Человеку недоступно объять смысл и цель бытия, поскольку человек конечен. Следует, однако, признать, что в реализации своей доктрины, — как бы нелепа она ни была, — нацисты (и немцы) выказали больше динамики, изобретательности, творческой энергии и дисциплины, чем большевики (и советский народ) в реализации своей доктрины. Если немцы от своего поражения в конечном счете выиграли, то Советский Союз, несмотря на победу, погряз в трясине имперской политики и маразматически идеологизированной общественно-политической жизни. Иными словами, немцы смогли извлечь для себя больше пользы из поражения, чем наша страна — из победы. Прискорбно, но это так...

С другой стороны, один тоталитарный режим, — как и всякая утопия, исторически реакционный, — получил возможность собственной легитимации за счет другой тоталитарной системы, столь же (а может быть, более⁸⁷⁶) утопичной и реакционной. В процессе этого противостояния низость и подлость этих режимов отошла на второй план, осталась одна борьба, противо-

стояние, которое воспринималось как подвиг духа, поскольку война с советской стороны, безусловно, была справедливой. Это трагическое и драматическое состояние гениально описал ветеран войны Давид Самойлов в стихотворении 1957 г.

Если вычеркнуть войну,
Что останется? Не густо:
Небогатое искусство
Беречь свою вину.

Что еще? Самообман,
Позже ставший формой страха.
Мудрость, что своя рубаха
Ближе к телу. И туман...

Нет, не вычеркнуть войну,
Ведь она для поколения —
Что-то вроде искупленья
За себя и за страну.

Ведь из наших сорока
Было лишь четыре года,
Где бесстрашная свобода
Нам, как смерть, была сладка.

Список сокращений

Абвер — Abwehr — Армейская разведка и контрразведка.

БДМ — BDM (Bund der deutschen Mädel) — Союз немецких девушек.

БК — ВК (Bekennniskirch) — Исповедальная церковь.

Ваффен-СС (Waffen-SS) - СС оружия.

ВХВ — WHW (Winterhilfswerk) — Зимняя помощь (организация).

Гестапа — Gestapa (Geheimes Staatzpolizeiamt) - Ведомство тайной государственной полиции (в Пруссии).

Гестапо — Gestapo (Geheimes Staatzpolizei) — Тайная государственная полиция (общегерманская).

ГЮ - HJ (Hitler-Jugend) — Гитлерюгенд.

ДАФ - DAF (Deutsche Arbeiterfront) - Немецкий рабочий фронт.

ДК — DC (Deutsche Christen) — Немецкие христиане (пронацистская протестантская церковь).

ДФВ — DFW (Deutsche Frauenwerk) — Немецкий женский труд (организация).

КДК — KfDK (Kampfbund für deutsche Kultur) — Союз борьбы за немецкую культуру (под эгидой А. Розенберга).

КДФ — KdF (Kraft durch Freude) — «Сила через радость» (подразделение ДАФ).

КВГ - KWG (Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft) - Общество кайзера Вильгельма, немецкая академия наук в 1911-1945 гг.

КХД — KHD (Der Kriegshilfsdiens) — Вспомогательной военной службы (подразделение РАД).

НАПОЛА - NAPOLA (Nationalpolitische Lehranstalten) — Национально-политическое учебное заведение.

НСБО - NSBO (Nationalsozialistische Betriebszelleorganisation) - Национал-социалистические производственные ячейки.

НСВ — NSV (Volkswohlfahrt) -Национал-социалистическое народное благосостояние (организация).

НСДАП - NSDAP (Nationalsozialistische deutsche Arbeiterpartei) - Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

НСДФВ — NSDFW (Nationalsozialistische Deutsche Frauenwerk) — Национал-социалистический немецкий союз женского труда (подразделение НСФ).

НСДШБ — NSDStB (Nationalsozialistische Deutsche Studentenbund) — Национал-социалистический студенческий союз.

НСКК — NSKK (Nationalsozialistische Kraftwagenkorps) — Национал-социалистический союз автомобилистов.

НСЛБ — NSLB (Nationalsozialistische Lehrerbund) - Национал-социалистический союз учителей.

НСРБ — NSRB (Nationalsozialistische Rechtswahrerbund) - Национал-социалистический союз поборников права.

НСФ — NSF (Nationalsozialistische Frauenschaft) - Национал-социалистические женщины (организация).

НСФО — NSFO (Nationalsozialistische Frauenorganisation) — Национал-социалистическая женская организация.

ОКВ — OKW (Oberste Kommando der Wehrmacht) — Верховное командование вермахта (личный штаб Гитлера).

ОКЛ — OKL (Oberste Kommando der Luftwaffe) — Верховное командование военно-воздушными силами.

ОКМ — ОКМ (Oberste Kommando der Marine) — Верховное командование военно-морским флотом.

ОКХ — ОКН (Oberste Kommando des Heeres) — Верховное командование сухопутными вооруженными силами (Генштаб).

ОТ — (Organisation Todt) — «Организация Тодта»

ПО — РО (Politische Organisation) — Политическая организация (в отличие от СА, собственно политическое руководство НСДАП).

РАД - RAD (Reichsarbeitsdienst) — Имперская трудовая служба (организация).

РАФ — RAF (Royal Air Force) — Британские военно-воздушные силы.

РКФДФ — RKFDV (Reichskommissariat für die Festigung des deutschen Volkstums) — Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности.

РМБЕФ — RMWEV (Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung) — имперское министерство науки, воспитания и народного образования.

РНШ — RNSt. (Reichsnährstand) - Имперское продовольственное сословие (организация).

РСХА — RSHA (Reichssicherheitshauptamt) — Главное управление имперской безопасности.

РУСХА — RuSkA (Rasse und Siedlungshauptamt SS) — Расовое и переселенческое главное ведомство СС.

СА — SA (Sturmabteilungen) — Штурмовые подразделения.

СД — SD (Sicherheitsdienst) — Служба безопасности.

СС-ТФ — SS-TV (SS-Totenkopfverbände) - Подразделения «Мертвая голова» (охрана концлагерей).

СС-ФТ — SS-VT (SS-Verfügungstruppe) — Отряды для поручений в СС.

СС — SS (Schütz Staffelei) — Защитные отряды.

ФБ — Völkischer Beobachter — газета, печатный орган НСДАП.

ФОМИ - Vomi (Volksdeutsche Mittelstelle) - Посреднические
бюро фольксдойч.

ЮМ - JM (Jungmädels) - Юнгмедель, девичье подразделение
ГЮ.

ЮФ - JV (Jungvolk) - Юнгфольк, мальчиковое подразделение
ГЮ.

Примечания

¹ См.: *Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933—1945.* München, 1989. S. 517.

² *Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945.* S. 367.

³ *Raeder E. Mein Leben. Bd. 2. Von 1935 bis Spandau 1955.* Tübingen, 1957. S. 115.

⁴ *Irving D. Goering.* München, 1987. S. 523.

⁵ *Карель П. Восточный фронт.* Кн. 1. С. 352.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ *Moll O. Die deutschen Generalfeldmarschälle 1935—1945.* Rastatt, 1961. S. 37.

⁸ *Overy R. J. The air war 1939-1945.* New York, 1980. P. 49.

⁹ Цит. по: *Lucacs J. The Hitler of History.* New York, 1998. P. 159.

¹⁰ *Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога.* М., 1998. С. 279.

¹¹ *Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944.* Berlin, 1965. S. 212.

¹² Эта отставка стала большой потерей для Сопротивления, ибо генерал-фельдмаршала всюю «обрабатывали» армейские оппозиционеры, сплотившиеся вокруг Канариса, Остера, Донани. Они уже начали было склонять Браухича на свою сторону — по крайней мере, он не был убежденным нацистом. Вместе с Браухичем Сопротивление потеряло контакт с высшим военным руководством. См.: *Hassel U. v. Vom anderen Deutschland.* Frankfurt am Main, 1964. S. 217.

¹³ *Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944.* Berlin, 1965. S. 204.

¹⁴ *Ibid.* S. 217.

¹⁵ *Ibid.* S. 212.

¹⁶ *Domarus M. (Hg) Hitlers Reden, Bd. II, 2. Hlbbd.* S. 1852.

¹⁷ *Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich.* S. 239.

¹⁸ *Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen.* S. 275.

¹⁹ *Великая Отечественная война 1941 — 1945. Кн. 1. Суровые испытания.* М., 1998. С. 316.

²⁰ *Павленко Н. Г. Была война...* С. 291.

²¹ *Меллентин Ф. Танковые сражения 1939—1945.* С. 219.

²² *Rauh M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941-1945.* Berlin, 1998. S. 99.

²³ *Соколов Б. В. Цена победы.* С. 25.

- ²⁴ *Rauh M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil. S. 100.*
- ²⁵ *Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 238.*
- ²⁶ *Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 98.*
- ²⁷ *Кларк А. План «Барбаросса». С. 187.*
- ²⁸ Там же. С. 190.
- ²⁹ Английский историк Хэнсон Болдуин отмечал, что немецкие 88-мм орудия были достойны славы лучших универсальных орудий Второй мировой войны так же, как заслужили своей славы французские 75-мм орудия Первой мировой войны. См.: *Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны. М., 2001. С. 43.*
- ³⁰ *Кларк А. План «Барбаросса». С. 192.*
- ³¹ *Hosking G. A History of the Soviet Union. London, 1990. P. 282.*
- ³² *Кларк А. План «Барбаросса». С. 194.*
- ³³ *Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 387.*
- ³⁴ Там же. С. 388.
- ³⁵ *Меллентин Ф. Танковые сражения 1939—1945. С. 198.*
- ³⁶ *Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 239.*
- ³⁷ *Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. С. 393.*
- ³⁸ Там же. С. 394.
- ³⁹ *Красиков В. А. Победы, которых не было. С. 212.*
- ⁴⁰ *Павленко Н. Г. Была война... С. 298.*
- ⁴¹ *Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 400.*
- ⁴² Там же. С. 362.
- ⁴³ *Павленко Н. Г. Была война... С. 297.*
- ⁴⁴ *Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 402.*
- ⁴⁵ См.: *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. М., 2004. С. 360.*
- ⁴⁶ *Павленко Н. Г. Была война... С. 306.*
- ⁴⁷ Там же. С. 307.
- ⁴⁸ *Красиков В. А. Победы, которых не было. С. 216.*
- ⁴⁹ *Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 406.*
- ⁵⁰ *Бивор Э. Сталинград. М., 2004. С. 91.*
- ⁵¹ Там же. С. 100-101.
- ⁵² *Павленко Н. Г. Была война... С. 307.*
- ⁵³ Там же. С. 332.
- ⁵⁴ Там же. С. 317, 311.
- ⁵⁵ Там же. С. 319.
- ⁵⁶ *Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 412.*
- ⁵⁷ *Красиков В. А. Победы, которых не было. С. 214.*
- ⁵⁸ *Маништейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 301.*
- ⁵⁹ *Rauh M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941-1945. Berlin, 1998. S. 115.*
- ⁶⁰ *Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 267.*

- ⁶¹ *Boelcke W.* (Hg) «Wollt ihr den totalen Krieg?» Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939-1943. Stuttgart, 1967. S. 273.
- ⁶² *Rauh M.* Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil. S. 111.
- ⁶³ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 202.
- ⁶⁴ *Бивор Э.* Сталинград. С. 93.
- ⁶⁵ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 431.
- ⁶⁶ *Бивор Э.* Сталинград. С. 99.
- ⁶⁷ Цит. по: *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 10.
- ⁶⁸ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945. С. 202.
- ⁶⁹ *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939-1945 гг. С. 330.
- ⁷⁰ Там же. С. 245.
- ⁷¹ См.: *Адам В.* Катастрофа на Волге. Мемуары адъютанта Гитлера. Смоленск, 2001. С. 54.
- ⁷² *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 206.
- ⁷³ *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 62.
- ⁷⁴ *Бивор Э.* Сталинград. С. 127.
- ⁷⁵ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 440.
- ⁷⁶ Там же. С. 441.
- ⁷⁷ Там же. С. 443.
- ⁷⁸ *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 63.
- ⁷⁹ *Мировая война. Взгляд побежденных. 1939—1945 гг.* М., 2002. С. 256.
- ⁸⁰ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 446.
- ⁸¹ *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. М., 2004. С. 140.
- ⁸² *Павленко Н. Г.* Была война... С. 213.
- ⁸³ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 210.
- ⁸⁴ Там же. С. 212.
- ⁸⁵ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 451.
- ⁸⁶ *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. С. 206.
- ⁸⁷ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 459.
- ⁸⁸ Там же. С. 467.
- ⁸⁹ Там же. С. 471.
- ⁹⁰ *Красиков В. А.* Победы, которых не было. С. 233.
- ⁹¹ *Haffner S.* Von Bismarck zu Hitler. Ein Rückblick. München, 1989. S. 123.
- ⁹² *Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999. С. 336.
- ⁹³ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 243, 260, 262, 265..
- ⁹⁴ Ibid. S. 267, 274, 295.
- ⁹⁵ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942-1945. Berlin, 1996. S.241.
- ⁹⁶ Ibid. S.467, 449.

- 97 Толанд Д. Адольф Гитлер. Т. 1. М., 1993. С. 193.
- 98 Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 28.
- 99 Там же. С. 66.
- 100 Павленко Н. Г. Была война... С. 324.
- 101 Бивор Э. Сталинград. С. 6.
- 102 Там же. С. 183-184.
- 103 Там же. С. 115.
- 104 Klausch H.-P. Die 999-er. Von der Brigade «Z» zur Afrika-Division 999. Die Bewährungsbataillone und ihr Anteil am antifaschistischen Widerstand. Frankfurt am Main, 1986, passim.
- 105 Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 69.
- 106 Бивор Э. Сталинград. С. 105.
- 107 Ср.: Шнейер А. Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 403.
- 108 Trevor-Roper H. The Last Days of Hitler. London, 1947. P. 51.
- 109 Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 475.
- 110 Меллентин Ф. Танковые сражения 1939—1945. С. 202.
- 111 Вельц Г. Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 89.
- 112 Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 481.
- 113 Бивор Э. Сталинград. С. 131.
- 114 Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 486.
- 115 Там же. С. 491.
- 116 Там же. С. 479.
- 117 Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 246.
- 118 Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. С. 212.
- 119 Бивор Э. Сталинград. С. 133.
- 120 Дерр Г. Поход на Сталинград (оперативный обзор). М., 1957. С. 56.
- 121 Бивор Э. Сталинград. С. 211.
- 122 Кларк А. План «Барбаросса». С. 224.
- 123 Бивор Э. Сталинград. С. 170.
- 124 Там же. С. 150.
- 125 Дерр Г. Поход на Сталинград. С. 51.
- 126 Бивор Э. Сталинград. С. 145.
- 127 Кларк А. План «Барбаросса». С. 217.
- 128 Бивор Э. Сталинград. М., 2004. С. 229.
- 129 Цит. по: Кларк А. План «Барбаросса». С. 218.
- 130 Чуйков В. И. Сражение века. М., 1975. С. 274.
- 131 См.: Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 420.
- 132 По своей карьере армейского аппаратчика Чуйков был похож на Паулюса, с тем отличием, что в карьере Чуйкова был крайне неудачный момент, связанный с его участием в финской войне, после которой его отправили военным атташе в Китай. Хорошо представляя, что значат в советской системе ошибки, за

которые можно поплатиться головой, Чуйков все же выдержал новое испытание на посту командующего армией, защищавшей Сталинград, тем более что важнейшие решения на этом участке принимал Жуков.

¹³³ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 219.

¹³⁴ *Бивор Э.* Сталинград. С. 235.

¹³⁵ *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 78.

¹³⁶ *Карель П.* Африка — Нормандия. Лис пустыни. 1941—1943. Они идут! 1944. М., 2003. С. 39-40.

¹³⁷ *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. М., 2004. С. 189.

¹³⁸ *Марабини Ж.* Повседневная жизнь Берлина при Гитлере. М., 2003. С. 230.

¹³⁹ *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 78.

¹⁴⁰ Там же. С. 85.

¹⁴¹ Хотя, как заметил Чуйков, Василий Гроссман не был непосредственным свидетелем всех описанных событий и фактов, поскольку в то время, когда он присоединился к войскам 308-й дивизии (в ноябре 1942 г.), она уже находилась на отдыхе на восточном берегу. См.: *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила мир. М., 2003. С. 88.

¹⁴² *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 128.

¹⁴³ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 503.

¹⁴⁴ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 234.

¹⁴⁵ Там же. С. 239.

¹⁴⁶ *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 62.

¹⁴⁷ Там же. С. 240.

¹⁴⁸ Там же. С. 242.

¹⁴⁹ *Domarus M.* (Hg) Hitlers Reden. Bd. I, Hlbd. 2. S. 1937.

¹⁵⁰ *Митчем С.* Командиры Третьего рейха. С. 125.

¹⁵¹ *Бивор Э.* Сталинград. С. 73—75.

¹⁵² *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. Смоленск, 1999. С. 226.

¹⁵³ *Митчем С.* Командиры Третьего рейха. С. 167.

¹⁵⁴ *Бивор Э.* Сталинград. С. 80.

¹⁵⁵ Там же. С. 92.

¹⁵⁶ Там же. С. 246.

¹⁵⁷ *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 99.

¹⁵⁸ *Goszony P.* Hitlers Fremde Heere. Das Schicksal der nichtdeutschen Armeen im Ostfeldzug. Düsseldorf, 1976. S. 302.

¹⁵⁹ *Ibid.* S. 457.

¹⁶⁰ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 344.

- ¹⁶¹ Из 200 000 немецких солдат в середине 50-х гг. в Германию вернулось около 6000 человек, а остальные погибли в плену — см: *Historische Zeitschrift*, 1996. Bd. 263. Н. 3. S. 828.
- ¹⁶² *Павленко Н. Г.* Была война... С. 347.
- ¹⁶³ *Мелентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945. С. 216.
- ¹⁶⁴ *Мировая война. Взгляд побежденных. 1939—1945 гг. М., 2002.* С. 271.
- ¹⁶⁵ *Françoise E., Schulze H. (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 2. München, 2001. S. 343.*
- ¹⁶⁶ *Ibid.* S. 342.
- ¹⁶⁷ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 250.
- ¹⁶⁸ *Роковые решения вермахта. Воспоминания немецких полководцев. Смоленск, 2001. С. 179.*
- ¹⁶⁹ *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. С. 214.
- ¹⁷⁰ *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 103.
- ¹⁷¹ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 519.
- ¹⁷² Там же. С. 521.
- ¹⁷³ *Бивор Э.* Сталинград. С. 291.
- ¹⁷⁴ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 529.
- ¹⁷⁵ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 300.
- ¹⁷⁶ *Бивор Э.* Сталинград. С. 284.
- ¹⁷⁷ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 531.
- ¹⁷⁸ *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. Смоленск, 1999. С. 227.
- ¹⁷⁹ *Haffner S. Anmerkungen zu Hitler. S. 133.*
- ¹⁸⁰ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 275.
- ¹⁸¹ *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. Смоленск, 1999. С. 223.
- ¹⁸² *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 105.
- ¹⁸³ *Бивор Э.* Сталинград. С. 350.
- ¹⁸⁴ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 537.
- ¹⁸⁵ *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 100.
- ¹⁸⁶ *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. Смоленск, 1999. С. 253.
- ¹⁸⁷ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 286.
- ¹⁸⁸ *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. С. 314.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 250.
- ¹⁹⁰ *Мировая война. Взгляд побежденных. 1939—1945 гг. М., 2002.* С. 275.
- ¹⁹¹ *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 108.
- ¹⁹² Там же. С. 107.
- ¹⁹³ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 546.
- ¹⁹⁴ *Бивор Э.* Сталинград. С. 370.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 109.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 110.
- ¹⁹⁷ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 350.
- ¹⁹⁸ Цит. по: *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 106.

- 199 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 294.
- 200 *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 291.
- 201 *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 499.
- 202 См.: *Красиков В. А.* Победы, которых не было. С. 258.
- 203 *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 93.
- 204 См.: *Красиков В. А.* Победы, которых не было. С. 257.
- 205 Там же. С. 260.
- 206 *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 96.
- 207 *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945. С. 253.
- 208 *Сник М.* Асы союзников. Смоленск, 2000. С. 315.
- 209 *Maser W.* Das Regime. S. 291.
- 210 *Gruchmann L.* Der Zweite Weltkrieg. München, 1969. S. 194.
- 211 *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939-1945 гг. С. 192.
- 212 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 541.
- 213 Роковые решения вермахта. Воспоминания немецких полководцев. Смоленск, 2001. С. 249.
- 214 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 380.
- 215 *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933—1945. München, 1989. S. 562.
- 216 Letzte Briefe aus Stalingrad. Gütersloh. S.a. S. 8, 16.
- 217 Ibid. S. 23.
- 218 *Voberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 357.
- 219 *Павленко Н. Г.* Была война... С. 338.
- 220 *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. С. 234.
- 221 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 86.
- 222 Там же. С. 87.
- 223 Там же. С. 88.
- 224 Там же. С. 90.
- 225 Там же. С. 93.
- 226 Там же. С. 95.
- 227 Там же. С. 100.
- 228 Там же. С. 101.
- 229 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 278.
- 230 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 106.
- 231 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 280.
- 232 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 107.
- 233 *Красиков В. А.* Победы, которых не было. С. 271, 275.
- 234 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 129.
- 235 *Meuer G.* Adolf Heusinger. Vonn, 2001. S. 237.
- 236 *Красиков В. А.* Победы, которых не было. С. 277.
- 237 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 131.
- 238 *Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999. С. 432.
- 239 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 133.

- 240 Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. С. 134.
- 241 Там же. С. 135.
- 242 Там же. С. 137.
- 243 Там же. С. 139.
- 244 Там же. С. 140.
- 245 Там же. С. 141.
- 246 Там же. С. 148.
- 247 Кларк А. План «Барбаросса». С. 308.
- 248 Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. С. 535.
- 249 Маништейн Э. Утерянные победы. С. 509.
- 250 Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. С. 153.
- 251 Маништейн Э. Утерянные победы. С. 83.
- 252 Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. С. 203.
- 253 Там же. С. 204..
- 254 Гланц Д. Операция «Марс» // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 24.
- 255 Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. С. 208.
- 256 Там же. С. 189.
- 257 Там же. С. 202.
- 258 Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 30.
- 259 Там же. С. 105.
- 260 Кларк А. План «Барбаросса». С. 276.
- 261 Voberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 371.
- 262 Павленко Н.Г. Была война... С. 362.
- 263 Gruchmann L. Der Zweite Weltkrieg. S. 235.
- 264 Таблица из: Wegner B. Defensive ohne Strategie. Die Wehrmacht und das Jahr 1943. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 200.
- 265 Wegner B. Defensive ohne Strategie. S. 199.
- 266 Кларк А. План «Барбаросса». С. 276.
- 267 Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. С. 221.
- 268 Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 37.
- 269 Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 5, 6. М., 1966. С. 142.
- 270 Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 361.
- 271 Павленко Н. Г. Была война... С. 364.
- 272 Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. С. 22.
- 273 Rauh M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941-1945. Berlin, 1998. S. 199.
- 274 Ibid. S. 199.
- 275 Ibid. S. 206.
- 276 Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. С. 223.
- 277 Там же. С. 224.
- 278 Маништейн Э. Утерянные победы. С. 345—346.

- 279 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 332.
- 280 Там же. С. 341.
- 281 *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S.379.
- 282 *Burleigh M.* *Die Zeit des Nationalsozialismus.* S. 588.
- 283 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 9.
- 284 *Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999. С. 334.
- 285 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 335.
- 286 На самом деле, только к 1944 г. 160 тысяч немецких девушек были заняты в зенитной артиллерии — на подноске снарядов, в прожекторной службе, а в СССР к тому времени около миллиона девушек служили на фронте. См.: *Lebor A., Boyes R.* *Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich.* London, 2002. P. 71.
- 287 *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. С. 471.
- 288 *Овсянников А.* На орловско-курском направлении. М., 2003. С. 91.
- 289 *Tuppel R.* *Legendenbildung in der Geschichtsschreibung - die Schlacht bei Kursk // Militärgeschichtliche Mitteilungen,* 2002. N 2. S. 384.
- 290 *Красиков В. А.* Победы, которых не было. С. 156.
- 291 *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. С. 375.
- 292 *Красиков В. А.* Победы, которых не было. СПб., 2004. С. 284—285.
- 293 *Соколов Б. В.* Цена победы. С. 159.
- 294 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 381.
- 295 Там же. С. 351.
- 296 *Tuppel R.* *Legendenbildung.* S. 395.
- 297 *Rauh M.* *Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941-1945.* Berlin, 1998. S. 210.
- 298 *Ibid.* S. 212.
- 299 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 227.
- 300 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 377.
- 301 *Rauh M.* *Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941-1945.* Berlin, 1998. S. 188.
- 302 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 245.
- 303 *Rauh M.* *Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil.* S. 215.
- 304 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 247.
- 305 Там же. С. 251.
- 306 *Михайлов Б.* На дне блокады и войны. СПб., 2001. С. 189.
- 307 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 252.
- 308 *Сайер Г.* Последний солдат Третьего Рейха. С. 289.
- 309 Великая Отечественная война 1941 — 1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 425.
- 310 *Meyer G.* *Adolf Heusinger.* Bonn, 2001. S. 237.
- 311 *Heer H.* *Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront.* Hamburg, 1999. S. 152.

- ³¹² Сайер Г. Последний солдат Третьего Рейха. С. 255.
- ³¹³ Меллентин Ф. Танковые сражения 1939—1945. Боевое применение танков во Второй мировой войне. М., 2003. С. 188—189.
- ³¹⁴ Карель П. Африка — Нормандия. Лис пустыни. 1941—1943. Они идут! 1944. М., 2003. С. 101.
- ³¹⁵ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939-1945 гг. М., 2002. С. 114.
- ³¹⁶ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 182.
- ³¹⁷ Карель П. Африка — Нормандия. С. 16.
- ³¹⁸ Там же. С. 11.
- ³¹⁹ Мировая война. Взгляд побежденных. С. 116.
- ³²⁰ Карель П. Африка — Нормандия. С. 95.
- ³²¹ См.: Меллентин Ф. Танковые сражения. С. 66.
- ³²² Там же. С. 67, 70.
- ³²³ Цит. по: Там же. С. 76.
- ³²⁴ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. С. 156-157.
- ³²⁵ Мировая война. Взгляд побежденных. С. 121-122.
- ³²⁶ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. С. 150, 152.
- ³²⁷ Мировая война. Взгляд побежденных. С. 126-127.
- ³²⁸ Ср.: Der Spiegel. 1978. N 34. S. 65.
- ³²⁹ Карель П. Африка — Нормандия. С. 366.
- ³³⁰ Шнайдель Г. Вторжение 1944 г. Высадка союзников в Нормандии глазами немецкого генерала Третьего рейха. М., 2004. С. 90.
- ³³¹ Мировая война. Взгляд побежденных. С. 134.
- ³³² Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. С. 178.
- ³³³ «Борьбу» французов против англо-американского вторжения в Африку немецкое общественное мнение оценило как «половинчатую» и «неискреннюю» и одобрило решение Гитлера об оккупации всей территории Франции. Ср.: *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. S. 317.
- ³³⁴ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. S. 323.
- ³³⁵ *Ibid.* S. 317.
- ³³⁶ Мировая война. Взгляд побежденных. С. 129.
- ³³⁷ Меллентин Ф. Танковые сражения. С. 189-190.
- ³³⁸ Шнайдель Г. Вторжение 1944 г. С. 191.
- ³³⁹ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. S. 320.
- ³⁴⁰ Ср.: *Murray W.* *Betrachtungen zur deutsche Strategie im Zweiten Weltkrieg*. In: Müller R.-D., Volkman H.-E. (Hg) *Die Wehrmacht. Mythos und Realität*. München, 1999. S. 316.
- ³⁴¹ *French D.* Colonel Blimp and the British Army: British divisional commanders in the war against Germany, 1939-1945 // *English Historical Review*. 1996, vol. CXI. N 444. P. 1182.

- ³⁴² Павленко Н. Г. Была война... Размышления военного историка. М., 1994. С. 24.
- ³⁴³ Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 313.
- ³⁴⁴ Maser W. Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 300.
- ³⁴⁵ Goebbels J. Tagebücher aus den Jahren 1942—43. Zürich, 1948. S. 328.
- ³⁴⁶ Ibid. S. 397.
- ³⁴⁷ Мировая война. Взгляд побежденных. С. 139.
- ³⁴⁸ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 397.
- ³⁴⁹ Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. С. 550.
- ³⁵⁰ Цит. по: Taylor A. J. P. The Second World War. London, 1976. P. 172.
- ³⁵¹ Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. С. 282.
- ³⁵² Мировая война. Взгляд побежденных. С. 147.
- ³⁵³ Schreiber G. Die italienischen Militärinternierten — politische, humane und rassenideologische Gesichtspunkte einer besonderen Kriegsgefangenschaft. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 806.
- ³⁵⁴ Der Spiegel. 2003. N 23. S. 44.
- ³⁵⁵ Mazover M. Inside Hitler's Greece. The experience of occupation 1941-1945. London, 2002. P. 135.
- ³⁵⁶ Ibid. P. 241, 248.
- ³⁵⁷ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 352, 361.
- ³⁵⁸ Raiber R. Generalfeldmarschall Albert Kesselring, Via Rasella, and the «Ginny Mission» // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1997. H. 1. S. 70.
- ³⁵⁹ Мировая война. Взгляд побежденных. С. 151-152.
- ³⁶⁰ Delacor R. Weltanschauungskrieg im Westen. Zur Rolle der Wehrmacht bei Geiselersekution im besetzten Frankreich 1941/42 // Militärgeschichtliche Zeitschrift, 2003. N 1. S. 80.
- ³⁶¹ Ibid. S. 99.
- ³⁶² См.: Katz R. The Battle for Rome: the Germans, the Allies, the Partisans, and the Pope, September 1943 — June 1944. New York, 2003, passim.
- ³⁶³ Зенгер Ф. Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала 1940—1945. М., 2003. С. 265—266.
- ³⁶⁴ Мировая война. Взгляд побежденных. С. 152.
- ³⁶⁵ Зенгер Ф. Ни страха, ни надежды. С. 269.
- ³⁶⁶ Мировая война. Взгляд побежденных. С. 154—155.
- ³⁶⁷ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 482.

- ³⁶⁸ *Kesselring A.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 479.
- ³⁶⁹ Ср.: *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 425.
- ³⁷⁰ *Kleist P.* Zwischen Hitler und Stalin 1939—1945. Bonn, 1950, passim.
- ³⁷¹ Ср.: *Der Spiegel.* 1978. N 35. S. 118.
- ³⁷² *Domarus M.* (Hg) Hitler: Reden und Proklamationen, 1932—1945. Bd. 2, Hlbd 2, Neustadt, 1962. S. 2056.
- ³⁷³ Плача тянется
скрипичная песня
осени,
слабая и израненная
от боли и мук,
как и я.
(*Поль Верлен*)
- ³⁷⁴ *Карель П.* Африка - Нормандия. С. 323.
- ³⁷⁵ Там же. С. 357.
- ³⁷⁶ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 514.
- ³⁷⁷ *Ibid.* S. 512.
- ³⁷⁸ *Нератова Р.* В дни войны. Семейная хроника. СПб., 1996. С. 236.
- ³⁷⁹ *Голланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 340.
- ³⁸⁰ *Шпеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 419.
- ³⁸¹ *Шпайдель Г.* Вторжение 1944 г. С. 68-69.
- ³⁸² Там же. С. 195, 197.
- ³⁸³ *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. С. 324.
- ³⁸⁴ Там же. С. 342.
- ³⁸⁵ *Шпайдель Г.* Вторжение 1944 г. С. 73—74.
- ³⁸⁶ *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». Как был открыт Второй фронт. М., 1989. С. 272.
- ³⁸⁷ Калибр этого автомата — 9 мм, магазин — 32 патрона, вес — 4,7 кг, дальность стрельбы — 200 м.
- ³⁸⁸ Ср.: *Скорцени О.* Секретные задания. Ростов-на-Дону, 1999. С. 48. Летом 1942 г. Гитлер, пребывая в твердой уверенности, что пехотинцу гораздо удобнее пользоваться винтовкой, отверг предложение Шпеера наладить производство уже разработанных автоматов нового образца и вооружить ими вермахт. *Шпеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 437.
- ³⁸⁹ Ср.: *Schneider W.* Tiger im Kampf. 2 Bde. Winnipeg, 2000, passim.
- ³⁹⁰ Ср.: *Militär-geschichtliche Zeitschrift,* 2001. N 1. S. 231.
- ³⁹¹ *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 205.
- ³⁹² Мировая война. Взгляд побежденных. С. 628.
- ³⁹³ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 622.
- ³⁹⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 462.

- ³⁹⁵ Роковые решения вермахта. Воспоминания немецких полководцев. Смоленск, 2001. С. 290.
- ³⁹⁶ *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. М., 2004. С. 193.
- ³⁹⁷ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939-1945. С. 360.
- ³⁹⁸ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 128.
- ³⁹⁹ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 525.
- ⁴⁰⁰ *Шнайдель Г.* Вторжение 1944 г. С. 112, 114.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 201.
- ⁴⁰² Там же. С. 144, 147.
- ⁴⁰³ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. Das deutsche Heer in Rußland 1941 bis 1945. Der Prozeß gegen das Oberkommando der Wehrmacht. München, 1993. S. 577.
- ⁴⁰⁴ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 527.
- ⁴⁰⁵ Цит. по: *Förster J.* Wehrmacht, Krieg und Holocaust. In: Müller R.-D., Volkmanн H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 963.
- ⁴⁰⁶ *Боткин В. П.* Письма об Испании. Л., 1976. С. 269.
- ⁴⁰⁷ Цит. по: *Baird J. W.* To die for Germany. Heroes in the Nazi Pantheon. Bloomington, 1990. S. 202.
- ⁴⁰⁸ *Сайер Г.* Последний солдат Третьего Рейха. Дневник рядового вермахта. М., 2003. С. 494.
- ⁴⁰⁹ *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 278.
- ⁴¹⁰ Там же. С. 280.
- ⁴¹¹ Цит. по: *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 189-190.
- ⁴¹² *Шнайдель Г.* Вторжение 1944 г. С. 204.
- ⁴¹³ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges, S. 466.
- ⁴¹⁴ Цит. по: *Гинзбург К.* Германская мифология и национал-социализм // Новое литературное обозрение. 1998. № 3. С. 75.
- ⁴¹⁵ *Meyer G.* Adolf Heusinger. Dienst eines deutschen Soldaten. 1915-1964. Berlin, 2001. S. 50.
- ⁴¹⁶ *Grevelt M. van* Die deutsche Wehrmacht: eine militärische Beurteilung. In: Müller R.-D., Volkmanн H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 333.
- ⁴¹⁷ Ibid. S. 341.
- ⁴¹⁸ *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 291—292.
- ⁴¹⁹ Любопытно, что кавалеров равноценной Рыцарскому кресту Золотой Звезды Героя Советского Союза в Красной армии было в два раза больше.
- ⁴²⁰ *Рудель Г. У.* Пилот «штуки». М., 2003. С. 137.
- ⁴²¹ Личность Мельдера (8.3.1913—22.11.1941) особенно интенсивно использовала пропаганда, ибо он был широко известен в Германии со времен гражданской войны в Испании. К тому же в

21.9.1940 г. он стал вторым кавалером Дубовых листьев к Рыцарскому кресту за 40 воздушных побед. 22.11.1941 г. Гитлер вручил ему Мечи к Рыцарскому кресту, 16.7.1942 г. он стал первым кавалером Бриллиантов к Рыцарскому кресту за 101 воздушную победу. После 114-й воздушной победы Мельдерс был назначен инспектором истребительной авиации и отстранен от боевых вылетов. Погиб в авиакатастрофе 22.11.1941 г. при неясных обстоятельствах — то ли врезался в заводскую трубу, то ли был сбит собственными зенитками. См.: *Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches*. S. 542.

⁴²² Советское правительство назначило за его голову в 100 000 рублей. 21 января 1945 г. Рудель стал единственным иностранцем, награжденным Золотой медалью за храбрость — высшей венгерской наградой. 9 февраля 1945 г. ему ампутировали правую ногу, но до последнего дня войны он летал с еще не зарубцевавшимся обрубком ноги. 8 мая 1945 г. он благоразумно сдался американцам и в апреле 1946 г. уже был на свободе. Потом он эмигрировал в Латинскую Америку, оставаясь убежденным нацистом. См.: *Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches*. S. 709. Рудель и после 1945 г. не чувствовал себя побежденным — после сдачи в плен американцам он заявил: «Немецкие солдаты не были разбиты, их просто задавили превосходящей массой». См.: *Рудель Г. У. Пилот «штуки»*. М., 2003. С. 325.

⁴²³ *Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 34.*

⁴²⁴ Мать Кернера Минна писала сыну, что не боится за него, что гордится им как солдатом, воюющим за свободу родины. Нацисты не уставали повторять, что такая мать — это образец для нынешнего и грядущих поколений. 100-летие со дня смерти Минны Кернер, 20 августа 1943 г., стало подходящим для нацистской пропаганды поводом для прославления материнской жертвенности: Минна якобы ничуть не жалела, что оба ее сына погибли в войне за отчизну, ибо они исполняли свой долг. Именно у могилы Теодора Кернера в мекленбургской деревне Веббелин в 1945 г. вручали оружие местным рекрутам. См.: *Schilling R. Die «Helden der Wehrmacht» — Konstruktion und Rezeption, In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999, S. 562.*

⁴²⁵ День смерти великого аса, 21 апреля, отмечался с 1935 г. как «день Люфтваффе».

⁴²⁶ На это обстоятельство обратил внимание американский историк Джей Бэйрд: *Baird J. W. To Die for Germany. Bloomington, 1990, passim.*

⁴²⁷ *Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 364.*

- 428 См.: *Lucacs J.* The Hitler of History. New York, 1998. P. 136.
- 429 *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. S. 360.
- 430 Ср.: *Джонсон П.* Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 2. М., 1995. С. 137.
- 431 *Haffner S.* Geschichte eines Deutschen. Erinnerungen. 1914—1933. Stuttgart, 2001. S. 22.
- 432 *Tallgren V.* Hitler und die Helden. Heroismus und Weltanschauung. Helsinki, 1981. S. 89.
- 433 *Ditrich O.* Zwölf Jahre mit Hitler. München, 1955. S. 164.
- 434 *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933—1945. München, 1989. S. 296.
- 435 *Liddell Hart B. H.* The Other Side of the Hill. London, 1948. P. 29.
- 436 *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. М., 2004. С. 498.
- 437 *Иванова Ю. Н.* Женщины в войнах отечества. В кн: Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 351.
- 438 *Plassmann M.* Wehrmachtbordelle. Anmerkungen zu einem Quellenfund in Universitätsarchiv Düsseldorf // Militärgeschichtliche Zeitschrift, 2003. N 1. S. 160.
- 439 Ibid. S. 162.
- 440 Ibid. S. 168.
- 441 *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. С. 175.
- 442 *Соколов Б. В.* Оккупация. Правда и вымысел. М., 2002. С. 326.
- 443 Мировая война. Взгляд побежденных. С. 380.
- 444 *Зенгер Ф.* Ни страха, ни надежды. С. 290.
- 445 Цит. по: *Talgren V.* Heroismus und Weltanschauung. Helsinki, 1981. S. 10. См. также: *Schramm P.* Hitler: The Man and Military Leader. Chicago, 1971. P. 27.
- 446 *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. С. 33.
- 447 *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 26.
- 448 *Голланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 125.
- 449 *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945. С. 370.
- 450 *Голланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 142—143.
- 4[^] См.: *Murray W.* Betrachtungen zur deutsche Strategie im Zweiten Weltkrieg. In: *Müller R.-D., Volkman H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 320.
- 452 *Morrow J.* The Great War in the Air. Washington, 1993. P. 309.
- 453 *Corum J. S.* Stärken und Schwäche der Luftwaffe. In: *Müller R.-D., Volkman H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 287.
- 454 Ibid. S. 292.

- 455 *Abendroth H.-H.* Guemika: ein fragwürdiges Symbol // Militärgeschichtliche Mittelungen, 1987. Н. 1. S. 111-126.
- 456 *Голланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 37.
- 457 *Найер А.* Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М., 2000. С. 224.
- 458 *Галланд А.* Первый и последний. С. 288.
- 459 *Мировая война. Взгляд побежденных.* С. 556.
- 460 *Галланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 91.
- 461 *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 57.
- 462 См.: *Corum J. S.* Stärken und Schwäche der Luftwaffe. S. 294.
- 463 *Митчем С.* Командиры Третьего Рейха. С. 280.
- 464 Удивительно, но до весны 1942 г. в Красной армии «играли в секретность», и на страницах советской прессы говорилось обезличенно о «наших стальных птицах», «наших ястребках», «наших штурмовиках». Немецкая же техника сразу приобрела зловеще четкие символы своей эффективности — «мессеры», «юнкерсы». Авиаконструктор А. С. Яковлев предложил Сталину пропагандировать советскую военную технику — диктатор согласился, и только после этого на страницах прессы появились «яки», «илы», «пе». См.: *Яковлев А. С.* Цель жизни. М., 2000. С. 255.
- 465 *Corum J. S.* Stärken und Schwäche der Luftwaffe. S. 298.
- 466 *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 45.
- 467 *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. М., 2004. С. 385, 387.
- 468 *Corum J. S.* Stärken und Schwäche der Luftwaffe. S. 303.
- 469 *Галланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 278.
- 470 *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1998.
- 471 См.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 444.
- 472 *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 850.
- 473 *Яковлев А. С.* Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 2000. С. 299.
- 474 *Спикс М.* Асы Люфтваффе. Смоленск, 1999. С. 34.
- 475 *Overy R. J.* The Air War 1939-1945. New York, 1980. S. 49.
- 476 *Галланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 168.
- 477 *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года (куда исчезло 28 тысяч советских танков?). Минск, 2004. С. 204.
- 478 *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. С. 543.
- 479 *Толивер Р., Констебль Г.* Лучший ас второй мировой. М., 2000. С. 408.

- 480 Мухин Ю. И. Асы и пропаганда. Дутые победы Люфтваффе. М., 2004. С. 62.
- 481 Галланд А. Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 87.
- 482 Спикс М. Асы Люфтваффе. С. 78.
- 483 См.: Там же. С. 14.
- 484 Мухин Ю. И. Асы и пропаганда. С. 107.
- 485 Голивер Р., Констебль Г. Лучший ас Второй мировой. С. 5.
- 486 Рудель Г. У. Пилот «штуки». М., 2003. С. 329.
- 487 Там же. С. 286.
- 488 Спикс М. Асы Люфтваффе. С. 215.
- 489 Кюке Х. Я летал для фюрера. Дневник офицера Люфтваффе 1939-1945. М., 2003. С. 118.
- 490 Галланд А. Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 232.
- 491 Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 227, 483.
- 492 Friedrich J. Das Gesetz des Krieges, S. 311, 319.
- 493 Галланд А. Первый и последний. С. 233.
- 494 Карель 77. Африка — Нормандия. С. 342.
- 495 Галланд А. Первый и последний. С. 212.
- 496 Hanfstaengl E. Unheard witness. New York, 1957. P. 298.
- 497 Reuth R. G. Goebbels. Eine Biographie. München, 1995. S. 363.
- 498 Deschner G. Reinhard Heydrich. Statthalter der totalen Macht. Esslingen am Neckar, 1977. S. 127—128.
- 499 Галланд А. Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 159.
- 500 Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 842.
- 501 См.: Rohwer J. Die U-Boot-Erfolge der Achselmächte 1939—1945. München, 1968, passim.
- 502 См.: Maser W. Das Regime, S. 278.
- 503 Красиков В. А. Победы, которых не было. СПб., 2004. С. 239—240.
- 504 Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 839.
- 505 См.: Neitzel S. Der Bedeutungswandel der Kriegsmarine im Zweiten Weltkrieg. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 250.
- 506 Дэвидсон Ю. Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 412.
- 507 Блэр К. Подводная война Гитлера 1939-1942. Охотники. М., 2001. С. 13.
- 508 Франк В. Морские волки. Германские подводные лодки во Второй мировой войне. М., 2004. С. 9.
- 509 См.: Dülffer J. Weimar, Hitler und die Marine. Reichspolitik und Flottenbau 1920-1939. Düsseldorf, 1973. S. 19.

- ⁵¹⁰ *Воуз В.* Подводный ас. История Вольфганга Люта. М., 2001. С. 56.
- ⁵¹¹ *Блэр К.* Подводная война Гитлера. Т. 1. М., 2001. С. 53.
- ⁵¹² *Франк В.* Морские волки. Германские подводные лодки во Второй мировой войне. М., 2004. С. 22—23.
- ⁵¹³ *Шapiro Л. С.* Самые нелегкие пути к Нептуну. Л., 1988. С. 73.
- ⁵¹⁴ *Блэр К.* Подводная война Гитлера. С. 41.
- ⁵¹⁵ *Франк В.* Морские волки. С. 23.
- ⁵¹⁶ *Блэр К.* Подводная война Гитлера. С. 112.
- ⁵¹⁷ *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 357.
- ⁵¹⁸ *Буш Х.* Подводный флот Третьего Рейха. Немецкие подлодки в войне, которая была почти выиграна. 1939—1945. М., 2004. С. 8-9.
- ⁵¹⁹ Там же. С. 11.
- ⁵²⁰ *Редер Э.* Гросс-адмирал. С. 384.
- ⁵²¹ *Taylor A. J. P.* The Second World War. P. 141.
- ⁵²² *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944. Berlin, 1965. S. 228, 229, 268, 284.
- ⁵²³ *Ibid.* S. 265.
- ⁵²⁴ *Ibid.* S. 298.
- ⁵²⁵ *Буш Х.* Подводный флот Третьего Рейха. С. 86.
- ⁵²⁶ Там же. С. 83-84.
- ⁵²⁷ Там же. С. 138, 140, 152.
- ⁵²⁸ См.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 443.
- ⁵²⁹ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 414.
- ⁵³⁰ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches, S. 456.
- ⁵³¹ *Франк В.* Морские волки. С. 327.
- ⁵³² Мировая война. Взгляд побежденных. 1939—1945 гг. С. 495—496.
- ⁵³³ *Франк В.* Морские волки. С. 231.
- ⁵³⁴ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 725.
- ⁵³⁵ *Neitzel S.* Der Bedeutungswandel der Kriegsmarine im Zweiten Weltkrieg. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 252.
- ⁵³⁶ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 423.
- ⁵³⁷ *Воуз В.* Подводный ас. История Вольфганга Люта. М., 2001. С. 15-16.
- ⁵³⁸ *Neitzel S.* Der Bedeutungswandel der Kriegsmarine im Zweiten Weltkrieg. S. 253.

- 539 Hoyt E. P. The Kamikazes. London, 1985. S. 283.
- 540 Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 842.
- 541 Воуз В. Подводный ас. С. 304.
- 542 Франк В. Морские волки. С. 11.
- 543 «Конечный результат не должен быть самым главным и доминирующим в предприятии любого рода». Fromm E. The Revolution of hope. Toward a humanized technology. New York, 1968. S. 37.
- 544 Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 5.
- 545 Wegner B. Hitlers Politische Soldaten: Die Waffen-SS 1933-1945. Leitbild, Struktur und Funktion einer nationalsozialistischen Elite. München, 1997. S. 81.
- 546 Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. С. 88, 90.
- 547 Wegner B. Hitlers Politische Soldaten: Die Waffen-SS 1933—1945. Leitbild, Struktur und Funktion einer nationalsozialistischen Elite. München, 1997. S. 86.
- 548 Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. С. 103.
- 549 Wegner B. Hitlers Politische Soldaten. S. 97—98, 100.
- 550 Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. С. 126.
- 551 Wegner B. Hitlers Politische Soldaten. S. 101-102.
- 552 Ibid. S. 124.
- 553 Ibid. S. 103.
- 554 Ibid. S. 103, 115.
- 555 Ibid. S. 140.
- 556 Hart L. The Future of Infantry. London, 1933.
- 557 Цит. по: Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. С. 17—18.
- 558 См.: Wegner B. Hitlers politische Soldaten. S. 149.
- 559 Steiner F. Die Armee der Geächteten. Göttingen, 1963. S. 59.
- 560 См.: Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf. S. 413.
- 561 Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf. S. 413.
- 562 Ibid. S. 413.
- 563 Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 728.
- 564 Wegner B. Hitlers Politische Soldaten. S. 126.
- 565 Ibid. S. 127.
- 566 Ibid. S. 264.
- 567 Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. С. 317. .
- 568 Overmanns R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München, 1999. S. 293—296.
- 569 Wegner B. Anmerkungen zur Geschichte der Waffen-SS aus organisations- und funktionsgeschichtlicher Sicht. In: Müller R.-D., Volkman H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 415.
- 570 Тревор-Роупер Х. Р. Последние дни Гитлера. СПб., 1995. С. 220.

- 571 *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. С. 263.
- 572 *Wegner B.* Anmerkungen zur Geschichte der Waffen-SS. S. 417.
- 573 *Petter W.* SA und SS als Instrumente nationalsozialistischer Herrschaft. In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte. Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 93.
- 574 *Wegner B.* Hitlers Politische Soldaten. S. 280.
- 575 *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора. Смоленск, 1999. С. 130.
- 576 *Neitzel S.* Des Forschens noch wert? Anmerkungen zur Operationsgeschichte der Waffen-SS // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 2002. N 2. S. 425.
- 577 *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. С. 175.
- 578 Там же. С. 165.
- 579 Там же. С. 173.
- 580 Там же. С. 168.
- 581 *Шнеер А.* Воспоминания. С. 532.
- 582 *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. С. 319.
- 583 Там же. С. 320.
- 584 Там же. С. 182, 318.
- 585 Там же. С. 270.
- 586 *Шпайдель Г.* Вторжение. 1944 г. С. 141.
- 587 Цит. по: *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. М., 2004. С. 319.
- 588 *Der Spiegel.* 1961. N 28. S. 40.
- 589 *Rauh M.* Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941-1945. Berlin, 1998. S. 220.
- 590 *Wegner B.* Hitlers Politische Soldaten. S. 333.
- 591 *Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999. С. 197.
- 592 *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944. Berlin, 1965. S. 437.
- 593 *Gruchmann L.* Der Zweite Weltkrieg. S. 437.
- 594 *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945. С. 338.
- 595 *Heer H.* Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. Hamburg, 1999. S. 147.
- 596 *Сайер Г.* Последний солдат Третьего Рейха. Дневник рядового вермахта. М., 2003. С. 258—259.
- 597 *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 402.
- 598 *Рудель Г. У.* Пилот «штуки». М., 2003. С. 153.
- 599 *Rauh M.* Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941-1945. Berlin, 1998. S. 219.
- 600 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 382.
- 601 Там же. С. 387.

- ⁶⁰² *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 347.
- ⁶⁰³ Там же. С. 349.
- ⁶⁰⁴ *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 294.
- ⁶⁰⁵ Там же. С. 354-357, 359.
- ⁶⁰⁶ Там же. С. 360, 364.
- ⁶⁰⁷ *Мировая война. Взгляд побежденных.* С. 328.
- ⁶⁰⁸ Там же. С. 193, 195.
- ⁶⁰⁹ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 431.
- ⁶¹⁰ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 306.
- ⁶¹¹ Там же. С. 310.
- ⁶¹² *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 834.
- ⁶¹³ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 388.
- ⁶¹⁴ *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 25.
- ⁶¹⁵ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 330.
- ⁶¹⁶ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944. Berlin, 1965. S. 487.
- ⁶¹⁷ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 391.
- ⁶¹⁸ Там же. С. 387.
- ⁶¹⁹ *Hubatsch W.* (Hg) Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939—1945. Dokumente der OKW. Frankfurt am Main, 1962. S. 184.
- ⁶²⁰ *Manstein E.* von Verlorene Siege. Bonn, 1955. S. 615.
- ⁶²¹ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 372.
- ⁶²² Ibid. S. 632.
- ⁶²³ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944. Berlin, 1965. S. 491.
- ⁶²⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 446.
- ⁶²⁵ *Taylor A. J. P.* The Second World War. London, 1976. S. 180.
- ⁶²⁶ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942-1945. Berlin, 1996. S. 501.
- ⁶²⁷ Ibid. S. 657.
- ⁶²⁸ *Rauh M.* Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941-1945. Berlin, 1998. S. 221.
- ⁶²⁹ Ibid. S. 223.
- ⁶³⁰ Ibid. S. 224.
- ⁶³¹ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 370.
- ⁶³² Там же. С. 337.
- ⁶³³ Там же. С. 382.
- ⁶³⁴ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 338.
- ⁶³⁵ Цит. по: *Кросс Р.* Последние дни рейха. Смоленск, 2004. С. 3.
- ⁶³⁶ См.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 495.

⁶³⁷ Цит. по: Archiv für Sozialgeschichte. 1972. Bd. XII. S. 812. Рецензия на книгу: John Strawson, Hitler as Military Commander. London, 1971.

⁶³⁸ Цит. по: Дэвидсон Ю. Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 340.

⁶³⁹ Цит. по: Бивор Э. Падение Берлина. С. 11.

⁶⁴⁰ Deutsches Adelsblatt. Zeitschrift für Deutschen Adelsgenossenschaft für die Aufgaben des christlichen Adels, 1944. N 8. S. 49.

⁶⁴¹ Кларк А. План «Барбаросса». С. 393.

⁶⁴² Там же. С. 395.

⁶⁴³ Кросс Р. Последние дни рейха. С. 19.

⁶⁴⁴ Кларк А. План «Барбаросса». С. 407.

⁶⁴⁵ Ср.: Митчем С. Командиры Третьего Рейха. С. 60.

⁶⁴⁶ Кросс Р. Последние дни рейха. С. 240.

⁶⁴⁷ Дэвидсон Ю. Суд над нацистами. С. 320.

⁶⁴⁸ Там же. С. 328.

⁶⁴⁹ Volkman H.-E. Ende des Dritten Reiches — Ende des zweiten Weltkriegs. München, 1995. S. 231.

⁶⁵⁰ Irving D. Göring. München, 1987, S. 639.

⁶⁵¹ Бивор Э. Падение Берлина. С. 511.

⁶⁵² Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte. Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 399.

⁶⁵³ Во время войны цензурировалось примерно 350 тыс. писем в год (250 тыс. - на фронт, остальные - с фронта); ежемесячно в среднем от 15 до 50 тысяч.

⁶⁵⁴ См.: Maser W. Das Regime. S. 338.

⁶⁵⁵ См.: Ibid. S. 340.

⁶⁵⁶ Цит. Ibid. S. 341.

⁶⁵⁷ Ibid. S. 341.

⁶⁵⁸ См. Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 498.

⁶⁵⁹ Там же. С. 172.

⁶⁶⁰ Croma P. ...und Paris brannte nicht // Deutsche Rundschau. 1964. N 3. S. 21-22.

⁶⁶¹ Шнайдель Г. Вторжение 1944 г. С. 174.

⁶⁶² Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 172.

⁶⁶³ Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 499.

⁶⁶⁴ См.: Kühne T. Gruppenkohäsion und Kameradschaftsmythos in der Wehrmacht. In: Müller R.-D., Volkman H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 534.

⁶⁶⁵ Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 342.

⁶⁶⁶ См.: Janssen G. (Hg) Das Ministerium Speer. Deutschlands Rüstung im Krieg. Berlin, 1968. S. 270.

- 667 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 154.
- 668 *Толанд Д.* Последние 100 дней Рейха. Смоленск, 2001. С. 221.
- 669 *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. М., 2003. С. 378, 381.
- 670 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 217, 219.
- 671 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 249.
- 672 Там же. С. 250.
- 673 *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 42.
- 674 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 177.
- 675 *Шнайдель Г.* Вторжение 1944 г. С. 177.
- 676 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 405.
- 677 Там же. С. 402.
- 678 *Голланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 369.
- 679 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 404.
- 680 *Chechanowski J. M.* The Warsaw Rising of 1944. Cambridge, 2002. P. 314.
- 681 *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 491.
- 682 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 81.
- 683 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 407.
- 684 Там же. С. 416.
- 685 Мировая война. Взгляд побежденных. С. 340.
- 686 *Наурт В.* Das war Kurland. Friedberg/H., 1987. S. 127.
- 687 Мировая война. Взгляд побежденных. С. 171.
- 688 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 420.
- 689 Там же. С. 421.
- 690 *Павленко Н. Г.* Была война... С. 400.
- 691 См.: *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 15.
- 692 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 413.
- 693 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 19.
- 694 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 414.
- 695 *Толанд Д.* Последние 100 дней рейха. Смоленск, 2001. С. 204.
- 696 Цит. по: *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 527.
- 697 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 62.
- 698 *Fiedler T.* Operation Eishower// Stern, 2004. N 18. S. 98 ff.
- 699 *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 466.
- 700 *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. 1970. S. 528.
- 701 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 6.
- 702 Там же. С. 198, 21 f.
- 703 *Reich-Ranicki M.* Mein Leben. München, 2001. S. 298.
- 704 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 52.
- 705 Там же. С. 75.
- 706 Там же. С. 5—6.
- 707 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 25.

- ⁷⁰⁸ *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 80—81.
- ⁷⁰⁹ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 403.
- ⁷¹⁰ Там же. С. 405.
- ⁷¹¹ *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 250—251.
- ⁷² Смешно сказать, но многие немецкие солдаты, зная о существовании в СССР национального комитета «Свободная Германия», верили, что советскими войсками руководят немецкие офицеры — иначе они не могли объяснить эффективности советского наступления. См.: *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen, S. 551.
- ⁷¹³ *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 93.
- ⁷¹⁴ *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 253.
- ⁷¹⁵ Там же. С. 94.
- ⁷¹⁶ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945. С. 412—413.
- ⁷¹⁷ *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 89.
- ⁷¹⁸ Там же. С. 245.
- ⁷¹⁹ Там же. С. 255.
- ⁷²⁰ *Müller R.-D., Ueberschär G.* Kriegsende 1945. Die Zerstörung des Deutschen Reiches. Frankfurt am Main, 1994. S. 63.
- ⁷²¹ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939—1945 гг. С. 360.
- ⁷²² *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 102.
- ⁷²³ Там же. С. 100.
- ⁷²⁴ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 433.
- ⁷²⁵ *Müller R.-D., Ueberschär G.* Kriegsende 1945. Die Zerstörung des Deutschen Reiches. Frankfurt am Main, 1994. S. 58.
- ⁷²⁶ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 436.
- ⁷²⁷ Там же. С. 440.
- ⁷²⁸ Там же. С. 442.
- ⁷²⁹ Там же. С. 444.
- ⁷³⁰ Там же. С. 443.
- ⁷³¹ *Толанд Д.* Последние 100 дней рейха. С. 147.
- ⁷³² Там же. С. 149.
- ⁷³³ *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 103.
- ⁷³⁴ *Польц А.* Женщина и война // Нева. 2004. № 2. С. 170.
- ⁷³⁵ См.: *Müller R.-D., Ueberschär G.* Kriegsende 1945. Die Zerstörung des Deutschen Reiches. Frankfurt am Main, 1994. S. 59.
- ⁷³⁶ *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 37.
- ⁷³⁷ Там же. С. 545.
- ⁷³⁸ *Найер А.* Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М., 2000. С. 48.
- ⁷³⁹ *Müller R.-D., Ueberschär G.* Kriegsende 1945. S. 43.
- ⁷⁴⁰ Ibid. S. 46.
- ⁷⁴¹ Ibid. S. 47.
- ⁷⁴² *Gruchmann L.* Totaler Krieg. München, 1991. S. 251.
- ⁷⁴³ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 410.

- ⁷⁴⁴ Бивор Э. Падение Берлина. С. 410.
- ⁷⁴⁵ «Горе побежденным» (лат.).
- ⁷⁴⁶ Кларк А. План «Барбаросса». С. 378.
- ⁷⁴⁷ До сего дня идеализированный автопортрет привилегированной нации никак не соединяется с проигранной войной.
- ⁷⁴⁸ Цит. по: Chickering R. Imperial Germany and Great War. Cambridge, 1998. S. 1.
- ⁷⁴⁹ Цит. по: Steets H. Gebirgsjäger in der Nogaischer Steppe. Heidelberg, 1956. S. 107.
- ⁷⁵⁰ Бивор Э. Падение Берлина. С. 19.
- ⁷⁵¹ Там же. С. 244.
- ⁷⁵² Там же. С. 254.
- ⁷⁵³ См.: Там же. С. 3.
- ⁷⁵⁴ Там же. С. 83.
- ⁷⁵⁵ Там же. С. 115—116.
- ⁷⁵⁶ Кросс Р. Последние дни рейха. С. 257.
- ⁷⁵⁷ Бивор Э. Падение Берлина. С. 190.
- ⁷⁵⁸ Райан К. Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидца. М., 2003. С. 170.
- ⁷⁵⁹ Бивор Э. Падение Берлина. С. 195.
- ⁷⁶⁰ Там же. С. 206.
- ⁷⁶¹ Там же. С. 167.
- ⁷⁶² Там же. С. 303.
- ⁷⁶³ Seidler F. Die Fahnenflucht in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1977. H. 1. S. 30.
- ⁷⁶⁴ Ullrich V. Fünf Schüsse auf Bismarck. Historische Reportagen, 1789-1945. München, 2003. S. 180-181.
- ⁷⁶⁵ Ibid. S. 189-190.
- ⁷⁶⁶ Бивор Э. Падение Берлина. С. 8.
- ⁷⁶⁷ Там же. С. 407.
- ⁷⁶⁸ Там же. С. 8—9.
- ⁷⁶⁹ Кросс Р. Последние дни рейха. С. 236.
- ⁷⁷⁰ Müller R.-D., Ueberschär G. Kriegsende 1945. Die Zerstörung des Deutschen Reiches. Frankfurt am Main, 1994. S. 65.
- ⁷⁷¹ Райан К. Последняя битва. С. 128.
- ⁷⁷² Бивор Э. Падение Берлина. С. 7.
- ⁷⁷³ Там же. С. 6.
- ⁷⁷⁴ Там же. С. 245.
- ⁷⁷⁵ Там же. С. 342.
- ⁷⁷⁶ Райан К. Последняя битва. С. 297.
- ⁷⁷⁷ Бивор Э. Сталинград. С. 413.
- ⁷⁷⁸ Кросс Р. Последние дни рейха. С. 238.
- ⁷⁷⁹ Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 117.

- 780 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 115.
- 781 *Райан К.* Последняя битва. С. 105, 107.
- 782 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 212.
- 783 Там же. С. 232.
- 784 Там же. С. 234.
- 785 Там же. С. 235.
- 786 Там же. С. 287.
- 787 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 473.
- 788 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 20.
- 789 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 208.
- 790 *Райан К.* Последняя битва. С. 53.
- 791 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 201.
- 792 *Райан К.* Последняя битва. С. 134.
- 793 Там же. С. 198.
- 794 *Безыменский Л.* Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999. С. 123.
- 795 *Andersch A.* Winterpelt: Roman. Zürich, 1977. S. 399.
- 796 *Сайер Г.* Последний солдат Третьего Рейха. Дневник рядового вермахта. М., 2003. С. 447.
- 797 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 233.
- 798 Там же. С. 234.
- 799 Там же. С. 244.
- 800 Там же. С. 271.
- 801 *Müller R.-D., Ueberschär G.* Kriegsende 1945. S. 49.
- 802 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 221—222.
- 803 Там же. С. 248.
- 804 Там же. С. 226.
- 805 *Райан К.* Последняя битва. С. 307.
- 806 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 292.
- 807 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 228—229.
- 808 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 266.
- 809 *Павленко Н. Г.* Была война... С. 407.
- 810 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 296. □
- 811 *Павленко Н. Г.* Была война... С. 412.
- 812 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 270.
- 813 Там же. С. 333.
- 814 *Райан К.* Последняя битва. С. 336.
- 815 *Мировая война.* Взгляд побежденных. С. 368.
- 816 *Райан К.* Последняя битва. С. 218.
- 817 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 371.
- 818 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 288.
- 819 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 371—372.
- 820 Там же. С. 427, 429.
- 821 *Райан К.* Последняя битва. С. 425.

- 822 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 512-513, 515.
- 823 Там же. С. 373.
- 824 *Райан К.* Последняя битва. С. 395—396.
- 825 Там же. С. 398.
- 826 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 291.
- 827 *Райан К.* Последняя битва. С. 400-401.
- 828 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 293.
- 829 Там же. С. 403.
- 830 Там же.
- 831 Там же. С. 405.
- 832 Там же. С. 408.
- 833 *Райан К.* Последняя битва. С. 343.
- 834 *Михайлов Б.* На дне блокады и войны. СПб., 2001. С. 402.
- 835 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 423—425.
- 836 *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 555.
- 837 *Райан К.* Последняя битва. С. 263, 265.1
- 838 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 413.
- 839 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 294-295.
- 840 *Райан К.* Последняя битва. С. 291.
- 841 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 303.
- 842 *Müller R.-D., Ueberschär G.* Kriegsende 1945. S. 67.
- 843 *Ibid.* S. 69.
- 844 *Галланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 371.
- 845 *Müller R.-D., Ueberschär G.* Kriegsende 1945. S. 69.
- 846 После налета на Дрезден 13 февраля 1945 г. для идентификации спасатели собирали обручальные кольца погибших — их было собрано около 10 тысяч. См.: *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. Das deutsche Heer in Rußland 1941 bis 1945. Der Prozeß gegen das Oberkommando der Wehrmacht. München, 1993. S. 739.
- 847 *Gellermann G.* Der Krieg, der nicht stattfand. Koblenz, 1986, passim.
- 848 *Müller R.-D., Ueberschär G.* Kriegsende 1945. S. 71.
- 849 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 196.
- 850 *Müller R.-D., Ueberschär G.* Kriegsende 1945. S. 84.
- 851 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 481.
- 852 *Райан К.* Последняя битва. С. 428.
- 853 *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 341.
- 854 *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 535.
- 855 Там же. С. 539.
- 856 *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 482.
- 857 Господи, убереги нас от понимания: оно отнимает у ярости силу, у ненависти — достоинство, у мести ее сладость, а у памяти — ее благодати (*нем.*). Австрийский драматург А. Шницлер (1862—1931).

⁸⁵⁸ «Люди, которые хотели зарыть немецкую историю, на деле оказались теми, кто ее выкопал из хлама» (современный левый немецкий поэт Х.-М. Энциенсбергер). Цит. по: *Giordano R. Die zweite Schuld oder von der Last ein Deutscher zu sein. Hamburg, 1987. S. 321.*

⁸⁵⁹ *Hartmann Chr. Verbrecherischer Krieg — verbrecherische Wehrmacht? Überlegungen zur Struktur des deutschen Ostheeres, 1941 — 1944 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2004. H. 1.S. 17.*

⁸⁶⁰ Цит. по: *Tou D. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 50.*

⁸⁶¹ См.: *Crevelt M. van Einführende Bemerkungen zu III. Strategisches Denken, Professionalität und militrische Verantwortlichkeit der Wehrmachtführung. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 176.*

⁸⁶² *Ibid. S. 177.*

⁸⁶³ См. например: *Deist W. Die Aufrüstung der Wehrmacht. In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. Stuttgart, 1979.*

⁸⁶⁴ *Tou D. Стремление к истине. М., 2000. С. 29.*

⁸⁶⁵ *Найер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М., 2000. С. 47.*

⁸⁶⁶ Там же. С. 222.

⁸⁶⁷ *Zeidler M. Der Minsker Kriegsverbrecherprozeß vom Januar 1946. Kritische Anmerkungen zu einem sowjetischen Schauprozeß gegen deutsche Kriegsgefangene // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2004. H. 2. S. 244.*

⁸⁶⁸ *Tou D. Стремление к истине. М., 2000. С. 19.*

⁸⁶⁹ См.: *Найер К. Военные преступления. С. 281.*

⁸⁷⁰ *Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 333.*

⁸⁷¹ *Тревор-Роупер Х. Р. Последние дни Гитлера. СПб., 1995. С.89.*

⁸⁷² *Moltke H. v. Briefe an Freya. München, 1988. S. 340.*

⁸⁷³ *Фриснер Г. Проигранные сражения. М., 1966. С. 211.*

⁸⁷⁴ *Bismarck O. Gedanken und Erinnerungen. Bd. 3. Berlin, 1919. S. 124.*

⁸⁷⁵ См.: *Krockow Chr. Die Deutschen in ihrem Jahrhundert 1890—1990. Reinbeck bei Hamburg, 1994. S. 355.*

⁸⁷⁶ Макс Истмен, английский коммунист, знакомый с Лениным, писал по этому поводу: «Сталинизм — не только не лучше, но хуже нацизма, ибо он гораздо более беспощаден, жесток, несправедлив, аморален, антидемократичен и не может быть оправдан ни надеждами, ни раскаянием» Цит. по: *Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992. С. 28.*

БИБЛИОГРАФИЯ

Приведенные в списке публикации, хотя и относятся ко всем четырем книгам издания по истории Третьего Рейха, но в первой части приведены издания общего плана — документы, нацистская публицистика, мемуары, а во второй публикации распределены по разделам в том порядке, в каком соответствующие темы и рассматривались. Разумеется, несмотря на размеры, этот список, во-первых, совершенно произвольный, а во-вторых, не может быть исчерпывающим: в него включены только те публикации, которые произвели на автора наибольшее впечатление, а также по принципу доступности их для автора. Иные публикации, приведенные в списке, не цитировались, а иные цитированные опущены: отбор проводился по принципу значимости или степени влияния, которое они произвели на автора, а также желания обратить внимание на достойные и основательные работы и на значимые документы.

Документы

Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987.

СССР и германский вопрос 1941-1949. 2 т. М., 1996.

Benz U. (Hg) *Frauen im Nationalsozialismus. Dokumente und Zeugnisse.* München, 1993.

Berger T. (Hg) *Lebenssituationen unter der Herrschaft des Nationalsozialismus.* Hannover, 1981.

Boberach H. (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944.* Berlin, 1965.

Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichte des SD der SS. Bd. 1-4. Berlin, 1984.

Boelcke W. (Hg) *Kriegspropaganda 1939-1941. Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium.* Stuttgart, 1966.

«Wollt ihr den totalen Krieg?» Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939—1943. Stuttgart, 1967

Deutschlands Rüstung im zweiten Weltkrieg. Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942—1945. Frankfurt am Main, 1969.

Brüdigam H. (Hg) *Das Jahr 1933. Terrorismus an der Macht. Eine Dokumentation über die Errichtung der faschistischer Diktatur.* Frankfurt am Main, 1978.

Berenstein T. (Hg) *Faschismus — Getto — Massenmord. Dokumentation über Ausrrottung und Widerstand der Juden in Polen während des zweiten Weltkriegs.* Berlin, 1961.

Deutsche Intellektuelle. 1910—1933. Aufrufe, Pamphlete, Betrachtungen. Heidelberg, 1984.

Domarus M. (Hg) Hitler: Reden und Proklamationen, 19²—1945. Bd. 1-2. Neustadt, 1962.

Drobisch K. (Hg) Wir schweigen nicht. Eine Dokumentation über den antifaschistischen Kampf Münchner Studenten 1942—1943. Berlin, 1968.

Focke H., Reimer U. (Hg) Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1—2. Reinbeck bei Hamburg, 1979.

Gajan K., Kvacek R. (Hg) Deutschland und Tschechoslowakei 1918-1945. Dokumente. Prag, 1965.

Gamm H.-J. (Hg): Der Flüsterwitz im Dritten Reich. München, 1964.

Hartmann Chr. Franz Haider und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939. Eine Ansprache (Dokumentation) // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1997. N3.

Heiber H. (Hg) Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner Militärischen Konferenzen. 1942—1945. Stuttgart, 1962.

Heyen F.-J. Nationalsozialismus im Alltag. Quellen zur Geschichte des NS vornehmlich im Raum Mainz-Koblenz-Trier. Boppard am Rhein, 1967.

Himmler H. Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprache. Frankfurt am Main, 1974.

Hitler A. Reden, Schriften, Anordnungen. Februar 1925 bis Januar 1933. Bd. 1: 1925-1926. (Hrsg. von Clemens Vollhals) Bd. 2, Teil I—II: 1926-1927. (Hrsg. von Bärbel Dusik). München, 1992.

Hofer W. (Hg) Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Frankfurt am Main, 1957.

Horbach M. Wenige. Zeugnisse der Menschlichkeit 1933—1945. München, 1964.

Hubatsch W. (Hg) Hitlers Weisungen für Kriegsführung 1939—1945. Frankfurt am Main, 1962.

Jacobsen H.-A. (Hg) Der zweite Weltkrieg. Grundzüge der Politik und Strategie in Dokumenten. Frankfurt am Main, 1965.

Kaden H. (Hg) Die faschistische Okkupationspolitik in Österreich und der Tschechoslowakei (1938-1945). Dokumentation. Berlin, 1988.

Klietmann K.-G. (Hg) Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. Osnabrück, 1965.

Kriegsbriefe gefallener deutschen Studenten 1939—1945. Tübingen, 1952.

Kühnl R. (Hg) Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. Köln, 1977.

Kulka O. (Hg) Deutsches Judentum unter dem Nationalsozialismus. Bd. 1. Dokumente zur Geschichte der Reichsvertretung der deutschen Juden 1933—1939. Tübingen, 1997.

- Maser W.* (Hg) Hitlers Briefe und Notizen: Sein Weltbild in handschriftlichen Dokumenten. Düsseldorf, 1973.
- Michaelis H.* (Hg) Ursachen und Folgen: vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatliche Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Bd. 14 (1939-1940), Bd. 15 (1941), Bd. 16 (1942), Bd. 19 (1944), Bd. 21 (1944), Bd. 22-23 (1945). Berlin, 1958
- Mommsen W.* (Hg) Deutsche Parteiprogramme. München, 1977.
- Nationalsozialistische Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Bd. 1 (1933). München, 1984.
- Bd. 2 (1934) München, 1985.
- Bd. 3/1, 3/2 (1935). München, 1987.
- Nestler L.* (Hg) Die faschistische Okkupationspolitik in Belgien, Luxemburg und den Niederlanden 1940—1945. Dokumenten. Berlin, 1990.
- Niethammer L.* (Hg) Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet 1930—1960. Bonn, 1983.
- Organisationsbuch der NSDAP. München, 1937.
- Paetel K. O.* (Hg) Deutsche innere Emigration: Anti-nationalsozialistische Zeugnisse aus Deutschland. New York, 1946.
- Poliakov L.* (Hg) Das Dritte Reich und seine Denker. Dokumente. Berlin, 1956.
- Poliakov L., Wulf J.* (Hg) Das Dritte Reich und seine Diener. Dokumente. Berlin, 1956.
- Das Programm der Nationalsozialismus. Berlin, 1932.
- Sauer K.* Die Verbrechen der Waffen-SS. Eine Dokumentation. Frankfurt am Main., 1977.
- Schnabel R.* (Hg) Macht ohne Moral. Eine Dokumentation über die SS. Frankfurt am Main, 1957.
- Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Tübingen, 1978.
- Schramm P.* (Hg) Deutschland. Wehrmacht. Oberkommando. Kriegstagebücher 1940-1945. Bd. 1-4. Frankfurt am Main, 1961 — 1963.
- Schröder H. J.* (Hg) Die gestohlene Jahre. Erzählgeschichten und Geschichtserzählung im Interview: Der Zweite Weltkrieg aus der Sicht ehemaliger Mannschaftssoldaten. Tübingen, 1992.
- Staff I.* (Hg) Justiz im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Berlin, 1964.
- Steinhoff J.* (Hg) Deutsche im Zweiten Weltkrieg: Zeitzeugen sprechen. München, 1989.
- Stöver B.* (Hg) Bericht über die Lage in Deutschland. In: Archiv für Sozialgeschichte. 1996. Beiheft 17.
- Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941 — 1944. Ausstellungskatalog. Hamburg, 2002.

Wegner B. (Hg) Hitlers Besuch in Finnland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1993. H. 1.

Wulf J. (Hg) Literatur und Dichtung im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Gütersloh, 1963.

Musik im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Hamburg, 1966.

Немецкая периодика 1933—1945 гг.

Der Angriff, 1933-1944
Berliner Illustrierte Zeitung, 1936—1940
Berliner Lokal Anzeiger, 1939
Berliner Tageblatt, 1933-1936
Berliner Tagwacht, 1936
Bodenreform, 1933—1936
Deutsche Allgemeine Zeitung, 1933—1945
Für die Frau, 1934—1935
Geistige Arbeit, 1934—1943
Germania, 1933-1938
Hamburger Fremdenblatt, 1936-1940
Illustrierte Zeitung, 1933—1940
Kölner Zeitung, 1933—1936
Kölner Volkszeitung, 1945
Königsberger Alldeutsche Zeitung, 1935—1940
Das Leben im Bild, 1941
Memeler Dampfboot, 1936
Mitgliederblatt, 1936—1938
Nationalsozialistische Monatshefte, 1934—1945
Odal, 1934-1943
Das Reich, 1940-1945
Völkischer Beobachter, 1933—1945

Нацистская публицистика

Адольф Гитлер и дети. Берлин, 1940.

Демократия и большевизм: речи А. Гитлера и А. Розенберга. Berlin, 1938.

Розенберг А. Миф XX века. Таллинн, 1998.

Abendroth, W. Musik und Rasse // Deutsches Volksthum. 1937. I. S. 127-, 296-

Adambeit Th. Sowjetarmee und Weltrevolution. Berlin, 1942.

Allen Gewalten zum Trotz. Bilder vom Feldzug im Osten. Hrsg. von OKW. Berlin, 1942.

Althaus H. Nationalsozialistische Volkswohlfahrt. Berlin, 1941.

- Altrichter F.* Der soldatische Führer.
Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Berlin, 1943.
- Arnold K.* Psychische Kräfte im Dienste der Berufserziehung. Berlin, 1940. S. 80
- Aufbau, Gliederung und Anschriften der Hitler-Jugend. Berlin, 1934.
- Bade W.* Der Weg des Dritten Reiches. Bd. 1—3. Lübeck, 1933—1936.
- Bargel R.* Neue deutsche Sozialpolitik. Ein Bericht über Grundgedanken, Aufbau und Leistungen. Berlin, 1944.
- Bäumler A.* Die Grenzen der formalen Bildung // Intern. Zeitschrift für Erziehungswiss. 1936. N 2.
- Alfred Rosenberg und der Myrthus des 20. Jahrhunderts. München, 1943.
- Männerbund und Wissenschaft. Berlin, 1943.
- Bätke W.* Vom Geist und Erbe Thules. Göttingen, 1944.
- Banniza v. Bazan H.* Das deutsche Blut im deutschen Raum. Berlin, 1937.
- Bargel R.* Neue deutsche Sozialpolitik. Ein Bericht über Grundgedanken, Aufbau und Leistungen. Berlin, 1944.
- Bathe R.* Der Feldzug der 18 Tage: Chronik des polnischen Dramas. Oldenburg, 1939.
- Der Kampf um die Nordsee. Oldenburg, 1941.
- Bauer G.* Reich Gottes und Drittes Reich. Göttingen, 1934.
- Bergmann E.* Deutschland. Das Bildungsland der Menschheit. Breslau, 1933.
- Bemdt A.-I.* Der Marsch ins Grossdeutsche Reich. München, 1940.
- Gebt mir vier Jahre Zeit! Dokumente zum ersten Vierjahrsplan. München, 1937.
- Meilensteine des Dritten Reiches: Erlebnisschilderung grossen Tage. München, 1942.
- Panzeijäger brechen durch! Erlebnisse einer Kompanie. München, 1942.
- Beumelburg W.* Deutschland erwacht: deutsches Wort, deutscher Tat, deutscher Geist. Leipzig, 1940.
- Bittner L.* Zur Geschichte der Judenfrage // Historische Zeitschrift. 1942. Bd. 165. N 3.
- Blume H.* Das politische Gesicht der Freimaurerei. Braunschweig, 1936.
- Böiger W.* Von deutschen Wesen. Würzburg, 1942.
- Brewis W.* Von Abraham bis Rathenau. Berlin, 1937.
- Breysing K.* Das neue Geschichtsbild im Sinne der entwickelnden Geschichtsforschung. Berlin, 1944.
- Buresch-Riebe I.* Frauenleistung im Kriege. Berlin, 1942.
- Buschmann R.* Frankreich nach dem Zusammenbruch. Berlin, 1939.

Cremer M. Der Arbeitsdienst für die Weibliche Jugend //NS Monatshefte. 1938. Jg. 9.1.

Damm F. SA-Sturmführer Horst Wessel. Reutlingen, 1933.

Darre W. Das Bauerntum als Lebensquell der nordischen Rasse. München, 1934.

Neuadel aus Blut und Boden. München, 1930.

Deutsches Lesebuch für Volksschulen 5 und 6. Schuljahr. Weimar, 1936.

Deutschland baut. Bauten und Bauvorhaben. Stuttgart, 1939.

Die Deutsche Arbeitsfront im Kriege. Berlin, 1940.

Dix A. Raum und Rasse in Staat und Wirtschaft. Berlin, 1934.

Dwinger E. Wiedersehen mit Sowjetrußland. Tagebuch von Ostfeldzug. Jena, 1942.

Der Tod in Polen. Die Volksdeutsche Passion. Jena, 1940.

Europa. Handbuch der politischen, wirtschaftlichen und kulturellen Entwicklung des neuen Europa. Leipzig, 1943.

Ewers H. Horst Wessel. Ein deutsches Schicksal. Stuttgart, 1934.

Exner A. Fahrten und Kämpfe. Briefe eines Gefallenen. Berlin, 1943.

Fabricius H., Stamm K. Bewegung, Staat und Volk in ihren Organisationen: Führer-Kalender. Berlin, 1935.

Feder G. Die Juden. München, 1933.

Der Deutsche Staat aus nationaler und sozialer Grundlage. München, 1933.

Die neue Stadt. Versuch der Begründung einer neuen Stadtplanungskunst aus der sozialen Struktur der Bevölkerung. Berlin, 1939.

Flack W. Wir marschieren für das Reich. Berlin, 1940.

Forell F. Mölders und seine Männer. Graz, 1941.

Frank H. Recht und Verwaltung. München, 1939.

Rechtsgrundlegung des nationalsozialistische Führerstaates. München, 1938.

Der Führer: Das Weihnachtsbuch der deutschen Jugend. München, 1938.

Goebbels J. Der Angriff. Ansätze der Kampfzeit. München, 1941.

Die Tagebücher. Bd. 1—4. München, 1987.

Göring H. Göring. Werk und Mensch. München, 1943.

Griesdorf H. Unsere Weltanschauung. Berlin, 1941.

Griesheimer Fr. Der Bau von Volkswagen. Die Bestimmungen und Erlebnisse. Berlin, 1940.

Gross W. Rassenpolitische Erziehung. Berlin, 1934.

Der deutsche Rassengedanke und die Welt. Berlin, 1939.

Der grosse Befehl. Der Sieg im Westen in 100 Bilddokumenten. Berlin, 1941.

Hartung F. Das Reich und Europa. Leipzig, 1941.

Hänsel C. Politisches ABC des neuen Reiches. Stuttgart, 1933.

Hitler über Bürgerlichen // Velhagen und Klassings Monatshefte, 1933/34, 48.1.

Jung R. Böhmen und das Reich: Die deutsch-tschechische Frage. Berlin, 1938.

Kadner S. (Hg) Rasse und Humor. München, 1936.

Kampf gegen die Sowjets. Bericht und Bilder vom Beginn des Ostfeldzug. Berlin, 1943.

Kampferlebnisse aus dem Kriege an der Westfront. Berlin, 1941.

Kirchhoff C. Von Hölle zu Hölle. Erlebniss einer französischen Kriegsgefangenenschaft. Gütersloh, 1940.

Klages L. Grundlegung der Wissenschaft vom Ausdruck. Leipzig, 1936.

Die Grundlagen der Charakerkunde. Leipzig, 1936.

Der Geist als Widersacher der Seele. Bd. 1. Leipzig, 1937.

Kriek E. Nationalpolitische Erziehung. Leipzig, 1932.

Der Krieg im Westen, dargestellt nach den Berichten des «Völkischen Beobachter». München, 1942.

Lange F. Deutsche Volksgeschichte: Deutsches Raumdenken. Berlin, 1943.

Lendvai-Dircksen E. Arbeit formt das Gesicht. Berlin, 1938.

Reichsautobahn. Mensch und Werk. Berlin, 1937.

Ley R. Deutschland ist schöner geworden. München, 1942.

Wir alle helfen der Führer. München, 1937.

Durchbruch der sozialen Ehre. Berlin, 1935.

Lothringen. Altes deutsches Land Eisass und Lothringen. Stuttgart, 1940.

Lüth W., Korth C. Boot greift wieder an! Ritterkreuzträger erzählen. Berlin, 1943.

Lützkendorf F. Völkerwanderung 1940. Ein Bericht aus dem Osten. Berlin, 1940.

Murawski E. Der Durchbruch im Westen. Eine Chronik. Oldenburg, 1940.

Oehquist J. Das Reich des Führers: Ursprung und Kampf, Weltanschauung und Aufbau des Nationalsozialismus geschildert von einem Ausländer. Bonn, 1943.

Paul A. Jüdisch-deutsche Blutmischung. Berlin, 1940.

Der Parteitag der Freiheit: Ein Erlebnisbericht von den Tagen des Nürnberger Parteitages vom 10—16 September 1935. Berlin, 1935.

Der Parteitag der Ehre vom 8. bis 14. September 1936. München, 1936.

Der Parteitag der Arbeit: vom 6. bis 13. September 1937. München, 1938.

Petermann B. Das Problem der Rassenlehre. Leipzig, 1943.

Rateniks A. Was bringt die Neuordnung Europas. Dresden, 1942.

- Richter A.* Unser Führer im Lichte des Rassenfrage und Charakterologie. Leipzig, 1933.
- Riebau H.* Lachende Feldgrau. Bremen, 1942.
- Riefenstahl L.* Schönheit im Olympischen Kampf. Berlin, 1937.
- Rosenberg A.* Gestaltung der Idee. Blut und Ehre. Bd. 2. Reden 1933-1935. München, 1936.
- Die Protokolle der Weisen von Zion und die jüdische Weltpolitik. München, 1923.
- Kampf um die Macht. Aufsätze von 1921—1932. München, 1937.
- Letzte Aufzeichnungen. Göttingen, 1955.
- Der Mythos des 20. Jhs. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltkämpfe unserer Zeit. München, 1942.
- Rossner F.* Rasse und Religion. Hanover, 1942.
- Rothenberger C.* Rassenbiologie und Rechtspflege. Hamburg, 1936.
- Rühle G.* Das Dritte Reich 1918-1933. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Die Kampfjahre 1918-1933. Berlin, 1936.
- Schachermeyer F.* Lebensgesetzlichkeit in der Geschichte. Versuch einer Einführung in das geschichtsbiologische Denken. Frankfurt am Main, 1940.
- Scheu J.* Die Stunde X. Mit Panzern in Polen und Flandern. Berlin, 1941.
- Schirach B.* Der Führer. Das Weihnachtsbuch der deutsche Jugend. München, 1938.
- Der Hitler-Jugend. Idee und Gestalt. Berlin, 1934.
- Revolution der Erziehung. München, 1938.
- Schlegel W.* Nationalsozialismus - Marxismus - Bolschewismus. Eine dialektische Auseinandersetzung. Berlin, 1934.
- Schmidt-Pauli E.* v. Adolf Hitler: Ein Weg aus eigener Kraft. Berlin, 1933.
- Schönleben E.* Fritz Todt. Oldenburg, 1943.
- Scholtz G.* Tagebuch einer Batterie. Potsdam, 1941.
- Schott G.* Das Volksbuch vom Hitler. München, 1935.
- Schuttenfroh F.* Wille und Rasse. Berlin, 1939.
- Seehofer H.* Mit dem Führer unterwegs. München, 1943.
- Seldte F.* Sozialpolitik im Dritten Reich 1933—1939. München, 1939.
- Siebart W.* Hitlers Wollen. Nach Kemsätzen aus seinen Schriften. München, 1939.
- Slesina H.* Soldaten gegen Tod und Teufel. Unser Kampf in der SU. Düsseldorf, 1942.
- Snyckers H.* Tagebuch eines Sturmführers. München, 1941.
- Sommer H.* 135 000 gewonnen das Vaterland. Berlin, 1940.
- Spesser F.* Das Konzentrationslager. München, 1940.
- Stahlmann H.* Volkshafte Sprachkunde. Leipzig, 1943.
- Steilrecht H.* Die Wehrerziehung der deutschen Jugend. Berlin, 1939.

Stromeyer C. Stukas! Erlebniss eines Fliegerkorps. Berlin, 1940.

Thoss A. Heimkehr der Volksdeutschen. Berlin, 1942.

Ulmenstein v. Der Abstammungsnachweis. Berlin, 1941.

Usadel G. Zucht und Ordnung. Grundlagen einer nationalsozialistischen Ethik. Hamburg, 1935.

Vorbach K. 200000 Sudetendeutscher zuviel! Der tschechische Vernichtungskampf gegen 3,5 Min. Sudetendeutscher und seine volkspolitischen Auswirkungen. München, 1936.

Werner K. Fragen der deutschen Ostgrenze in Karten dargestellt. Breslau, 1933.

Windecker C. Wir waren mit in Polen. Berlin, 1940.

Wollenweber H. Wirtschaft und Persönlichkeit im deutschen Lebenskampf. Berlin, 1943.

Zapf O. Richtiges Amtsdeutsch. Ein Lehr- und Lernbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1943.

Мемуары, дневники, персоналии

Бенн Г. Двойная жизнь // Иностранная литература. 2000. № 2.

Брамштедте Е., Френкель Г., Манвел Р. Йозеф Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. Ростов-на-Дону, 2000. ¹

Васильчикова М. И. Берлинский дневник 1940—1945. М., 1994.

Вельц Г. Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999.

Голланд А. Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. 1941—1945. М., 2003.

Геббельс Й. Последние записи. Дневники 1945. Смоленск, 1993.

Додд М. Из окна посольства. М., 1942.

Зенгер Ф. Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940—1945. М., 2003.

Йонен В. Ночные эскадрильи Люфтваффе. Записки немецкого летчика. М., 2004.

Кейтель В. Взгляд в прошлое. Воспоминания // Новая и Новейшая история. 1991. № 2.

Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. 1933—1947. М., 2003.

Лоссберг Ф.-В. Письма вестфальского офицера. М., 2003.

Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. Sepp Dietrich. М., 2004.

Пабст Г. Дневник немецкого солдата. Военные будни Восточного фронта 1941—1943. М., 2004.

Редер Э. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004.

Рудель Г.-У. Пилот «штуки». Мемуары аса Люфтваффе. М., 2003.

- Сайер Г.* Последний солдат Третьего Рейха. Дневники рядового вермахта. 1942—1945. М., 2003.
- Телицын В.* Отто Скорцени, или командос - опасное ремесло. Смоленск, 2000.
- Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966.
- Ширер У.* Берлинский дневник// Новая и Новейшая история. 1992. № 3, 6.
- Шмидт П.* Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001.
- Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997.
- Штейдле Л.* От Волги до Веймара. (Мемуары полковника 6-й армии вермахта). М., 1973.
- Штрассер О.* Гитлер и я. Ростов-на-Дону, 1999.
- Эдлер Х.* Поколение обманутых и преданных: записки бывшего солдата вермахта. СПб, 1996.
- Ackermann J.* Heirich Himmler als Ideologe. Göttingen, 1970.
- Alversleben U.* v. Lauter Abschied. Tagebuch im Kriege. Frankfurt am Main, 1971.
- Adams H. M.* Rebell Patriot: A Biographie of Franz von Papen. Santa Barbara, 1987.
- Andreas-Friedrich R.* Schauplatz Berlin. Ein deutsches Tagebuch. München, 1962.
- Asaria Z.* Wir sind Zeugen. Hannover, 1975.
- Assmann K.* Deutsche Schicksalsjahre. Historische Bilder aus dem Zweiten Weltkrieg. Wiesbaden, 1951
- Bajohr F.* Gauleiter in Hamburg. Zur Person und Tätigkeit Karl Kaufmanns // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1995. H. 2.
- Below N.* Als Hitlers Adjutant, 1937—1945. Mainz, 1980.
- Boveri M.* Wir lügen alle. Eine Hauptstadtzeitung unter Hitler. Freiburg, 1965.
- Brück E.* Im Schatten des Hakenkreuzes. Kindheit und Jugend: 1926-1949. Freiburg, 1993.
- Burckhardt C.* Meine Danziger Mission 1937-1940. Bern, 1971.
- Choltitz D.* Soldat unter Soldaten. Deutsche Armee in Frieden und Krieg. Konstanz, 1951.
- Deschner G.* Reinhard Heydrich. Darmstadt, 1977.
- Dietrich O.* Auf den Strassen des Sieges. Erlebnisse mit dem Führer in Polen. München, 1940.
- Dönitz K.* Zehn Jahre und zwanzig Tage. Bonn, 1958.
- Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1967.
- Förster F.-W.* Erlebte Weltgeschichte 1869-1953: Memoiren. Nürnberg, 1953.
- Gerhardt U.* Talcot Parsons als Deutschlandexperte während des Zweiten Weltkrieges // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1991. N 2.

- Gilbert G. M.* Nuremberg diary. New York, 1961.
- Hassel U. v.* Vom anderen Deutschland. Frankfurt am Main, 1964.
- Tagebücher 1938—1944. Berlin, 1989.
- Heinkel E.* Stürmisches Leben. Stuttgart, 1955.
- Herbert U.* Best. Biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft 1903-1984. Bonn, 1996.
- Herbst J.* Requiem for a German Past. A boyhood among the Nazis. Madison, 1999.
- Herwarth H. v.* Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 — 1945. Frankfurt am Main, 1982.
- Heuss Th.* Fragmente von Erinnerungen aus der nationalsozialistischen Zeit // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1967. N 1.
- Heydrich L.* Leben mit einem Kriegsverbrecher. Pfaffenhofen, 1976.
- Hoffmann C.* Berliner Tagebuch 1932—1934. Aufzeichnungen des tschechischen Diplomates // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1988. N 1.
- Hoffmann P.* General Ludwig Beck // Historische Zeitschrift. 1982. Bd. 234. H. 1.
- Höflechner W.* Eindrücke aus dem Dritten Reich // Geschichte und Gegenwart. 1994. N 4.
- Hohenstein A.* Warteländische Tagebuch aus den Jahren 1941—1942. Stuttgart, 1961.
- Irving D.* Göring: Eine Biographie. München, 1987.
- The Trail of the Fox. New York, 1977.
- Kardorff U. v.* Berliner Aufzeichnungen aus den Jahren 1942 bis 1945. München, 1962.
- Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1945. 2 Bde. Berlin, 1995.
- L.T.I. Leipzig, 1990 (есть перевод на русский 1999 г.).
- Klepper J.* Unter dem Schatten Deiner Flügel. Aus den Tagebüchern der Jahre 1932—1942. Stuttgart, 1965.
- Kleßmann C.* Der Generalgouverneur Hans Frank // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1971. H. 1.
- Koch L.* Rommel. Der «Wüstenfuchs». Eine Biographie. München, 1978.
- Kube A.* Pour le merite und Hakenkreuz: H. Göring im Dritten Reich // Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. 1986. Bd. 24. München, 1986.
- Kubizek A.* Adolf Hitler - Mein Jugendfreund. Graz, 1989.
- Lang J. v.* Der Sekretär. Martin Bormann: Der Mann, der Hitler beherrschte. Stuttgart, 1977.
- Der Hitler-Junge. Baldur von Schirach. Hamburg, 1988.
- Launer W.* Überleben für die Zukunft. Wien, 1991.
- Linge H.* Bis zum Untergang. Als Chef des persönlichen Dienstes bei Hitler. München, 1982.

Lipski J. Diplomat in Berlin, 1933—1939: Papers and memoirs of ambassador of Poland. New York, 1968.

Lüth W., Korth C. Boot greift wieder an! Ritterkreuzträger erzählen. Berlin, 1943.

Malone H. O. Adam von Trott zu Solz: Werdegehens eines Verschwärers 1909-1938. Berlin, 1986.

Manstein E. v. Aus einem Soldatenleben 1887-1939. Bonn, 1958.

Martens S. Hermann Göring. «Erster Paladin des Führers» und «Zweiter Mann im Reich». Paderborn, 1985.

Mehnert K. Ein Deutscher in der Welt. 1901-1981. Frankfurt am Main, 1983.

The Memoirs of Bridget Hitler. London, 1979.

Meyer G. Adolf Heusinger. Dienst eines deutschen Soldaten. 1915—1964. Berlin, 2001.

Milward A. Fritz Tott als Minister für Bewaffnung und Munition // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1966. N 1.

Mommsen H. Fritze-Dietlof Graf von Schulenburg und die preussische Tradition // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1984. N 2.

Müller K. J. Politische Anschauungen von General Ludwig Beck // Historische Zeitschrift. 1972. Bd. 215. H. 3.

Nadolny R. Mein Beitrag: Erinnerungen eines Botschafters des deutschen Reiches. Köln, 1985.

Neliba G. Wilhelm Frick. Der Legalist des Unrechtsstaates. Eine politische Biographie. Paderborn, 1992.

Nolte E. Martin Heidegger: Politik und Geschichte im Leben und Denken. Berlin, 1992.

Oster — Widerstandsgeneral // Spiegel-Serie. 1969. NN 19—21.

Overy R. J. Göring. The «Iron Man». London, 1986.

Rauschning H. Gespräche mit Hitler. New York, 1940.

Rauschning H. Die Revolution des Nihilismus. Zürich, 1938.

Reuth R. G. Goebbels. Eine Biographie. München, 1995.

Riess C. Goebbels. Paris, 1956.

Rommel E. Infanterie greift an. Erlebnis und Erfahrung. Potsdam, 1942.

Roon Ger van Helmuth von Moltke (1907-1945). Völkerrecht im Dienste der Menschen. Berlin, 1986.

Schenk D. Hitlers Mann in Danzig. Gauleiter Forster. Bonn, 2000.

Schmalhausen B. «Ich bin doch nur ein Maler». Max und Martha Liebermann im Dritten Reich.

Hildesheim, 1994.

Schmidt M. Albert Speer: das Ende eines Mythos: Speers wahre Rolle im Dritten Reich. Bern, 1982.

Schölgen G. Ulrich von Hassel 1881-1944. Ein Konservativer in der Opposition. München, 1990.

Scholz-Klink G. Die Frau im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Tübingen, 1978.

Schwarz A. Die Reise im Dritten Reich. Britische Augenzeugen im nationalsozialistischen Deutschland. (1933—1939). Göttingen, 1993.

Schweppenburg Freiherr von Geyer Erinnerungen eines Militärattachés. London 1933—1937. Stuttgart, 1949.

Seraphim H.-G. (Hg) Das politische Tagebuch Alfred Rosenberg aus den Jahren 1934—1935 und 1939—1940. München, 1964.

Sereny G. Das Ringen mit der Wahrheit. Albert Speer und das deutsche Trauma. München, 1995.

Shirer W. Berlin Diary. New York, 1941.

Skorzeny O. Geheimkommando Skorzeny. Hamburg, 1950.

Sluga H. Heideggers crisis: Philosophy and politics in Nazi Germany. Cambridge, 1993.

Smelser R. Robert Ley: Eine Biographie. Paderborn, 1989.

Smith B. F. Heinrich Himmler: A Nazi in the Making 1900-1926 // Hoover institution publications. 1971. N 93.

Speer A. Erinnerungen. Frankfurt am Main, 1982.

Spandauer Tagebücher. Frankfurt am Main, 1982.

Stahlberg A. Die verdammte Pflicht. Erinnerungen 1932—1945. Berlin, 1987.

Turner H. A. (Hg) Hitler aus nächster Nähe: Aufzeichnungen eines Vertrauten. 1929—1932. Frankfurt/M., 1978.

Wahl K. «...es ist das deutsche Herz». Erlebnisse und Erkenntnisse eines ehemaligen Gauleiters. Augsburg, 1954.

Warlimont W. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht, 1939—1945. Frankfurt am Main, 1962.

Weber P. Carlo Schmid 1896—1979. Eine Biographie. München, 1996.

Weiss H. Zur Umsiedlung der Deutschen aus Estland 1939-1941. Erinnerungsbericht // Zeitschrift für Ostforschung. 1990. N 4.

Westfahl S. Heer in Fesseln. Bonn, 1952.

Wulf J. Martin Borman - Hitlers Schatten. Gütersloh, 1962.

Zofka Z. Der KZ-Artz J. Mengele // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1986. H. 2.

Справочные издания

Benz W., Graml H. (Hg) Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik. München, 1988.

Benz W., Pehle W. (Hg) Lexikon des deutschen Widerstandes. Frankfurt am Main, 1994.

Bergschicker H. Deutsche Chronik, 1933—1945: Ein Zeitbild der faschistischen Diktatur. Bilder, Daten, Dokumenten. Berlin, 1981.

Bergschicker H. (Hg) Deutsche Chronik, Bilder, Daten, Dokumenten. Berlin, 1981.

Stalingrad. Eine Chronik in Bildern. Berlin, 1960.

Broszat M. (Hg) Das Dritte Reich im Überblick: Chronik, Ereignisse, Zusammenhänge. München, 1990.

Freeman M. Atlas of Nazi Germany. Beckenham, 1987.

Jäckel E., Longerich P., Schoeps J. (Hg) Enzyklopädie des Holocaust. Bd. 1-3. Berlin, 1990.

Oliver P. (Ed) Encyclopedia of Vernacular Architecture of the World. Vol. 2. Cultures and Habitats. Cambridge, 1997.

Peters L. (Hg) Volkslexikon Drittes Reich. In: Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Nachkriegsgeschichte, Bd. XX, Tübingen, 1994.

Rabbow A. (Hg) Lexikon politischer Symbole. München, 1970.

Rössler H. (Hg) Sachwörterbuch zur deutschen Geschichte. München, 1956.

Schellack F. Nationalfeiertage in Deutschland von 1871 — 1945. Frankfurt am Main, 1990.

Schütz W. (Hg) Lexikon. Deutsche Geschichte im 20. Jahrhundert. Rosenheim, 1990.

Smelser R., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. Darmstadt, 1989.

Smelser R., Syring E., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite II. Düsseldorf, 1993.

Snyder L. Encyclopedia of the Third Reich. New York, 1976.

Stockhorst E. Fünftausend Köpfe. Wer war wer im Dritten Reich. Berlin, 1967.

Volz H. Daten der Geschichte der NSDAP. Berlin, 1935.

Wehler H.-U. (Hg) Bibliographie zur modernen deutschen Sozialgeschichte. Göttingen, 1976.

Wistrich R. Wer war wer im Dritten Reich? Ein biographischer Lexicon. Frankfurt am Main, 1992.

Zentner Chr. Das Grosse Lexikon des Dritten Reiches. Augsburg, 1993.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Общие работы

Млечина И. Урок немецкого. М., 1995.

Eley G. Wilhelminismus, Nationalismus, Faschismus. Zur historischen Kontinuität in Deutschland. Münster, 1991.

From unification to nazism. Reinterpreting the German past. Boston, 1986.

Ernst F. The Germans and their modern history. New York, 1966.

Faulenbach B. Die Bedeutung der nationalsozialistischen Vergangenheit für das deutsche Selbstverständnis // Archiv für Sozialgeschichte. 1990, Bd. XXX.

Fragen an die deutsche Geschichte. Ideen, Kräfte, Entscheidungen von 1830 bis zur Gegenwart. Bonn, 1983.

Françoise E., Schulze H. (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 1—3, München, 2001.

Eich H. Die unheimlichen Deutschen. Düsseldorf, 1963.

Glum F. Der Nationalsozialismus. Werden und Vergehen. München, 1962.

Graig G. A. Deutsche Geschichte 1866—1945. München, 1983.

Über die Deutschen. München, 1986.

Graml H. (Hg) Nach Hitler: Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. München, 1987.

Grebing H. Der Nationalsozialismus. Ursprung und Wesen. München, 1964.

Greiffenhagen M. Von Potsdam nach Bonn. Zehn Kapitel zur politischen Kultur Deutschlands. München, 1986.

Hellpach W. Der deutsche Charakter. Bonn, 1954.

Herf J. Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and Third Reich. Cambridge, 1984

Kershaw I. Der nationalsozialistische Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Überblick. Reinbeck b.H., 1988.

Stalinism and Nazism: Dictatorships Comparison. Cambridge, 1997.

Kohn H. The Mind of Germany: Education of Nation. New York, 1960.

Krockow Chr. Die Deutschen in ihrem Jahrhundert 1890—1990. Reinbeck bei Hamburg, 1992.

Mann G. Geschichte und Geschichten. Frankfurt am Main, 1962.

Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts. Frankfurt/M., 1958.

Maser W. Deutschland: Traum oder Trauma: Kein Requiem. München, 1984.

Masur G. Die nationale Charakter als Problem der deutschen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1975. Bd. 221. H. 3.

Mosse G. Nazism: A historical and comparative analysis of NS. New Brunswick, 1978.

Nazi culture: Intellectual, Cultural, and social life in the Third Reich. New York, 1966.

Nipperdey Th. 1933 und die Kontinuität der deutschen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1978. Bd. 227. N 1.

Nolte E. Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den Nationalsozialismus. Berlin, 1993.

Marxismus und Nationalsozialismus // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1983. N 3.

Three faces of fascism. New York, 1965.

Prinz M., Zitelmann R. (Hg) Nationalsozialismus und Modernisation. Darmstadt, 1991.

Ritter G. Das Deutsche Problem. München, 1966.

Schieder W. Faschismus als soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich. Hamburg, 1976.

Sellin V. Mentalität und Mentalitätsgeschichte // Historische Zeitschrift. 1985. Bd. 241. H. 3.

Stern C., Winkler H. (Hg) Wendepunkte deutscher Geschichte. 1848-1945. München, 1984.

Stern F. Der Traum von Frieden und die Versuchung der Macht: Deutsche Geschichte im 20. Jh. Berlin, 1988.

Das Scheitern illiberaler Politik. Politische Kultur Deutschlands in XIX und XX Jh. Frankfurt am Main, 1974.

Stürmer M. Die Grenzen der Macht: Begegnung der Deutschen mit der Geschichte. Berlin, 1992.

Dissonanzen des Fortschritts. Essays über Geschichte und Politik Deutschlands. München, 1986.

Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933—1945. Berlin, 1986.

Valentin V. The German People: Their History and Civilization from The Holy Roman Empire to the Third Reich. New York, 1946.

Гитлеровский социализм

Abelshausen W. (Hg) Deutsche Sozialgeschichte, 1914—1945. Ein historisches Lesebuch. München, 1985.

Aycoberry P. The Nazi question: an essay on the interpretations of National socialism 1922—1975. New York, 1981.

Bracher K.-D. (Hg) Nationalsozialistische Diktatur 1933-1945: Eine Bilanz. Düsseldorf, 1983.

(Hg) Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Düsseldorf, 1992.

Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln, 1970.

Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie. München, 1976.

Broszat M. Der Staat Hitlers. München, 1983.

Crew D. Nazism and German Society 1933-1945. Wisconsin, 1995.

Dahrendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1972.

Forndran E. Sozialismus und Nationalsozialismus //Aus Politik und Zeitgeschichte. 1980. N 20.

Frei N. Der Führerstaat: Nationalsozialistische Herrschaft 1933—1945. München, 1989.

Lütge F. Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Ein Überblick. Berlin, 1960.

Mommsen H. Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Reinbeck bei Hamburg, 1991.

Schieder W., Sellin V. Sozialgeschichte in Deutschland. Bd. 1—3. Göttingen, 1986.

Schneider M. Nationalsozialistische Durchdringung von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft. Zur Sozialgeschichte des Dritten Reiches // Archiv für Sozialgeschichte. 1991. Bd. 31.

Schoenbaum D. Die braune Revolution. Köln, 1968.

White W. L. Report on the Germans. New York, 1947.

1. Экономика

Barkai A. Wirtschaftsauffassung der NSDAP // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1975. N 9.

Die wirtschaftliche Existenzkampf der Juden im Dritten Reich (1933-1938) //Aus Politik und Zeitgeschichte, 1986. N 31.

Vom Boykott zur «Entjudung». Frankfurt am Main, 1988.

Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus: Der historische und ideologische Hintergrund, 1933—1936. Köln, 1977.

Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus. Ideologie, Theorie, Politik 1933—1945. Frankfurt am Main, 1988.

Billig J. La Rolle des prisonniers de guerre dans l'économie du III Reich. En: Revue de histoire de la deuxième guerre mondiale. 1960. A. 10. N 37.

Blaich F. Staat und Verbände in Deutschland zwischen 1871 und 1945. Wiesbaden, 1979.

Wirtschaftspolitik im Systemvergleich: Konzeption und Praxis der Wirtschaftspolitik in kapitalistischen und sozialistischen Wirtschaftssystemen. München, 1984.

Boelcke W. Die Deutsche Wirtschaft 1930-1945. Düsseldorf, 1983.

Die Kosten von Hitlers Krieg: Kriegsfinanzierung und finanzielles Kriegserbe in Deutschland 1933—1948. Paderborn, 1985.

Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1845. Bd. 1-2. Berlin, 1969-1985.

Erbe R. Die Nationalsozialistische Wirtschaftspolitik 1933-1939 im Lichte der modernen Theorie. Zürich, 1958.

Federau F. Der Zweite Weltkrieg. Seine Finanzierung in Deutschland. Tübingen, 1962.

Forstmeier F., Volkmann H.-E. (Hg) Kriegswirtschaft und Rüstung 1939-1945. Düsseldorf, 1977.

Hamburger L. How Nazi has controlled business. Washington, 1943.

Hellgarten G. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt am Main, 1955.

Heyl J. Hitler's Economic Thought: A Reappraisal // Central European History. 1973. V. 6. N 1.

James H. Deutschland in der Wirtschaftskrise 1924—1934. Stuttgart, 1986.

Janssen H. Nationalökonomie und Nationalsozialismus. Marburg, 1998.

Meyer A. Das Syndikat: Reichswerke «German Göring». Braunschweig, 1986.

Milward A. S. The German Economy at war. London, 1965.

Fritz Todt als Minister für Bewaffnung und Munition // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1966. H. 1.

Nicholls A. J.: Freedom with Responsibility: The Social Market Economy in Germany, 1918—1963. New York, 1994.

Overy R. J. War and Economy in the Third Reich. Oxford, 1994.

Petzina D. Autarkiepolitik im Dritten Reich. Der Nationalsozialistische Vierjahresplan. Stuttgart, 1968.

Rubner H. Deutsche Forstgeschichte 1933—1945. Forstwirtschaft, Jagd und Umwelt in Nationalsozialistische Staat. St.-Katharinen, 1985.

Saage R. Zum Verhältnis von Nationalsozialismus und Industrie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1975. N 9.

Siegel T., Freyberg T. Industrielle Rationalisierung unter dem NS. Frankfurt am Main, 1991.

Simpson A. The struggle for control of the German economy 1936—1937 // Journal of Modern History. 1959. V. 31. N 1.

Spoerer M. Profitierten Unternehmer von KZ-Arbeit? // Historische Zeitschrift. 1999. Bd. 268. H. 1

Stolper G. Deutsche Wirtschaft seit 1870. Tübingen, 1966.

Wenzel Fr. Die Rechtsnatur einer Betriebsordnung nach dem Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. Göttingen, 1938.

2. Социальная политика

Broszat M. (Hg) Bayern in der Nationalsozialistische Zeit. Soziale Lage und politische Verhalten der Bevölkerung. Bd. 1-2. München, 1977.

Die deutschen Eliten und der Weg in den Zweiten Weltkrieg. München, 1969.

Düllfer J. et al. (Hg) Hitlers Städte. Baupolitil im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Köln, 1978.

Grundberger R. A Social History of the Third Reich. London, 1971.

Führer K. Anspruch und Realität. Das Scheitern der nationalsozialistischen Wohnungspolitik 1933—1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1997. N 2

Gladen A. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Wiesbaden, 1974.

Hansen E. Wohlfahrtspolitik im Nationalsozialistische Staat. Motivationen, Konflikte und Machtstrukturen im «Sozialismus der Tat». Augsburg, 1991.

Koshar R. Social life, social politics, and nazism. Chapel Hill, 1986.

Mason T. W. Sozialpolitik im Dritten Reich. Wiesbaden, 1977.

Mommsen W. (Hg) Die Entstehung des Wohlfahrtsstaates in G B und Deutschland 1850—1950. Stuttgart, 1982.

Mooser J. Arbeiterleben in Deutschland 1900—1970: Klassenlagen, Kultur, Politik. Frankfurt/M., 1984.

Morsch G. Streik im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1988. N 4.

Arbeit und Brot. Studien zu Lage, Stimmung, Einstellung und Verhalten der deutschen Arbeiterschaft 1933-1937. Frankfurt am Main, 1993.

Recker M.-L. National-sozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg. (Studien zur Zeitgeschichte. Bd. 29.) München, 1985.

Ritter G. Der Sozialstaat: Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. München, 1989.

Entstehung und Entwicklung des Sozialstaates in vergleichende Perspektive. // Historische Zeitschrift. 1986. Bd. 243. H.1

Sachse C. Freizeit zwischen Betrieb und Volksgemeinschaft. Betriebliche Freizeitpolitik im Nationalsozialismus // Archiv für Sozialgeschichte. 1993. Bd. 33.

Sachse C., Tennstedt F. Der Wohlfahrtsstaat im Nationalsozialismus. Stuttgart, 1992.

Spode H. Die Macht der Trunkheit: Kultur und Sozialgeschichte des Alkohols in Deutschland. Opladen, 1993.

«Der deutsche Arbeiter reist»: Massentourismus im Dritten Reich // Huck, G. (Hg): Sozialgeschichte der Freizeit. Wuppertal, 1980

Vorländer H. Die NSV (Volkswohlfahrt): Darstellung und Dokumentation einer nationalsozialistischen Organisation. Boppard am R., 1988.

3. Геополитика

Буханов В. А. Европейская стратегия германского фашизма 1933-1939. Свердловск, 1991.

Григорьянц Т. Ю. Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939—1945): Попытка германизации и колонизации «присоединенных» польских земель. М., 1979.

Семиряга М. И. Немецко-фашистская политика национального порабощения в оккупированных странах Западной и Северной Европы. М., 1980.

Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Хачатуров К. А. Гитлер против Латинской Америки // Латинская Америка. 1995. № 5.

Bailey T. Hitler vs. Roosevelt. New York, 1979.

Bohn R. Reichskommissariat Norwegen. «Nationalsozialistische Neuordnung» und Kriegswirtschaft. München, 2000.

Breyer R. Das Deutsche Reich und Polen. Würzburg, 1955.

Broszat M. Deutschland — Ungarn - Rumänien 1938—1941 // Historische Zeitschrift. 1968. Bd. 206. H. 1.

Nationalsozialistische Polenpolitik 1939-1945. Stuttgart, 1961.

Carsten F. L. Volk ohne Raum: A note on Hans Grimm // Journal of Contemporary History. 1967. N 2.

Ebeling F. Geopolitik 1919—1945. Berlin, 1994.

Haberl N. Südosteuropa und das Deutsche Reich vor dem Zweiten Weltkrieg // Südosteuropa. 1990. N 9.

Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. Berlin, s.a.

Geopolitische Bemerkungen zum Reichserbhofgesetz // Zeitschrift für Geopolitik. 1934. N 4.

Herzog R. Grundzüge der deutschen Besatzungsverwaltung in den ost- und südosteuropäischen Staaten. Tübingen, 1955.

Hildebrand K. Das vergangene Reich. Deutsche Aussenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871—1945. Stuttgart, 1995.

Vom Reich zum Weltreich. Hitler, Nationalsozialismus und koloniale Frage // Veröffentlichungen des Historischen Instituts Universität Mannheim. 1969. Bd. 1.

Deutsche Aussenpolitik 1933-1945. Stuttgart, 1971.

Hillgruber A. Der Faktor Amerika in Hitlers Strategie 1938-1944. Aus Politik und Zeitgeschichte. 1966. N 19.

Hubatsch W. Die deutsche Besetzung von Dänemark und Norwegen 1940, nach amtlicher Unterlagen dargestellt. Göttingen, 1952.

Jacobsen H.-A. Konzeptionen deutscher Ostpolitik // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1970. N 49.

Nationalsozialistische Aussenpolitik 1933—1938. Frankfurt am Main, 1968.

«Kampf um Lebensraum». - Karl Haushofer und der Nationalsozialismus // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1979. N 34—35.

Kaiser H. Die Deutschen und die Slowakei 1944 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1973, H. 3.

Knipping F. Eine ungewöhnliche Geschichte: Deutschland — Frankreich seit 1870. Bonn, 1988.

Loock H.-D. Zur Großgermanisches Politik des Dritten Reiches // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1960. H. 1.

Maser W. Der Wortbruch: Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. München, 1994.

Mastny V. The Czechs under Nazi Rule: The Failure of National Resistance 1939—1942. New York, 1971.

Rich N. Hitler's war aims: Ideology, the Nazi State and the Course of expansion. New York, 1973.

Smith W. D. The ideological origin of Nazi imperialism. New York, 1986.

Steiberg J. The Third Reich reflected: German civil administration in the occupied Soviet Union // English Historical Review. 1995. V. 110. N 437.

Stolfi R. Barbarossa Revisited: A Critical Reappraisal of the Opening Stages of the Russo-German Campaign // Journal of Modern History. 1982. V. 54. N 1.

Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetische Kriegsgefangenen 1941—1945. München, 1978.

Thomsen E. Deutsche Besatzungspolitik in Dänemark 1940-1945. Düsseldorf, 1971.

Troebst S. Historische Ostforschung im Dritten Reich // Archiv für Sozialgeschichte, 1991. Bd. 31.

Ueberschär G., Wette W. (Hg) «Unternehmen Barbarossa». Paderborn, 1984.

Voigt J. Hitler und Indien // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1971. H. 1.

Volkman H.-U. (Hg) Das Russlandbild im Dritten Reich. Köln, 1994.

Weinberg G. Germany and the Soviet Union 1939—1941 // Studien zur Geschichte Osteuropas. 1954. Bd. 1.

Wippermann W. Der «Deutsche Drang nach Osten»: Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. Darmstadt, 1981.

Wolff-Poweska A. Doktryna geopolityki w Niemczech. Poznan, 1979.

Позитивный аспект создания и культивирования национальной общности в Третьем Рейхе

4. Положение рабочих

Campbell J. Joy in Work, German Work: The National Debate, 1800-1945. Princeton, 1989.

Carsten F. L. The German Workers and the Nazis. Aldershot, 1995.

Frese M. Betriebspolitik im Dritten Reich: Deutsche Arbeitsfront, Unternehmer und Staatsbürokratie in der westdeutschen Grossindustrie 1933-1939. Paderborn, 1991.

Nationalsozialistische Vertrauensräte. Zur Betriebspolitik im «Dritten Reich» // Gewerkschaftliche Monatshefte. 1992. N 4.

Friemert C. Produktionsästhetik im Nationalsozialismus. Das Amt «Schönheit der Arbeit». München, 1980.

Homburg H. Rationalisierung und Industriearbeit 1900—1939. Berlin, 1991.

Kele M. H. Nazis and workers: National Socialist Appeals to German Labor, 1919-1933. Chapel Hill, 1972.

Köhler H. Arbeitsdienst in Deutschland. Pläne und Verwicklichungsformen bis zur Einführung der Arbeitspflicht im Jahre 1935. Berlin, 1967.

Kranig A. Lockung und Zwang. Zur Arbeitsverfassung im Dritten Reich. Stuttgart, 1983.

Kratzenberg V. Arbeiter auf dem Weg zu Hitler? Die Nationalsozialistische Betriebszellenorganisation. Ihre Entstehung, ihre Programmatik, ihre Scheitern 1927—1934. Frankfurt am Main, 1987.

Mai G. Die Nationalsozialistische-Betriebszellenorganisation. Zum Verhältnis von Arbeiterschaft und Nationalsozialismus // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1983. N 2.

Mason T. Nazism, fascism and the working class. Cambridge, 1995.

Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft. Dokumente und Materialien zur deutschen Arbeiterpolitik 1936—1939. Opladen, 1975.

Mayer-Maly T. Arbeitsgerichtsbarkeit im Nationalsozialismus. Judikatur als Instrument von «Säuberung» und Disziplinierung // Archiv für Sozialgeschichte. 1991. Bd. 31.

Mooser T. Arbeiterleben in Deutschland 1900—1970. Frankfurt am Main, 1984.

Morsch G. Arbeit und Brot. Studien zur Lage, Stimmung, Einstellung und Verhalten der deutschen Arbeiterschaft 1933—1937. Frankfurt am Main, 1993.

Streik im «Dritten Reich» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1988. N4.

Rüther M. Lage und Abstimmungsverhalten der Arbeiterschaft 1934—1935 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1991. N 2.

Sachse C. Freizeit zwischen Betrieb und Volksgemeinschaft. Betriebliche Freizeitpolitik im Nationalsozialismus // Archiv für Sozialgeschichte. 1993. Bd. 33.

Silverman D. Fantasy and Reality in Nazi Work-Creation Programs 1933—1936 // Journal of Modern History. 1992. V. 65. N 1.

Spode H. «Der deutsche Arbeiter reist»: Massentourismus im Dritten Reich. In: Huck G. (Hg) Sozialgeschichte der Freizeit. Wuppertal, 1980.

Werner W. «Bleibt übrig». Deutsche Arbeiter in der nationalsozialistischen Kriegswirtschaft. Düsseldorf, 1983.

Wiedemann G. Die arbeitsrechtliche Entwicklung der betrieblichen Altersversorgung in Deutschland. 1920-1974 // Archiv für Sozialgeschichte. 1991. Bd. 31.

5. ЖЕНЩИНЫ И НАЦИЗМ

Arendt H. Die Gleichschaltung der deutschen Frauenorganisationen in Deutschland 1933—1934 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1979. H. 7.

Bajohr, S. Die Hälfte der Fabrik: Geschichte der Frauenarbeit in Deutschland 1914-1945. Marburg, 1979.

Bremme G. Die politische Rolle der Frau im Deutschland. Göttingen, 1956.

Bridenthal R et al. When Biology become destiny: Women in Weimar and Nazi Germany. New York, 1984.

Gersdorff U. Frauen im Kriegsdienst 1914-1945. Stuttgart, 1969

Kater M. Frauen in der nationalsozialistische Bewegung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1983. H. 2.

Kirkpatrik C. Nazi Germany. Its women and family life. Edinburgh, 1974.

Klaus M. Mädchen im Dritten Reich. Der Bund Deutscher Mädel. Köln, 1983.

Pini U. Liebeskult und Liebeskitsch. Erotik im Dritten Reich. München, 1992.

Sachse C. Siemens, der Nationalsozialismus und die moderne Familie. Hamburg, 1990.

Stephenson J. Women in Nazi Society. London, 1975.

Stephenson J. The Nazi Organization of Women. London, 1981.

Szepsansky G. «Blitzmädel», «Heldenmutter», «Kriegswitwe». Frauenleben im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1989.

Tini U. Liebeskult und Liebeskitsch. Erotik im Dritten Reich. München, 1992.

Weyrather I. Muttertag und Mutterkreuz. Der Kult um die «deutsche Mutter» im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1993.

Winkler D. Frauenarbeit in Dritten Reich. Hamburg, 1977.

6. Молодежь и нацизм

Grüttner M. Studenten im Dritten Reich. Paderborn, 1995.

Hellfeld M. Bündische Jugend und Hitlerjugend. Zur Geschichte von Anpassung und Widerstand 1930-1939. Köln, 1987.

Jahnke K.-H. Deutsche Jugend 1933-1945. Hamburg, 1989.

Kater M. Hitlerjugend und Schule im Dritten Reich // Historische Zeitschrift. 1979. Bd. 228. H. 3.

Klönne A. Jugend im Dritten Reich. Köln, 1982.

Klose W. Generation im Gleichschritt. Oldenburg, 1964.

Leis-Schindler I. Wer die Jugend hat, hat die Zukunft. Faszination und Verführung in der Hitlerjugend // Annales Universitatis Saraviensis, Philos. Fakultät, 1994. Bd. 4.

Loewenberg P. The Psychohistorical Origins of the Nazi Youth Cohort // American Historical Review. 1971. V. 76. N 5.

Muth H. Jugendopposition im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1982. H. 2.

Peukert D. Edelweisspiraten, Meuten, Swing. Jugendsubkultur im Dritten Reich. In: Huck G. (Hg) Sozialgeschichte der Freizeit, Wup-perthal, 1980.

Rempel G. Hitler's Children. The Hitler Youth and the SS. Chapel Hill, 1989.

Speitkamp W. Jugend in der Neuzeit. Göttingen, 1998.

Stachura P. The German Youth Movement 1900—1945. An Interpretative and Documentary History. New York, 1981.

Weber R. G. S. The German Student Corps in the Third Reich. New York, 1986.

Wolff J. Die Errichtung der Hitlerjugend // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1985. N 5.

7. Крестьяне и нацизм

Аникеев А. А. Аграрная политика нацистской Германии во время Второй мировой войны. Ростов-на-Дону, 1990.

Патрушев А. М. Аграрные отношения в Германии. М., 1945.

Bramwell A. Blood and soil: R.W. Darre and Hitler's «Green party». Abbotsbrook, 1985.

Corni G., Gies H. Brot — Butter — Kanonen. Die Ernährungswirtschaft in Deutschland unter der Diktatur Hitlers. Berlin, 1997.

Eidenbenz M. «Blut und Boden». Zu Funktion und Genese der Metaphern des Agrarismus und Biologismus in der Nationalsozialistische Bauernpropaganda. Bern, 1993.

Farquharson J. E. The Plough and the Swastika: The NSDAP and Agriculture in Germany, 1928—1945. London, 1977.

Grundmann Fr. Agrarpolitik im Dritten Reich: Anspruch und Wirklichkeit des Reichserbhofgesetzes. Hamburg, 1979.

Herbele R. Landbevölkerung und Nationalsozialismus. Stuttgart, 1963.

Lovin C. Blut und Boden: The ideological basis of the Nazi agricultural Program // Journal History of Ideas. 1967. V. 28. N 2.

Mehrens B. Die Marktordnung des Reichsnährstandes. Berlin, 1938.

Münkel D. Nationalsozialistische Agrarpolitik und Bauernalltag. Frankfurt am Main, 1996.

Münkel D. Bäurliche Interessen versus nationalsozialistischen Ideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. N 4.

Rinderle W. The Nazi Impact on a German Village. Lexington, 1993.

Tilton T. A. Nazism, Neo-Nazism and the Peasantry. London, 1976.

Volkmann H. E. Landwirtschaft und Ernährung in Hitlers Europa 1939—1945 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1984. N 1.

Wopfner H. Bauerntum, Stadt und Staat // Historische Zeitschrift, 1941. Bd. 164. H. 2.

Wunderlich F. Farm labor in Germany, 1810-1945: Its historical development within the framework of agricultural and social policy. Princeton, 1961.

8. Средние слои и нацизм

Bräutigam P. Mittelständische Unternehmer im Nationalsozialismus. München, 1997.

Flemming J. Mittelstand und Faschismus // Archiv für Sozialgeschichte, 1973, Bd. 13.

Lenger F. Mittelstand und Nationalsozialismus // Archiv für Sozialgeschichte. 1989. Bd. 29.

Mommsen H. Beamtentum im Dritten Reich. Mit ausgewählten Quellen. Stuttgart, 1966.

Prinz M. Vom neuen Mittelstand zum Volksgenossen: Die Entwicklung des sozialen Status der Angestellten von der Weimarer Republik bis zur Ende der Nationalsozialismus-Zeit. München, 1986.

Roloff E.-A. Die bürgerliche Oberschicht in Braunschweig und der Nationalsozialismus // Central European History. 1984. V. 17. N 1.

Rämisch R. Der berufsständische Gedanke als Episode in der nationalsozialistischen politik // Zeitschrift für Politik. 1957. N 3.

Saldern A. V. Mittelstand im Dritten Reich. Handwerker-Einzelhändler-Bauern. Frankfurt am Main, 1979.

Speier H. Die Angestellten vor dem Nationalsozialismus: Ein Beitrag zum Verständnis der deutschen Sozialstruktur 1918—1933 // Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. 1977. Bd. 26.

Winkler H. A. Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialismus: Die politische Entwicklung von Handwerk und Kleinhandel in der Weimarer Republik. Köln, 1972.

9. Нацистские мифы нации

Йонг. Л. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М., 1958.

Кретинин С. В. Судетские немцы — народ без родины. Воронеж, 2000.

Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. Калининград, 1990.

Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии. СПб., 1997.

Райд Я. Г. Прибалтийские немцы в буржуазной Эстонии 1920—1940. Таллинн, 1978.

Aschenauer R. Die Auslands-Deutschen. Berg, 1981.

Berbig H. J. Eine Preußen-Renaissance? // Archiv für Kulturgeschichte. 1980/81. Bd. 62/63.

Bieberstein J.R. Preußen und Preußentum // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1980. N 2.

Brügel J. Tschechen und Deutsche 1918 bis 1938. München, 1967.

Dahm V. Nationale Einheit und partikuläre Vielfalt. Zur Frage der kulturpolitischen Gleichschaltung im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1995. N 2.

Dehoust P. (Hg) Die Deutschen in der Welt. Coburg, 1977.

Deutsche im Osten. Geschichte, Kultur, Erinnerungen. München, 1994.

Die Donauschwaben: Deutsche Siedlung im Südosteuropa. Siegmaringen, 1989.

Dietrich R. Kleine Geschichte Preußens. Berlin, 1964.

Feuchtwanger E. J. Prussia: Myth and Reality. The Role of Prussia in German History. London, 1970.

Flach P. Waschkut: Beiträge zur Geschichte einer überwiegend deutsche Gemeinde in der Watschka/Ungarn. München, 1983.

Gebel R. «Heim ins Reich». Konrad Henlein und der Reichsgau Sudetenland 1938—1945. München, 1999.

Graig G. A. The Politics of the Prussian army, 1640—1945. New York, 1966.

Hartmann H. Höllenmarsch der Volksdeutschen in Polen, September 1939. Berlin, 1939.

Hehn J. Die Umsiedlung der baltischen Deutschen // Marburger Ostforschungen. 1982. Bd. 40

Herzog R. Die Volksdeutschen in der Waffen-SS. Tübingen, 1955.

Hildebrand K. Hitlers Ermöglichung und die preussisch-deutsche Geschichte, In: M. Stürmer (Hg): Die Weimarer Republik - Belagerte Civitas. Königstein/Ts., 1980.

Hinrichs C. Preußen als historische Problem. Berlin, 1964.

Hubatsch W. Studien zur Geschichte Preußens. Bd. 13, 18. Köln, 1973.

Jacobmeyer W. Deutsche Minderheiten in Poland und Tschechoslowakei in 30-er Jahren // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1986. N 31.

Jastrzebski W. Der Blomberger Blutsonntag. Poznan, 1990.

Kaiser H. Die Deutsche und die Slowakai 1944 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1973. H. 3.

Kettenacker L. La politique de nazification en Elsass. Strasbourg, 1978.

Kirn P. Politische Geschichte der deutschen Grenzen. Mannheim, 1958.

Koehl R. RKFDV: German Resettlement and Population Policy 1939—1945. A History of the Reich Commission for the Strengthening of Germanism. Cambridge, 1957.

Köhler H. Das Ende Preußens in französischer Sicht. New York, 1982.

Komjathy A., Stockwell R. German minorities and the Third Reich: Ethnic Germans of East Central Europe between the wars. New York, 1980.

Krockow C. Preußen. Eine Bilanz. Stuttgart, 1992.

Lawaty A. Das Ende Preußens in polnischer Sicht // Veröffentlichungen der Historischen Kommission zu Berlin. 1986. Bd. 63.

Luza R. The Transfer of the Sudeten Germans. A Study Czech-German Relations 1933—1966. New York, 1964.

Miege W. Das Dritte Reich und die deutsche Volksgruppe in Rumänien 1933-1938. Bern, 1972.

Olszewski H. Preußen in Reich 1871—1945 // Polnische Weststudien. 1986. Bd. V. H. 1.

Oschlies W. Rumäniendeutsches Schicksal 1918-1988. Köln, 1988.

Österreich, 1934—1984. Erfahrungen, Erkenntnisse, Besinnung. Graz, 1984.

Pozorny R. Die österreichische Schlesien. Wien, 1977.

Preußen: Epochen und Probleme seiner Geschichte. Berlin, 1964.

Preußen: Legende und Wirklichkeit. Berlin, 1983.

Rauschnig H. Die Entdeutschung Westpreußens und Posens. 10 Jahre polnischer Politik. Berlin, 1930.

Rosar W. Deutsche Gemeinschaft: Seyss-Inquart und der Anschluß. Wien, 1971.

Rosenthal H. German and Pole: National Conflict and Modern Myth. Gainesville, 1976.

Rimscha H. Zur Gleichschaltung der deutschen Volksgruppen durch das Dritte Reich. Historische Zeitschrift, 1956. Bd. 182. H. 1.

Rothfels H. Deutscher Osten und slawischer Westen. Tübingen, 1955.

Schenk H. et al. Sudetendeutschtum gestern und heute. München, 1986.

Schoeps H.-J. Preußen. Geschichte eines Staates. Frankfurt am Main, 1966.

Schumacher B. Geschichte Ost- und Westpreußen. Nürnberg, 1958.

Seibt F. Deutschland und die Tschechen. Geschichte einer Nachbarschaft in der Mitte Europas. München, 1993.

Smekser R. Das Sudetenproblem und das Dritte Reich 1933—1938. München, 1980.

Thadden R. Fragen an Preußen: Zur Geschichte eines aufgehobenen Staates. München, 1981.

Негативный аспект нацистской внутренней ПОЛИТИКИ

10. Нацистский расизм

Андрянов В. Память со знаком «Ost». Судьба «восточных рабочих» в их собственных свидетельствах. М., 1993.

Полиаков Л. Арийский миф. СПб., 1996.

Поляк П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996.

Aly G., et al. Cleansing the Fatherland: Nazi Medicine and Racial Hygiene. Baltimore, 1994.

Arnold H. Die Nationalsozialistische-Zigeneurverfolgung: ihre Ausdehnung und Ausbeutung. Fakten, Mythos, Agitation, Kommerz. Aschaffenburg, 1989.

Belau D. Euthanasie in Deutschland // Zeitgeschichte. 1993. H. 7/8.

Bock G. Zwangssterilisation im Nationalsozialismus. Opladen, 1986.

Burgleigh M., Wippermann W. The racial state: Germany, 1933—1945. Cambridge, 1991.

Burgleigh M. Death and Deliverance: «Euthanasia» in Germany 1900-1945. New York, 1994.

Conrad-Martius H. Utopien der Menschenzüchtung. München, 1955.

Diner D. Rassischer Völkerrecht. Elemente einer nationalsozialistischer Weltordnung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1989. H. 1.

Dörner K. NS und Lebensvernichtung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1967. H. 2.

- Friedlander S.* The Origin of NS-Genocide: From Euthanasia to the Final Solution. Chapel Hill, 1995.
- Friedländer S.* Die Dimension des Völkermords an den europäischen Juden II Merkur. 1991. N 7.
- Horbach M.* Wenige. Zeugnisse der Menschlichkeit. 1933—1945. München, 1964.
- Kaupen-Haas H.* (Hg) Der Griff nach der Bevölkerung: Aktualität und Kontinuität nazistischer Bevölkerungspolitik. Nördlingen, 1986.
- Klee E.* «Euthanasie» im Nationalsozialistische-Staat. Frankfurt am Main, 1983.
- Koch H. W.* Der Sozialdarwinismus. München, 1973.
- Lewy G.* The Nazi Persecution of the Gypsies. Oxford, 2000.
- Lilienthal G.* Der «Lebensborn e.V.»: Ein Instrument Nationalsozialistische Rassenpolitik // Forschungen zur neueren Medizin- und Biologiegeschichte. 1985. N 1.
- Majer D.* «Fremdvölkische» im Dritten Reich. Boppard am Rhein, 1981.
- Milton S.* Vorstufe zur Vernichtung. Die Zigeneunerlager nach 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1995. N 1.
- Mitscherlich A., Milke F.* Wissenschaft ohne Menschlichkeit. Heidelberg, 1949.
- Mosse G.* Toward the Final Solution. A History of European Racism. New York, 1978.
- Mühlen P.* Rassenideologien: Geschichte und Hintergründe. Berlin, 1977.
- Müller-Hill B.* Tödliche Wissenschaft. Die Ausrottung von Juden, Zigeneuem und Geisteskranken 1933—1945. Berlin, 1989.
- Pietrow-Eunker B.* Das Feidbild im Wandel: Die Sowjet Union in den Nationalsozialistische Wochenschauen (1935—1941) // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1990. H. 6.
- Poliakov L.* Le mythe arién: Essai sur les sources du racisme et des nationalismes. Bruxelles, 1987.
- Rogers A. J.* Darwinism and Social Darwinism // Journal of the History of Ideas. 1972. V. 33. N2.
- Sailer K.* Die Rassenlehre des Nationalsozialismus in Wissenschaft und Propaganda. Darmstadt, 1961.
- Seheffler W.* Zur Entstehungsgeschichte der «Endlösung» // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1982. N 43.
- Scherer K.* «Assozial» im Dritten Reich. Die vergessenen Verfolgen. Münster, 1990.
- Schmuhl H.-W.* Rassenhygiene, Nationalsozialismus, Euthanasie. Göttingen, 1987.
- Segal L.* Die Hohenpriester der Vernichtung. Anthropologen, Mediziner und Psychiater als Wegbreiter von Selektion und Mord im Dritten Reich. Berlin, 1991.

Seidel H., Rett A. Das Reichssippenamt entscheidet: Rassenideologie im Nationalsozialismus. Wien, 1982.

Weidling P. Health, race, and German politics between national unification and nazism, 1870-1945. New York, 1989.

Zimmermann M. Die nationalsozialistische Vernichtungspolitik gegen Sinti und Roma // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1987. N 16/17.

Zmarzlick H.-G. Der Sozialdarwinismus als geschichtliches Problem // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1963. H. 3.

Zülch T. Sinti und Roma in Deutschland. Geschichte einer verfolgten Minderheit // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1982. N 43.

11. Нацистский антисемитизм

Буянов М. И. Холокост и психика. М., 1998.

Граф Ю. Великая ложь XX века. СПб., 1997.

Захаров В., Кулишов В. Анатомия холокоста. Начало начал: Германия 1933—1939 гг. М., 2000.

Холокост. Сопротивление. М., 2000.

Adler H. G. Der verwaltete Mensch. Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland. Tübingen, 1974.

Aronson S. Der dreifache Falle. Hitlers Judenpolitik, die Alliierten und die Juden // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1984. H. 1

Aschheim S. E. Caftan and cravat: The Ostjude as a cultural symbol in the development of German anti-Semitism. In: Political symbolism in modern Europe. London, 1982.

Barley D. Hannah Arendt über Judenfrage (1929-1950) // Zeitschrift für Politik. 1988. H. 2.

Bartov O. An Idiot's Tale: Memories and Histories of the Holocaust //Journal of Modern History. 1995. V. 67. N 1.

Bauer J. Jews for Sale? Nazi-Jewish Negotiations, 1933—1945. New Haven, 1994.

Baum R. The Holocaust and the German elite: Genocide and the national suicide in Germany 1871—1945. Totowa, 1981.

Benz W. Dimensionen des Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus. München, 1996.

Bering D. Die Name als Stigma: Antisemitismus im deutschen Alltag 1812—1933. Stuttgart, 1988.

Biberstein J. R. Die These von der jüdisch-freimaurerischen Weltverschwörung 1776-1945 //Aus Politik und Zeitgeschichte, 1997. N 25.

Brayard F. Comment l'idée vient à M. Rassinier. Naissance du révisionisme. Paris, 1996.

Brechtken M. «Madagaskar für die Juden». Antisemitische Idee und politische Praxis 1805—1945. München, 1997.

Davidovicz L. The war against the Jews 1933—1945. London, 1990.

Diner D. Rationalisierung und Methode. Zu einem neuen Erklärungsversuch der «Endlösung» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1992. N 3.

Faurisson R. Ecrits revisionistes. TT. I—IV. Paris, 2000.

Fleming G. Hitler und die Endlösung. München, 1982.

Friedländer S. Curt Gerstein oder die Zwiespältigkeit des Guten. Gütersloh, 1969.

Goldhagen D. J. Hitler's Willing Executioners. New York, 1996.

Graml H. Reichskristallnacht: Antisemitismus und Judenverfolgung im Dritten Reich. München, 1988.

Graver L. An Obsession with Anne Frank: Meyer Levin and the diary. Berkeley, 1995.

Grüner W. Die nationalsozialistische Judenverfolgung und die Kommunen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2000. N 1.

Hagen W. Before the «Final solution»: Toward a comparative Analysis of Political Anti-Semitism in Interwar Germany and Poland // Journal of Modern History. 1996. V. 68. N 2.

Jonca K. Pogrom der «Kristallnacht» vom 9—10. November 1938 // Polnische Weststudien. 1988. Bd. VII. H. 2.

Kohl C. «Du Judenmensch, dir helfe ich» // Der Spiegel. 1997. N 41.

Kolb E. Bergen-Belsen: Geschichte des «Aufenthaltslagers» 1943—1945. Göttingen, 1986.

Kulka O. D. Die deutsche Geschichtsschreibung über den Nationalsozialismus und die «Endlösung» (1924—1984) // Historische Zeitschrift, 1985. Bd. 240. H. 3

Die Nürnberger Rassengesetze und die deutsche Bevölkerung im Lichte geheimer nationalsozialistische Lage- und Stimmungsberichte // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1984. H. 4.

Kwiet K. Selbstbehauptung und Widerstand: Deutsche Juden im Kampf um Existenz 1933—1945. Hamburg, 1984.

Marrus R. The Nazi and the Jews in Occupied Western Europe 1940—1945 // Journal of Modern History. 1982. V. 54. N 4.

Nicosia F. R. The Third Reich and the Palestine Question. Austin, 1985.

Zionism in National Socialist Jewish Policy in Germany, 1933—1939 // Journal of Modern History. 1978. V. 50. N 4.

Ein nützlicher Feind. Zionismus im nationalsozialistische Deutschland. 1933—1939 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1989. N 3.

Pätzold K. Die Teilnehmer der Wannsee-Konferenz // Zeitgeschichte. 1992. H 1/2.

Faschismus, Rassenwahn, Judenverfolgung. Berlin, 1975.

Pohl D. Die Holocaust Forschung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1997. H. 1.

Rassinier P. Die Lüge des Odysseus. Wiesbaden, 1959.

Was nun Odiseus? Wiesbaden, 1960.

Das Drama der Juden Europas. Hannover, 1965.

Reichmann E. Die Flucht in der Hass. Die Ursachen der deutschen Judenkatastrophe. Frankfurt am Main, 1954.

Rosh L., Jäckel E. «Der Tod ist ein Meister aus Deutschland»: Deportationen und Ermordung der Juden. Hamburg, 1991.

Sattler S. Der Holocaust, Goldhagen und die Deutschen // Europäische Rundschau. 1997. Jg. 25. N 1.

Scheffler W. Judenverfolgung im Dritten Reich 1933—1944. Berlin, 1966.

Schölch A. Das Dritte Reich, die zionistische Bewegung und der Palästina-Konflikt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1982. H.4.

Schönberger G. Der gelbe Stern. Die Judenverfolgung in Europa 1933-1945. Hamburg, 1960.

Steiner J. Willkür in der Willkür. Befreiungen von den antisemitischen Nürnberger Gesetzen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1998. N2.

Strauss H. Antisemitismus und Holocaust als Epochenproblem // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1987. N 11.

Suzmann A., Diamond D. Der Mord an sechs Millionen Juden // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1978. N 30.

Volkov S. Kontinuität und Diskontinuität im deutschen Antisemitismus 1933—1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1985. N 2.

Wechsberg J. (Ed) The Murderers among us. The Simon Wiesenthal memoirs. New York, 1967.

Ziegler D. Die Verdrängung der Juden aus der Dresdner Bank 1933—1938 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1999. N 3.

12. Символика нацизма, оккультизм, нацистская мистика

Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. М., 1994.

Демиденко М. И. По следам СС в Тибет. СПб., 1999.

Жерсон В. Нацизм — тайное общество. М., 1998.

Повель Л. Утро магов. М., 1991.

Мсье Гурджиев: документы, свидетельства, тексты и комментарии. М., 1998.

Почепцов Г. Символы в политической культуре. Киев, 1997.

Пруссаков В. Оккультный мессия и его рейх. М., 1992.

Равенскрофт Т. Копье судьбы. М., 1998.

Kugel W. Hanussen. Die wahre Geschichte des Hermann Stein-schneider. Düsseldorf, 1998.

Mosse G. The Mystical Origin of National Socialism // Journal the History of Ideas. 1961. V. 22. N 1.

The crisis of German ideology. Intellectual origin of the Third Reich. New York, 1964.

Neurohr J. F. Der Mythos vom Dritten Reich. Zur Geistesgeschichte des Nationalsozialismus. Stuttgart, 1957.

Pois R. A. Man in the Natural World: Some Implications of the NS-Religion. In: Political Symbolism in modern Europe. London, 1982.

Ravenscroft T. Der Speer des Schicksals. München, 1988.

Reich W. Die Massenpsychologie des Faschismus. Köln, 1972.

Strohm H. Die Gnosis und der Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1997.

Thöne A. Das Licht der Arier. Licht-, Feuer- und Dunkelsymbolik des Nationalsozialismus. München, 1979.

Weber E. Fascism and Some Harbingers // Journal of Modern History. 1982. V. 54. N 4.

Старые и новые институты государственной власти в Третьем Рейхе

13. Общие работы

Bracher K. D. (Hg) Nationalsozialistische Diktatur 1933-1945: Eine Bilanz. Bonn, 1983.

Broszat M. Der Staat Hitlers: Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. München, 1989.

Broszat M. (Hg) Das Dritte Reich: Herrschaftsstruktur und Geschichte. München, 1983.

Hirschfeld G., Kettenacker L. (Hg) Der «Führerstaat»: Mythos und Realität. Studien zur Struktur und Politik des Dritten Reiches. Stuttgart, 1981.

Hubert P. Uniformierte Reichstag: Die Geschichte der Pseudo-Volksvertretung 1933—1945. Düsseldorf, 1992.

Rebentisch D. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1989.

Rebentisch D. (Hg) Verwaltung contra Menschenführung im Staate Hitlers: Studien zum politisch-administrativen System. Göttingen, 1986.

Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP. Stuttgart, 1962.

14. Место СС в истории Третьего Рейха

Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее страх. М., 1991.

Уильямсон Г. СС — инструмент террора. Смоленск, 1999.

Anatomie des SS-Staates. Bd. 1—2. Frankfurt am Main, 1961.

- Buchheim H.* Die Höheren SS- und Polizeiführer // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1963. N 4.
- Drobisch K.* System der Nationalsozialistische KZ. Berlin, 1993.
- Gelately R.* The Gestapo and German society. Enforcing racial policy 1933—1945. Oxford, 1990.
- Hilberg R.* Täter, Opfer, Zuschauer. Die Vernichtung der Juden 1933-1945. Frankfurt am Main, 1992.
- Der Vernichtung der europäischen Juden. Berlin, 1990.
- Hillel A. et. al.* Lebensbom e.V. Im Namen der Rasse. Wien, 1975.
- Hirschfeld G.* The policies of genocide: Jews and Soviet prisoners of war in Nazi Germany. London, 1986.
- Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1992.
- Kater M.* Das «Ahnenerbe» der SS 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Berlin, 1997.
- Kersten F.* Totenkopf und Treue. Hamburg, 1952.
- Koehl R.* The black corps: The structure and struggles of the Nazi SS. Madison, 1983.
- The character of the Nazi SS // Journal of Modern History. 1962. V. 34. N 3.
- Kogon E.* Der SS-Staat. Das System der deutschen KZ. Frankfurt am Main, 1959.
- Krätschmer E.-G.* (Hg) Die Ritterkreuzträger der Waffen-SS. Göttingen, 1957.
- Krausnick H., Broszat M.* (Hg) Anatomy of the SS-state. London, 1982.
- Krausnick H., Wilhelm H.-H.* Die Truppe des Weltanschauungskrieges: Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD. 1938—1942. Stuttgart, 1981.
- Kuhnrich H.* Der KZ-Staat. Berlin, 1980.
- Longerich P.* Die braune Bataillone: Geschichte der SA. München, 1989.
- Maschke E., Kasiske K.* Der deutsche Ritterorden. Seine politische und kulturelle Leistung im Deutschen Osten. Berlin, 1942.
- Nippert E.* Prinz-Albert-Strasse 8. Reihe Ereignisse, Tatsachen, Zusammenhänge. Berlin, 1988.
- Reitlinger G.* The SS, alibi of a nation, 1922—1945. Melbourne, 1957.
- Smith P. et al.* The Danish Volunteers in the Waffen-SS of the Eastern Front. Contemporary European History. 1999. V. 8. Part 1.
- Stein G.* Geschichte der Waffen-SS. Düsseldorf, 1967.
- Steiner F.* Die Armee der Geächteten. Göttingen, 1963.
- Von Clausewitz bis Bulganin. Erkenntnisse und Lehren einer Wehrepoche. Bielefeld, 1956.
- The Waffen-SS. Ithaca, 1966.

Steiner J. et al. Die Ausprägung autoritärer Einstellung bei ehemaligen Angehörigen der SS und der Wehrmacht // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1970. N 3.

Sydnor C. W. The history of the SS Totenkopfdivision and the post-war mythology of the Waffen-SS // Central European History. 1973. V. 6. N4

Sydnor C. Soldiers of destruction: The SS death's head division 1933-1945. Princeton, 1977.

Wegner B. Hitlers politische Soldaten: Die Waffen-SS 1933—1945. Paderborn, 1982.

Weinmann M. Das nationalsozialistische Lagersystem. Frankfurt am Main, 1990.

Wilhelm Fr. Die Polizei im nationalsozialistische Staat. Die Geschichte ihrer Organisation im Überblick. Paderborn, 1997.

Wilhelm H.-U. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD, 1938—1942. Stuttgart, 1981.

15. Партия, власть и общество

Ballmus R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Stuttgart, 1970.

Burden H. Die programmierte Nation. Die Nürnberger Reichsparteitage. Gütersloh, 1967.

Diehl-Thiele P. Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969.

Horn W. Führer Ideologie und Parteiorganisation in der NSDAP 1919-1933. Düsseldorf, 1972.

Hüttenberger P. Die Gauleiter. Studie zum Wandel des Machtgefüges in der NSDAP. Stuttgart, 1969.

Kater M. The Nazi Party: A social profile of members and leaders, 1919-1945. Cambridge, 1983.

Krebs A. Tendenzen und Gestalten der NSDAP. Stuttgart, 1959.

Maser W. Der Sturm auf die Republik. Frühgeschichte der NSDAP. Stuttgart, 1973.

Orlow D. The conversion of myths into political power: the case of the Nazi Party, 1925—1926 // American Historical Review. 1967. V. 72. N 3.

Orlow D. The history of the Nazi Party 1919—1933. Pittsburgh, 1969.

Orlow D. The Organizational History and Structure of the NSDAP 1919-1923 // Journal of Modern History. 1965. V. 37. N 2.

Schäfer W. NSDAP. Entwicklung und Struktur der Staatspartei des Dritten Reiches. Hanover, 1956.

Schmiechen-Ackermann D. Der «Blockwart». Die unteren Parteifunktionäre im nationalsozialistischen Terror- und Überwachungsapparats // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2000. N 4.

Tracey D. R. The development of the National Socialist Party // Central European History. 1975. V. 8. N 1.

Zehnhefer S. Die Reichsparteitage der NSDAP. Geschichte, Struktur und Bedeutung der größten Propagandafeste im nationalsozialistischen Feierjahr. Nürnberg, 1991.

16. Юриспруденция в Третьем Рейхе

Büthers B. Entartete Recht: Rechtslehren und Kronjuristen im Dritten Reich. München, 1988.

Diner D. Rassischer Völkerrecht: Elemente einer Nationalsozialistische Weltordnung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1989. N 1.

Grimm H. Die Abgeurteilten des Volksgerichtshofs // Historical Social Research. 1994. V. 19. N 2.

Gruchmann L. Justiz im Dritten Reich 1933—1945. München, 1988.

Koch H. W. Volksgerichtshof. Politische Justiz im Dritten Reich. München, 1988.

König S. Vom Dienst am Recht: Rechtsanwälte als Strafverteidigen im Nationalsozialismus. New York, 1987.

Majer D. Grundlagen des nationalsozialistischen Rechtssystems. Führerprinzip, Sonderrecht, Einheitspartei. Stuttgart, 1987.

Mckale D. The Nazi Party courts: Hitler's management of conflict in his movement, 1921-1945. Lawrence, 1974.

Schorn H. Der Richter im Dritten Reich. Geschichte und Dokumente. Frankfurt am Main, 1959.

Struchmann L. Justiz im Dritten Reich 1933—1940. Anpassung und Unterwerfung in der Ära Gürtner. München, 1988.

Steiner J., Cornberg J. Willkür in der Willkür. Befreiungen von den antisemitischen Nürnberger Gesetzen. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1998. H. 2.

Stolleis M. Recht im Unrecht: Studien zur Rechtsgeschichte des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1994.

Sweet W. The Volksgerichtshof: 1934-1935 // Journal of Modern History. 1974. V. 46. N 2.

Wagner W. Der Volksgerichtshof im nationalsozialistischen Staat. Stuttgart, 1974.

Weingartner J. Law and Justice in the Nazi SS: The case of Conrad Morgen // Central European History. 1983. N 3.

17. Место Гитлера в системе власти

Bauer G. Hitlers Heil im Mund seines Volkes // Das Aigument. 1987. N6.

Binion R. Hitler among the Germans. New York, 1976.

Brackel-Hertenstein T. Hitler und die Sinndeutung der deutschen Geschichte // Militärgeschichtliche. Mitteilungen. 1988. N 2.

- Broszat M.* Soziale Motivation und Führer-Bindung des Nationalsozialismus // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1970. N 2.
- Zur Sozialgeschichte des deutschen Widerstandes//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1986. H. 3
- Buchheit G.* Hitler der Freiherr. Rastatt, 1958.
- Bunin Ph.* Hitler und die Juden. Die Entscheidung für den Völkermord. Frankfurt am Main, 1993.
- Funke M.* Starker oder schwacher Diktator? Hitlers Herrschaft und die Deutschen. Ein Esse. Düsseldorf, 1989.
- Gantzke H. W.* Hitler and Psychohistory // American Historical Review. 1973. V. 78. N 2.
- Hartmann W.-R.* Adolf Hitler: Möglichkeiten seiner Deutung // Archiv für Sozialgeschichte. 1975. Bd. 15. (S. 521-535), 1976. Bd. 16 (S. 586-602).
- Heiden K.* Adolf Hitler. Eine Biographie. Bd. 1-2. Zürich, 1936—1937.
- Heyl J. D.* Hitler's Economic Thought: A Reappraisal // Central European History. 1973. V. 6. N 1.
- Hidebrand K.* Hitlers Ort in der Geschichte der preussisch-deutschen Nationalstaates // Historische Zeitschrift. 1973. Bd. 217. H. 3.
- Hillgruber A.* Hitlers Strategie. Politik und Kriegsführung 1940—1941. Frankfurt am Main, 1965.
- Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933—1945. München* 1989.
- Jäckel E.* Hitlers Herrschaft: Vollzug einer Weltanschauung. Stuttgart, 1986. Kershaw I. The «Hitler Myth» and Reality in the Third Reich. New York, 1987.
- Kershaw I.* Ideologie und Propagandist. Hitler im Lichte seiner Reden // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1992. N 2.
- Lukacs J.* The Hitler of History. New York, 1998.
- Sandvoss E.* Hitler und Nietzsche. Göttingen, 1969.
- Scharlau W.* Hitler und Mussolini // Die Politische Meinung. 1963. H. 81.
- Schenck E. G.* Patient Hitler: eine medizinische Biographie. Düsseldorf, 1989.
- Scholdt G.* Autoren über Adolf Hitler. Deutschsprachige Schriftsteller 1919—1945 und ihr Bild vom Führer. Bonn, 1993.
- Schreiber G.* Hitler: Interpretationen 1923—1983. Ergebnisse, Methoden und Probleme. Darmstadt, 1984.
- Schwarz A.* Der Hitler-Mythos aus zeitgeschichtlicher Sicht. Stephen Roberts: «The House that Hitler built.» // Archiv für Kulturgeschichte. 1991. N2.
- Stierlin H.* Adolf Hitler: Familienperspektive. Frankfurt am Main, 1975.

Tallgren V. Hitler und die Helden: Heroismus und Weltanschauung. Helsinki, 1981.

Wallach J. L. Adolf Hitlers Privatbibliothek // Zeitgeschichte. 1992. N 1/2.

Wegner B. Hitlers Besuch in Finnland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1993. N 1.

Weiberg G. Hitlers «Zweites Buch». Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961.

Winkler H. J. Legenden um Hitler. Berlin, 1961.

Zitelmann R. Hitler: Selbstverständnis eines Revolutionärs. Hamburg, 1987.

Культура и общество в Третьем Рейхе

18. Народное образование и наука при нацистах

Марков Г. Е. Народоведение в годы нацизма // Этнографическое обозрение. 1993. № 5.

Adam U. D. Hochschule und Nationalsozialismus: Die Universität Tübingen im Dritten Reich. Tübingen, 1977.

Böse E. Das Öffentliche Bibliothekswesen im Dritten Reich. Bad Honneff, 1987.

Beyerchen A. D. Scientists under Hitler: Politics and physics community in the Third Reich. London, 1977.

Beyrau D. Bildungsschichten unter totalitären Bedingungen // Archiv für Sozialgeschichte. 1994. Bd. 24.

Blackburn G. W. Education in the Third Reich. Albany, 1985.

Dickinson E. The Politics of German Child Welfare from the Empire to the Federal Republic // Harvard Historical Studies. 1996. V. 121

Dow J., Lixfeld H. The Nazification of an Academic Discipline: Folklore in the Third Reich. Bloomington, 1994.

Eilers R. Nationalsozialistische Schulpolitik. Eine Studie zur Funktion der Erziehung im totalitären Staat. Köln, 1963.

Fahlbusch M. Wissenschaft im Dienst der nationalsozialistischen Politik? Baden-Baden, 1998.

Fischer K. Die Emigration von Wissenschaftlern nach 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1991. H 4.

Flessau, K., Nissen E., Pätzold G. (Hg) Erziehung im Nationalsozialismus. Köln, 1987.

Frei N. (Hg) Medizin und Gesundheitspolitik in der nationalsozialistischen Zeit. München, 1991.

Funke M. Universität und Zeitgeist im Dritten Reich // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1986. N 12.

- Gies H.* Geschichtsunterricht unter der Diktatur Hitler. Köln, 1992.
- Giesecke H.* Hitlers Pädagogen. Theorie und Praxis nationalsozialistischer Erziehung. Weinheim, 1993.
- Giles G.* German Students and Higher Education Policy in the Second World War // Central European History. 1984. V. 17. N 4.
- Grüttner M.* Studenten im Dritten Reich. Paderborn, 1995.
- Hentschel K.* Eine akademische Karriere. Der Astronom Otto Heckmann im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1995. H 4.
- Jarausch K.* Deutsche Studenten, 1800-1970. Frankfurt am Main, 1984.
- Kater M.* Professoren und Studenten im Dritten Reich // Archiv für Kulturgeschichte. 1985. Bd. 67. N 2.
- Kater M.* Medizin und Mediziner im Dritten Reich. Eine Bestandsaufnahme // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 244. H. 2.
- Kater M.* Die unbewältigte Medizingeschichte. Beiträge zur nationalsozialistische Zeit // Historische Zeitschrift. 1993. Bd. 257. H. 2.
- Kater M.* Hitlerjugend und Schule im Dritten Reich // Historische Zeitschrift. 1979. Bd. 228. H. 3.
- Kater M.* Doctor Leonardo Conti and his Nemesis: The Failure of Centralized Medicine in the Third Reich // Central European History. 1985. V. 18. N s.
- Keim W.* Erziehung im Nationalsozialismus. Wien, 1990.
- Litton R. J.* Ärzte im Dritten Reich. Stuttgart, 1988.
- Ludwig K.-H.* Technik und Ingenieure im Dritten Reich. Düsseldorf, 1979.
- Lundgren P.* (Hg) Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1985.
- Macrakis C.* Surviving the Swastika: Scientific Research in Nazi Germany. New York, 1993.
- Mann E.* Zehn Millionen Kinder. Die Erziehung der Jugend im Dritten Reich. München, 1985.
- Mehrents H., Richter S.* (Hg) Naturwissenschaft, Technik und nationalsozialistische Ideologie. Frankfurt am Main, 1980.
- Müller-Benedict V.* Die Dynamik des deutschen Hochschulsystems: 1820—1986 // Historical Social Research. 1994. V. 19. N 2.
- Nolte E.* Zur Typologie des Verhaltens der Hochschullehrer im Dritten Reich // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1965. N 46.
- Olenhusen G.* Nichtarische Studenten in deutschen Hochschulen 1933—1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1966. N 1.
- Orlow D.* Adolf-Hitler-Schulen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1965. N 2.
- Betrat G.* Schulerziehung. Ihre Sozialgeschichte in Deutschland bis 1945. München, 1945.
- Pönsgen R.* Die Schule Schloss Salem im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. N 1.

Preisig R. Willensschulung. Zur Begründung einer Theorie der Schule im Nationalsozialismus. Köln, 1976.

Proctor R. Racial hygiene: Medicine under the Nazis. Cambridge, 1988.

Ritter G., Holtzmann W. (Hg) Die deutsche Geschichtswissenschaft im Zweiten Weltkrieg. 1939-1945. Marburg, 1951.

Scholz H. Die nationalsozialistische Ordensburgen // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte. 1967. N 3.

Schönwälder K. Historiker und Politik. Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1992.

Schöttler P. (Hg) Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918-1945. Frankfurt am Main, 1997.

Seier H. Niveauekritik und partielle Opposition. Zur Lage an den deutschen Hochschulen 1939/40 // Archiv für Kulturgeschichte. 1976. H. 1

Seubert R. Berufserziehung und Nationalsozialismus. Das Berufspädagogische Erbe und seine Betreuer. Basel, 1977.

Steiberg M. Sabers and Brown Shirts: The German Student's Path to Nationalsozialismus 1918-1935. Chicago, 1977.

Tröger J. (Hg) Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1986.

Ueberhorst H. Elite für die Diktatur. «Die Nationalpolitischen Erziehungsanstalten» 1933—1945. Düsseldorf, 1969.

Vežina B. «Die Gleichschaltung» der Universität Heidelberg im Zuge nationalsozialistischer Machtergreifung. Heidelberg, 1982.

Werner K. F. Das Nationalsozialismus Geschichtsbild und die deutsche Geschichtswissenschaft. Stuttgart, 1967.

Wissmann S. Es war eben unsere Schulzeit: Das Bremer Volksschulwesen unter dem Nationalsozialismus. Bremen, 1993.

19. Искусство и нацизм

Голомиток И. Тоталитарное искусство. М., 1994.

Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино: от Кафки до Гитлера. М., 1977.

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991.

Салкелд О. Лени Рифеншталь. Триумф воли. М., 2003.

Andre P. Cosima Wagner: the Building of the Bayreuth Ideology // The Australian Journal of Politics and History. 1983. V. 29. N 3.

Backes K. Hitler und die bildende Kunst. Köln, 1988.

Barbian J.-P. Literaturpolitik im Dritten Reich. Institutionen, Kompetenzen, Betätigungsfelder. Frankfurt am Main, 1993.

Brenner H. Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus. Reinbeck bei Hamburg, 1963.

- Cluet M.* L'architecture du III-e Reiche. Origines intellectuelles et visees ideologiques. Berne, 1987.
- Dahm V.* Die Reichskulturkammer als Instrument kulturpolitischer Steuerung und Reglementierung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1986. N 1.
- Davidson M.* Kunst in Deutschland. Bd. 4. Tübingen, 1988.
- Denker H., Prümm K.* (Hg) Die deutsche Literatur im Dritten Reich. Stuttgart, 1976.
- Dennis D.* Beethoven in German Politics 1870—1989. New Haven, 1996.
- Drewniak B.* Das Theater im nationalsozialistischen Staat: Szenarium deutscher Zeitgeschichte 1933-1945. Düsseldorf, 1983.
- Drewniak B.* Der deutsche Film 1938—45. Düsseldorf, 1987.
- Dupeaux L.* Histoire culturelle de l'Allemagne 1919—1960. Paris, 1989.
- Friedländer S., Rüsen J.* (Hg) Richard Wagner im Dritten Reich. München, 2000.
- Glaser H.* The Cultural Roots of NS. London, 1978.
- Güthlein K.* Hybride Architektur und nationalsozialistische Kunst als Ausdruck des Nazi-Ungeistes // Annales Universitatis Saraviensis. Philosophische Fakultät. 1994. Bd. 4
- Hauser A.* Sozialgeschichte der Kunst und Literatur. München, 1967.
- Hartung G.* Literatur und Ästetik des deutschen Faschismus. Berlin, 1983.
- Hinz B.* Die Malerei im deutschen Faschismus. Frankfurt am Main, 1977.
- John E.* Musikbolschewismus. Die Politisierung der Musik in Deutschland 1918—1938. Stuttgart, 1994.
- Kater M.* Carl Orff im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1995. N 1.
- Kater M.* Gewagtes Spiel. Jazz im Nationalsozialismus. Köln, 1995.
- Ketelsen U.* Völkisch-nationale und nationalsozialistische Literatur in Deutschland 1890—1945. Stuttgart, 1987.
- Kroll E.* Verbotene Musik // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1959. N 7.
- Lane B.* Architecture and Politics in Germany 1917—1945. Cambridge, 1968.
- Levi E.* Music in the Third Reich. New York, 1994.
- Mackelmann M.* Arnold Schönberg und das Judentum. Hamburg, 1984.
- Marchand S.* Nazi Culture: Banality or Barbarism // Journal of Modern History. 1998. V. 70. N 1.
- Merkes R.* Die bidende Künste im Nationalsozialismus. Köln, 1983.
- Miller L. B.* Architecture and Politics in Germany 1918-1945. London, 1968.

Mosse G. Nazi Culture. Intellectual, Cultural and Social Life in the Third Reich. New York, 1966.

Petropoulos J. Art as Politics in the Third Reich. Chapell Hill, 1996.

Petsch J. Baukunst und Stadtplanung im Dritten Reich. München, 1978.

Potter P. Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the End of Hitler's Reich. New Haven, 1998.

Prieberg F. Musik im nationalsozialistische Staat. Frankfurt am Main, 1982.

Richard L. Deutscher Faschismus und Kultur: Aus Sicht eines Franzosen. Berlin, 1982.

Rischer W. Die nationalsozialistische Kulturpolitik in Düsseldorf 1933-1945. Düsseldorf, 1972.

Roh F. Geschichte der deutschen Kunst von 1900 bis zur Gegenwart. München, 1959.

Schneider T. Bestseller im Dritten Reich. Ermittlung und Analyse der meistverkauften Romane in Deutschland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2004. H. 1.

Schönauer F. Deutsche Literatur im Dritten Reich. Olten, 1961.

Schulte-Sasse L. Entertaining the Third: Illusion of Wholeness in Nazi Cinema. Durham, 1996.

Seiger H., Lunardi M., Popolorum P. Im Reich der Kunst: Die Wiener Akademie der bildenden Kunst und die faschistische Kunstpolitik. Wien, 1990.

Spotts F. Bayreuth: A History of the Wagner festivals. London, 1994.

Speitkamp W. Denkmalpflege und Heimatschutz in Deutschland zwischen Kulturpolitik und Nationalsozialismus // Archiv für Kulturgeschichte. 1988. Bd. 70. H. 1

Stammer R. Die inszenierte Volksgemeinschaft. Die «Thing»-Bewegung im Dritten Reich. Marburg, 1988.

Stieg M. Public Libraries in Nazi Germany. Tuscaloosa, 1992.

Strothmann D. Nationalsozialistische Literaturpolitik. Ein Beitrag zur Publizistik im Dritten Reich. Bonn, 1968.

Taylor R. The Word in Stone: The Role of Architecture in the National Socialist Ideology. Berkeley, 1974.

Taylor R. Literature and Society in Germany 1918-1945. Sussex, 1980.

Teut A. Architektur im Dritten Reich 1933—1945. Berlin, 1967.

Wapnewski P. Cosima Wagner // Merkur. 1977. H. 2 (345).

20. Церковь и нацизм

Бонхоффер Д. Следуя Христу. М., 1992.

Бровко Л. Н. Христианские церкви и нацистское государство // Свободная мысль. 1993. № 12.

Ерин М. Е. Католическая церковь в Германии и фашизм. Ярославль, 1990.

Baumgärtner R. Weltanschauungskampf im Dritten Reich: Auseinandersetzung der Kirche mit A. Rosenberg. Mainz, 1978.

Bergen D. Twisted Cross: The German Christian Movement in the Third Reich. Chapel Hill, 1996.

Blaschke O. R. Der Altkatolizismus 1870 bis 1945. Nationalismus, Antisemitismus und Nationalsozialismus // Historische Zeitschrift. 1995. Bd. 261. H. 1.

Brandl L. Neue Quellen zum Reichskonkordat vom 20. Juli 1933 // Zeitschrift für Politik. 1991. N 4.

Conway J. S. The Nazi persecution of the churches, 1933—1945. New York, 1968.

Fuhrich-Grubert U. Hugennotenunterm Hakenkreuz// Veröffentlichungen der Historischen Kommission zu Berlin. 1995. Bd. 85.

Gutteridge R. The German Evangelical Church and the Jews 1879—1950. New York, 1976.

Hackerts H. G. Die nationalsozialistische Kirchenpolitik im neuen Lichte der Goebbels-Tagebücher // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1983. N 30.

Hokerts H. G. Die Sittlichkeitsprozesse gegen katholische Ordensangehörige und Priester, 1936—1937. Mainz, 1971.

Hürten H. Deutsche Katholiken 1918—1945. Paderborn, 1992.

Kaiser J.-C. Protestantismus, Diakonie und «Judenfrage» 1933—1941. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1984. N 4.

Kent J. Pope Pius XII and Germany: some Aspects of German-Vatican Relations 1936-1943 // American Historical Review. 1964. V. 70. N 1.

Kreutzer H. Das Reichskirchenministerium im Gefüge der nationalsozialistischen Herrschaft. Düsseldorf, 2000.

Meyer-Zollitsch A. Nationalsozialismus und Evangelische Kirche in Bremen. Bremen, 1985.

Müller H., Wirsching A., Ziegler W. (Hg) Nationalsozialismus und Religion. München, 1996.

Schmitt H. Quakers and Nazis. Inner Light in outer Darkness. Columbia, 1997.

Scholder K. Die Kirchen und das Deutsche Reich. Bd. 1. Vorgeschichte und Zeit der Illusionen 1918—1934. Bd. 2. Frankfurt am Main, 1977.

Spotts F. The Churches and Politics in Germany. Middletown, 1973.

Thalmann R. Protestantisme et nationalisme en Allemagne de 1900—1945. Paris, 1976.

Zahn G. Die deutschen Katholiken und Hitlers Krieg. Köln, 1965.

Zippel F. Kirchenkampf in Deutschland 1933—1945. Berlin, 1965.

21. Нацистская пропаганда

Басистов Ю. В. Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб., 1999.

Baird J. W. The mythical world of Nazi war propaganda, 1939-1945. Minneapolis, 1975.

Baird, J. W. To Die for Germany: Heroes in the Nazi Pantheon. Bloomington, 1990.

Bucher P. Goebbels und die Deutschen Wochenschau. Nationalsozialistische Filmpropaganda im Zweiten Weltkrieg // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1986. N 2 (40).

Diller A. Rundfunkpolitik im Dritten Reich. München, 1980.

Fox J. Der Fall Katyn und die Propaganda des nationalsozialistischen Regimes // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1982. N 2.

Frei N. Nationalsozialistische Eroberung der Provinzpresse: Gleichschaltung, Selbstanpassung und Resistenz in Bayern. Stuttgart, 1980.

Fröhlich E. Die kulturpolitische Pressekonferenz des Reichspropagandaministeriums // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1974. N 4.

Gebhardt H. Nationalsozialistische Werbung in der Arbeiterschaft // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1985. N 2.

Gossert Ph. Amerika im Dritten Reich. Ideologie, Propaganda und Volksmeinung 1933-1945. Stuttgart, 1997.

Grosser A. Hitler la presse et la naissance d'une dictature. Paris, 1959.

Hagemann W. Publizistik im Dritten Reich. Hamburg, 1948.

Haie O. The captive press in the Third Reich. New York, 1964.

Herb G. Under the map of Germany. Nationalism and propaganda 1918-1945. London, 1997.

Hinkel H. Zur Funktion des Bildes im deutschen Faschismus. Gießen, 1975.

Kesselmeier C. Der Leitartikler Goebbels in den nationalsozialistischen Organen «Agriff» und «Das Reich». Münster, 1967.

Kirchner K. Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg. München, 1972.

Lévy C. L'organisation de la propagande allemande en France // Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale. 1966. A. 16. N 54.

Moltmann G. Goebbels Rede zum totalen Krieg am 18. Februar 1943 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1982. N 2.

Müller H.-D. «Das Reich»- Porträt einer deutschen Wochenzeitung // Der Spiegel. 1964. N 34.

Paul G. Aufstand der Bilder: die nationalsozialistische Propaganda vor 1933. Bonn, 1990.

Petzold J. Die Demagogie des Hitlerfaschismus: Die politische Funktion der Naziideologie. Berlin, 1982.

Sänger F. Politik der Täuschungen, Missbrauch der Presse im Dritten Reich 1933-1939. Wien, 1975.

Schmmer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. München, 1956.

Stieg M. Public Libraries in Nazi Germany. Tuscaloosa, 1992.

Sywottek J. Mobilmachung für den totalen Krieg: Die propagandistische Vorbereitung der deutschen Bevölkerung auf den Zweiten Weltkrieg. Opladen, 1976.

Welch D. Nazi Propaganda: The Power and the limitations. London, 1983.

Welch D. Propaganda and the German cinema 1933—1945. New York, 1983.

Zenan Z. A. Nazi propaganda. London, 1964.

22. Спортивная политика нацистов

Bernett H. Sportpolitik im Dritten Reich. Schorndorf, 1971.

Diem C. Weltgeschichte des Sports und der Leibeserziehung. Stuttgart, 1967.

Mandell R. The Nazi Olympics. New York, 1971.

Ueberhorst H. Olympische Spiele und Nationalsozialismus. (Garmisch-Pantherkirchen und Berlin) // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1986. N 3.

Ueberhorst H. Carl Kümmel und nationalsozialistische Leibeserziehung. Berlin, 1976.

Морально-этический аспект истории Третьего Рейха

23. Повседневность и нацистская идеология

Клемперер В. Язык Третьего Рейха. М., 1998.

Марабини Ж. Повседневная жизнь Берлина при Гитлере. М., 2003.

Шютц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

Bergender G. Dresden im Luftkrieg. Köln, 1977.

Bessel R. (Ed): Life in the Third Reich. New York, 1989.

Brozgat M. Alltag und Widerstand. Bayern im Nationalsozialismus. München, 1987.

Crew D. F. Alltagsgeschichte: A new Social History «From Below» // Central European History. 1989. V. 22. N 3/4.

Gruber F., Richter G. Alltag im Dritten Reich. Hamburg, 1982.

Gruchmann L. Korruption im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1994. N 4.

Grundberger R. Das Zwölfjährige Reich. Der deutsche Alltag unter Hitler. Wien, 1972.

Herbert U. Zwischen Beschaulichkeit und Massenmord. Die Kriegsende 1943 aus der Perspektive des Alltags // Neue Politische Literatur. 1995. N 2.

Huck G. (Hg) Sozialgeschichte der Freizeit. Untersuchungen zum Wandel der Alltagskultur in Deutschland. Wuppertal, 1980.

Irving D. The destruction of Dresden. New York, 1964.

Jacobit S. und W. Illustrierte Alltags- und Sozialgeschichte Deutschlands. Münster, 1995.

Klewitz: Alltag im Dritten Reich. Marburg, 1990.

Kuczynski J. Geschichte des Alltags des deutschen Volkes. 6 Bde. (Bd. 5: 1918-1945), Berlin, 1980-1985.

Mallmann K.-M., Paul G. Herrschaft und Alltag: Ein Industrievier im Dritten Reich. Bonn, 1991.

Merki C. Die nationalsozialistische Tabakpolitik//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1998. N 1.

Mommsen H., Willems S. (Hg) Herrschaftsalldag im Dritten Reich. Studien und Texte. Düsseldorf, 1988.

Nationalsozialismus im Alltag: Beispiele und Arbeitsmaterialien aus der Bildungsarbeit. Hannover, 1983.

Overy R. J. Mobilization for Total War in Germany, 1939-1941 // English Historical Review. 1988. V. 103. N 408.

Peukert D. Inside Nazi Germany: Conformity, Opposition, and Racism in everyday life. New Haven, 1987.

Peukert D. Das Dritte Reich und alltägliche Leben // Archiv für Sozialgeschichte. 1986. Bd. 26.

Poplow U. Schulalltag im Dritten Reich. Fallstudie über ein Göttinger Gymnasium // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1980. N 18.

Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München, 1991.

Schröder H. (Hg) Die gestohlene Jahre. Erzählgeschichten und Geschichtserzählung im Interview: Der Zweite Weltkrieg aus der Sicht ehemaliger Mannschaftssoldaten. Tübingen, 1992.

Spetzler E. Luftkrieg und die Menschlichkeit // Göttingen Beiträge zur Gegewartsfragen. 1956. Bd. 12.

Steinert M. Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1970.

Stimmungsanalysen des SD von 1939 bis 1943 // Der Spiegel. 1965. N 5 1.

Stöver B. Volksgemeinschaft im Dritten Reich. Düsseldorf, 1993.

Teuteberg H. Der Verzehr von Nahrungsmitteln in Deutschland pro Kopf und Jahr seit Beginn der Industrialisierung 1850—1975. Versuch einer quantitativen Langzeitanalyse //Archiv für Sozialgeschichte. 1979. Bd. 19.

Weiss H. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. Die nationalsozialistische Gemeinschaft «Kraft durch Freude» // Archiv für Sozialgeschichte. 1993. Bd. 33.

Wette W. (Hg) Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten. München, 1992.

Weyrauch W. O. Gestapo V-Leute: Tatsachen und Theorie des Geheimdienstes; Untersuchungen zur Geheimen Staatspolizei während der nationalsozialistischen Herrschaft. Frankfurt am Main, 1992.

24. Антинацистское Сопротивление

Азаров А. С. «Дело государственной важности». Антифашистское движение в Германии 1935—1943. М., 1978.

Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма. 1939-1945. М., 1978.

Мельников Д. Е. Заговор 20 июля 1944 г.: история и современность // Новая и Новейшая история. 1986. № 2.

Перро Ш. Красная капелла. М., 1990.

Balfour M. Withstanding Hitler in Germany 1933—1945. London, 1988.

Balfour M., Frisby J. Helmuth von Moltke: A Leader against Hitler. New York, 1972.

Bethe E. Adam von Trott und der deutsche Widerstand. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1963. H. 3.

Beuys B. Vergesst uns nicht: Menschen im Widerstand 1933—1945. Reinbeck, 1987.

Biddescombe P. «The Enemy of our Enemy»: A view of the Edelweiss Piraten from the British and American Archives // Journal of contemporary History. 1995. V. 30. N 1.

Finker K. Graf Moltke und der Kreisauer Kreis. Berlin, 1993.

Graml H. (Hg) Widerstand im Dritten Reich. Probleme, Ereignisse, Gestalten. Frankfurt am Main, 1984.

Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria, 1933-1945. New York, 1983.

Klessmann C. Opposition und Resistenz in Deutschland // Historische Zeitschrift. 1996. Bd. 262. H. 2.

Malanowsky W. «Mein Führer, Sie leben, Sie leben. Spiegel-Serie» // Der Spiegel. 1984. NN 28-30.

Mammach K. Der Volkssturm. Bestandteil des totalen Kriegseinsatzes der deutschen Bevölkerung 1944—45. Berlin, 1981.

Mammach K. Die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung 1933-1939. Berlin, 1974

Mammach K. Widerstand, 1939-1945. Geschichte des deutschen antifaschistischen Widerstandes. Berlin, 1987.

Melnikow D. Der «Kreisauer Kreis» und die Gruppe Stauffenberg // Zeitschrift für Politik. 1965. N 7/8-9/10.

Mommsen H. Der Widerstand gegen Hitler und die deutsche Gesellschaft // Historische Zeitschrift. 1985. Bd. 241. H. 1.

Muth H. Jugendopposition im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1982. N 2.

Paul G., Mallmann K.-M. Milieus und Widerstand. Eine Verhaltensgeschichte der Gesellschaft im Nationalsozialismus. Bonn, 1995.

Ritter G. Carl Gördelер und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1955.

Roon Ger van Der Kreisauer Kreis und das Ausland // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1986. N 50.

Rothfels H. Die deutsche Opposition gegen Hitler. Frankfurt am Main, 1960.

Schlabrendorf F. Offiziere gegen Hitler. Frankfurt am Main, 1959.

Schmädeke J., Steinbach P. (Hg) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, 1994

Scholl I. Die Weiße Rose: Geschichte der Münchener Studentenrevolte, Juli 1943. Frankfurt am Main, 1982.

Zenter Chr. (Hg) Illustrierte Geschichte der Widerstandes in Deutschland und Europe. 1933—1945. München, 1966.

Вермахт, война и немецкое общество

Амброз С. День «Д». 6 июня 1944 г. М., 2003.

Безыменский Л. Укрощение «Тайфуна». Смоленск, 2001.

Бивор Э. Падение Берлина. М., 2003.

Сталинград. М., 2004.

Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны. М., 2001.

Ветте В. Война на уничтожение: вермахт и холокост // Новая и Новейшая история. 1999. № 3.

Севастьянов Г. Н. (ред.) Война и общество. Т. 1-2. М., 2004.

Дерр Г. Поход на Сталинград. М., 1957.

Кларк А. План «Барбаросса». Крушение Третьего Рейха. М., 2002.

Макси К. Вторжение, которого не было. СПб., 2001.

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941—1943. М., 2003.

Восточный фронт. Кн.2. Выжженная земля. 1943-1944. М., 2003.

Африка — Нормандия. Лис пустыни 1941—1943. Они идут! 1944. М., 2003.

Кросс Р. Последние дни рейха. Смоленск, 2004.

Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб. Т. 1-2, СПб., 2001.

Назембло Е. Сицилия 1943. М., 2003.

Павленко Н. Г. «Совершенно секретно. Только для командования». Стратегия Германии в войне против СССР. М., 1967.

Тинпельскирх К. Вторая мировая война. М., 1956.

Тоомсвааре У. Стратеги Третьего Рейха. Ростов-на-Дону, 1999.

Филиппи А. Припятская проблема. М., 2002.

Фуллер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939—1945. М., 1956.

Bartov O. The Eastern Front, 1941—1945: German troops and the barbarization of warfare. London, 1985

Hitler's army: Soldiers, Nazis and war in the Third Reich. Oxford, 1991.

Bartz K. Die Tragödie der deutschen Abwehr. Salzburg, 1955.

Baum W. Marine, Nationalsozialismus und Widerstand // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1963. N 1.

Baumbach W. The Life and Death of the Luftwaffe. New York, 1960.

Bekker C. Ostsee. Deutsches Schicksal 1944—1945. Oldenburg, 1959.

Bennecke H. Die Reichswehr und der «Röhm-Putsch». München, 1964.

Berghahn V. NSDAP und «Geistige Führung der Wehrmacht» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1969. N 1.

Boog H. Die deutsche Luftwaffenführung 1935—1945. Stuttgart, 1982.

Conze W. Die Geschichte der 291. Infanterie-Division 1940—1945. Bad-Nauheim, 1953.

Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg. Bd. 2. Die Errichtung der Hegemonie auf dem Europäischen Kontinent. Stuttgart, 1979.

Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg. Bd. 3. Der Mittelmeerraum und Südosteuropa. Von der «non belligeranza» Italiens bis zum Kriegsantritt der USA. Stuttgart, 1984

Demeter K. The German Officers-Corps in Society and State, 1650—1945. New York, 1965.

Downing D. The Devil's Virtuosos: German Generals at War 1940—1945. New York, 1977.

Düllfer J. Deutsche Geschichte, Führerglaube und Vernichtungskrieg. Stuttgart, 1992.

Erfurth W. Die Geschichte des deutschen Generalstabes 1918—1945. Göttingen, 1957.

Faber H. (Ed) Luftwaffe: A History. New York, 1977.

French D. Colonel Blimp and the British Army: British Divisional Commanders in the War against Germany 1939—1945 // English Historical Review. 1996. V. 111. N 444.

- Fritz S.* Hitlers Frontsoldaten. Der erzählte Krieg. Berlin, 1998.
- Die Geschichte des Panzerkorps Grossdeutschland. Bd. 1—3. Duisburg, 1958-59.
- Geissler R.* Dekadenz und Heroismus // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Schriftenreihe. 1964. H. 9.
- Graml H.* Die Wehrmacht im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1997. H. 3.
- Greiner H.* Die Oberste Wehrmachtführung, 1939—1943. Wiesbaden, 1951.
- Heer H., Naumann K.* (Hg) Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941—1945. Hamburg, 1995.
- Heusinger A.* Befehl im Widerstreit. Schicksalsstunden der deutschen Armee 1923-1945. Tübingen, 1957.
- Irving D.* Hitler und seine Feldherren. Frankfurt am Main, 1975.
- Janssen K.-H., Tobias F.* Der Sturz der Generale. Hitler und die Blomberg-Fritsch-Krise 1938. München, 1994.
- Kampfmüller M.* Die Schlacht von Stalingrad. Metamorphosen eines deutschen Mythos. München, 1995.
- Keegan J.* Die Kultur des Krieges. Berlin, 1995
- Messerschmidt M.* Militärgeschichtliche Aspekte der Entwicklung des deutschen Nationalstaates. Düsseldorf, 1988.
- Die Wehrmacht im Nationalsozialistische Staat. Zeit der Indoktrination. Hamburg, 1969.
- Mühleisen H.* Die Frietsch-Krise im Frühjahr 1938 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1997. N 2.
- Müller K.-J.* Armee, Politik und Gesellschaft in Deutschland 1933—1945. Paderborn, 1979.
- Armee und Drittes Reich 1933-1939. Darstellungen und Dokumentation. Paderborn, 1987.
- Müller R.-D., Volkmann H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999.
- Rauh M.* Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941-1945. Berlin, 1998.
- Rigg B.* Die Juden in der Wehrmacht// Die Zeit. 1997. N 15. S. 11-13.
- Ritter G.* Das Problem des Militarismus in Deutschland // Historische Zeitschrift. 1954. Bd. 177. H. 1.
- Schreiber F.* Kampf unter dem Nordlicht. Deutsch-finnische Waffenbrüderschaft am Polarkreis. Die Geschichte der 6. SS-Gebirgs-Division Nord. Osnabrück, 1969.
- Schneider W.* Das Buch vom Soldaten. Geschichte und Porträt einer umstrittener Gestalt. Düsseldorf, 1964
- Schröder H. J.* Alltagsleben im Rußlandkrieg 1941 — 1945. In: Jacobsen H. (Hg) Deutsch-russische Zeitenwende — Krieg und Frieden 1941—1945. Baden-Baden, 1995.

Die Vergegenwärtigung des Zweiten Weltkrieges in biographischen Interviewerzählungen // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1991. N 1.

Schulte T. The German Army in Occupied Russia. Oxford, 1989.

Schulz G. Partisanen und Volkskrieg. Göttingen, 1985.

Schustereit H. Vabanque: Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen. Herford, 1988.

Seaton A. The German Army 1933—1945. New York, 1982.

Taylor T. Sword and swastika: Generals and Nazis in the Third Reich. New York, 1952.

Tobias F. Der Sturz der Generale: Hitler und die Blomberg-Fritsch-Krise. München, 1994.

Vogel D./Wette W. (Hg) Andere Helme — andere Menschen? Heimaterfahrung und Frontalltag im Zweiten Weltkrieg. Ein internationaler Vergleich. Essen, 1995

Wheeler-Bennet J.W. The Nemesis of Power: The German Army in Politics, 1918-1945. London, 1953.

Zabel J. Jugend und Militär. Zur Sozialgeschichte militärischer Erziehungsinstitutionen in Deutschland // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1979. N 30.

Zoepf A. Wehrmacht zwischen Tradition und Ideologie. Bern, 1988.

Оглавление

ГЛАВА I. ПЕРЕЛОМ В ХОДЕ ВОЙНЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО..... 3

Вторая летняя кампания вермахта на Восточном фронте.....	3
Перелом в настроениях немецких солдат и немецкой общественности. Сталинградское сражение и его последствия.....	46
Курская битва и ее следствия для вермахта.....	125

ГЛАВА II. УЧАСТИЕ СОЮЗНИКОВ СССР В ВОЙНЕ, ВЕРМАХТ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО..... 154

ГЛАВА III. КУЛЬТ ГЕРОЕВ ВОЙНЫ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ..... 196

Особенности немецкой организации армии 197	
Люфтваффе и его достижения в войну.....	214
Боевая мораль Кригсмарине и его особое место в истории войны.....	238
Ваффен-СС и отношение к ним в вермахте и в немецком обществе.....	259

ГЛАВА IV. СОЮЗНЫЙ ШТУРМ «КРЕПОСТИ ЕВРОПА»..... 283

Восточный фронт в кампанию 1944 года и немецкое общество.....	283
Германия на пороге катастрофы.....	309
Vae Victis.....	360

ЭПИЛОГ..... 408

Список сокращений.....	427
Примечания.....	430
Библиография.....	459

Олег Юрьевич Пленков
Тайны Третьего Рейха. Гибель вермахта

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*

Редактор *В. О. Бутомо*

Корректор *А. А. Федоренко*

Оформление обложки *А. Ф. Щавелева, С. Ф. Щавелева*

Верстка *Е. М. Беляевой*

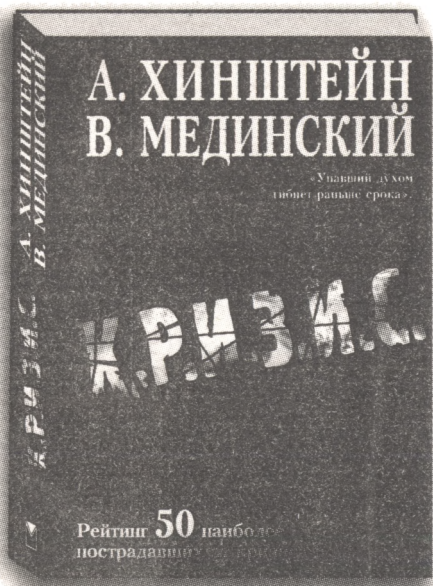
Подписано в печать 21.01.11
Гарнитура «Ньютон». Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Бумага газетная. Печать офсетная. Уч. изд. л. 16,93.
Усл. печ. л. 20,16. Изд. № ОП-10-0443-СМ.
Доп. тираж 1500 экз. Заказ № Р-114.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129626, г.Москва, Проспект Мира, д. 102, стр. 12
Почтовый адрес: 143421, Московская область,
Красногорский район, 26 км. автодороги «Балтия»,
Бизнес-парк «Рига Лэнд», стр. 3

www.olmamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

А. Хинштейн,
В. Мединский

КРИЗИС

Мировой кризис – почти как третья мировая война: все им пугают, но никто его по-настоящему еще не прочувствовал. Но так ли страшен черт, как его малюют?

Кризис – вполне естественное состояние для России. Их было великое множество – во все века, при всех правителях, – столько, что о большинстве мы уже давным-давно забыли.

И зря. Потому что кризис – это всегда шанс. Вопрос лишь в том, что им надо уметь правильно воспользоваться.

Сегодня – этот шанс у нас в руках. И от того, как мы распорядимся им, зависит судьба не только России, но и всего мира...

Александр Хинштейн и Владимир Мединский знают о кризисе все, и своими знаниями они готовы поделиться с читателями.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»

ТАЙНЫ Третьего Рейха

ГИБЕЛЬ ВЕРМАХТА

План «Барбаросса» в действии... Первые победы фашистов на территории СССР сменяются сокрушительными поражениями под Москвой, Сталинградом, Курском.

«Россия никогда не была такой сильной, какой ее считали сами русские, но она не была и такой слабой, какой ее представляли враги», — писал Черчилль. После открытия Второго фронта крах фашистского режима стал неизбежен. Претензии нацистской Германии на мировое господство завершились ее оглушительным крахом и великой победой СССР и его союзников.

Нюрнбергский трибунал поставил точку в истории Третьего Рейха.

Почему еще в ноябре 1942 года Риббентроп просил Гитлера об особых полномочиях для начала мирных переговоров с Россией?

Почему немцы не смогли воспользоваться своим беспорным качественным военным превосходством над Красной Армией?

Что скрывалось в изданном накануне Сталинградской битвы приказе № 227 «ни шагу назад»? Насколько блестящие победы русских под Сталинградом и Курском предопределили великий перелом в ходе войны?

Повлияло ли на исход войны открытие Второго фронта и какова доля сил союзников в победе над фашизмом?

Смог ли немецкий народ извлечь уроки из своего поражения и тотальной катастрофы Третьего Рейха?

ISBN 978-5-373-01994-1

9 785373 019941

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru